ДОСОКРАТИКИ.

Первые греческіе мыслители въ ихъ твореніяхъ, въ свидѣтельствахъ древности и въ свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій.

—

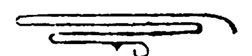
Историко-критическій обзоръ и переводъ фрагментовъ, доксографическаго и біографическаго матеріала.

Александра Маковельскаго,

Профессора Казанскаго Университета.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(Пиѳагорейцы, Анаксагоръ и др.).

КАЗАНЬ.
Книгоиздательство М. А. ГОЛУБЕВА.
1919.

Предисловіе.

Значительная часть выпускаемаго въ свѣтъ тома посвящена мыслителямъ пиѳагорейской школы. Въ качествѣ введенія предпосылается изображеніе хода развитія основныхъ воззрѣній пиѳагореизма. Въ этой вводной статьѣ авторъ излагаетъ лишь развитіе пиѳагорейскаго ученія о числѣ, не касаясь космологическихъ и этическихъ ученій пиѳагорейской школы, несмотря на сознаваемую имъ важность послѣднихъ въ общей системѣ пиѳагорейскаго міровоззрѣнія. Мотивомъ такого ограниченія задачи автора является то соображеніе, что для того, чтобы провести линіи разграниченія между различными стадіями пиѳагорейскихъ космологическихъ и этическихъ ученій, необходимы экскурсы въ болѣе или менѣе далекія отъ философіи въ тѣсномъ смыслѣ слова области древней жизни. Это слишкомъ расширило бы рамки вводной статьи, предлагать же готовыя схемы безъ всякаго обоснованія авторъ не считалъ себя въ правѣ. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ, авторъ предполагаетъ выпустить въ ближайшемъ будущемъ спеціальное изслѣдованіе о пиѳагорейцахъ.

Четвертая часть „Досократиковъ“ (Левкиппъ, Демокритъ и абдеритская школа) готовится къ печати. Относящійся къ ней матеріалъ былъ предметомъ практическихъ занятій, которыя я велъ въ Казанскомъ университетѣ въ 19 $^{15}/_{16}$ уч. году. Студентъ Михаилъ Павловичъ *Скосырскій* перевелъ изъ Дильса главу: „Метродоръ Хіосскій“, студентъ Евгеній Александровичъ *Державинъ*—главы: „Анаксархъ“ и „Гекатей Абдерскій“. Эти переводы, сдѣланныя подъ моей редакціей, войдутъ въ четвертую часть, которая, надѣюсь, не замедлитъ своимъ появленіемъ на свѣтъ.

А. Маковельскій.

село Шеланга
Казанской губ., Свіяжскаго уѣзда
10 іюля 1916 г.

Пиѳагорейская школа.

„Исторія пиѳагорейской школы есть крайне трудное предпріятіе. Ни одинъ отдѣлъ исторіи не связанъ съ такими почти непреодолимыми трудностями", говоритъ Теннеманнъ[1]). Значительныя трудности представляетъ уже оцѣнка источниковъ по исторіи пиѳагорейской школы и въ этой области до сихъ поръ не достигнуто единогласіе даже по основнымъ вопросамъ. Источники, на основаніи которыхъ возстанавливается исторія ученій пиѳагорейской школы,—трехъ родовъ: во-первыхъ, подлинныя сочиненія пиѳагорейцевъ, во-вторыхъ, свидѣтельства и, въ-третьихъ, отголоски пиѳагорейскихъ ученій въ современныхъ имъ философскихъ системахъ. Отъ древнѣйшаго пиѳагореизма подлинныхъ сочиненій не сохранилось, да ихъ, должно думать, и не существовало. Въ пиѳагорейской школѣ долгое время была лишь устная традиція и ученія почти не выходили за предѣлы школы, такъ какъ пиѳагорейцы держались того убѣжденія, что „не должно все открывать всѣмъ". [2]) Діогенъ Лаэрцій и Ямвлихъ сообщаютъ, что до Филолая пиѳагорейское ученіе было тайной школы. Филолай Кротонскій, современникъ Демокрита и Сократа, первый изъ пиѳагорейцевъ опубликовалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „О природѣ". Вопросъ о подлинности дошедшихъ до насъ фрагментовъ Филолая до сихъ поръ рѣшается неодинаково. Всѣ фрагменты, дошедшіе подъ именемъ Филолая, признавалъ подлинными Авг. Бекъ [3]); всѣ эти фрагменты отвергаютъ какъ подложные, Шааршмидтъ, [4]) Бернетъ [5]) и Дерингъ; подлинность большинства ихъ защищаютъ Эд. Целлеръ [6]) и Г. Дильсъ. Подложная пиѳагорейская литература весьма обширна: отъ нея до насъ дошли

[1]) W. G. Tennemann. Geschichte der Philosophie, I Bd., 1798, стр. 75.

[2]) Diog. L. VIII 15

[3]) Aug. Boeckh. Philolaos des Pythagoreers Lehren nebst den Bruchstücken seines Werkes, 1819. который, однако, дѣлаетъ оговорку, что „вполнѣ можетъ быть доказана неподлинность, но никогда подлинность сочиненія" (стр. 4).

[4]) C. Schaarschmidt. Die angebliche Schriftstellerei des Philloaos und die Bruchstücke der ihm zugeschriebener Bücher, 1864, особое значеніе приписываетъ молчанію Аристотеля и относитъ „фрагменты Филолая" къ послѣднему или предпослѣднему столѣтію до Р. Хр.

[5]) I. Burnet сомнѣвается въ подлинности всѣхъ фрагментовъ, основаніемъ чему служитъ *языкъ* фрагментовъ, а также заключающееся въ нихъ ученіе о 5 правильныхъ геометрическихъ тѣлахъ, знанія коихъ, по мнѣнію Бернета, у Филолая еще не могло быть.

[6]) E. Zeller. Aristoteles und Philolaos (Hermes, 10 Bd., 1876)

фрагменты болѣе чѣмъ 60 сочиненій, принадлежащихъ 43 авторамъ, не считая нѣкотораго числа анонимныхъ фрагментовъ [1]); а что касается содержанія ученій, заключающихся въ этихъ сочиненіяхъ, то оно охватываетъ почти все, что дала греческая философія, такъ что, если признать эти сочиненія подлинными, то придется отказать Платону, Аристотелю и всей послѣдующей греческой мысли въ философскомъ творчествѣ. [2]) Въ виду трудности отдѣлить подлинное отъ подложнаго фрагменты пиѳагорейскихъ сочиненій представляютъ слишкомъ мало надежныхъ точекъ опоры для реконструкціи ученій древняго пиѳагореизма. Что же касается свидѣтельствъ о древней пиѳагорейской школѣ, то они отличаются слѣдующимъ знаменательнымъ характеромъ: чѣмъ ближе они по времени къ древней пиѳагорейской школѣ, тѣмъ они скуднѣе; напротивъ, чѣмъ далѣе отстоитъ авторъ отъ древняго пиѳагореизма, тѣмъ обильнѣе и содержательнѣе его сообщенія. До Аристотеля мы встрѣчаемъ лишь отдѣльныя случайныя упоминанія о пиѳагорейскихъ ученіяхъ: изъ писателей V вѣка упоминаютъ о Пиѳагорѣ и его школѣ Ксенофанъ, Гераклитъ, Эмпедоклъ, Іонъ Хіосскій, Геродотъ и Демокритъ: изъ писателей IV вѣка Платонъ, Исократъ, Гераклидъ, Эвдоксъ и др.; затѣмъ слѣдуютъ свидѣтельства Аристотеля и древнѣйшихъ перипатетиковъ Ѳеофраста, Эвдема, Аристоксена, Дикеарха и др; послѣ нихъ сообщенія о древнемъ пиѳагореизмѣ все болѣе возрастаютъ въ объемѣ и падаютъ по степени достовѣрности: такъ, весьма обширный матеріалъ предлагаютъ сохранившіяся неоплатоновскія біографіи Пиѳагора, написанныя Порфиріемъ и Ямвлихомъ, но онѣ скорѣе знакомятъ насъ съ *легендой о Пиѳагорѣ* и съ религіозно-философскими воззрѣніями неопиѳагореизма и неоплатонизма, нежели съ подлиннымъ Пиѳагоромъ и съ ученіями древней пиѳагорейской школы. Вообще въ сообщеніяхъ о древнемъ пиѳагореизмѣ можно, такъ сказать, поставить точку послѣ Аристоксена. Это послѣдній болѣе надежный свидѣтель, сообщенія котораго покоятся частью на томъ, что онъ узналъ отъ своего отца Спиѳара, бывшаго близкимъ къ пиѳагорейскимъ кругамъ, частью на чтеніяхъ пиѳагорейца Ксенофила Халкидскаго, бывшаго его учителемъ.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, фрагменты Филолая, съ другой, свидѣтельства главнымъ образомъ Платона, Аристотеля и первыхъ пери-

[1]) A. Ed. Chaignet Pythagore et la philosophie Pythagoricienne, contenant les fragments de Philolaus et d'Archytas, 1873, I, стр. 165.

[2]) Chr. Meiners. Geschichte d. Ursprungs, Fortgangs und Verfalls der Wissenschaften in Griechenland und Rom, I Bd. 1781, с. 512—513, говоритъ, что, если заслуживаетъ довѣрія все, что приписывалось древнимъ пиѳагорейцамъ, то позднѣйшимъ греческимъ мудрецамъ не осталось ничего прибавить; въ частности Платонъ и Аристотель не имѣли бы никакихъ заслугъ, кромѣ облеченія въ новую словесную форму чужихъ ученій; они были бы простыми послѣдователями пиѳагорейцевъ или, скорѣе, неблагодарными учениками ихъ, замалчивавшими имена своихъ учителей и даже полемизировавшими съ ними съ цѣлью сообщить своимъ мнѣніямъ видимость собственныхъ новыхъ открытій.

патетиковъ служатъ основаніемъ, на которомъ воздвигается реконструкція древней пиѳагорейской системы. Въ сравнительной оцѣнкѣ этихъ источниковъ ученые расходятся; такъ, если Крише, на вопросъ, кому должно наиболѣе довѣрять, отвѣчаетъ: „прежде всего Филолаю, затѣмъ Аристотелю и его ученикамъ Аристоксену и Дикеарху“ [1]), то Дерингъ говоритъ, что нельзя было написать вѣрной исторіи пиѳагореизма, пока считали подлиннымъ сочиненіе Филолая—это произведеніе путаной головы неизвѣстнаго автора середины I в. до Р. Хр. [2]) Въ дѣйствительности не существуетъ непримиримыхъ противорѣчій между сообщеніями Аристотеля и фрагментами Филолая и мы можемъ надѣяться возстановить древнепиѳагорейское ученіе, полагая въ основу и тотъ и другой матеріалъ. [3]) Чтобы прослѣдить развитіе научнаго пиѳагореизма выше перечисленныхъ нами источниковъ недостаточно. Необходимо также обратиться къ другимъ философамъ того времени и вскрыть нити, связующія ихъ съ развитіемъ пиѳагорейскаго ученія (вліяніе на пиѳагореизмъ, заимствованія у него и полемика съ нимъ). Такъ, много свѣта пролили на исторію развитія научнаго пиѳагореизма новѣйшія изслѣдованія отношеній къ пиѳагорейской философіи Парменида, Зенона Элейскаго, Эмпедокла и др.

Внѣшняя исторія пиѳагореизма.

Діогенъ Лаэрцій сообщаетъ, что древняя пиѳагорейская школа просуществовала девять или десять поколѣній. [4]) Годомъ основанія пиѳагорейскаго союза можно считать 531 г. [5]), конецъ же древней школы можно пріурочить къ смерти Ксенофила (вторая половина IV вѣка). Таковы хронологическія рамки дѣятельности древней пиѳагорейской школы; что же касается географическихъ рамокъ, то главной ареной ея дѣятельности была Нижняя Италія. У Ямвлиха [6]) дается перечень всѣхъ членовъ пи-

---

[1]) Aug. Bernh. Krische. De societatis a Pythagora in urbe Crotoniatarm conditae scopo politico commentatio 1830, стр. VIII.

[2]) A. Döring. Geschichte d. griechisch. Philosophie, I Bd., 1903, стр. 183—184.

[3]) Chr. Aug. Brandis Handbuch der Geschichte d. griechisch-romischen Philosophie. I Th. 1835, стр. 441.

[4]) Собственно въ рукописи Діогена Лаэрція (VIII 45) говорится, что пиѳагорейская школа существовала 19 поколѣній. Ménige исправилъ это мѣсто вставкой ἢ: 9 *или* 10 поколѣній (μέχρι γενεῶν ἐννέα ἢ καὶ δέκα). Терминъ γενεά Bentley понимаетъ во временномъ смыслѣ: „человѣческій вѣкъ“. Противъ этого высказывается G. F. Unger („Zur Geschichte der Puthagoreier“ въ Sitzungsber. d. philos.—philol. u. hist. Kl. d. k. b. Akad. d. Wiss. zu München, 1883, стр. 183), который полагаетъ, что, подобно тому какъ у Геродота (I 7) говорится о 22 γενεαί въ смыслѣ членовъ династіи, т. е. о 22 царяхъ лидійской династіи, царствовавшей всего 505 лѣтъ, такъ и здѣсь у Діогена подъ γενεά разумѣются главы школы: смотря по тому, считать или не считать interregnum, ихъ будетъ 10 или 9, а именно, Пиѳагоръ, Аристей, Мнесархъ, Булагоръ,—, Гартидъ, Аресъ, Филолай, Эврисъ и послѣдній глава пиѳагорейской школы Ксенофилъ.

[5]) См. DCKP. I стр. 67.

[6]) См. ниже 45 A.

ѳагорейскаго союза, причемъ въ этомъ спискѣ пиѳагорейцы распредѣлены по мѣсту происхожденія. Вначалѣ всѣ пиѳагорейцы жили и дѣйствовали въ Италіи, лишь съ Филолая мы встрѣчаемъ пиѳагорейцевъ внѣ Италіи; Филолай переселился въ Ѳивы въ концѣ V вѣка и только съ этого времени появляются пиѳагорейцы въ Элладѣ.

Первоначально пиѳагорейскій союзъ былъ по преимуществу религіозно-нравственнымъ институтомъ, въ которомъ научнымъ занятіямъ было отведено почетное, но незначительное мѣсто. [1]) Въ V вѣкѣ научное изслѣдованіе становится главнымъ интересомъ школы и такое положеніе вещей сохраняется до половины IV вѣка, когда научный пиѳагореизмъ, какъ самостоятельное теченіе философской мысли, сходитъ со сцены; онъ сливается съ платонизмомъ и перекочевываетъ въ древнюю Академію. Этотъ моментъ и считаютъ обыкновенно концомъ древней пиѳагорейской школы. Однако, пиѳагореизмъ, какъ религіозное явленіе (пиѳагорейскія оргіи и мистеріи), не только не исчезаетъ вмѣстѣ съ пиѳагорейской философіей, но, напротивъ, распространяется еще сильнѣе, какъ объ этомъ можно судить на основаніи фрагментовъ средней комедіи (см. 45 E). Эта стадія эволюціи пиѳагореизма, поскольку она выдвигаетъ на первый планъ примитивные религіозные обряды и суевѣрія, является возвращеніемъ къ первоначальному пиѳагореизму, но существенно отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что обращается къ народной массѣ, вербуетъ своихъ адептовъ изъ соціальныхъ низовъ и въ соотвѣтствіи съ этимъ радикально измѣняетъ „пиѳагорейскій образъ жизни". Главнымъ творцомъ этого перелома въ развитіи пиѳагореизма былъ Діодоръ Аспендскій, жившій въ началѣ IV вѣка [2]). Онъ впервые ввелъ образъ жизни, позднѣе названный „циническимъ". Раньше пиѳагорейцы весьма заботились о чистотѣ тѣла и одежды и, слѣдуя общему обычаю, стригли волосы и бороду. Діогенъ Аспендскій ходилъ всегда грязный, босой, не стригъ волосъ, носилъ длинную бороду и выдѣлялся особымъ одѣяніемъ, которое состояло изъ грубаго плаща (трибона), посоха и сумы. Такимъ образомъ циническая внѣшность и циническое одѣяніе впервые появились въ одной изъ сектъ пиѳагорейской школы и своимъ возникновеніемъ обязаны Діодору Аспендскому, который ввелъ ихъ par affectation. Отсюда они были заимствованы послѣдователями Антисѳена. Въ концѣ IV вѣка поэты средней комедіи осмѣивали нечистоплотность и неопрятность пиѳагорейцевъ и ихъ воздержаніе отъ мяса и вина. Пиѳагорейскіе мисты встрѣчаются до самаго конца языческой древности. Въ началѣ перваго вѣка до Р. Хр. происхо-

---

[1]) Отмѣтимъ два другихъ мнѣнія о первоначальномъ характерѣ пиѳагорейскаго союза: 1) пиѳагорейскій союзъ былъ первоначально научнымъ обществомъ и 2) это былъ политическій союзъ. Первое мнѣніе восходитъ къ Аристоксену, второе къ Дикеарху. На самомъ дѣлѣ, древнему пиѳагорейскому союзу здѣсь приписываются тѣ цѣли и интересы, которые воодушевляли самыхъ авторовъ этихъ свидѣтельствъ

[2]) P. Tannery. Sur Diodore d'Aspende (Archiv für Geschichte d. Philosophie, IX Bd., 1896).

дитъ возрожденіе пиѳагорейской философіи, возникаетъ такъ называемый неопиѳагореизмъ. Съ другой стороны, многія идеи, выработанныя древней пиѳагорейской школой, были усвоены Академіей, отъ которой перешли къ Стоѣ и къ христіанской церкви. Такова была судьба духовнаго наслѣдства, оставленнаго древнимъ пиѳагореизмомъ.

Группе [1]) говоритъ, что было бы ошибкой смотрѣть на пиѳагорейскія ученія, какъ на части единой системы; пиѳагорейскій союзъ преслѣдовалъ практическую цѣль, въ теоретической же области каждая выдающаяся личность школы прокладывала свой собственный путь и въ школѣ существовали различныя философскія ученія; то, что намъ кажется противорѣчіемъ въ пиѳагорейскомъ ученіи, на самомъ дѣлѣ принадлежитъ различнымъ кругамъ идей, которыя пытаться свести въ единое цѣлое было бы напраснымъ трудомъ. Противъ этого мнѣнія мы можемъ возразить ссылкой на Аристотеля, который всегда говоритъ о „пиѳагорейцахъ", а не объ отдѣльныхъ философахъ пиѳагорейской школы; равнымъ образомъ мы должны отмѣтить общность научныхъ занятій въ пиѳагорейской школѣ и указать, что при двухвѣковомъ существованіи древней пиѳагорейской школы ея ученія не могли оставаться чѣмъ-то единымъ застывшимъ цѣлымъ, но должны были развиваться и измѣняться, если только на самомъ дѣлѣ въ школѣ культивировался духъ научнаго изслѣдованія. Такимъ образомъ мнѣніе Группе нуждается въ существенномъ смягченіи. Если и нельзя не признать разнообразія ученій внутри пиѳагорейской школы и индивидуальнаго характера творчества отдѣльныхъ представителей ея [2]), то съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду ихъ генетической связи и общности ихъ руководящихъ идей.

Исторію древняго пиѳагореизма можно разбить на слѣдующіе главные періоды. *Первый* періодъ отъ основанія пиѳагорейскаго союза въ 531 г. до разгрома школы около 500 г. обнимаетъ дѣятельность самого Пиѳагора и пиѳагорейцевъ VI вѣка: главы акусматиковъ Гиппаса, врача Демокеда, Петрона, Бронтина и другихъ. *Второй* періодъ—съ 500 г. до образованія главной системы научнаго пиѳагореизма, которая сложилась въ серединѣ пятаго вѣка. Главная система слагалась постепенно при сотрудничествѣ многихъ лицъ; стадіи ея развитія можно прослѣдить почти исключительно по отраженіямъ у мыслителей, не принадлежавшихъ прямо къ пиѳагорейской школѣ (Гераклитъ, Алкмеонъ, Эпихармъ, Парменидъ, Зенонъ, Эмпедоклъ). Въ *третій* періодъ главная система научнаго пиѳагореизма завершается у Филолая, который фиксируетъ ее въ письменной формѣ и опубликовываетъ; около того же времени появляется сочиненіе Іона Хіосскаго: „Тріагмъ." *Четвертый* періодъ - пиѳагорейцы

---

[1]) O. F. Gruppe. Über die Fragmente des Archytas und der älteren Pythagoreer, 1840, стр. 60.

[2]) Chaignet (ц. с., II, стр. 38, сноска) находитъ, что фрагменты Филолая носятъ преимущественно метафизическій характеръ, фрагменты Архита моральный и математическій, Алкмеона—эмпирическій и физическій.

въ изгнаніи, послѣдняя треть пятаго вѣка. Второй разгромъ пиѳагорейской школы [1]) имѣлъ мѣсто, по Эд. Целлеру, въ 440—430 гг.; оставшіеся въ живыхъ пиѳагорейцы были вынуждены бѣжать изъ Италіи; въ числѣ этихъ бѣженцевъ называютъ Филолая, Лисиса, бывшаго позже въ Ѳивахъ учителемъ Эпаминонда, Архиппа и др. *Пятый* періодъ—пиѳагореизмъ четвертаго вѣка; сюда относится дѣятельность преемника Филолая Эврита и его учениковъ —тѣхъ пяти мужей, которыхъ Аристоксенъ называетъ „послѣдними пиѳагорейцами“; это—учитель Аристоксена Ксенофилъ, Фантонъ, Эхекратъ, Діоклъ и Полимнастъ. На первую половину IV вѣка падаетъ также дѣятельность Архита Тарентинскаго, послѣдняго значительнаго пиѳагорейца.

Основныя линіи развитія научнаго пиѳагореизма.

Нашему изображенію развитія пиѳагорейскихъ ученій предпошлемъ результаты новѣйшихъ попытокъ выяснить ходъ развитія древняго пиѳагореизма. Опыты такого рода изслѣдованій принадлежатъ Дерингу, Таннери и Бернету. Въ работахъ Деринга [2]) прежде всего обращаетъ наше вниманіе то отношеніе, въ которое тамъ ставятся религіозный и научный элементы пиѳагорейской философіи. По Дерингу, первоначальный пиѳагореизмъ не былъ научной системой, но ученіемъ ордена, ставившаго своею цѣлью спасеніе души. Съ этимъ главнымъ интересомъ, однако, уже съ самаго начала было связано сильное научное стремленіе, которое должно было вскорѣ стать въ противорѣчіе къ основному мистическому міровоззрѣнію. Этотъ дуализмъ обнаруживается уже у основателя школы. Съ теченіемъ времени научное стремленіе все болѣе и болѣе освобождается отъ своей мистической основы и духъ ордена становится все болѣе свѣтскимъ; наконецъ, религіозный элементъ совершенно исчезаетъ и научный интересъ становится самостоятельнымъ. Въ этомъ развитіи Дерингъ различаетъ три ступени: 1) прогрессирующее научное изслѣдованіе (преобразованіе космологической теоріи), которое пока еще не чувствуетъ необходимости разрыва съ первоначальнымъ религіознымъ интересомъ; 2) отказъ отъ ученія о душепереселеніи и

---

[1]) Исторія политической дѣятельности пиѳагорейскаго союза была постоянной смѣной господства и пораженій. Неоднократно пиѳагорейцы захватывали власть въ городахъ Великой Греціи и не разъ они подвергались жестокимъ преслѣдованіямъ. Два наиболѣе сильныхъ удара, понесенныхъ пиѳагорейской школѣ ея политическими противниками, приходятся приблизительно на 500 г. (при Пиѳагорѣ) и на 430 (при Филолаѣ), когда дома собраній пиѳагорейцевъ были сожжены и большинство ихъ перебито. Но и позже еще мы встрѣчаемъ Архита во главѣ правленія города Тарента.

[2]) Döring. Wandlungen in d. pythagoreischen Lehre (Archiv f. Gesch. d. philos., V, 1892, стр. 503—531) и его же Geschichte d. griech Philosophie, I Bd., 1903.

отрицаніе безсмертія души и 3) наконецъ, высшей задачей ордена становится научное изслѣдованіе, которое изъ средства дѣлается самоцѣлью; послѣ того какъ было отброшено ученіе о безсмертіи души и связанная съ этимъ ученіемъ цѣль жизни, ихъ мѣсто заняло научное стремленіе. Мнѣніе Деринга, что прогрессирующее научное знаніе разлагало религіозный элементъ пиѳагореизма и въ заключеніе совершенно разрушило его, мы должны рѣшительно отвергнуть. Напротивъ, если въ V вѣкѣ въ пиѳагорейской школѣ научный интересъ и становится господствующимъ, то лишь въ силу того религіознаго значенія, которое придается научному изслѣдованію. Что касается развитія научныхъ воззрѣній пиѳагорейцевъ, то, по мнѣнію Деринга, первая древнѣйшая система научнаго пиѳагореизма (можетъ быть, до 500 г.) заключала въ себѣ ученіе о безконечной массѣ воздуха, вдыхаемой міромъ, ученіе, что міръ состоитъ изъ чиселъ, и таблицу десяти паръ противоположностей, во главѣ которыхъ стоитъ противоположность границы и неограниченнаго. Парменидъ полагаетъ первое начало открытію планетъ и послѣ 500 г. нижне-италійская наука находится подъ вліяніемъ этого открытія. Этимъ обусловлено возникновеніе второй древнѣйшей системы научнаго пиѳагореизма, отличительной особенностью которой является знаніе планетъ. Основными теоріями этой системы служатъ ученіе о движеніи семи планетъ вокругъ земли въ 24 часа, гармонія сферъ, дѣленіе міра на неизмѣнную надлунную и измѣнчивую подлунную часть и дѣленіе міра на три области: Олимпъ, Космосъ и Ураносъ. Затѣмъ выступаетъ Алкмеонъ, на котораго также сильно повліяло различеніе планетъ отъ неподвижныхъ звѣздъ. Отсюда онъ вывелъ болѣе значительныя слѣдствія, нежели предшествовавшіе ему пиѳагорейцы; а именно, онъ сдѣлалъ опытъ научно обосновать ученіе о безсмертіи души. Алкмеонъ принимаетъ гармонію сферъ, даетъ новое ученіе о противоположностяхъ и является авторомъ новыхъ медицинскихъ теорій. Послѣ Алкмеона приблизительно въ 480—470 г. появляется главная система научнаго пиѳагореизма, въ которой число выступаетъ въ качествѣ универсальнаго ключа къ объясненію міра. Противъ основоположеній этой главной пиѳагорейской системы выступилъ Зенонъ Элейскій, который оспариваетъ основные предпосылки этой системы: безконечную пустоту и пространственныя единицы (атомы). Изъ главной пиѳагорейской системы заимствовалъ нѣкоторыя свои ученія Эмпедоклъ. Около 440 г. начались гоненія на пиѳагорейскій орденъ и съ того времени о судьбѣ научнаго пиѳагореизма нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій. Къ этой послѣдней фазѣ научнаго пиѳагореизма, по Дерингу, принадлежатъ три поколѣнія мужей, занимавшихся частными науками (математикой, физикой, медициной и теоріей музыки), Это-1) Эвритъ и Филолай, 2) пять учениковъ ихъ и 3) Аристоксенъ и Дикэархъ. Конецъ древняго научнаго пиѳагореизма Дерингъ пріурочиваетъ приблизительно къ 320 г. Развитіе пиѳагорейскаго ученія о веществѣ находится въ діалогѣ Платона: „Тимей“. Является спорнымъ, принадлежитъ ли это ученіе самому Платону или заимствовано имъ изъ болѣе древняго пиѳагорейскаго сочиненія.

По крайней мѣрѣ, о заимствованіи говоритъ сообщеніе, идущее уже изъ III вѣка до Р. Х., и самъ Платонъ развиваемое здѣсь ученіе влагаетъ въ уста нижне-италійскому мудрецу Тимею. Таковъ ходъ развитія пиѳагорейской философіи въ изображеніи Деринга.

П. Таннери приписываетъ самому Пиѳагору различеніе свойственнаго планетамъ движенія съ запада на востокъ отъ ихъ суточнаго движенія съ востока на западъ, открытіе шаровидности земли и связанную съ этимъ теорію климатическихъ поясовъ. Своей физической системы, по мнѣнію Таннери, Пиѳагоръ не имѣлъ: онъ преподавалъ іонійскую физику съ прибавленіемъ нѣсколькихъ собственныхъ мнѣній. Пиѳагоръ принимаетъ ученіе о дыханіи вселенной, о вдыханіи міромъ лежащей за нимъ воздушной пустоты. Онъ представляетъ себѣ космосъ въ видѣ ограниченнаго шара, совершающаго суточное движеніе (отрицаніе послѣдняго въ пиѳагорейской школѣ началось только съ Филолая). За вращающимся шаромъ—космосомъ лежитъ „безпредѣльное". Система Пиѳагора является дуалистической: онъ противополагаетъ начало ограничивающее, сообщающее тѣламъ твердость и форму, началу безпредѣльному—сплошному текучему веществу, которое онъ отожествляетъ съ пространствомъ. Первый значительный переворотъ въ пиѳагорейской философіи произвело ученіе, приписывавшее главную роль во вселенной огню. Первое мѣсто огню отводитъ уже Гиппасъ, а за нимъ Парменидъ и Филолай. Физика Парменида-чисто пиѳагорейская, она лишь дальше развиваетъ пиѳагорейскія положенія. Второй значительный переворотъ въ пиѳагорейскомъ ученіи связанъ съ научной дѣятельностью Зенона. Полемика Зенона была направлена противъ пиѳагорейцевъ, а именно, противъ ихъ ученія, что тѣло есть сумма точекъ (древняя пиѳагорейская формула: „вещи суть числа", если раскрыть ея содержаніе, сводится къ мысли: „тѣла—суммы точекъ"). Зенонъ опровергъ основныя положенія первыхъ пиѳагорейцевъ: гипотезу пространственныхъ единицъ и гипотезу безконечной пустоты. Подъ вліяніемъ Зенона въ пиѳагорейской школѣ совершилось отдѣленіе геометрической точки зрѣнія отъ физической. Теперь пиѳагорейцы стали учить, что, между тѣмъ какъ пространство дѣлимо до безконечности, физическая дѣлимость имѣетъ свой предѣлъ и матерія есть сумма недѣлимыхъ частицъ. Послѣ Зенона пиѳагорейская школа, сохранивъ древнюю формулу: „вещи суть числа" влагаетъ въ нее новый идеалистическій смыслъ. Идеалистическое пониманіе приведенной формулы возникло не раньше Филолая. Ученикомъ пиѳагорейской школы былъ Эмпедоклъ. „Если подняться до центральной идеи Эмпедокла, онъ оказывается ученикомъ пиѳагорейской школы, давшимъ свободное развитіе принципамъ учителя".[1]) А именно, въ основѣ міровоззрѣнія Эмпедокла лежитъ пиѳагорейское противуположеніе между твердой (плотной) единицей и пустотой, представляемой также какъ матеріальное начало. Во второй половинѣ V

[1]) Таннери. Первые шаги древне-греческой науки. р. п. 1902, стр. 297—298.

вѣка пиѳагорейская школа болѣе не существуетъ ни какъ политическая ассоціація, ни какъ центръ просвѣщенія. Отдѣльные мыслители болѣе или менѣе обособляются и образуютъ секты, продолжая, однако, признавать себя учениками Пиѳагора, о которомъ уже слагаются легенды. Главная задача этихъ мыслителей—согласовать съ прогрессомъ мысли священныя формулы, завѣщанныя Пиѳагоромъ, и поставить новыя открытія подъ покровительство его имени. [1])

Дж. Бернетъ [2]) говоритъ, что самому Пиѳагору *несомнѣнно* принадлежитъ ученіе о душепереселеніи, изъ позднѣйшей же пиѳагорейской науки ему *можно* приписать—въ ариѳметикѣ ученіе о суммѣ рядовъ послѣдовательныхъ чиселъ (т. е. ученіе о числахъ треугольныхъ, квадратныхъ и продолговатыхъ), въ геометріи такъ называемую Пиѳагорову теорему и открытіе несоизмѣримости діагонали и стороны квадрата, въ космологіи дуализмъ противоположныхъ началъ предѣла и безпредѣльнаго и ученіе о вдыханіи міромъ воздушнаго пространства. Пиѳагоръ, по мнѣнію Бернета, отожествлялъ предѣлъ съ огнемъ, а безпредѣльное съ пространствомъ, пустотой, воздухомъ, туманомъ и тьмой (между всѣми этими понятіями онъ ставилъ знакъ равенства). Вторая часть поэмы Парменида („Мнѣніе") даетъ очеркъ ранней пиѳагорейской космологіи: въ ней мы находимъ первую грубую форму позднѣйшаго ученія о предѣлѣ и безпредѣльномъ и теорію вѣнцовъ, представляющую собой первоначальную форму пиѳагорейской теоріи сферъ (напримѣръ, представленіе о „крайнемъ Олимпѣ" есть отличительная пиѳагорейская идея; точно такъ же представленіе о богинѣ въ центрѣ міра, управляющей ходомъ всѣхъ вещей, есть ничто иное, какъ пиѳагорейская идея центральнаго огня или Гестіи). Послѣ Парменида въ пиѳагорейской школѣ развивается плюрализмъ; возникаетъ ученіе, что все сущее сводится къ суммѣ точекъ, что и пространство и тѣло состоятъ изъ отдѣльныхъ недѣлимыхъ единицъ и не являются величинами непрерывными. Противъ этихъ ученій пиѳагорейской школы выступили Зенонъ и Мелиссъ. Сильное вліяніе на развитіе научнаго пиѳагореизма оказалъ Эмпедоклъ въ особенности своимъ ученіемъ о природѣ солнца. На основѣ этого ученія выросла теорія вращенія земли вокругъ центральнаго огня, въ которой земля заняла мѣсто среди планетъ. Вообще пиѳагореизмъ конца V вѣка является приспособленіемъ старой доктрины къ новымъ принципамъ, введеннымъ Эмпедокломъ. Въ процессѣ развитія пиѳагорейской философіи послѣ Парменида на первое мѣсто было выдвинуто ученіе о числахъ и первоначальные

---

[1]) Тамъ же стр. 252—253.

[2]) Необходимо отмѣтить различіе взглядовъ, проводимыхъ въ первомъ и второмъ изданіи соч. Дж. Бернета: Early Greek philosophy (I ed. 1892 и II ed. 1908). Въ первомъ изданіи Пиѳагоръ выступаетъ только какъ основатель религіознаго ордена, ставящій научныя стремленія на второмъ планѣ и ограничивающійся занятіями космологіей. Во второмъ изданіи Пиѳагоръ—оригинальный мыслитель, замѣчательный болѣе своими изслѣдованіями въ области математики и акустики, нежели въ космологіи.

принципы пиѳагорейской философіи—предѣлъ и безпредѣльное были насильственно отожествлены съ „элементами чиселъ"—четомъ и нечетомъ. Развитіе пиѳагорейской философіи приводитъ въ концѣ концовъ къ теоріи идей. Теорія идей первоначально образовалась въ пиѳагорейскихъ кругахъ подъ вліяніемъ ученій Сократа (Симмій и Кебесъ были не только пиѳагорейцами, но и учениками Сократа; равнымъ образомъ одинаково подъ пиѳагорейскимъ и сократовскимъ вліяніемъ находились и мегарики). Вообще было больше „друзей идей", чѣмъ это обычно признается. Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что терминъ „идеи" (εἴδη и ἰδέαι) пиѳагорейцы начали употреблять для обозначенія конечныхъ реальностей еще до Платона [1]). Позднѣйшій пиѳагореизмъ самымъ тѣснымъ образомъ примыкаетъ къ ранней формѣ платонизма, они почти неразличимы, и теоріи идей должно приписать пиѳагорейское происхожденіе.

Изъ приведенныхъ нами попытокъ выяснить ходъ развитія научнаго пиѳагореизма концепція Деринга является малообоснованной и часто совершенно произвольной, что же касается работъ Таннери и Бернета, то онѣ проливаютъ свѣтъ на многіе пункты этого развитія. Теперь перейдемъ къ изложенію своихъ взглядовъ на развитіе пиѳагорейской философіи и предложимъ нѣсколько гипотезъ, позволяющихъ осмыслить и упорядочить тотъ нестройный матеріалъ, который даютъ намъ источники.

Гераклитъ (12 В 40 и 129) и Эмпедоклъ (21 В 129) свидѣтельствуютъ объ обширныхъ знаніяхъ Пиѳагора. Поэтому можно думать, что древнѣйшая система научнаго пиѳагореизма восходитъ къ самому Пиѳагору. Эту систему должна была образовывать слѣдующая совокупность идей: мысль о господствѣ числа въ мірѣ, начатки чистой математики, математической акустики и теоретической астрономіи, представленіе о дышущемъ мірѣ, ученіе о предѣлѣ и безпредѣльномъ, гармонія сферъ и идея всеобщей гармоніи, ученіе о божественности души, ея безсмертіи, независимости отъ тѣла и круговоротѣ ея воплощеній. Элементы, которые послужили отправнымъ пунктомъ для построенія собственнаго міровоззрѣнія, Пиѳагоръ, естественно, заимствовалъ у своихъ предшественниковъ. Мистику чиселъ мы встрѣчаемъ уже у Анаксимандра, который руководствовался ею въ своихъ астрономическихъ вычисленіяхъ. Но особенное вліяніе на Пиѳагора должна была оказать общераспространенная въ древности вѣра въ значеніе числа 7 и въ частности сочиненіе развившаго эту мысль неизвѣстнаго милетскаго автора, современника Анаксимена, посвященное значенію гебдомады. [2]) Этотъ гимнъ Гебдомадѣ проводитъ мысль объ исключительномъ господствѣ числа 7 во вселенной (семь элементовъ, семь сферъ вселенной, семь частей земли, семь частей тѣла, семь частей души, семь функцій головы, семь временъ года, семь возра-

---

[1]) I. Burnet. Early Greek philosophy, II ed., 1898, стр. 356.
[2]) См. ДСКР. I, стр. XV—XXV.

стовъ человѣка и т. д.). Пиѳагоръ къ извѣстнымъ уже гебдомадамъ прибавляетъ *двѣ новыхъ: семь тоновъ и семь планетъ.* Эти открытія должны были поразить Пиѳагора, укрѣпивъ въ немъ еще болѣе убѣжденіе, что гебдомада (или, какъ ее иначе называли, септада σέπτας) господствуетъ надъ всѣмъ въ мірѣ. Что здѣсь мы имѣемъ дѣло отчасти со случайными совпаденіями, отчасти съ произвольными дѣленіями, эта мысль была совершенно чужда Пиѳагору. Аристотель [1]) въ своей критикѣ пиѳагорейскаго ученія говоритъ: „Однако, почему числа причины? Есть семь гласныхъ [2]), семь струнъ или гармоній, семь плеядъ; въ семилѣтнемъ возрастѣ мѣняютъ зубы (нѣкоторыя животныя, другія же не мѣняютъ), семь героевъ было подъ Ѳивами. Итакъ, оттого ли, что существуетъ со своими опредѣленными свойствами это именно число, ихъ (ѳиванскихъ героевъ) было семь и плеяда состоитъ изъ семи звѣздъ? Или число ихъ (ѳиванскихъ героевъ) зависѣло отъ числа воротъ города или отъ другой какой-либо причины, число же звѣздъ въ плеядахъ таково, такъ какъ мы ихъ столько насчитываемъ?“ Но для Пиѳагора число есть объективный принципъ. По его ученію, *существуетъ* верховное число *семь* и поэтому все въ мірѣ седмерично. Или, какъ выражаетъ ту же мысль авторъ сочиненія о гебдомадѣ: „Все должно и по внѣшней формѣ и по своей внутренней сущности проявлять число 7... Всѣ... вещи обладаютъ седмеричной формой и седмеричной порой своего завершенія. Такъ какъ это число управляетъ міромъ, какъ цѣлымъ, то и каждая отдѣльная часть послѣдняго имѣетъ такую форму и такое устройство, которыя обнаруживаютъ вліяніе числа 7“. Итакъ, по ученію Пиѳагора, число семь управляетъ всѣмъ въ мірѣ, все ему подчинено; оно управляетъ и небесными свѣтилами, и жизнью человѣка, оно господствуетъ въ гармоническихъ отношеніяхъ музыки и т. д. Слѣдовательно, число составляетъ сокровенную основу всѣхъ вещей. Такъ возникаетъ формула: „все есть число“ (можетъ быть, первоначально „все есть число семь“). Въ связи съ идеей о міроправящей роли числа появляется стремленіе проникнуть глубже въ природу этого начала и возникаютъ въ пиѳагорейской школѣ научныя занятія числомъ. А эти занятія неизбѣжно приводятъ къ замѣнѣ верховной гебдомады декадой. Мотивы этой замѣны легко усмотрѣть въ послѣдующихъ ученіяхъ пиѳагорейцевъ о числѣ семь [3]). На своемъ образно-символическомъ языкѣ эти пиѳагорейцы учатъ, что Гебдомада—дѣвственница, она *не рождаетъ и не рождается.* Гебдомада не рождена отъ матери, но, подобно Побѣдѣ-Дѣвѣ, имѣетъ лишь отца-монаду. Иногда даже отри-

---

[1]) См. ДСКР. III, стр. 76—77.

[2]) Не подъ вліяніемъ ли представленія о господствѣ гебдомады число знаковъ для гласныхъ звуковъ было доведено до 7 путемъ изобрѣтенія особыхъ буквъ для *нѣкоторыхъ* долгихъ гласныхъ? Чисто произвольнымъ является, что α, ι и υ одинаково обозначаютъ какъ краткіе, такъ и долгіе звуки, между тѣмъ ε, η, ο и ω суть особые знаки для однородныхъ краткихъ и долгихъ гласныхъ.

[3]) 32 B 20.

цается существованіе у нея и отца. [1]) Будучи не рождающей и не рождаемой, Гебдомада абсолютно неподвижна. Такимъ образомъ Гебдомада безплодна и не обладаетъ той полнотой силы, которая объемлетъ въ себѣ прежде всего всю область счета. Занятія математикой, посвященныя выясненію отношеній чиселъ другъ къ другу, привели къ низложенію гебдомады. Былъ поставленъ вопросъ: „что управляетъ самимъ числомъ?" и на это былъ данъ отвѣтъ: „декада, основа счета". Такъ надъ числомъ 7 было поставлено число 10. Тѣмъ не менѣе гебдомаду продолжаютъ ставить въ исключительное положеніе и воздаютъ ей особый почетъ. Сохраняя устарѣвшіе эпитеты, называютъ ее „вождемъ и правителемъ всѣхъ вещей", [2]) а также „свѣтомъ", [3]) и приписываютъ ее высшему божеству, какъ его аттрибутъ.

Новая ступень развитія пиѳагореизма, которая знаменуется переходомъ отъ Гебдомады къ Декадѣ, есть періодъ, когда пиѳагорейцы удаляются отъ непосредственнаго изслѣдованія природы и, замкнувшись въ математическихъ построеніяхъ, насильственно проводятъ взглядъ на число, какъ на законодателя природы. Главное вниманіе ихъ, естественно, направляется на принципы математики, которые у нихъ принимаютъ слѣдующій видъ. Всякое число состоитъ изъ единицъ и, слѣдовательно, единица есть *элементъ* всѣхъ чиселъ. Съ другой стороны, единица есть также формальное начало всѣхъ чиселъ, поскольку каждое отдѣльное число представляетъ собой *единство* многихъ составляющихъ его элементовъ. Чтобы изъ нѣсколькихъ элементовъ возникло нѣчто единое, они должны быть связаны въ единство. Эту связь каждому числу даетъ единица, какъ формальное начало. Такимъ образомъ монада является и матеріальнымъ и формальнымъ началомъ всѣхъ чиселъ. Но монада вполнѣ раскрывается лишь въ декадѣ, которая есть ничто иное, какъ возвращающаяся къ самой себѣ монада. Сосчитавъ до десяти, мы вновь возвращаемся къ единицѣ. Поэтому „дѣйствія и сущность числа должно созерцать по силѣ, заключающейся въ декадѣ; ибо она—велика и всесовершенна, все исполняетъ и есть начало божественной, небесной и человѣческой жизни" [4]) Своего рода гимнъ Декадѣ представляетъ вторая часть сочиненія Спевсиппа: „О пиѳагорейскихъ числахъ" [5]), которая воспроизводитъ ученія древняго пиѳагореизма въ его второй стадіи. Декада объявляется здѣсь „самой священной изъ всего сущаго, какъ бы нѣкоторой основной художественной идеей для всего, что совершается въ мірѣ, идеей самосущей

---

[1]) Это явствуетъ изъ того, что въ послѣдующихъ умозрѣніяхъ о совершенствѣ свойствъ числа 10, числа семь исключается изъ категоріи произведеній, несмотря на то, что единица принимается за множителя и *всѣ прочія первыя* числа отнесены въ эту категорію (см. ДС . Ш, стр. 25, сноска 6 и стр. 26).

[2]) 32 В 20.

[3]) 32 А 12.

[4]) 32 В 11.

[5]) 32 А 13.

(а не установленной нами или случайно возникшей) и самымъ совершеннымъ образцомъ, предлежавшимъ передъ творцомъ вселенной—богомъ". Число 10—всесовершенно и универсально. Всѣ народы сошлись въ десятеричномъ способѣ счисленія, и это не случайность и не результатъ заимствованія однихъ у другихъ, но десятеричный способъ счисленія существуетъ у всѣхъ въ силу необходимости, причина этого лежитъ въ самомъ свойствѣ числа десять. Совершенство числа 10 выражается въ томъ, что оно заключаетъ въ себѣ 1) столько же четовъ, какъ и нечетовъ; 2) столько же чиселъ простыхъ, какъ и сложныхъ и 3) столько же множителей, какъ и произведеній. „Сверхъ того, 10 заключаетъ въ себѣ всѣ отношенія равенства, превосходства, подчиненности, возможныя между послѣдовательными числами, и другія, а равно линейныя, плоскія и тѣлесныя числа, такъ какъ 1 есть точка, 2—линія, 3—треугольникъ, 4—пирамида, и каждое изъ этихъ чиселъ первое въ своемъ родѣ и начало ему подобныхъ. А эти числа образуютъ первую изъ прогрессій, а именно разностную, и общая сумма ея членовъ—число 10". Всѣхъ отношеній между числами древніе пиѳагорейцы признавали *десять* видовъ, и они открываютъ, что, если разсмотрѣть отношенія другъ къ другу чиселъ отъ 1 до 10, то всѣ возможные виды числовыхъ отношеній будутъ исчерпаны. Въ этомъ они усматриваютъ одинъ изъ признаковъ совершенства числа 10. Далѣе въ отрывкѣ Спевсиппа посредствомъ весьма искусственныхъ пріемовъ доказывается, что число 10 господствуетъ въ планиметріи и стереометріи, и, слѣдовательно, завершаетъ собой линейныя, плоскія и тѣлесныя числа.

Декада есть верховное число въ системѣ Филолая, который ея совершенство усматриваетъ въ томъ, что 1) она можетъ заключить въ себѣ безконечность [1]) и 2) что она даетъ намъ истинное непоколебимое знаніе, обладающее абсолютной достовѣрностью. „Мы имѣемъ прочную вѣру, благодаря декадѣ и частямъ ея, когда онѣ постигаются нами неповерхностно въ своемъ значеніи для сущаго", учитъ Филолай. [2]) Декада есть „предѣлъ" числа, такъ какъ число движется въ границахъ декады: пробѣжавъ этотъ промежутокъ, число вновь возвращается къ единицѣ; въ то же время декада „можетъ охватить" безконечность, такъ какъ нѣтъ предѣла движенію числа въ границахъ декады. Таковы чудесныя свойства декады. „Природа числа—десять. Ибо всѣ эллины и всѣ варвары считаютъ до десяти, дойдя же до этого числа, они снова возвращаются къ единицѣ". [3]) Будучи всесовершенствомъ (*παντέλεια*), декада господствуетъ повсюду: есть 10 небесныхъ сферъ, 10 пропорцій [4]), 10 видовъ отношеній между

---

[1]) Онъ производитъ слово δεκάς отъ δεκτική: могущая принять въ себя безпредѣльное (32 В 13).

[2]) Поэтому Филалой называетъ декаду Вѣрой и Памятью, ибо въ ней залогъ вѣрности и прочности знанія. См. ДСК. III, стр. 28.

[3]) ДС Р. III стр. 73—Аэцій I 3, 8 (45 В 14).

[4]) 45 В16

числами, 10 паръ противоположностей и т. д. Числа свыше 10 суть простыя повторенія первыхъ десяти, они обладаютъ тѣми же силами, какъ соотвѣтствующія числа первой декады. Такимъ образомъ въ декадѣ заключены всѣ силы чиселъ, и первыя десять чиселъ имѣютъ особое значеніе. Ихъ достаточно, чтобы выразить все разнообразіе математическихъ отношеній, равнымъ образомъ только они должны объяснить безконечное разнообразіе всего, что существуетъ, все множество и матеріальныхъ субстанцій, и свойствъ вещей, и этическихъ понятій и соціальныхъ явленій, и природу самихъ боговъ. Только первые десять чиселъ являются числами мірообразующими и только они надѣлены мистическими свойствами.

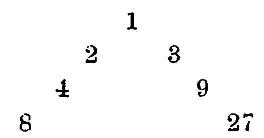
Въ связи съ декадой получаетъ особое значеніе и тетрактида. „Потенція десяти заключается въ четырехъ и четверкѣ. Причина же этого слѣдующая. Если, начиная съ единицы, прибавлять послѣдовательно числа до четырехъ включительно, то получишь число 10. Если же перешагнуть черезъ число 4, то перейдешь и 10" [1]) Четверица священна, такъ какъ она „производитъ" [2]) совершенное число десять (10 есть сумма первыхъ четырехъ чиселъ). Четверка есть „предѣлъ" десяти („если перешагнешь черезъ 4, то перейдешь и 10") и заключаетъ ее въ себѣ въ потенціи, подобно тому какъ декада потенціально заключаетъ въ себѣ всю безконечность чиселъ. А потому тетрактида есть *„неизсякаемый* источникъ и корень природы" и произносится, какъ „величайшая клятва". [4]) Тетрактида клятвы пиѳагорейцевъ есть разностная прогрессія 1, 2, 3, 4 и выражается въ формулѣ 1+2+3+4=10. Эта четверица вмѣстѣ съ тѣмъ символизируетъ одно изъ самыхъ прекрасныхъ открытій экспериментальной физики, принадлежащее Пиѳагору. [3]) Пиѳагоръ открылъ, что если заставить послѣдовательно звучать цѣлую струну, половину ея, двѣ трети и три четверти, то получимъ основной тонъ, октаву его, квинту и, наконецъ, кварту. Такимъ образомъ отношенія, даваемыя длиной струны, будутъ для октавы 1: 2, для квинты 2: 3 и для кварты 3: 4. Эти числа представляютъ прогрессію, въ которой 4 термина и 3 интервалла. Сумма терминовъ равна 10, а три послѣдовательныхъ интервалла 2, $^3/_2$, $^4/_3$, согласно чудесному открытію Пиѳагора, суть интервалы октавы, квинты и кварты.

Тѣ четверицы, которыя перечисляютъ, Ѳеонъ Смирнскій и Теологумены Ариѳметики [5]), смѣшиваютъ старое съ болѣе позднимъ; нѣкоторыя изъ нихъ выражены въ терминахъ позднѣйшей философіи; но большинство этихъ четверицъ или являются древне-пиѳагорейскими или пред-

---

[1]) ДСК. III, стр. 73.
[2]) ДСК. III, стр. 24.
[3]) 45 В 15 и 32 А 11.
[4]) I. Dubuis. Note sur le serment de Pythagoriciens, 1894.
[5]) Theo Smyrn. p. 147 sqq. u. Theol. ar. p. 18 sqq.

ставляютъ собой дальнѣйшее развитіе древней тенденціи школы. Θеонъ Смирнскій принимаетъ 11 четверицъ, изъ которыхъ состоитъ весь космосъ, благодаря имъ сложенный ариѳметически, геометрически и гармонически. Первая четверица Θеона есть выше приведенная нами основная тетрактида, источникъ и корень всего: 1, 2, 3, 4. Вторую четверицу Θеона образуетъ тотъ семичленъ 1, 2, 3, 4, 9, 8, 27, который употребляетъ Платонъ въ „Тимеѣ" въ качествѣ символа гармоническаго устройства души міра. Если мы возьмемъ числа этого семичлена черезъ одно, то при общемъ первомъ членѣ, получимъ двѣ четырехчленныя прогрессіи:

Эта двойная четверица заключаетъ въ себѣ всѣ отношенія, изъ которыхъ состоитъ гармонія вселенной. Третья четверица Θеона—точка, линія, поверхность и тѣло. Четвертую тетрактиду образуютъ 4 элемента: огонь, воздухъ, вода и земля: Пятую четверицу составляютъ фигуры этихъ элементовъ: пирамида, октаэдръ, икосаэдръ, кубъ. Далѣе слѣдуетъ четверица „растущихъ" вещей (τῶν φυομένων): сѣмя, ростъ въ длину, въ ширину и въ высоту. Седьмая четверица—четыре ступени общества: человѣкъ, какъ индивидъ, семья, поселеніе и государство. Восьмая и девятая четверицы Θеона не могутъ быть признаны древне-пиѳагорейскими. Это—1) четыре познавательныхъ способности: разумъ, знаніе, мнѣніе, ощущеніе, и 2) тѣло и три части души: разумная, аффективная и вожделѣющая. Десятую тетрактиду образуютъ 4 времени года: весна, лѣто, осень и зима, и одиннадцатую 4 возраста жизни: дѣтство, юность, зрѣлый возрастъ и старость.

Число *четыре* выступаетъ въ роли верховнаго числа у Эмпедокла. У него четыре элемента (такъ же и у Эпихарма) и четыре основныхъ цвѣта; равнымъ образомъ Эмпедоклъ принимаетъ четыре періода жизни вселенной, которыя представляютъ параллель четыремъ временамъ года и четыремъ частямъ дня (утро, день, вечеръ, ночь). Такимъ образомъ прежнее семичленное дѣленіе времени у пиѳагорейцевъ уступаетъ мѣсто четырехчленному (раньше семь временъ года, семь возрастовъ человѣка и т. д., теперь четыре періода міровой жизни, четыре времени года, четыре части дня, четыре возраста человѣка и т. д). У Филолая и другихъ пиѳагорейцевъ четырехчленное дѣленіе вообще является излюбленнымъ. Душа человѣка есть четверка (45 В 15) и тѣло его есть четверка (четыре начала его, по Филолаю,[1]) мозгъ, сердце, пупъ и половой членъ); есть четыре вида животныхъ: живущія въ небѣ (т. е. звѣзды), въ воздухѣ, на землѣ и въ водѣ; есть четыре части математики: ариѳметика, геомет-

[1]) 32 В 13.

рія, музыка и астрономія, и т. д. Въ этикѣ пиѳагорейцевъ четыре есть число справедливости: будучи первымъ квадратомъ, т. е. первымъ числомъ, умноженнымъ на самаго себя (ἰσάκις ἴσος), четверка выражаетъ сущность справедливости, которая состоитъ въ томъ, чтобы воздавать равнымъ за равное (τὸ ἀντιπεπονθός).

Повидимому, позже, чѣмъ декада и тетрактида выступила въ роли верховнаго числа тріада. Это направленіе въ древней пиѳагорейской философіи ни получило широкаго распространенія. Мы знаемъ въ качествѣ представителей ученія о верховной тріадѣ Іона Хіосскаго и его послѣдователя Гипподама Милетскаго. Сочиненіе Іона Хіосскаго: „Тріагмъ" есть своего рода гимнъ Тріадѣ. „Все—три и нѣтъ ничего ни больше ни меньше этого числа 3", въ такой формулѣ выражаетъ Іонъ основное положеніе своей системы. Естественно, возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ могъ Іонъ подчинить декаду тріадѣ. Четверица, которой клялись пиѳагорейцы, была такъ называемый „тетрактидой декады" и выражалась слѣдующей фигурой:

		●		1
	●		●	2
●		●	●	3
●	●	●	●	4

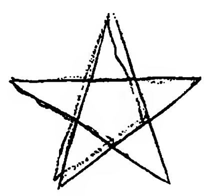
Эта фигура представляетъ число десять въ формѣ равносторонняго *треугольника*, у котораго каждая сторона есть четверка, и наглядно показываетъ, что 1+2+3+4=10. Треугольникъ же у пиѳагорейцевъ выражается числомъ 3. Такимъ образомъ тріада выражаетъ сокровенную сущность „тетрактиды декады" и является ея „предѣломъ". Тріада господствуетъ въ области счета. Есть *три* главныхъ вида чиселъ: четныя, нечетныя и четно-нечетная монада. Суммы послѣдовательныхъ рядовъ чиселъ также даютъ *три* вида чиселъ: квадратныя, прямоугольныя и трехугольныя числа. Каждая пропорція заключаетъ въ себѣ *три* величины. И въ космологической области тріадѣ принадлежитъ первенствующая роль. Уже Петронъ училъ, что вселенная имѣетъ прекраснѣйшую фигуру равносторонняго треугольника: міровое цѣлое состоитъ изъ 183 міровъ, расположенныхъ въ видѣ треугольника. Съ другой стороны, треугольникъ есть первофигура, самая примитивная первоформа поверхности вообще. Для образованія замкнутой фигуры необходимы, по меньшей мѣрѣ, три линіи. Въ качествѣ первой фигуры, образуемой линіями, треугольникъ является творческимъ началомъ, порождающимъ всѣ вещи въ космосѣ, онъ—первопричина и исходный пунктъ всего, что происходитъ въ мірѣ. Всѣ тѣла по своему происхожденію разрѣшаются въ элементарные треугольники. Въ „Тимеѣ" Платона прямоугольный треугольникъ является той мельчайшей поверхностью, изъ которой состоятъ всѣ элементы и, слѣдовательно, въ конечномъ счетѣ всѣ вещества; при переходѣ элементовъ другъ въ друга они разлагаются на эти треугольники и затѣмъ вновь склады-

ваются изъ нихъ. Какъ самая простая изъ прямолинейныхъ фигуръ планиметріи, какъ самая простая изъ „ограничивающихъ“ поверхностей, треугольникъ лежитъ въ основаніи всего мірообразованія. Итакъ, вселенная есть, съ одной стороны, треугольникъ міровъ, и съ другой стороны, она есть ничто иное, какъ сумма мельчайшихъ треугольниковъ. Слѣдовательно, во вселенной „нѣтъ ничего ни больше ни меньше числа три“.

Аристотель (45 В 17) говоритъ, что, по пиѳагорейскому ученію, „все и вся опредѣлены числомъ 3“. И дѣйствительно, мы видѣли, что въ тріадѣ заключена декадическая сила числа, или вся полнота чиселъ. Такъ какъ основная тетрактида имѣетъ форму треугольника, то существуетъ самая тѣсная связь между 3 и 4. Поэтому Филолай приписываетъ уголъ *тре*угольника *четыремъ богамъ*, а уголъ *четыре*угольника *тремъ богинямъ*. Наконецъ, три есть первое число, имѣющее начало, середину и конецъ, то-есть, оно есть число замкнутаго въ себѣ цѣлаго. Въ качествѣ таковаго оно является числомъ круговымъ и служитъ для обозначенія круга. Тріада есть законченное *единство*, въ ней монада достигаетъ своего завершенія. Это—подлинное полное единство. Таково отношеніе къ тріадѣ монады, тетрактиды и декады. Мы уже упоминали о роли треугольника въ космологическихъ построеніяхъ пиѳагорейцевъ. Теперь мы можемъ отмѣтить, что другой фигурой, имѣвшей важнѣйшее значеніе въ пиѳагорейской космологіи, былъ кругъ, числовымъ выраженіемъ котораго, какъ сказано выше, была также *тріада*. Пиѳагорейцы учили, что изъ плоскихъ фигуръ самымъ прекраснымъ и совершеннымъ является кругъ, а изъ тѣлъ—шаръ (45 С 3). Они приписывали форму шара міру, какъ цѣлому, отдѣльнымъ небеснымъ свѣтиламъ и въ частности землѣ, и дѣлили міръ на 10 круговъ, или сферъ. Но кромѣ этого дѣленія у нихъ встрѣчаемъ еще дѣленіе міра на *три* части: Олимпъ, Космосъ и Ураносъ.

Возвышенію числа 3 на степень верховнаго начала долженъ былъ содѣйствовать гармоническій синтезирующій характеръ системы Іона Хіосскаго. Такъ, пиѳагорейскія пары противоположностей онъ замѣняетъ тройками, которыя должны были носить примѣрно такой видъ: 1) предѣлъ, безпредѣльное и принципъ гармоніи; 2) нечетъ, четъ и четно-нечетное число; 3) мужское, женское и „цѣльноприродное“ (по терминологіи Эмпедокла); 4) квадратное, продолговатое и треугольное и т. п. Послѣдній членъ этихъ сочетаній является высшимъ синтезомъ двухъ предыдущихъ. Іонъ Хіоскій принималъ *три* первовещества: землю, воздухъ и огонь, и это ученіе было синтезомъ болѣе раннихъ пиѳагорейскихъ ученій. Послѣдователь Іона Гипподамъ Милетскій въ своемъ идеальномъ государствѣ старается повсюду провести трихотомію: въ наилучшемъ государствѣ три класса гражданъ (земледѣльцы, ремесленники и воины), земля раздѣлена на три части (священную, общественную и частную), преступленія должны быть раздѣлены на три категоріи (оскорбленіе чести, нарушеніе права собственности и убійство) и соотвѣтственно этому должно быть три разряда законовъ, должны быть установлены три вида судебныхъ рѣшеній (обвинительный приговоръ, оправданіе и условное осужденіе). Въ заклю-

ченіе упомянемъ здѣсь о томъ, что однимъ изъ знаковъ или символовъ, по которымъ члены пиѳагорейскаго союза узнавали другъ друга, была такъ называемая пентаграмма [1])—фигура, представлявшая собой *три* переплетенныхъ между собой *треугольника*:

Мы прослѣдили развитіе одного изъ ученій пиѳагорейской философіи и мы нашли, что въ качествѣ высшаго универсальнаго принципа въ ней выступаетъ сперва 7, затѣмъ 10 и 4, и, наконецъ, 3. Теперь разсмотримъ судьбу основной формулы пиѳагорейской философіи: „все есть число".

Эта формула принадлежала самому Пиѳагору и она принималась пиѳагорейской школой на всемъ протяженіи ея двухвѣкового существованія, но смыслъ, который влагался въ эту формулу, неоднократно мѣнялся. Пиѳагорейцы свято чтили слова учителя, но свободно истолковывали ихъ, приспособляя къ мѣняющемуся уровню науки. Подобно тому какъ сохранялись неприкосновенными акусмы, хотя смыслъ ихъ былъ совершенно измѣненъ, такъ въ школѣ хранилась неприкосновенной формула: „все есть число", но содержаніе ея существенно преобразовывалось. [2]) Когда Пиѳагоръ училъ, что вещи суть числа, то подъ числами онъ разумѣлъ конкретныя, живыя, дѣйственныя матеріальныя реальности, имѣющія опредѣленныя пространственныя формы. Въ древнѣйшемъ пиѳагореизмѣ число не простое количество, но оно *качественно* опредѣленная сущность, Пиѳагорейцы *видѣли* числа, какъ пространственные образы, и даже *слышали* ихъ, какъ музыкальные тоны. Числа не только постигались разсудкомъ, но равнымъ образомъ стояли передъ ихъ глазами и воспринимались ихъ ухомъ. [3]) „Пиѳагорейцы считали числа чувственно созерцаемыми пространственными фигурами. Математика въ свой древнѣйшій періодъ могла мыслить понятіе числа только въ чувственно созерцаемой формѣ." [4]) Какъ не различались еще ими категоріи количества и качества, такъ и отъ послѣднихъ не различалась категорія субстанціи. Ихъ числа—не абстрактныя величины или качества, вообще не предикаты субстанцій, но самосущія вещи. „Все есть число" это значитъ—всѣ вещи состоятъ изъ конкретныхъ чувственно-воспринимаемыхъ чиселъ. Числа для древнѣйшихъ пиѳагорейцевъ были тѣмъ же, чѣмъ вода для Ѳалеса или воздухъ

---

[1]) Schol. ad Aristoph. Nub. 609 и Лукіанъ pro lapsu in salut. s. 5, vol. I, pp. 447, 8, ed. C. Iacobits.

[2]) Уже Брандисъ (Handbuch I, 442) высказываетъ предположеніе, что пиѳагорейское ученіе о числахъ въ теченіе своего развитія понималось весьма различно (sehr verschieden aufgefasst ward).

[3]) O. Willmann. Geschichte des Idealismus, I Bd., 1894, стр. 284.

[4]) В. Вундтъ. Введеніе въ философію, р. п. 1903, стр. 63.

для Анаксимена. [1]) Поэтому Аристотель причисляетъ пиѳагорейцевъ къ гиликамъ наряду съ іонійцами. [2]) Древнѣйшіе пиѳагорейцы учили, что вещи состоятъ изъ чиселъ въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ, по ученію ихъ предшественниковъ и современниковъ, вещи состоятъ изъ воды, воздуха, огня и т. п.; то-есть числа—сама субстанція и первовещество всѣхъ вещей. При этомъ пиѳагорейцы не отдѣляли чиселъ отъ матеріи; они не принимали особаго умопостигаемаго міра чиселъ, независимаго отъ міра чувственнаго. [3]) Правда, числа—самосущи, но эта ихъ самостоятельная реальность есть реальность чувственно-воспринимаемаго и ихъ отношеніе къ отдѣльнымъ вещамъ состоитъ прежде всего въ томъ, что вещи составлены изъ нихъ. Конечно, можно говорить объ относительно формальномъ характерѣ пиѳагорейскаго принципа по сравненію съ іонійскимъ. Точно такъ же мы въ правѣ сказать, что въ древнѣйшей пиѳагорейской философіи числа—не только матеріальная, но и формальная причина вещей. Однако, правильность такого утвержденія основана лишь на томъ, что здѣсь нѣтъ въ дѣйствительности еще различенія формы и матеріи. Это будетъ подведеніемъ древнѣйшаго пиѳагорейскаго ученія подъ позднѣйшія категоріи. Наконецъ, пиѳагорейскія числа это-не только конкретныя реальности, но и живыя божественныя существа. Возникновеніе чиселъ мыслится на подобіе порожденія живыхъ существъ.

Аристотель не въ состояніи выразить пиѳагорейское ученіе о числѣ въ терминахъ своей философіи; поэтому пиѳагорейское число у него является въ видѣ различныхъ, въ сущности взаимно исключающихъ другъ друга опредѣленій. Число—принципъ (*ἀρχή*), и оно же—сами вещи (*αὐτά τά πράγματα*). Число есть и матерія сущаго (*ἡ ὕλη τοῖς οὖσι*) и формальная причина вещей (45 В 8). Число-сущность [4]) всѣхъ вещей (*ἡ οὐσία ἁπάντων*) и оно же—свойства вещей (*ἕξεις*). [5]) Число-причина (*αἴτιον*) вещей, и оно же—страдательная сторона въ нихъ (*πάθη*). [6]) Или, какъ говоритъ Александръ Афродизскій, для пиѳагорейцевъ одно и то же причина и дѣйствіе. [7]) То отношеніе, въ которомъ стоятъ у пиѳагорейцевъ числа къ вещамъ, Аристотель характеризуетъ различно: то онъ говоритъ, что числа суть сами вещи, то говоритъ, что числа суть субстанція или причина всего остального, то говоритъ, что элементы чиселъ суть элементы всѣхъ вещей, то, наконецъ, говоритъ, что вещи существуютъ черезъ подражаніе числамъ. Ясно, что всѣ эти формулы не являются однозначными, но различны до противоположности. Это различіе объясняется отчасти тѣмъ, что здѣсь приведены формулы, относящіяся къ разнымъ стадіямъ развитія пиѳагорейской философіи, отчасти же тѣмъ, что

---

[1]) A. W. Benn. The Greek Philosophers, v. I, 1882, стр. 11.
[2]) 45 B 5.
[3]) 45 B 9 и 45 B 10.
[4]) Arist. Met. I 5. 986 a 17.
[5]) Arist. Met. I 5. 987 a 19.
[6]) Ibidem.
[7]) Schol. Arist. p. 560 a 39: *τὸ αὐτὸ αὐτοῖς γίγνεται τὸ αἴτιόν τε καὶ αἰτιατόν.*

одно и то же ученіе насильственно вкладывается въ рамки совершенно чуждыхъ ему Аристотелевскихъ понятій. Однако, на основаніи этого недостатка свидѣтельствъ Аристотеля не слѣдуетъ относиться къ нимъ столь пренебрежительно, какъ это дѣлаетъ Кинкель, который, не считаясь съ Аристотелемъ, совершенно отдѣляетъ принципъ числа у пиѳагорейцевъ отъ чувственнаго воспріятія. По мнѣнію Кинкеля, [1]) подобно тому какъ Аристотель гипостазировалъ идеи Платона въ субстанціи, точно такъ же онъ сдѣлалъ пиѳагорейскія числа вещами, между тѣмъ какъ у пиѳагорейцевъ число было только понятіемъ закона. Поэтому пиѳагорейцы (говоритъ Кинкель) не могли сказать: числа суть вещи. Пиѳагорейцы не только подготовляютъ идеализмъ, они —уже идеалисты. Заслуга ихъ—въ томъ, что они познали невозможность существованія природы безъ числа; то-есть, они познали, что число есть необходимое условіе опыта. Не потому можно считать, что существуютъ вещи; но потому существуютъ вещи, что можно считать. Таково главное открытіе пиѳагорейцевъ, по мнѣнію Кинкеля. Но это мнѣніе не только не находитъ себѣ подтвержденія въ источникахъ, но стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ ними. По сообщенію Аристотеля, пиѳагорейцы знали только математическое число (онъ хочетъ этимъ сказать, что они еще не знали метафизическихъ чиселъ Академіи), но ихъ математическое число не есть число монадическое. Монадическими Аристотель называетъ числа абстрактныя, соединяющіяся безразлично другъ съ другомъ. Пиѳагорейское число, слѣдовательно, не есть число абстрактное; пиѳагорейцы вкладываютъ въ числа элементы чувственной реальности и такимъ образомъ ихъ числа суть числа конкретныя. „Они называютъ числомъ существующія вещи“, говоритъ Аристотель (45 В 10).

У нихъ мы находимъ смѣшеніе математическаго числа съ числомъ конкретнымъ, реальнымъ. Пиѳагорейскія числа—протяженныя величины, они занимаютъ мѣсто въ пространствѣ и ихъ сложеніе происходитъ въ пространствѣ. Пиѳагорейцы учатъ, что *пустота* отдѣляетъ числа другъ отъ друга; благодаря пустотѣ числа не сливаются въ одну массу и одно число отличается отъ другого; безконечное пространство непрестанно проникаетъ сквозь небесный сводъ въ міровой шаръ, который втягиваетъ его въ себя, и такимъ путемъ происходитъ образованіе конечныхъ вещей: онѣ разграничиваются, становятся отдѣльными вещами, лежащими одна внѣ другой, и, вслѣдствіе этого, дѣлаются счисляемыми реальностями—числами. Итакъ, у пиѳагорейцевъ числа берутся въ смыслѣ конкретномъ и объективномъ и соотвѣтственно этому свойства чиселъ они изучаютъ не на абстрактныхъ символахъ, какъ мы, но на фигурахъ, образованныхъ точками. [2]) Точка, по ихъ представленію, есть единица, занимающая положеніе въ пространствѣ. Линія—рядъ такихъ точекъ, поверхность и тѣло также есть ничто иное, какъ сумма точекъ; вообще весь міръ кон-

---

[1]) W. Kinkel. Gesch. d. Philos., I Bd., 1906, стр. 107—109.

[2]) Milhaud. Le concept du nombre chez les pythagoriciens et les eleates (Revue de Met. et de Mor. 1893).

струируется изъ этихъ точекъ. Такъ какъ, по этому представленію, длина линіи есть число заключающихся въ ней точекъ, то, разумѣется, открытіе несоизмѣримости стороны и діагонали квадрата должно было быть для пиѳагорейцевъ „логическимъ скандаломъ“. Въ силу такихъ основныхъ воззрѣній для нихъ „геометрическія фигуры суть числа“ и „вещи суть числа“. Въ сущности эти формулы для нихъ равнозначащи, такъ какъ тутъ еще нѣтъ различенія между геометрическими фигурами и тѣлами природы. Точка не мыслится недѣлимой въ математическомъ смыслѣ, она имѣетъ величину, хотя и наименьшую изъ всего существующаго. Это пиѳагорейское ученіе критикуетъ Аристотель, пользуясь аргументомъ Зенона.[1]) Справедливо говоритъ Дж. Бернетъ,[2]) что, согласно пиѳагорейскому взгляду, точка имѣетъ одно измѣреніе, линія—два, поверхность—три и тѣло-четыре. Ихъ точки имѣютъ величину, ихъ линіи ширину и ихъ поверхности толщину. Матерія въ концѣ концовъ состоитъ изъ субстанціальныхъ точекъ. Аристотель говоритъ, что для пиѳагорейцевъ нѣтъ различія между единицами и мельчайшими тѣлами.[3]) Можно сказать, что атомистическая теорія зародилась въ нѣдрахъ пиѳагорейской философіи,[4]) но существенное отличіе ея отъ ученія Левкиппа—Демокрита въ томъ, что она здѣсь составляетъ часть системы, а не всю систему; послѣдняя у пиѳагорейцевъ осложняется цѣлымъ рядомъ такихъ ученій, въ связи съ которыми атомистическая теорія отнюдь не можетъ претендовать на роль основы всего міросозерцанія.

Какъ указалъ Таннери,[5]) изъ полемики Зенона можно заключить, что въ его время пиѳагорейское положеніе: „вещи суть числа“ понималось въ томъ смыслѣ, что тѣла представляютъ собой суммы точекъ, а свойства ихъ связаны со свойствами чиселъ, выражающихъ эти суммы. Это пиѳагорейское ученіе блестяще опровергъ Зенонъ и пиѳагорейцы не были въ состояніи отвѣтить на его аргументы. Чтобы сохранить формулу: „вещи суть числа“, имъ не оставалось ничего другого, какъ дать ей иное толкованіе. Теперь учатъ, что все детерминировано числомъ и всѣ различія вещей сводятся къ различнымъ мѣрамъ количества, выражаемымъ въ числахъ; что же касается отношенія чиселъ къ вещамъ, то оно состоитъ въ томъ, что „вещи подобны числамъ“. Уже Эмпедоклъ училъ, что всѣ вещи образованы изъ элементовъ, взятыхъ въ различныхъ пропорціяхъ. Еще раньше самимъ элементамъ приписывали правильныя пространственныя формы, а всѣмъ движеніямъ въ мірѣ закономѣрность, выражающуюся въ правильныхъ геометрическихъ отношеніяхъ и простыхъ числахъ. На этомъ основаніи на числа стали смотрѣть, какъ на

---

[1]) 45 B 10.

[2]) I. Burnet, o. c., pp. 336—337.

[3]) De anima, книга I, конецъ IV главы.

[4]) Cudworth, Syst intell. t. I c. I. § 12, Tiedeman, Geist d. specul. Philosophie, I Bd., стр. 119 и Chaignet II, стр. 32 приписываютъ пиѳагорейцамъ ученіе объ атомахъ.

[5]) Ц. с., стр. 240.

принципы конструкціи вещей, и въ количественныхъ отношеніяхъ видѣть то, что собственно конституируетъ вещи. Находя большія сходства между числами и вещами природы, пиѳагорейцы объявляютъ все существующее: небо, землю, души, добродѣтели и т. д. дѣйствіями числа. Открытое ими подобіе вещей числамъ они объясняютъ тѣмъ, что вещи возникаютъ „черезъ подражаніе" (*μιμήσει*) числамъ. Аристотель усматриваетъ только словесное различіе между „подражаніемъ" (*μίμησις*) пиѳагорейцевъ и „участіемъ" (*μέτεξις*) Платона. Слѣдовательно, число есть прообразъ вещей. Однако, являясь образцами вещей, числа не отдѣлены отъ нихъ, подобно Платоновскимъ идеямъ. Вещи—отображенія *обитающихъ въ нихъ* чиселъ. Математическое не совпадаетъ съ физическимъ, но первое существуетъ только во второмъ. Числа имманентны вещамъ, которыя суть подражанія (*ὁμοιώματα*) чиселъ. Вещи воспроизводятъ свойства чиселъ, являющихся ихъ имманентной сущностью. Теперь уже числа выступаютъ въ роли объективнаго *формальнаго* принципа вещей. Такимъ образомъ формула: „вещи суть числа" получаетъ символическое значеніе съ идеалистической тенденціей. Первоначально пиѳагорейцы знали лишь конкретное число, послѣ Зенона они знаютъ ариѳметическое число и вообще отличаютъ математическое отъ физическаго. Это ариѳметическое число ихъ отличается отъ нашего понятія о числѣ, поскольку „число" означаетъ у нихъ всякое количество (quantum) вообще и всякое рода математическое отношеніе и поскольку, съ другой стороны, оно мыслится не какъ простое отношеніе, но какъ сила, господствующая въ вещахъ, и какъ объективно существующая формальная субстанція вещей. Такимъ образомъ теперь формула: „вещи суть числа" учитъ, что принципы математики суть принципы всѣхъ вещей. [1])

Эта основная мысль у Филолая выступаетъ въ своеобразной формѣ. „Сущность вещей, будучи вѣчной, и сама природа (говоритъ онъ во фр. 6) требуютъ божественныхъ, не человѣческихъ средствъ познанія". [2]) Во всѣхъ вещахъ дѣйствуетъ сила числа. Послѣдняя заключается въ декадѣ, которая есть „начало божественной, небесной и *человѣческой* жизни" (фр. 11). Итакъ, мы познаемъ сущность вещей лишь поскольку основой нашей жизни является число. „Природа числа есть то, что даетъ познаніе, направляетъ и научаетъ каждаго относительно всего, что для него сомнительно и неизвѣстно". Не только субъектъ познанія, но въ равной мѣрѣ и предметъ познанія существуетъ лишь черезъ число. Если бы не было числа, то никто не могъ бы познавать и ничто не могло бы познаваться. Только черезъ посредство числа можетъ быть прочное, ясное, точное и опредѣленное знаніе. Вещи имѣютъ числа, которыя дѣлаютъ ихъ познаваемыми, и внѣ числа ничто не можетъ быть понято. Только благодаря числамъ все, что существуетъ, становится предметомъ познанія; только

---

[1]) Аристотель Met. A 5, 986 a 1.

[2]) Неправильно отсюда умозаключаетъ Дж. Бернетъ, что фрагменты Филолая подлинную сущность вещей объявляютъ непознаваемой.

въ числахъ заключаются твердыя основы познанія. Безъ числа все было бы неопредѣленнымъ и непознаваемымъ и жизнь людей была бы безсмысленной и неразумной. Такимъ образомъ особенностью Филолая является теоретико-познавательное обоснованіе ученія, что принципы математики суть принципы всѣхъ вещей. У него число есть не только принципъ бытія, но и принципъ познанія. По Филолаю, безъ числа вещи не могли бы даже чувственно восприниматься, мы не могли бы ихъ ни видѣть, ни слышать. „Число, прилаживая всѣ вещи къ ощущенію въ душѣ, дѣлаетъ ихъ такимъ образомъ познаваемыми и соотвѣтствующими другъ другу по природѣ гномона, сообщая имъ тѣлесность и раздѣляя" (фр. 11). Здѣсь, очевидно, прежде всего высказывается мысль: подобное познается подобнымъ. Въ актѣ познаванія познаваемое объемлется познающимъ, для чего необходимо ихъ взаимное соотвѣтствіе и приспособленіе (какъ у гномона съ квадратомъ); число въ вещахъ родственно душѣ, которая сама есть ничто иное, какъ число; такимъ образомъ въ воспріятіи происходитъ прилаживаніе вещей къ ощущенію. Такъ какъ этотъ процессъ сравнивается съ математическимъ дѣйствіемъ послѣдовательнаго прибавленія гномоновъ къ квадратамъ, то здѣсь въ наглядной формѣ выражена та идея, которую въ новое время высказываетъ Гербартъ въ своемъ ученіи объ апперцепціи. А именно, воспринимающій (или познающій) субъектъ соединяется съ воспринимаемымъ (или познаваемымъ) представленіемъ не только для даннаго воспріятія (или познанія), но ихъ соединеніе представляетъ собою отправной пунктъ для послѣдующаго воспріятія (или для дальнѣйшаго развитія познанія), такъ что всякое вновь появляющееся представленіе вступаетъ во взаимодѣйствіе съ прежними массами представленій и, чтобы было усвоено новое представленіе, необходима наличность соотвѣтствія между нимъ и ранѣе пріобрѣтенными представленіями (апперцепирующей массой). Такимъ образомъ число порождаетъ соотвѣтствіе какъ между познающимъ субъектомъ и познаваемымъ предметомъ, такъ и между различными моментами, на которые разлагается процессъ познаванія. Наконецъ, въ приведенномъ нами фрагментѣ говорится, что число дѣлаетъ всѣ вещи познаваемыми „сообщая имъ тѣлесность и раздѣляя". Очевидно, здѣсь имѣется въ виду сведеніе всѣхъ свойствъ вещей къ геометрическимъ фигурамъ и черезъ ихъ посредство къ числамъ, вслѣдствіе чего числамъ приписывается функція „сообщать вещамъ тѣлесность". Въ силу всего сказаннаго число характеризуется какъ принципъ закономѣрности вещей, принципъ познанія (*γνωμικά*) и принципъ педагогическій (*διδασκαλικά*), вообще какъ высшее руководящее начало всего (*ἡγεμονικά*).

Пиѳагорейское ученіе о числахъ, развиваясь далѣе въ томъ направленіи, какое оно получило послѣ полемики Зенона, ведетъ къ теоріи идей Платона, которую оно въ значительной мѣрѣ подготовляетъ.[1]) Пиѳаго-

---

[1]) F. Dantu. L'éducation d'après Platon, 1907, стр. 160: „Les nombres de Pythagore ne sont pas les idées au sens platonicien, mais ils en sont la figure la plus approchante".

рейцы учили, что все существуетъ „подражаніемъ" числамъ (45 В 12), что числа „предшествуютъ" природѣ (*πάσης φύσεως πρῶτοι*), и Платонъ отсюда заимствуетъ свою теорію *μέθεξις'а*. Но между тѣмъ какъ пиѳагорейцы смотрѣли на числа, какъ на неотдѣлимую сущность вещей, Платонъ отдѣляетъ идеи отъ чувственно-воспринимаемаго.

На числа Платонъ смотритъ, какъ на особый видъ сущаго, занимающій среднее положеніе между чувственными вещами и идеями. По ученію Платона, математическое отличается отъ чувственнаго тѣмъ, что оно вѣчно и неизмѣнно; но оно отлично и отъ идей, поскольку каждая идея есть нѣчто единое, и не повторяющееся, специфически отличное отъ другихъ идей, между тѣмъ какъ математическія числа множественны, подобны другъ другу (*ὁμοειδῆ*), могутъ быть равными между собой и повторяться безконечное число разъ. Кромѣ математическихъ чиселъ Платонъ въ послѣдній періодъ своей дѣятельности принимаетъ числа—идеи. Такимъ образомъ Академія различаетъ уже три рода чиселъ: 1) идеальныя числа, 2) математическія числа и 3) чувственныя числа, причемъ числа математическія разсматривались какъ сущности, посредствующія между числами идеальными и чувственными.

Доэлеатовскій пиѳагореизмъ училъ, что принципами всего сущаго являются числа и безпредѣльная пустота, причемъ это ученіе у древнѣйшихъ пиѳагорейцевъ выступало въ плюралистической формѣ. „Вещи суть числа" для нихъ значитъ, что каждая вещь есть множественность точекъ. На безпредѣльную пустоту также они не смотрятъ еще какъ на единое непрерывное пространство, но понимаютъ ее скорѣе какъ безформенную множественность, неопредѣленную хаотическую матерію. Противъ пиѳагорейцевъ—плюралистовъ выступили Парменидъ и Зенонъ, которые противопоставили ихъ ученію доктрину объ единствѣ всего сущаго и концепцію единаго непрерывнаго пространства. Подъ ихъ вліяніемъ пиѳагорейская философія изъ плюралистической начинаетъ преобразовываться въ монистическую. Возникаетъ ученіе о монадѣ, какъ объ единомъ наивысшемъ принципѣ всего сущаго. Во-первыхъ, единица есть отецъ чиселъ, такъ какъ всѣ числа происходятъ отъ единицы. „Монада есть начало числа, число же есть множество, состоящее изъ монадъ" (45 В 2). Съ другой стороны, монада является прообразомъ всѣхъ чиселъ и всѣхъ вещей. „Все желаетъ подражать единицѣ" (45 В 14). Каждая вещь есть единица, поскольку всѣ составляющія данную вещь части образуютъ единство. Монада есть принципъ единства вещей и вмѣстѣ принципъ ихъ индивидуаціи. Единица есть какъ бы корень, изъ котораго выростаютъ всѣ числа и черезъ нихъ всѣ вещи, и вмѣстѣ съ тѣмъ это-законъ существованія вещей, такъ какъ именно единица сообщаетъ единство каждой отдѣльной вещи. Единица не есть только сущность *числа*; она возвышается надъ всѣми противоположностями, содержитъ ихъ въ себѣ, будучи ихъ высшимъ единствомъ и первоисточникомъ. Сама единица является сложной (*πρῶτον ἓν ἁρμοσθέν*, 32 В 7). Ея элементы—четъ и нечетъ, которые въ свою очередь сводятся къ безпредѣльному и предѣлу.

Въ монадѣ четъ и нечетъ нераздѣльны, она состоитъ изъ нихъ обоихъ, заключая такимъ образомъ въ себѣ противоположныя начала сущаго (45 B 5). Четъ и нечетъ—принципы всѣхъ остальныхъ чиселъ, единица же первоисточникъ чета и нечета. Единица, первооснова чиселъ, сама не есть число, такъ какъ число опредѣляется какъ множество единицъ. Единица заключаетъ въ себѣ мужское и женское начало (ἀῤῥενόθηλυ) и поэтому самодовлѣетъ. Она—„начало всего" (32 B 8) и лежитъ въ основѣ всѣхъ противоположностей. Все—изъ первоначальнаго Единаго, изъ божественнаго первоединства, которое объемлетъ все. Въ этомъ „первомъ единомъ" содержатся лежащія въ основѣ всего сущаго противоположности, въ немъ заключены элементы чиселъ, элементы всей природы и всего существующаго. Это единство, носящее въ себѣ все безконечное множество сущаго, пиѳагорейцы называютъ „первымъ единымъ", гебдомадой, декадой, тетрактидой и тріадой. Филолай говоритъ объ единомъ Богѣ, вѣчно сущемъ, неподвижномъ, неизмѣняемомъ; это-первая монада, конкретная живая единица, центральный огонь и гармонія противоположностей; міръ является его произведеніемъ и имѣетъ съ нимъ нѣкоторое сходство; все сущее его вѣчно прославляетъ (βωμός).

Послѣ Зенона и Эмпедокла должно было измѣниться также представленіе пиѳагорейцевъ о безпредѣльной пустотѣ. Она мыслится теперь какъ *единое* [1]) непрерывное *пространство* (послѣ открытія воздуха, какъ особаго частнаго вида матеріи, пустота не могла болѣе отожествляться съ воздухомъ). Это непрерывное пространство дѣлимо до безконечности и изъ него конструируются тѣла. Зенонъ доказалъ, что ни линія, ни тѣло не есть сумма точекъ точно такъ же, какъ время не есть сумма моментовъ. Послѣ Зенона пиѳагорейцы изобрѣтаютъ новый способъ конструировать тѣла. Эвритъ бралъ 250 камешковъ, чертилъ контуры человѣка и втыкалъ часть этихъ камешковъ на изображеніи лица, часть на изображеніи рукъ и т. д. Такимъ образомъ онъ показывалъ, что фигура человѣка опредѣляется числомъ 250. Точки образуютъ начало и конецъ линій, поверхностей и тѣлъ, середину же ихъ занимаетъ безпредѣльное. Тѣла порождаются точками и безпредѣльнымъ, причемъ послѣднее выступаетъ въ роли промежуточнаго пространства между границами, образуемыми точками. Понятіемъ промежуточнаго пространства (διάστημα) пиѳагорейцы пользуются не только въ геометрическихъ построеніяхъ, но и въ теоріи музыки, а также въ своемъ ученіи о времени.

Временную величину, подобно пространственной, пиѳагорейцы конструировали изъ границъ и интерваловъ. Итакъ, мы видимъ, какъ значительно измѣнился методъ конструкціи протяженныхъ величинъ у пиѳагорейцевъ: въ доэлеатовскій періодъ линія, поверхность, тѣло мыслились, какъ непрерывные ряды и суммы точекъ, отдѣляемые пустотой отъ всего остального; теперь, наоборотъ, отдѣльныя точки раздѣляютъ

---

[1]) Поэтому монада есть также принципъ, господствующій и надъ безпредѣльной пустотой.

непрерывную пустоту на части и создаютъ изъ нея линіи, поверхности и тѣла.

Мы показали, какъ въ пиѳагорейской школѣ возникла новая формула: элементы чиселъ (четъ и нечетъ) суть элементы всѣхъ вещей. Сами числа стала мыслиться, какъ нѣчто производное, и только черезъ редукцію чиселъ къ ихъ элементамъ получаются истинные принципы вещей. Здѣсь мы видимъ стремленіе объявить принципами вещей не числа непосредственно, но принципы числа. Эта тенденція пиѳагорейской философіи получаетъ свое завершеніе въ позднѣйшей формѣ Платоновскаго ученія, гдѣ ставится вопросъ объ элементахъ самихъ идей—чиселъ. Въ этомъ послѣднемъ періодѣ развитія философіи Платона принципами всего сущаго объявляются монада и діада. Монада—отецъ, неопредѣленная діада—мать чиселъ. Различіе между пиѳагорейцами и Платономъ Аристотель (45 B 13) характеризуетъ такъ: „А что вмѣсто безпредѣльнаго, какъ единаго, онъ поставилъ двойственность и выводилъ безпредѣльное изъ большого и малаго—это его особенность". Итакъ, пиѳагорейцы приписывали безпредѣльному единство, Платонъ дѣлаетъ его двойственнымъ. Самый терминъ „неопредѣленная діада" для обозначенія безпредѣльнаго, можетъ быть, не принадлежалъ еще самому Платону, а былъ введенъ въ употребленіе его преемниками Спевсиппомъ и Ксенократомъ. Неопредѣленную діаду не должно смѣшивать съ числомъ 2; послѣднее, являясь опредѣленнымъ числомъ, имѣетъ участіе въ монадѣ (какъ четное число, оно заключаетъ въ себѣ и неопредѣленность діады). Такимъ образомъ впервые въ Академіи предѣлъ и безпредѣльность, или нечетъ и четъ, были отожествлены съ единицей и неопредѣленной двоицей, причемъ эти два противоположныхъ послѣднихъ элемента всего сущаго должны были выражать равенство и неравенство, тожество и различіе, форму и безформенность. Позже въ неоплатонизмѣ противоположность монады и неопредѣленной діады понимается какъ противоположность бога и матеріи и сама діада выводится изъ божественной монады.

У неопиѳагорейцевъ и неоплатониковъ надъ умопостигаемой монадой, принципомъ границы, ставятъ перво-монаду, возвышающуюся надъ всѣми противоположностями и лежащую въ основѣ всего безъ исключенія. Эвдоръ[1]) говоритъ, что у пиѳагорейцевъ нужно различать: 1) единое, какъ универсальный принципъ и 2) единое, которое въ соединеніи съ діадой образуетъ вещи. Ясно, говоритъ онъ, что единое, какъ принципъ всего, отлично отъ единаго, какъ противоположности діады. Послѣднее единое и называется монадою. Абсолютное единое не можетъ имѣть противоположности себѣ. Такимъ образомъ принимаются три высшихъ принципа: 1) Единое (*τό ἕν*), возвышающееся надъ всѣми противоположностями 2) монада, или граница и 3) противоположность монады неопредѣленная діада, или неограниченная матерія. Чувственныя вещи суть продуктъ

---

[1]) Eudor. y Simplic. in Phys. 39 a, срв. Procl. in Tim. 54 a.

соединенія монады (отца) и діады (матеріи), произведеннаго Единымъ (Богомъ).

„Архитъ и Филолай безразлично называютъ единое монадой и монаду единымъ“, говоритъ Θеонъ Смирнскій (32 А 10). Повидимому, Θеонъ здѣсь высказываетъ ту мысль, что у Филолая и Архита еще нѣтъ различія между Единымъ, какъ первомонадой, и второй монадой, какъ принципомъ границы; то-есть онъ указываетъ различіе между древне-пиθагорейскимъ ученіемъ, съ одной стороны, и ученіемъ неопиθагорейцевъ и неоплатониковъ, съ другой. Можетъ быть, онъ хочетъ здѣсь сказать, что у Филолая и Архита нѣтъ еще различія между понятіемъ математической единицы и Платоновской идей единства; то-есть, указываетъ различіе между древнепиθагорейскимъ ученіемъ и академическимъ. Наконецъ, можетъ быть, онъ хочетъ здѣсь отмѣтить, что несмотря на различіе между математической и конкретной единицей, проводимое Филолаемъ и Архитомъ (въ отличіе отъ древнѣйшаго пиθагореизма), они не имѣютъ для нихъ особыхъ терминовъ. Единое, которое есть принципъ всѣхъ чиселъ, и монады, отдѣльныя единицы сущаго, которыхъ безконечное множество, они обозначаютъ однимъ именемъ.

Мы отмѣтили различныя стадіи, которыя прошло въ своемъ развитіи пиθагорейское ученіе о числахъ, какъ принципахъ всего существующаго. Генезисъ этого ученія мы выводили у Пиθагора изъ числовой мистики, которая привела древнѣйшихъ пиθагорейцевъ къ занятіямъ математикой. Изъ этихъ занятій выросла вторая (декадическая) форма древняго пиθагореизма. Такимъ образомъ, мы вводимъ нѣкоторое ограниченіе въ утвержденіе Аристотеля (45 В 4), по которому пиθагорейцы сперва предались математическимъ занятіямъ и вслѣдствіе этого математическія начала стали считать за начала всего существующаго. Мы не вполнѣ согласны съ Виндельбандомъ, который говоритъ: „Едва ли можно думать, что пиθагорейцы, вслѣдствіе своихъ метафизическихъ взглядовъ, предпочитали занятія математикой, музыкой и астрономіей; наоборотъ, скорѣе можно допустить, что они отъ такихъ занятій перешли къ собственно попыткамъ рѣшать общія задачи“.[1] Это утвержденіе Виндельбанда страдаетъ прежде всего тѣмъ, что предполагаетъ, будто въ то время уже существовало различеніе между частными науками и философіей, какъ рѣшеніемъ общихъ задачъ. Между тѣмъ вслѣдствіе единства науки и философіи, характеризующаго ту эпоху человѣческой мысли, математика неизбѣжно становилась философіей. Другимъ недостаткомъ того объясненія, какое даетъ Виндельбандъ генезису пиθагорейской философіи, является отсутствіе всякихъ указаній на то, что могло направить пиθагорейцевъ на занятія математикой предпочтительно передъ другими науками. По вопросу о генезисѣ пиθагорейскаго ученія о числахъ оригинальное мнѣніе высказываетъ Риджуэй, который выводитъ это ученіе

[1] Виндельбандъ. Исторія древней философіи, р. п. 3 изд. 1902, стр. 83.

изъ кристаллографическихъ изысканій. [1]) Онъ обращаетъ вниманіе на то, что отецъ Пиѳагора былъ рѣзчикомъ по камню [2]) и, какъ можно думать, сынъ первоначально занимался тѣмъ же ремесломъ. Пиѳагоръ въ юности могъ наблюдать въ природѣ кристаллы въ формѣ пирамидъ, куба и додекаэдра, и отсюда могъ вывести общее заключеніе, что міръ состоитъ изъ геометрическихъ тѣлъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Риджуэя, Пиѳагоръ пришелъ къ ученію, что міръ построенъ изъ чиселъ, на основаніи наблюденія математической формы кристалловъ, въ особенности драгоцѣнныхъ камней.

Пиѳагорейская математика.

Пиѳагоръ первый возвысилъ математику на степень чистой науки. У Ѳалеса математика была еще практической наукой, совокупностью правилъ, полезныхъ для примѣненія въ жизни. Пиѳагоръ первый положилъ начало умозрѣнію объ *общихъ свойствахъ* чиселъ и геометрическихъ фигуръ, и у него впервые математика пріобрѣтаетъ демонстративный характеръ. Демонстрація, какую мы встрѣчаемъ у Эвклида и которая осталась до нашихъ дней самымъ характеристичнымъ признакомъ математическихъ наукъ, которая характеризуетъ ихъ болѣе, нежели природа изучаемыхъ ими объектовъ, была введена впервые Пиѳагоромъ. [3]) Такимъ образомъ Пиѳагоръ является первымъ математикомъ въ истинномъ смыслѣ слова. У грековъ отъ ариѳметики, какъ теоріи чиселъ, отличалась логистика—практическая наука, указывающая правила дѣйствій надъ числами, необходимыхъ для примѣненія въ жизни. [4]) Такое же различіе проводилось между геодезіей, какъ совокупностью прикладныхъ правилъ, относящихся къ измѣренію земли, и собственно геометріей, теоретическимъ ученіемъ о пространствѣ. Идея теоретической ариѳметики и теоретической геометріи обязана своимъ возникновеніемъ Пиѳагору. Къ этимъ двумъ вѣтвямъ математической науки Пиѳагоръ присоединилъ гармонику (математическую акустику, ученіе о музыкальныхъ интервалахъ) и сферику (начала небесной механики). Такимъ образомъ Пиѳагору принадлежитъ то четверное дѣленіе математической науки, которое позже образуетъ quadrivium Боэція [5]) и отъ послѣдняго переходитъ къ средневѣковой схоластикѣ. Архитъ [6]) говоритъ о „родственности“ науки о числахъ, геометріи, астрономіи и теоріи музыки: всѣ эти науки

---

[1]) W. R. Ridgeway, What led Pythagoras to the doctrine, that the world was built of numbers? (Class. Review X, 1896, стр. 92—95).

[2]) Діогенъ Лаэрцій VIII 1.

[3]) F. Milhaud. Leçons sur les origines de la science Grecque, 1893, стр. 290.

[4]) Pauly's Real-Encyclopädie, III Halbband, 1895, стр. 1067.

[5]) A. M. S. Boetii De Arithmetica, l. I, c. I Divisio mathematicae.

[6]) 35 Б 1 начало.

„занимаются двумя родственными первообразами сущаго". Платонъ [1]) сообщаетъ, что пиѳагорейцы считали астрономію и теорію музыки „знаніями, сходными между собой". Пиѳагорейцы смотрѣли на грамматику, какъ на науку, подчиненную музыкѣ. [2]) Таковъ былъ кругъ вопросовъ, входившихъ въ пиѳагорейскую математику.

О Пиѳагорѣ сообщаютъ, что онъ выше всего цѣнилъ занятія числами (45 B 2). Какого рода были эти занятія? Древніе не знали нуля и поэтому не могли воспользоваться положеніемъ цифръ, какъ способомъ для выраженія большихъ количествъ. Изученіе числа у нихъ могло происходить лишь при помощи геометрической интуиціи. Такой характеръ носитъ тотъ трактатъ объ ариѳметикѣ, который составляетъ содержаніе трехъ книгъ Элементовъ Эвклида (кн. VII, VIII и IX). Въ этомъ систематически-теоретическомъ трактатѣ о свойствахъ чиселъ всѣ демонстраціи ведутся при помощи геометрическаго аппарата. Здѣсь цѣлыя числа представлены длинами линій и разсужденія ведутся надъ фигурами. Такимъ образомъ въ древней ариѳметикѣ господствуетъ геометрическій способъ доказательства: свойства чиселъ показываются на свойствахъ геометрическихъ фигуръ. Древнѣйшая пиѳагорейская ариѳметика также основана на геометрической интуиціи, но она существенно отличается отъ Эвклидовой ариѳметики тѣмъ, что не пользуется геометрическими фигурами въ собственномъ смыслѣ слова. Дѣло въ томъ, что древнѣйшій пиѳагореизмъ представляетъ себѣ геометрическія фигуры ничѣмъ инымъ какъ совокупностью точекъ, и поэтому ихъ демонстрацію нельзя назвать, подобно Эвклидовой, геометрической въ нашемъ смыслѣ слова. Необходимо замѣтить, что вообще первоначальнымъ способомъ обозначенія чиселъ, идущимъ отъ глубокой древности, были точки, расположенныя въ правильныхъ фигурахъ (въ родѣ фигуръ домино). Древнѣйшіе пиѳагорейцы примѣняли этотъ примитивный способъ. Точки у нихъ изображаютъ единицы; линіи, понимаемыя какъ ряды точекъ, изображаютъ числа; нѣсколько линій соединяются для образованія плоской фигуры, напримѣръ, треугольника; нѣсколько плоскихъ фигуръ соединяются для образованія геометрическихъ тѣлъ, напримѣръ, треугольники образуютъ пирамиду; такіе треугольники и пирамиды служатъ для выраженія особыхъ видовъ чиселъ; вообще пространство въ его трехъ измѣреніяхъ представляется состоящимъ изъ точекъ—единицъ, и различныя пространственныя фигуры служатъ для обозначенія различныхъ видовъ чиселъ, причемъ одно и то же число можетъ быть выражаемо въ различныхъ фигурахъ (напримѣръ, 6 въ видѣ треугольника и прямоугольнаго четыреугольника). Пиѳагорейцы дѣлили числа на нѣсколько видовъ и для каждаго вида изобрѣли особый способъ изображенія. Прежде всего они проводили различіе между числами простыми, которыя нынѣ мы называемъ первыми, и

---

[1]) Rep. VII 530 D.

[2]) 35 A 19 в.

сложными. Первыя числа пиөагорейцы изображали въ видѣ точекъ, расположенныхъ по прямой линіи, и поэтому называли ихъ числами *прямолинейными* (εὐθυγραμμικοί), или просто *линейными* (γραμμικοί). Сложныя числа пиөагорейцы дѣлили на два главныхъ вида: на плоскія и тѣлесныя числа. *Плоскимъ* (ἐπίπεδος) называлось число, которое получается отъ умноженія *двухъ* чиселъ, отличныхъ отъ единицы; *тѣлеснымъ* (στερεός) называлось число, получаемое отъ умноженія *трехъ* чиселъ. Въ плоскихъ числахъ точки располагались по параллельнымъ линіямъ Плоскія числа въ свою очередь дѣлились на *квадратныя*, и *прямоугольныя* (продолговатыя); квадратными назывались числа, получаемыя отъ умноженія двухъ одинаковыхъ чиселъ (напримѣръ, 4=2. 2); прямоугольными (продолговатыми) назывались числа, представляющія собою произведеніе двухъ неодинаковыхъ чиселъ (напр., 6=2. 3). Тѣлесныя числа также подраздѣлялись на виды, изъ которыхъ особое значеніе имѣлъ видъ *кубическихъ* чиселъ, то-есть, чиселъ, являющихся произведеніемъ трехъ одинаковыхъ чиселъ, отличныхъ отъ единицы (напр., 8=2. 2. 2.).

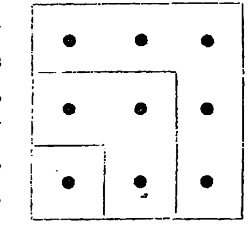
Всѣ числа пиөагорейцы дѣлили на три категоріи: нечетныя, четныя и четно-нечетное число единицу. [1]) Имъ давали они [2]) слѣдующее опредѣленіе: нечетны тѣ числа, которыя состоятъ изъ двухъ неравныхъ частей и имѣютъ середину; четны тѣ, которыя состоятъ изъ двухъ равныхъ частей и не имѣютъ середины. Такъ какъ нечетныя числа имѣютъ начало, середину и конецъ, а четныя только начало и конецъ безъ середины, то нечетныя *совершеннѣе* четныхъ. Нечетное число при дѣленіи на два сохраняетъ свой образъ: оно сохраняется, какъ числитель дроби (напр., 3, $^3/_2$, $^3/_4$, $^3/_8$ и т. д.), и такимъ образомъ числовой знакъ его не уничтожается. Напротивъ, четное число при дѣленіи пополамъ утрачиваетъ свой видъ (напр., 64 разлагается на два 32). Итакъ, четное число не есть такая постоянная величина, какъ число нечетное; оно не обладаетъ индивидуальностью, но состоитъ изъ частей, на которыя распадается. Вслѣдствіе всѣхъ указанныхъ преимуществъ, которыми надѣлены нечетныя числа по сравненію съ четными, нечетъ у пиөагорейцевъ сталъ обозначать единство, постоянство, покой, благо, а четъ служить выраженіемъ множества, измѣнчивости, движенія, зла. Единицу пиөагорейцы считали четно-нечетнымъ числомъ, аргументируя слѣдующимъ образомъ: единица участвуетъ въ природѣ какъ четнаго, такъ и нечетнаго, ибо, будучи приложена къ четному числу, она дѣлаетъ изъ него нечетное, а будучи приложена къ нечетному, производитъ четное число [3]).

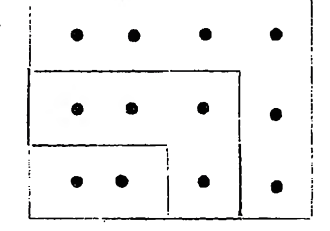
Пиөагоръ занимался изученіемъ суммы рядовъ послѣдовательныхъ чиселъ и онъ пришелъ къ слѣдующимъ открытіямъ. Если прибавлять послѣдовательно къ единицѣ всѣ числа по порядку четныя и нечетныя, то сумма естественнаго ряда чиселъ приметъ форму треугольника (см.

---

[1]) 32 B 5.
[2]) 45 B 2.
[3]) 35 A 21.

на стр. XVI фигуру „тетрактиды декады“, которая можетъ быть продолжена до безконечности). Отъ сложенія чиселъ по порядку получается всегда одна и та же фигура „треугольникъ“ и соотвѣтствующія получаемымъ суммамъ числа называются *трехугольными*. Суммы послѣдовательныхъ трехугольныхъ чиселъ называются числами *пирамидальными* (4 есть первое пирамидальное число, такъ какъ оно есть сумма двухъ первыхъ трехугольныхъ чиселъ 1 и 3). Если мы къ единицѣ станемъ прибавлять по порядку всѣ нечетныя числа, то въ результатѣ будемъ получать постоянно одну и ту же фигуру—квадратъ. Соотвѣтствующія числа, 4, 9, 16, 25 и т. д. будутъ *„квадратными“*. Равнымъ образомъ если складывать по порядку четныя числа, то постоянно будемъ получать фигуру—продолговатый прямоугольникъ и притомъ каждый разъ стороны слѣдующаго прямоугольника будутъ на одну единицу больше сторонъ предыдущаго. Соотвѣтствующія числа 6, 12, 20, 30 будутъ *„прямоугольными“*, или *продолговатыми*.

Такимъ образомъ ариѳметику Пиѳагора составляло прежде всего ученіе о суммахъ рядовъ чиселъ, которое сводилось къ теоріи, что сумма естественнаго ряда чиселъ всегда даетъ „трехугольныя числа“, сумма ряда послѣдовательныхъ нечетныхъ чиселъ всегда даетъ „квадратныя числа“ и сумма ряда послѣдовательныхъ четныхъ чиселъ—„прямоугольныя“ числа. Другими словами, Пиѳагору принадлежатъ формулы:

$$1+2+3+\ldots+n=\frac{n(n+1)}{2}$$ (для трехугольныхъ чиселъ)

$$1+3+5+\ldots+2n-1=n^2$$ (для квадратныхъ чиселъ)

$$2+4+6+\ldots+2n=n(n+1)$$ (для прямоугольныхъ чиселъ).

Въ пиѳагорейской ариѳметикѣ важную роль играли такъ называемые числа—*гномоны*. Гномономъ собственно назывался вертикальный стержень, воздвигнутый на горизонтальной плоскости (первый солнечный циферблатъ состоялъ просто изъ гномона). Соотвѣтственно наглядному характеру пиѳагорейской ариѳметики образъ гномона былъ употребленъ для выраженія операціи образованія большаго квадратнаго числа изъ меньшаго. Первоначально „гномонами“ назывались всѣ нечетныя числа, такъ какъ было открыто ихъ свойство черезъ прибавленіе сохранять фигуру квадрата. Операція приложенія гномоновъ заключалась въ томъ, что чертили квадратъ, затѣмъ располагали съ двухъ сторонъ его *три* квадрата, равныхъ ему. [1]), затѣмъ съ двухъ сторонъ новаго, полученнаго

---

[1]) См. фигуру на стр. 36, сноска 1.

указаннымъ образомъ квадрата располагали *пять* квадратовъ, равныхъ первому, и такъ далѣе; операція могла быть продолжена до безконечности. Нечетныя числа, какъ гномоны квадратовъ, считались числами мужскими, порождающими. Позже терминъ „гномонъ" стали употреблять въ болѣе широкомъ значеніи. Въ этомъ болѣе общемъ пониманіи гномонъ есть то, черезъ прибавленіе чего измѣняется лишь величина фигуры, но не видъ ея (и, слѣдовательно, не математическія свойства ея). Въ этомъ смыслѣ четныя числа суть гномоны продолговатыхъ прямоугольниковъ, такъ какъ черезъ послѣдовательное прибавленіе четныхъ чиселъ сохраняется фигура прямоугольника.

Изслѣдуя суммы рядовъ послѣдовательныхъ чиселъ разнаго вида, Пиѳагоръ, естественно, долженъ былъ натолкнуться и на то равенство, которое находитъ свое геометрическое выраженіе въ отношеніи величинъ катетовъ къ гипотенузѣ въ прямоугольномъ треугольникѣ Сумма послѣдовательныхъ квадратныхъ чиселъ $3^2+4^2=5^2$ побудила его искать всѣ цѣлыя числа, имѣющія то же свойство, и онъ открылъ слѣдующее общее правило: если взять нечетное число за одинъ катетъ, вызвысить это число въ квадратъ, отнять отъ него единицу и взять половину полученнаго остатка за второй катетъ, то гипотенуза будетъ на единицу больше второго катета.

22. Менесторъ.

Менесторъ изъ Сибариса—отецъ ботаники, современникъ Эмпедокла. Въ основѣ его системы лежитъ дуализмъ противоположностей древнѣйшихъ пиѳагорейцевъ (срв. Алкмеонъ 14 А 3. В 4. „Мнѣніе" Парменида. Филолай 32 А 27).

1. Ямвлихъ V. P. 267 p. 190, 11 N. (*45 A*) Изъ Сибариса Метопъ Гиппасъ, Проксенъ, Эваноръ, Леанаксъ, Менесторъ и проч.

2. Ѳеофрастъ h. pl. I 2, 3 Итакъ, видимая влага, которую нѣкоторые, какъ Менесторъ, во всемъ безъ исключенія называютъ „сокомъ", другіе же—(*лишь*) въ нѣкоторыхъ (случаяхъ) называютъ сокомъ, въ другихъ (случаяхъ)—слезой, въ остальныхъ же (случаяхъ) не даютъ ей особаго названія.

3. —— —— *V 9, 6* Палочки, отъ тренія которыхъ добывается огонь, получаются отъ многихъ (растеній), но самыя лучшія, какъ говоритъ Менесторъ, изъ плюща. Дѣло въ томъ, что послѣдній дымитъ наибыстрѣе и наисильнѣе изъ всѣхъ (растеній).

3a. —— —— *V 3, 4* Теплое же -плющъ, лавръ и вообще все то, изъ чего получается огниво. Менесторъ же считаетъ (теплымъ) также тутовое дерево.

4. —— *caus. pl. I 17, 3* Итакъ, (ростъ) тутоваго дерева по указанной причинѣ ранній. Какъ говоритъ Менесторъ, произрастаніе его въ холодномъ мѣстѣ (бываетъ) позднимъ, созрѣваніе же (бываетъ) скорымъ вслѣдствіе слабости.

5. —— —— *21, 5* Итакъ, во-первыхъ, (*различіе*) теплаго и холоднаго разсматривается, какъ причина плодородія и безплодія, (*а именно*) предполагаютъ, что теплыя (существа) плодородны, холодныя же безплодны: это (положеніе) оправдывается на животныхъ способныхъ къ рожденію, безплодныхъ, живородящихъ и кладущихъ яйца. *Во-вторыхъ*, изслѣдуютъ зависимость (*фауны*) отъ мѣстности, а именно, отъ теплоты или холодности послѣдней. Дѣло въ томъ, что противоположныя (существа) способны сохраняться въ противоположныхъ (имъ странахъ): теплыя (существа)—въ холодныхъ (странахъ), холодныя—въ теплыхъ. Вѣдь такимъ именно образомъ и природа производитъ: (вещи) гибнутъ отъ избытка того, что подобно имъ, и сохраняются отъ противоположнаго (имъ), какъ бы вслѣдствіе образованія (*во второмъ случаѣ*) нѣкоторой хорошей смѣси. Подобнымъ же образомъ и

Эмпедоклъ (*21 A 73*) говоритъ о животныхъ, а именно, что слишкомъ огненныя (изъ нихъ) тянутся къ влагѣ. (*6*) Это же мнѣніе принималъ и Менесторъ не только относительно животныхъ, но и относительно растеній. А именно, онъ говоритъ, что самыми теплыми (растеніями) являются наиболѣе обильныя влагою, какъ-то камышъ, тростникъ, киперъ. Вслѣдствіе этого они не замерзаютъ и во время зимнихъ холодовъ. И изъ остальныхъ (растеній болѣе теплыми являются) всѣ тѣ, которыя наиболѣе способны сохраняться въ холодѣ, какъ-то ель, сосна, кедръ, можжевельникъ, плющъ. На нихъ вѣдь и снѣгъ не остается вслѣдствіе (ихъ) теплоты. Еще (*онъ училъ, что растеніе*) бываетъ согнутымъ и искривляется вслѣдствіе того, что сердцевина (его) тепла. (*7*) Въ-третьихъ, онъ говоритъ о причинѣ преждевременнаго выростанія и созрѣванія. А именно, у нихъ (*такихъ растеній*) сокъ, будучи теплымъ по природѣ, вызываетъ слишкомъ раннее произрастаніе и преждевременное созрѣваніе плодовъ. Въ качествѣ доказательства этого (положенія) онъ приводитъ плющъ и нѣкоторыя другія (растенія. Въ-четвертыхъ, (*имъ расматривается причина существованія*) вѣчно зеленыхъ растеній. А именно, онъ полагаетъ, что они сохраняютъ (листву) вслѣдствіе теплоты, (растенія) же, обладающія недостаточной теплотой, теряютъ листья. Къ сказанному онъ еще прибавляетъ въ качествѣ подобнаго же доказательства, что наилучше и наилегче (при треніи) возжигаются куски обильныхъ влагою деревьевъ, такъ какъ-де (куски), наискорѣе зажигаемые, наиболѣе близки огню. *Въ слѣдующей 22-ой главѣ Ѳеофрастъ опровергаетъ приведенное здѣсь ученіе Менестора о „пяти причинахъ", которыми являются тепло и холодъ.*

6. Ѳеофрастъ caus. pl. II 4, 3 Тучная (земля) не полезна рѣшительно ни одному растенію. Ибо она сушитъ болѣе, чѣмъ нужно, какъ и Менесторъ говоритъ. Такова бѣловатаго цвѣта земля, употребляемая для мытья грязнаго бѣлья.

7. —— —— VI 3, 5 И еще вкусы различаются по степени (*по количеству*). Поэтому-то и однородные вкусы, какъ-то кислые, жирные, горькіе, сладкіе, бываютъ многоразличными. Вслѣдствіе этого и древніе физіологи принимали безконечное число вкусовъ, подобно тому какъ Менесторъ. А именно, какая образуется смѣсь и какъ сварится природная влага, таковъ будетъ вкусъ.

---

23 Ксуѳъ.

Аристотель phys. Δ 9 216 b 22 Нѣкоторые же полагаютъ, что изъ существованія рѣдкаго и плотнаго очевидно, что существуетъ пустота. Ибо если нѣтъ рѣдкаго и плотнаго, то невозможно схожденіе и сгущеніе. При отсутствіи же послѣдняго, или вообще не будетъ движенія, или, какъ сказалъ Ксуѳъ, „вселенная будетъ вздыматься на подобіе морскихъ волнъ".

Симплицій къ этому мѣсту 683, 24 Пиѳагореецъ Ксуѳъ, (*по его словамъ, вселенная*) перельется черезъ край и вытянется еще болѣе, по-

добно тому какъ море волнами разливается по морскимъ берегамъ. *Срв. Ямвлихъ V. P. 267 (45 A)* Кротонцы... Тимей, Буѳъ (Ксуѳъ?) *и 25 A 1 (?).*

24. Боида.

Схоліи къ Аристофану vulg. ad Nub. 96 Ибо, во-первыхъ, (*авторъ ямбовъ*) Дифилъ сочинилъ на философа Боиду цѣлое стихотвореніе, въ которомъ философъ подвергался гнусному безчестію. Однако, это (еще) не значитъ, что онъ былъ (личнымъ его) врагомъ. Во-вторыхъ, Эвполисъ, хотя и вкратцѣ упомянулъ о Сократѣ, однако, задѣлъ его сильнѣе, нежели Аристофанъ въ всемъ своемъ сочиненіи „Облака".

25. Іонъ Хіосскій

Іонъ, сынъ Орѳомена изъ Хіоса,—поэтъ, историкъ и философъ. Первая его трагедія была поставлена на сцену около 450 г. (въ 82 олимп.). Аристофанъ (см. A 2) упоминаетъ о немъ, какъ объ уже умершемъ. Таковы единственныя хронологическія данныя, которыя мы имѣемъ объ его жизни. Іонъ былъ многостороннимъ писателемъ. Онъ пробовалъ свои силы въ различныхъ видахъ поэтическаго творчества: писалъ трагедіи (до 40, изъ которыхъ до насъ дошло заглавіе десяти), диѳирамбы, гимны, элегіи, эпиграммы и т. д. Одержавъ побѣду на состязаніи поэтовъ въ Аѳинахъ, онъ подарилъ каждому аѳинянину по сосуду хіосскаго вина (что свидѣтельствуетъ объ его богатствѣ). Кромѣ поэтическихъ сочиненій, ему принадлежала „Исторія основанія Хіоса" и сочиненіе о знаменитыхъ мужахъ, посѣтившихъ Хіосъ. Наконецъ, онъ является авторомъ философскаго трактата о мистическомъ числѣ 3, озаглавленнаго „Тріагмъ" (т. е. „Тройная борьба"), гдѣ онъ принимаетъ *три* первовещества: огонь, воздухъ и землю, и говоритъ о повсемѣстномъ господствѣ числа 3 въ мірѣ [1]). Послѣдователемъ Іона въ его ученіи о значеніи числа *три* былъ Гипподамъ Милетскій (о немъ см. ниже гл. 27).

[1]) О значеніи числа 3 въ греческомъ религіозномъ сознаніи см. статью Узенера: „Троица" (Rheinisches Museum LVIII 1—47, 161—208, 321—362). Объ этой статьѣ Д. Шестаковъ. Новѣйшія изученія древне-греческой литературы и жизни 1904, стр. 27—33. См. также Т. Гомперцъ. Греческіе мыслители, I т., стр. 94 р. п.

А. Жизнь, сочиненіе и ученіе.

1 Гарпократіонъ подъ сл.: „Іонъ". Исократъ въ сочиненіи: „Объ обмѣнѣ имуществъ" (*см. А 6*) Здѣсь ораторъ упоминаетъ, вѣроятно, автора трагедій Іона, сына Ороомена, по прозванію Ксуѳа [1]), который былъ родомъ изъ Хіоса. Онъ написалъ много лирическихъ стихотвореній и трагедій, а также нѣкое философское сочиненіе подъ заглавіемъ: „Тріагмъ", которое оспаривается, какъ говоритъ Каллимахъ и равнымъ образомъ Эпигенъ [2]). У нѣкоторыхъ же ему дается заглавіе во множественномъ числѣ: „Тріагмы", какъ (*это дѣлаютъ*) Димитрій Скепсійскій и Аполлонидъ Никейскій. Надписываютъ и т. д. (*см. В. 1*).

2. Аристофанъ Fried. (весна 421) 832 слѣд. Не такъ ли, пожалуй, дѣло обстоитъ, какъ говорятъ, что мы рождаемся на воздухѣ въ качествѣ звѣздъ, всякій разъ какъ кто-нибудь (*изъ насъ*) умретъ?—Совершенно вѣрно.—И какая теперь тамъ звѣзда Іонъ Хіосскій?—Та именно, которую онъ прежде изобразилъ здѣсь, (*бывшая*) нѣкогда утренней (*звѣздой*). Когда онъ явился, тотчасъ всѣ стали называть его утренней звѣздой.

Къ этому схоліи. Іонъ Хіосскій: авторъ диѳирамбовъ, трагедій и лирическихъ стихотвореній. Онъ сочинилъ пѣснь, начало которой—„мы выждали (*появленія*) утренней блуждающей въ воздухѣ звѣзды, предтечи бѣлаго крыла солнца". Повидимому, его не было въ живыхъ съ этого времени. Итакъ, Аристофанъ въ шутку говоритъ, что онъ былъ прозванъ утренней звѣздой. Онъ сталъ знаменитостью. Написалъ же онъ комедіи [3]), эпиграммы, пэаны, гимны, застольныя пѣсни, панегирики и элегіи, и въ прозѣ такъ называемое „Посольское (*дѣло*)", которое нѣкоторые считаютъ подложнымъ и не принадлежащимъ ему. Приписываются ему также (*сочиненія*): „Основаніе (Хіоса)", „Космологическій (*трактатъ*)" [*т. е.* „Тріагмъ"], „Записки" [*т. е.* „Посѣщенія"] и нѣкоторыя другія. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ. Разсказываютъ, что онъ одержалъ побѣду въ Аттикѣ на состязаніи въ диѳирамбѣ и трагедіи одновременно, и въ знакъ расположенія послалъ аѳинянамъ въ качествѣ подарка хіосскаго вина. (Существуетъ относящееся къ нему разсужденіе философа Сократа, называемое „Іонъ"). Упоминаетъ его и Каллимахъ, (*говорящій*) въ „Холіямбахъ", что онъ много написалъ.

3. Свида. Іонъ Хіосскій. Трагикъ, лирикъ и философъ, сынъ Ороомена, Ксуѳа по прозванію. Онъ началъ ставить на сцену трагедіи въ 82 олимпіаду (*452—449*). Драматическихъ произведеній его 12; нѣкоторые же насчитываютъ ихъ 30, другіе же 40. (Онъ написалъ о небесныхъ явленіяхъ и сложныя разсужденія. Его въ шутку авторъ комедій Аристофанъ называетъ утренней (*звѣздой*). Одержавъ побѣду (на состязаніи) въ

---

[1]) Шуточное прозваніе, поводомъ для котораго могло служить имя Ксуѳа, отца миѳическаго Іона.

[2]) Читаю: ὡς καὶ Ἐπιγένης.

[3]) Скорѣе сатирическія драмы

трагедіи въ Аѳинахъ, онъ подарилъ каждому изъ аѳинянъ по Хіосскому глиняному сосуду).

4. (*Лонгинъ*) *de subl. 33, 5* Что же? Въ лирикѣ, пожалуй, скорѣе одержалъ бы верхъ Бакхилидъ, чѣмъ Пиндаръ, и въ трагедіи (скорѣе) Іонъ Хіосскій, нежели, клянусь Зевсомъ, Софоклъ? Дѣло въ томъ, что (*сочиненія*) первыхъ безупречны и написаны изящно во всѣхъ отношеніяхъ, Пиндаръ же и Софоклъ иногда бываютъ какъ бы объяты пламенемъ въ порывѣ, гаснутъ часто неожиданно и падаютъ весьма неудачно. Разумѣется, никто судящій здраво за одну драму „Эдипъ“ не предложилъ бы со своей стороны драмъ Іона, сопоставивъ ихъ одну за другой съ ней.

5. C. J. A. I 395 (*надпись середины V вѣка*) Іонъ пожертвовалъ статую — — Аѳинѣ.

6. Исократъ XV 268 Разсужденія древнихъ мудрецовъ, изъ которыхъ одинъ сказалъ, что сущее по числу безконечно, Эмпедоклъ же (*опредѣлилъ количество сущаго числомъ*) четыре и (*сверхъ того допустилъ*) въ немъ Вражду и Любовь, Іонъ же (*принялъ*) не болѣе трехъ (*началъ*).

Филопонъ d. gen. et corr. p. 207, 18 Vit. Парменидъ призналъ началами огонь и землю, ихъ же вмѣстѣ съ воздухомъ (*принялъ въ качествѣ началъ*) авторъ трагедій Іонъ Хіоскій, Эмпедоклъ же призналъ четыре (*начала*).

7. Аэцій II 25, 11 (*D 356*) (о существѣ луны) Іонъ: тѣло стекловидное, прозрачное въ одномъ мѣстѣ, темное въ другомъ.

B. Фрагменты.

Изъ прозаическихъ сочиненій („Основаніе Хіоса“, „Посѣщенія“) ни одно не содержитъ ничего философскаго, за исключеніемъ „Тріагма“.

«Тріагмъ» («Тройная борьба») Іона.

Срв. Аристотель de caelo A 1. 268 a 10 (*см. 45 B 17*).

1. *Гарпократіонъ подъ „Іонъ“* (*послѣ A 1*) Надписываютъ же на немъ слѣдующее: „Начало моей рѣчи: Все — три и (нѣтъ) ничего ни больше ни меньше этого (числа) три. Совершенство каждаго отдѣльнаго (существа есть) троица: умъ, сила и счастіе. *Предъ этимъ должно было стоять*: Іонъ Хіосскій говоритъ слѣдующее.

2. *Діогенъ VIII 8* Іонъ же Хіосскій въ „Тріагмахъ“ говоритъ, что онъ (*Пиѳагоръ*), сочинивъ нѣкоторыя (произведенія) приписалъ ихъ Орфею.

Климентъ Str. I 131 Іонъ же Хіосскій въ „Тріагмахъ“ сообщаетъ, что и Пиѳагоръ нѣкоторыя (*свои сочиненія*) приписалъ Орфею. Эпигенъ же и т. д. (*см. стр. 78 первой части*).

Ошибочно понято у Гарпократіона А 1 и у Свиды подъ словомъ: „Орфей“. Онъ написалъ тріасмы (*sic!*), говорятъ же, что они принадлежатъ трагику Іону. Въ нихъ же (*находятся и книги, трактующія*) о священныхъ одеждахъ.

Неизвѣстно изъ какого прозаическаго сочиненія:

3. *Плутархъ de fort. Rom. 1 p. 316 D* Итакъ, поэтъ Іонъ въ (сочиненіи), которое онъ написалъ безъ размѣра прозою, говоритъ, что, хотя случай весьма непохожъ на искуство, (*однако*) производитъ вещи весьма подобныя (*продуктамъ искусства*). *Срв. Quaest. conv. VIII 1. 1* Ибо, по его словамъ, не плохо сказалъ Іонъ о случаѣ, что „будучи во многихъ отношеніяхъ непохожимъ на искусство, онъ творитъ весьма много сходнаго съ нимъ“.

Изъ поэзіи Іона драмы не содержатъ ничего философскаго. Изъ лирики къ философіи относятся слѣдующіе

Сомнительные фрагменты.

4. *Діогенъ I 119 слѣд.* Говоритъ же Дурисъ во второй книгѣ своей „Лѣтописи“ (*именно* Самосской), что на него (*Ферекида*) написана слѣдующая эпиграмма:

(*120*) „Во мнѣ конецъ всей мудрости. Если же (есть) что-нибудь болѣе мудрое, то говори (?) моему Пиѳагору, что онъ—первый изъ всѣхъ въ эллинской землѣ. Такъ говоря, я не лгу“.

Іонъ же Хіосскій говоритъ о немъ:

„Такъ онъ, украшенный мужествомъ и достоинствомъ, получитъ и послѣ смерти пріятную жизнь для (*своей*) души, если только мудрый Пиѳагоръ дѣйствительно изучилъ и зналъ опредѣленія больше всѣхъ людей.

О достовѣрности Дуриса см. ниже гл. **43 (Симъ)**.

5. *Клеонидъ is. harm. 12* Итакъ, относительно звука пользуются (этимъ) названіемъ (*именно словомъ*: тонъ) тѣ, которые называютъ лиру семитонной, подобно тому какъ Терпандръ и Іонъ. А именно, первый говоритъ..., второй же:

„Одиннадцатиструнная лира, имѣющая рядъ десяти ступеней для трехъ консонантныхъ ходовъ [1]) звуковъ! раньше всѣ эллины играли на тебѣ семиструнной, получая (*въ то время лишь*) бѣдную музыку квартъ“...

---

[1]) Т. е. рядъ десяти звуковыхъ ступеней образуетъ три одинаковыхъ тетрахорда.

26. Гиппонъ.

Немногочисленныя свидѣтельства о Гиппонѣ весьма разнорѣчивы: по-разному называютъ его родину и приписываютъ ему совершенно различныя ученія, такъ что естественно возникаетъ даже вопросъ, всѣ ли, упоминающіе Гиппона, имѣютъ въ виду одно и то же лицо.[1]) Гиппонъ (или Гиппонаксъ), прозванный *безбожникомъ*, происходилъ (по наиболѣе достовѣрному преданію) изъ Самоса и былъ современникомъ Перикла. Время жизни его[2]) приблизительно опредѣляется изъ упоминанія о немъ у Кратина (умершаго въ 422 г. до Р. Х.)[3]) и изъ того, что въ своемъ изслѣдованіи о развитіи зародыша онъ принимаетъ во вниманіе Эмпедокла. По Аристотелю, Гиппонъ признавалъ первоначаломъ вмѣстѣ съ Ѳалесомъ воду (или сѣменную влагу). Изъ нея возникъ огонь, который затѣмъ вмѣстѣ съ влажнымъ элементомъ образовалъ міръ (въ изложеніи Секста Эмпирика Гиппонъ является дуалистомъ, принимающимъ два основныхъ начала вещей: огонь и воду, или теплое и холодное). Дерингъ[4]) противополагаетъ гилозоизмъ Ѳалеса матеріалистическому міровоззрѣнію Гиппона: тогда какъ первоначало Ѳалеса--живая одушевленная вода, у Гиппона принципъ всѣхъ вещей—вода въ строгомъ смыслѣ; даже душа, которую Гиппонъ отожествляетъ съ мозгомъ, была для него водой. Стараясь имѣть на своей сторонѣ авторитетъ Ѳалеса, Гиппонъ отожествляетъ его ученіе со своимъ. Гиппону слѣдуетъ въ этомъ и Аристотель, который доказательства, даваемыя Гиппономъ, приписываетъ Ѳалесу. Гилозоизмъ—ученіе болѣе грубое, болѣе примитивное и элементарное, чѣмъ матеріализмъ. Гиппонъ—матеріалистъ не въ смыслѣ Левкиппа, который принималъ отличный отъ вещества принципъ движенія, и не въ современномъ смыслѣ, но онъ—матеріалистъ въ строго буквальномъ значеніи этого слова. Онъ выводитъ все *изъ одного вещества*, не прибѣгая *ни къ чему иному*. Первоначаломъ онъ признаетъ *воду, какъ таковую*, не приписывая ей душевныхъ свойствъ. Гиппонъ занимаетъ въ исторіи мысли особое мѣсто благодаря своей попыткѣ вывести міръ изъ чистаго вещества.

Целлеръ считаетъ Гиппона скорѣе эмпирикомъ-естествоиспытателемъ, нежели философомъ.

---

[1]) Fr. Schleiermacher. Ueber d. Philosophen Hippon (Sämmtl. Werke. III Abth., III Bd., стр. 405 слѣд.).

[2]) См. Статью Wellmann'a въ Paulys Real-Encyclopädie 1913.

[3]) См. A 2.

[4]) Döring. Gesch. d. griech. Philosophie Bd. I, 1903, стр. 25 и 250.

А. Жизнь и ученіе.

1. Ямвлихъ V. P. 267 (перечень пиѳагорейцевъ, 45 A) Изъ Самоса-Мелиссъ... Элорисъ, Гиппонъ. *Цензоринъ 5, 2* Гиппону же изъ Метапонта или, какъ утверждаетъ Аристоксенъ, изъ Самоса и т. д. *Секстъ P. h. III 30* Гиппонъ же Регинскій.

Время жизни его (послѣ Эмпедокла) выводится изъ Аристотеля de anim. A 2. 405 b 1 (см. 21 A 4).

2. Схоліи къ Аристофану Ven. ad Nub. 94 слѣд. (срв. Av. 1001).

„Вотъ мѣсто занятій мудрыхъ душъ. Тутъ живутъ мужи, которые, говоря о небѣ, доказываютъ, что оно есть окружающая насъ печь, мы же—уголья".

Это же раньше Кратинъ въ драмѣ: „Всевидящіе" говоритъ о философѣ Гиппонѣ, осмѣивая его. *Схоліи Clem. Protr. IV 103 Klotz* Гиппона же и притомъ какъ безбожника упоминаетъ Кратинъ.

3. Ипполитъ I 16 (D. 566) Регинецъ же Гиппонъ призналъ началами холодное—воду и теплое—огонь. Огонь же, родившись отъ воды, одержалъ верхъ надъ силой (своего) родителя и образовалъ міръ. Душу же онъ называетъ то мозгомъ, то водой. И видимое нами сѣмя—изъ влаги, изъ которой (говоритъ онъ) возникаетъ душа.

4. Симплицій phys. 23, 22 (см. стр. 20 первой части) Ѳалесъ ...и Гиппонъ, который, кажется, былъ притомъ безбожникомъ, учили, что начало есть вода, и пришли къ этому ученію, отправляясь отъ чувственной видимости и т. д.

5. Секстъ Pyrrh. hypoth. III 30. IX 361 Гиппонъ же Регинскій—огонь и вода.

6. Александръ (къ н. 7) 26, 21 Сообщаютъ, что Гиппонъ признавалъ началомъ просто влажное, не разъяснивъ, вода ли оно (*начало*), какъ (*училъ*) Ѳалесъ, или воздухъ, какъ (*учили*) Анаксименъ и Діогенъ. *Іоаннъ діак. Alleg. in Hes. Theog. 116* Иной же призналъ началомъ землю (!), подобно безбожнику Гиппону.

7. Аристотель Metaphys. A 3 984 a 3 (послѣ Ѳалеса 1 A 12) Ибо, пожалуй, никто не счелъ бы справедливымъ, (*если*) помѣстить Гиппона въ одномъ ряду съ ними, вслѣдствіе ничтожности его ума.

8. Климентъ protr. 24 Еще остается мнѣ удивляться, какимъ это образомъ прозвали безбожниками Эвгемера Агригентинскаго, Никанора Кипрскаго, Гиппона и Діагора Мелосскаго (*по Арнобію IV 29* Мелосскихъ) и, кромѣ нихъ, того извѣстнаго киренца (имя ему Ѳеодоръ), а также многихъ другихъ, жившихъ благоразумно и видѣвшихъ, можетъ быть, болѣе проницательно заблужденіе прочихъ людей относительно боговъ. *Филопонъ de anima 88, 23* Онъ былъ прозванъ безбожникомъ за то, что причиною всѣхъ (вещей) считалъ только одну воду. *Срв. Эліанъ V. H. II 31 (51 A 3).*

9. (Александръ) in Metaphys. 462, 29 Сперва Гиппонъ, прозванный безбожникомъ (ибо онъ доказывалъ, что нѣтъ ничего помимо чувственно-воспринимаемыхъ *(вещей). Срв. В 2.*

10. Аэцій IV 3, 9 (D. 388) Гиппонъ: душа изъ воды. *Аристотель de anima A 2. 405 b 1 (см. стр. 140 второй части). b 24* Другіе же (*признаютъ*) одну изъ противоположностей, какъ, напримѣръ, теплое, или холодное, или что-нибудь другое въ этомъ родѣ, и душу равнымъ образомъ считаютъ какой-либо одной изъ этихъ (*противоположностей*). Поэтому-то они прибѣгаютъ и къ (*соотвѣтствующему*) производству именъ. А именно, признающіе теплое (*начало*), говорятъ, что отсюда получило названіе и (*слово*) „жизнь" (τὸ ζῆν)[1]; признающіе же холодное (*начало*) говорятъ, что душа (ψυχή) имѣетъ свое названіе отъ дыханія и охлажденія (τὴν κατάψυξιν)[2]. *Филопонъ къ этому мѣсту 92, 2* Одну изъ двухъ противоположностей принимаетъ Гиппонъ, другую Гераклитъ. Одинъ изъ нихъ (*принимаетъ*) теплое; а именно, (полагаетъ), что начало—огонь. Другой (*принимаетъ*) холодное, считая началомъ воду. И вотъ, говоритъ онъ, оба они стараются вывести названіе души, каждый—соотвѣтственно своему мнѣнію: одинъ говоритъ, что объ одушевленныхъ существахъ говорится, что они живутъ (ζῆν), потому что они кипятъ (ζεῖν), а послѣднее (есть дѣло) теплоты; другой же говоритъ, что душа (ψυχή) получила свое названіе отъ „холоднаго" (ψυχροῦ), отъ котораго она имѣетъ свое бытіе, такъ какъ она есть для насъ причина охлажденія черезъ посредство дыханія. А именно, такъ какъ жизнь—отъ души, душа же—изъ холоднаго (а именно, изъ воды), то вслѣдствіе этого (*жизнь*) нуждается въ дыханіи, умѣряющемъ посредствомъ охлажденія окружающую сердце теплоту и не допускающемъ, чтобы послѣдняя стала сильнѣе душевной силы, то-есть (*силы*) холодной. *Гермій irris. 2 (D. 651)* Другіе же—(душа есть) вода производящая (*на поляхъ правильная приписка*: Гиппонъ).

11. Менонъ Anonymi Londin. 11, 22 Гиппонъ (или Гиппонаксъ) Кротонскій полагаетъ, что въ насъ находится природная влажность, сообразно которой мы ощущаемъ и которой мы живемъ. Итакъ, когда таковая жидкость находится въ подобающемъ состояніи, живое существо бываетъ здоровымъ, когда же она высохнетъ, животное теряетъ чувства и умираетъ. Поэтому-то старики бываютъ сухими и безчувственными, такъ какъ они не имѣютъ влажности. Подобнымъ же образомъ безчувственны оконечности, такъ какъ онѣ лишены влажности. И это онъ говоритъ до этого мѣста. Въ другой же книжкѣ этотъ самый мужъ говоритъ, что названная влажность измѣняется отъ избытка теплоты и отъ избытка холода и такимъ образомъ приноситъ болѣзни; измѣняется же она, говоритъ онъ, становясь или болѣе влажной, или болѣе сухой, или болѣе толстой, или болѣе тонкой, или переходя въ другія (вещи), и такимъ обра-

---

[1]) Т. производятъ ζῆν отъ ζέω кипѣть.

[2]) Т. е. производятъ ψυχή отъ ψύχω охлаждаю.

зомъ онъ объясняетъ причину болѣзней, о возникающихъ же болѣзняхъ онъ не говоритъ при этомъ.

12. Цензоринъ 5. 2 Гиппонъ... полагаетъ, что сѣмя вытекаетъ изъ мозга въ костяхъ и это доказывается тѣмъ, что, если послѣ случки домашняго скота убивать самцовъ, то (*въ костяхъ ихъ*) не найдешь мозга, такъ какъ послѣдній израсходованъ.

13. Аэцій V 5, 3 (D 418) Гиппонъ: самки испускаютъ сѣмя, нисколько не уступая въ этомъ самцамъ; однако, (*сѣмя самки*) не сливается (*съ сѣменемъ самца*) для рожденія живого существа вслѣдствіе того, что оно падаетъ внѣ матки. Поэтому нѣкоторыя женщины и особенно вдовы часто испускаютъ (*сѣмя*) безъ мужчинъ. Кости (*ребенка*)—отъ самца, тѣло—отъ самки. *Цензоринъ 5, 4.*

14. Аэцій V 7, 3 (D 419) Гиппонаксъ: (рождается самецъ) отъ плотнаго и сильнаго (сѣмени), и (рождается самка) вслѣдствіе текучаго и болѣе слабаго сѣмени *Цензоринъ 6, 4* Гиппонъ утверждаетъ, что изъ болѣе нѣжнаго сѣмени происходятъ женщины, изъ болѣе густого—мужчины. *Аэцій V 7, 7 (D. 420)* Гиппонаксъ. Если одержитъ верхъ сѣмя, то (*рождается*) самецъ, если же пища, то самка.

15. Цензоринъ 6, 1 По мнѣнію же Гиппона, (раньше всего выростаетъ) голова, въ которой находится первенствующая часть души.

16. — 9, 2 Гиппонъ, который пишетъ, что ребенокъ образуется въ теченіе 60 дней и на четвертомъ мѣсяцѣ тѣло (его) дѣлается густымъ, на пятомъ возникаютъ ногти или волосы, на седьмомъ человѣкъ уже законченъ. *7, 2* Гиппонъ изъ Метапонта опредѣлилъ, что рожденіе возможно отъ седьмого до десятаго мѣсяца. Ибо на седьмомъ (мѣсяцѣ) плодъ уже зрѣлъ, потому что во всѣхъ (вещахъ) число семь наиболѣе могущественно, такъ какъ мы формируемся въ теченіе семи мѣсяцевъ, по прошествіи другихъ (семи мѣсяцевъ) начинаемъ вставать, принимая прямое положеніе, съ седьмого мѣсяца выростаютъ зубы у насъ и выпадаютъ тоже съ седьмого года, на четырнадцатомъ же году мы обыкновенно покрываемся пушкомъ. Но эта зрѣлость, начинающаяся съ семи мѣсяцевъ, продлена до десяти, такъ какъ и во всѣхъ другихъ (*вещахъ*) та же самая природа, (*а именно, такая*), что къ семи мѣсяцамъ или годамъ присовокупляются для завершенія три или мѣсяца или года: ибо зубы появляются у ребенка семи мѣсяцевъ и преимущественно на десятомъ ихъ выростаніе заканчивается, на седьмомъ году выпадаютъ первые изъ нихъ, на десятомъ послѣдніе, съ четырнадцатаго года покрываются пушкомъ нѣкоторые, но на семнадцатомъ году всѣ.

17. — 6, 3 Но Діогенъ (*51 A 25*) и Гиппонъ были того мнѣнія, что въ животѣ (*матери*) есть нѣкая выдающаяся (часть), которую ребенокъ захватываетъ ртомъ и тянетъ изъ него пищу такъ, какъ по рожденіи изъ сосцовъ матери.

18. — 6, 9 (Далѣе) слѣдуетъ о двойняхъ. Бывающее иногда рожденіе двойни зависитъ, по мнѣнію Гиппона, отъ количества сѣмени. А

именно, когда сѣмени бываетъ больше, чѣмъ сколько достаточно для одного, оно дѣлится на двѣ части.

19. Θеофрастъ hist. plant. I 3, 5 Ибо всякое (растеніе), говоритъ Гиппонъ, бываетъ дикимъ и садовымъ въ зависимости отъ того, получаетъ оно уходъ или не получаетъ; безплодными же и плодоносными, цвѣтущими и не цвѣтущими (*растенія бываютъ*) въ зависимости отъ мѣста и окружающаго воздуха, точно такъ же теряющими листву и вѣчнозелеными. *III 2, 2* Однако, Гиппонъ говоритъ, что всякое (растеніе) бываетъ и садовымъ и дикимъ, (а именно), за чѣмъ ухаживаютъ, то (бываетъ) садовымъ, а за чѣмъ не ухаживаютъ, то дикимъ. Онъ говоритъ отчасти правильно. Дѣйствительно, все, о чемъ совершенно нерадѣютъ, становится хуже и дичаетъ, но не все, за чѣмъ ухаживаютъ, становится лучше, какъ (выше) было сказано.

B. Фрагменты.

1. *Схоліи къ Гомеру Genav. p. 197, 19 Nicole къ Иліадѣ XXI 195*:

(*193—197 стихи*) „Но невозможно бороться съ Зевсомъ, сыномъ Крона. Съ нимъ не равняется ни царь Ахелой, ни великая сила глубокаго Океана, изъ котораго истекаютъ всѣ рѣки, всякое море, всѣ источники и глубокіе колодцы".

Кратесъ же во второй книгѣ „Гомеровскихъ (изслѣдованій)", указывая, что Океанъ (есть) „Великое море", говоритъ: „Ибо эти слова могли бы подойти только къ внѣшнему морю, которое еще и теперь нѣкоторые называютъ „Великимъ моремъ", другіе—„Атлантическимъ моремъ", третьи—Океаномъ. (Вѣдь) какая же рѣчка могла бы имѣть такую силу? Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые (*Зенодотъ, Мегаклидъ*), вычеркивая стихъ объ Океанѣ (*то-есть, 195-ый стихъ*), приписываютъ (*все*) это Ахелою, который меньше не только моря, но и морскихъ заливовъ,—я имѣю въ виду (заливы) Тирренскій и Іонійскій. Гомеръ же, говоритъ Кратесъ, сказалъ въ трехъ стихахъ (*195—197*) то, чему согласно съ нимъ учили и позднѣйшіе физики, (а именно), что вода, окружающая землю въ большей части ея, есть Океанъ, изъ котораго (*беретъ свое начало*) годная для питья (*вода*). (*Такъ*), Гиппонъ (*говоритъ*):

„Ибо вся годная для питья вода (происходитъ) изъ моря. Дѣло въ томъ, что, если бы были источники болѣе глубоко (лежащіе), то море не было бы источникомъ той воды, которую мы пьемъ. Вѣдь въ послѣднемъ случаѣ вода происходила бы не изъ моря, но изъ чего-либо другого. Теперь же (*мы должны отмѣтить, что*) море лежитъ глубже, чѣмъ (другія) воды. Итакъ, все, что лежитъ выше моря, имѣетъ свое начало отъ него. Такимъ образомъ онъ сказалъ то же самое, что Гомеръ".

Ложные фрагменты.

2. *Климентъ Protr. 55* Итакъ нельзя негодовать и на Гиппона за то, что онъ обожествилъ свою собственную смерть. Этотъ Гиппонъ приказалъ написать на своемъ памятникѣ слѣдующее двустишіе (*цит. ниже приводимые стихи*). *Александръ in Metaph. 27, 1* (*Аристотель*), пожалуй, говоритъ здѣсь о немъ, что онъ былъ безбожникомъ. Дѣйствительно такова и надпись на могилѣ его (*слѣдуетъ цитата*).

„Это—могила Гиппона, котораго послѣ его смерти Судьба сдѣлала равнымъ безсмертнымъ богамъ".

3. *Атеней XIII 610 В* Когда память его (*Миртила*) вызвала всеобщее удивленіе, Кинулкъ сказалъ: „нѣтъ ничего болѣе пустого, чѣмъ (*такое*) (многознайство" <*** *слѣдовала пропавшая цитата подобнаго же содержанія изъ Гиппона*> *сказалъ атеистъ Гиппонъ. Слѣдуетъ 12 В 40.*

4. *Клавдіанъ Мам. de anima 7 p. 121, 14 Eng.* Метапонтинецъ Гиппонъ изъ той же пиѳагорейской школы, предпославъ въ пользу своего мнѣнія неопровержимые аргументы, такъ разсуждаетъ о душѣ: „Совершенно иное есть душа, и иное—тѣло; вѣдь душа и при безчувственномъ тѣлѣ бываетъ здоровой, и при слѣпомъ (тѣлѣ) видитъ, и при мертвомъ живетъ.

---

27. Фалей и Гипподамъ.

1. *Аристотель „Политика" (пер. С. Жебелева) В 7. 1266 а 36.* (*1*) Нѣкоторымъ изъ авторовъ этихъ проектовъ наиболѣе существеннымъ представляется правильное урегулированіе всего, относящагося къ собственности, такъ какъ всякаго рода внутренніе безпорядки, говорятъ авторы этихъ проектовъ, возникаютъ именно изъ-за вопросовъ, касающихся собственности. Поэтому-то Фалей халкедонскій первый сдѣлалъ на этотъ счетъ такое предложеніе: вся земельная собственность гражданъ, говоритъ онъ, должна быть равною. (*2*) По мнѣнію Фалея, такое уравненіе собственности нетрудно провести въ моментъ образованія государствъ; послѣ ихъ образованія устроить это труднѣе, хотя все-таки какъ можно скорѣе нужно было бы уравнять собственность, и вотъ какимъ образомъ: богатые, (при выдачѣ своихъ дочерей замужъ), должны давать приданое за ними; но (когда богатые женятся на богатыхъ) они приданаго получать не должны; и наоборотъ, бѣдные (въ подобныхъ случаяхъ) приданаго не даютъ, но его получаютъ и т. д. *8. 1. 1267 b 20* На основаніи всего вышеизложеннаго всякій можетъ судить, что въ государственномъ устроеніи Фалея проектировано хорошо, что—плохо.

1267 b 22 Иппподамъ, сынъ Еврифонта, уроженецъ Милета,—тотъ самый, который изобрѣлъ распланировку городовъ (по улицамъ или

кварталамъ) и раздѣлилъ (прямыми улицами) Пирей, который и вообще въ образѣ жизни, движимый честолюбіемъ, склоненъ былъ къ слишкомъ большой эксцентричности, такъ что, нѣкоторымъ казалось, онъ былъ болѣе занятъ своею густою шевелюрою и ея прической, а также одеждой простой и теплой не только въ зимнее, но и въ лѣтнее время—, желая показать себя ученымъ знатокомъ природы въ ея цѣломъ, первый изъ частныхъ людей попробовалъ изложить кое-что о наилучшемъ государственномъ устроеніи. (2) По проекту Ипподама, государство заключаетъ въ себѣ 10000 гражданъ и дѣлится на три класса: первый образуютъ ремесленники, второй—земледѣльцы, третій, на обязанности котораго лежитъ защита государства,--воины. Территорія государства также дѣлится на три части: священную, общественную и частную. Священная часть территоріи—та, съ доходовъ которой долженъ быть отправляемъ установленный религіозный культъ; общественная часть—та, съ доходовъ которой должны получать средства къ существованію защитники государства; наконецъ, третья часть находится въ частномъ владѣніи земледѣльцевъ. По мнѣнію Ипподама, и законы существуютъ только трояваго вида, въ соотвѣтствіи съ категоріями тѣхъ преступленій, которыя влекутъ за собою судебные процессы; эти преступленія суть: оскорбленіе чести, нарушеніе права собственности и смертоубійство. (3) Ипподамъ проектировалъ учредить и одно верховное судилище, куда должны были быть переносимы разбирательства по всѣмъ дѣламъ, рѣшеннымъ, по мнѣнію тяжущихся, неправильно. Въ этомъ судилищѣ, по проекту Ипподама, должно состоять опредѣленное число старцевъ, назначаемыхъ путемъ избранія. Судебныя рѣшенія въ судахъ должны, по мнѣнію Ипподама, происходить не посредствомъ подачи голосовъ: каждый судья приноситъ съ собою дощечку, на которой написано „виновенъ“, если судья безусловно обвиняетъ подсудимаго, а если онъ его безусловно оправдываетъ, то дощечка оставляется пустою; въ случаяхъ же условнаго осужденія или оправданія и то и другое рѣшеніе надлежитъ точно мотивировать. Современныя законоположенія, касающіеся судебныхъ разбирательствъ, были по мнѣнію Ипподама, далеко несовершенны: произнося только либо обвинительный, либо оправдательный приговоръ, судьямъ, неизбѣжно, приходится поступать противъ данной ими присяги (судить по совѣсти). (4) Сверхъ того Ипподамъ устанавливалъ законъ касательно тѣхъ, кто изобрѣтаетъ что-либо полезное для государства: такія лица должны получать почести, точно такъ же дѣти павшихъ на войнѣ должны быть воспитываемы на казенный счетъ. Но въ этомъ послѣднемъ законоположеніи Ипподама ничего новаго нѣтъ, такъ какъ такого рода законъ и въ настоящее время существуетъ и въ Аѳинахъ и въ другихъ государствахъ. Всѣ магистраты, по проекту Ипподама, должны быть избираемы народомъ, т. е. тѣми тремя частями государства, о которыхъ упомянуто выше. Избранные магистраты обязаны имѣть попеченіе о дѣлахъ, касающихся государства, равно какъ о дѣлахъ, относящихся къ иноземцамъ и сиротамъ. (5) Вотъ почти всѣ наиболѣе примѣчательные пункты проекта государственнаго строя Ипподама.

2. Аристотель „Политика“ VII 11. 1330 b 21 (пер. С. Жебелева) Расположеніе частныхъ домовъ (по улицамъ) считается болѣе красивымъ и болѣе полезнымъ въ интересахъ житейскаго обихода тогда, когда улицы идутъ прямо, по новѣйшей модѣ, т. е. по Ипподамову способу. Для безопасности же въ военномъ отношеніи, наоборотъ, лучше тотъ способъ распланировки города, какой существовалъ въ старину: эта распланировка была такова, что при ней съ трудомъ могли найти выходъ изъ города наемныя войска, а нападающимъ на городъ трудно было въ ней оріентироваться.

3. Гезихій см. слово: „Раздѣленіе Гипподама“. Гипподамъ, сынъ Эврифонта, онъ также метеорологъ, раздѣлилъ для аѳинянъ Пирей (*прямыми улицами*). Будучи милетцемъ, онъ переселился въ Ѳуріаки.

4. Гарпократіонъ см. слово „Гипподамова“. Демосѳенъ въ рѣчи противъ Тимоѳея говоритъ, что въ Пиреѣ есть площадь, именуемая Гипподамовой отъ Гипподама, милетскаго архитектора, построившаго Пирей для аѳинянъ *V. Bekk. Lex. p. 266, 28* Гипподамова площадь: мѣсто въ Пиреѣ. (*получившее свое названіе*) отъ милетскаго архитектора Гипподама, построившаго аѳинянамъ Пирей и распланировавшаго улицы города. *Ошибочно Схоліи къ Аристофану Equ. 327* „Гипподама“: послѣдній жилъ въ Пиреѣ и имѣлъ домъ, который предоставилъ въ собственность государству. И онъ первый соединилъ Пирей (*съ Аѳинами*) во время Персидскихъ войнъ (!)... И одни называютъ его ѳурійцемъ, другіе самосцемъ, третьи милетцемъ

5. Страбонъ XIV 654 Нынѣшній городъ (*Родосъ*) былъ основанъ во время Пелопоннесской войны, какъ говорятъ, тѣмъ же самымъ архитекторомъ, который (*построилъ*) Пирей. *Діодоръ XIII 75* (*Въ первый годъ 93 олимпіады=408 г. до Р. Х.*) Жители же острова Родоса, Ялиса, Линда и Камира переселились въ одинъ городъ, нынѣ именуемый Родосомъ.

---

28. Поликлитъ.

А. Жизнь и сочиненіе.

1. Платонъ Prot. 311 C Если бы, придя къ аргосцу Поликлиту или аѳинянну Фидію, ты намѣревался платить имъ за себя и т. д. *328 C* Такъ какъ и сыновья Поликлита, сверстники Парала и этого Ксантиппа, ничего не стоятъ въ сравненіи со (*своимъ*) отцомъ.

2. Плиній N. H. 34, 55 Поликлитъ изъ Сикіона, ученикъ Гагелады, сдѣлалъ за сто талантовъ прославленную (*статую*) юноши Діадумена [1],

[1]) Діадуменъ, или Діадематъ,—имя юноши, который былъ изображенъ болѣе красивымъ, нежели онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

придавъ ей нѣжныя черты; онъ же (*слѣпилъ*) мальчика-копьеносца, придавъ послѣднему мужественное выраженіе. Сдѣлалъ онъ также (статую), которую называютъ „Канономъ" художники, старающіеся получить изъ нея, какъ бы отъ нѣкотораго образца, предписанія для своего творчества; (*такимъ образомъ*) признаютъ, что только онъ одинъ изъ (*всѣхъ*) людей произведеніемъ искусства создалъ самое искусство (*какъ науку*).

3. Галенъ de temper. I 9 p. 42, 25 Helmr. Таковъ именно способъ (*познаванія*). Пріучиться легко узнавать центръ во всякомъ родѣ животныхъ и во всѣхъ (вещахъ) не по силамъ первому встрѣчному, но (*это дѣло*) требуетъ величайшаго прилежанія, продолжительнаго опыта и обширнаго знанія всѣхъ частностей. Такъ, по крайней мѣрѣ, ваятели, скульпторы-живописцы и вообще (*всѣ тѣ*), кто дѣлаетъ статуи, рисуютъ и лѣпятъ прекраснѣйшія (*вещи*) соотвѣтственно каждому виду; такъ, напримѣръ, (*изображаютъ*) прекраснѣйшаго человѣка, или лошадь, или быка, или льва, обращая въ каждомъ родѣ вниманіе на центръ. Хвалятъ нѣкую статую Поликлита, называемую „Канонъ", которая получила названіе вслѣдствіе точной симметріи всѣхъ частей ея относительно другъ друга. *de plac. Hipp. et Plat. V p. 425, 14 Müll.* Вѣдь (*Хризиппъ*) ясно показалъ это посредствомъ рѣчи, приведенной нѣсколько раньше, въ которой онъ говоритъ, что здоровіе тѣла есть соразмѣрность въ (*образующихъ его*) тепломъ, холодномъ, сухомъ и влажномъ. Это, очевидно, суть элементы тѣлъ, красота же, по его мнѣнію заключается не въ соразмѣрности элементовъ, но въ симметріи частей,—очевидно, въ соразмѣрности пальца относительно пальца, и всѣхъ ихъ относительно пясти и кисти руки, и послѣднихъ относительно локтя, и локтя относительно руки, и (*вообще*) всѣхъ (*частей*) относительно всѣхъ, подобно тому какъ написано въ „Канонѣ" Поликлита. Дѣло въ томъ, что показавъ намъ въ этомъ сочиненіи всѣ симметріи тѣла, Поликлитъ доказалъ на дѣлѣ (свое) ученіе, сдѣлавъ статую по правиламъ своего ученія и назвавъ и самую статую, какъ и сочиненіе, Канономъ. И дѣйствительно, красота тѣла заключается, согласно ученію всѣхъ врачей и философовъ, въ симметріи частей.

В. Фрагменты.

«Канонъ» Поликлита.

1. *Плутархъ de profect. virt. 17 p. 86 A* (*какъ А 3 изъ Хризиппа*) Прогрессирующіе, у которыхъ уже какъ бы „выкованъ золотой фундаментъ" (*Пиндаръ*) нѣкотораго священнаго зданія и царской жизни, относятся ко (*всему*) происходящему отнюдь не кое-какъ, но, (*исходя*) отъ нормы своего ученія, присоединяютъ и приспособляютъ (*соотвѣтствующимъ образомъ*) каждое (*новое явленіе*). Относительно этого, думается намъ, Поликлитъ говоритъ, что „самое трудное дѣло тѣхъ, у кого (*обра-*

ботка) глины дошла до ногтя" (*т. е. наиболѣе трудна окончательная отдѣлка*). *Quaest. conviv. II 3, 2 p 636 C* И дѣйствительно, искусство лѣпитъ сперва грубыя безформенныя (*произведенія*) и затѣмъ придаетъ имъ формы (*отдѣльныхъ*) видовъ. Какъ сказалъ ваятель Поликлитъ, „самое трудное дѣло, когда (*обработка*) глины дошла до ногтя". Поэтому-то естественно, чтобы болѣе необработанная матерія сперва спокойно повиновалась движущей (*ее*) природѣ, производя (*такимъ образомъ*) безформенные и неопредѣленные виды въ родѣ яицъ; когда же послѣдніе затѣмъ оформляются и дифференцируются, создается животное.

„Самое трудное дѣло ихъ (*художниковъ?*), когда (*обработка*) глины дошла до ногтя". [1])

2. *Филонъ mechan. IV 1 p 49, 20* По крайней мѣрѣ, многіе, принявшись за сооруженіе инструментовъ равной величины, воспользовавшись той же самой конструкціей, (употребивъ) одинаковый древесный матеріалъ и одинаковое желѣзо, и не мѣняя самаго вѣса, сдѣлали (*однако*) одни (*инструменты*) далеко кидающими и сильно ударяющими, другіе же—отстающими отъ (*только что*) упомянутыхъ. И на вопросъ, отчего это случилось, они не были въ состояніи объяснить причину. Такимъ образомъ изреченіе, высказанное ваятелемъ Поликлитомъ, относится къ тому (предмету), о которомъ намъ предстоитъ говорить. А именно онъ сказалъ:

„Успѣхъ (*произведенія искусства*) зависитъ отъ многихъ числовыхъ отношеній, причемъ (*всякая*) мелочь имѣетъ значеніе".

Точно такъ же и въ нашемъ искусствѣ случается при совершеніи работъ при помощи многихъ числовыхъ отношеній вслѣдствіе допущенія маленькаго отступленія получить въ конечномъ итогѣ большую ошибку.

---

29. Энопидъ.

1. *Проклъ in Eucl. S. 65, 21* Послѣ него (*Пиѳагора, см. 4, 6a*) занимался многими (вопросами), относящимися къ геометріи, Анаксагоръ Клазоменскій и Энопидъ Хіосскій, который былъ немного моложе Анаксагора.

1a. *Vita Ptolem. Neapol. (Rohde Kl. Schr. I 123[1] объ Энопидѣ Хіосскомъ)* Онъ былъ извѣстенъ въ концѣ Пелопоннесской войны, въ каковое время жилъ также ораторъ Горгій, элеатъ Зенонъ и, какъ говорятъ нѣкоторые, галикарнасецъ историкъ Геродотъ.

2. (*Платонъ*) *Erast. p. 132 A* Но, какъ показалось (*мнѣ*), два мальчика спорили не то объ Анаксагорѣ, не то объ Энопидѣ. По крайней мѣрѣ, показалось, что они чертятъ круги и, наклонясь, весьма старательно воспроизводятъ руками какія-то наклоненія.

---

[1]) Смыслъ изреченія по Гете: „Трудности растутъ по мѣрѣ приближенія къ цѣли".

3. Діогенъ IX 41 Итакъ, пожалуй, онъ (*Демокритъ*) былъ современникомъ Архелая, ученика Анаксагора, и приверженцевъ Энопида. И дѣйствительно, онъ упоминаетъ его (*Энопида?*).

4. Гномологіумъ Ватиканскій 743 ed. Sternbach n. 420 Видя необразованнаго отрока, пріобрѣтающаго много книжекъ, Энопидъ сказалъ: „Не для шкапика, но для души".

5. Секстъ Pyrrh hyp. III 30 Энопидъ же Хіосскій: (начала суть) огонь и воздухъ.

6. Аэцій I 7, 17 (D. 302) Діогенъ (Аполлонійскій), Клеанѳъ и Энопидъ: (богъ есть) душа міра.

7. Ѳеонъ Смирнскій p. 198, 14 (1 A 17, изъ Деркиллида) Эвдемъ въ „Исторіи астрономіи" повѣствуетъ, что Энопидъ первый открылъ косое положеніе зодіака и кругъ большого года. *Аэцій II 12, 2 (D. 340)* Говорятъ, что Пиѳагоръ первый замѣтилъ косое положеніе круга зодіака; это Энопидъ Хіосскій присвоилъ себѣ, выдавая за свое собственное открытіе. *Діодоръ I 98, 2* Пиѳагоръ научился у египтянъ Священному слову, геометрическимъ теоремамъ и ученію о числахъ. Полагаютъ также, что и Демокритъ провелъ среди нихъ пять лѣтъ и научился (*у нихъ*) многимъ астрономическимъ ученіямъ. Равнымъ образомъ и Энопидъ имѣлъ сношенія со жрецами и астрологами и научился (*у нихъ*) какъ другимъ (ученіямъ), такъ особенно тому, что солнечный кругъ имѣетъ косой путь и быстро движется въ направленіи, противоположномъ прочимъ звѣздамъ. *Макробій Sat. I 17. 31 (изъ соч. Аполлодора:* „О богахъ"). Аполлонъ называется Локсіемъ, такъ какъ онъ выводитъ косой кругъ, двигаясь съ запада на востокъ, то-есть, такъ какъ онъ подвигаетъ косой кругъ съ запада на востокъ.

8. Цензоринъ 19, 2 (изъ Варрона) Энопидъ открылъ, что естественный годъ заключаетъ въ себѣ $365^{22}/_{59}$ дней.

9. Эліанъ V H. X 7 Астрономъ Энопидъ Хіосскій выставилъ на Олимпійскихъ играхъ мѣдную доску, на которой написалъ астрономическія наблюденія за 59 лѣтъ, сказавъ, что это (*число лѣтъ составляетъ*) великій годъ. Левконейскій астрономъ Метонъ воздвигъ столбы, написалъ солнцестоянія (*17 іюня 432 г.*) и, какъ онъ говорилъ, открылъ великій годъ, который объявилъ равнымъ 19 годамъ. *Аэцій II 32, 2 (D 363)* Великій годъ одни считаютъ равнымъ восьмилѣтію (*срв. 70 B 4*), другіе 19 годамъ (*Метонъ*), третьи считаютъ его равнымъ въ четыре раза большему числу лѣтъ (*76 лѣтъ, циклъ Каллиппа*), четвертые—59 годамъ (въ числѣ послѣднихъ Энопидъ и Пиѳагоръ). Иные же (*полагаютъ великій годъ*) въ такъ называемой главѣ міра. Это есть (*время*) возвращенія семи планетъ къ тѣмъ же самымъ знакамъ, на которыхъ онѣ были въ началѣ движенія.

10. Аристотель Meteor. A 8. 345 a 15 Итакъ, изъ такъ называемыхъ пиѳагорейцевъ нѣкоторые говорятъ, что это (*именно* млечный путь) есть путь звѣздъ, упавшихъ съ чего-то во время такъ называемой гибели при Фаэтонѣ, другіе же говорятъ, что этотъ кругъ нѣкогда носилъ на себѣ

солнце. Итакъ, это мѣсто какъ бы воспламенилось или съ нимъ случилось что-нибудь другое въ этомъ родѣ отъ гибели Фаэтона *Ахиллъ isag ad Arat. 24 p. 55, 18 Maass.* (*изъ Посидонія*) Другіе же,—въ томъ числѣ и Энопидъ Хіосскій, говорятъ, что вначалѣ при посредствѣ его (млечнаго круга) двигалось солнце; благодаря же пиру Ѳіеста послѣднее повернуло назадъ и описываетъ противоположный ему кругъ, который нынѣ опредѣляется зодіакомъ *Срв. Аэцій III 1, 2 (45 B 37 c.).*

11. Діодоръ I 41, 1 (D. 228, изъ Аристотеля de Nilo fr. 248 Rose) Энопидъ же Хіосскій говоритъ, что лѣтомъ воды на землѣ холодны, зимою же, напротивъ, теплы, и что это дѣлается очевиднымъ изъ (*наблюденія надъ*) глубокими колодцами. А именно, въ серединѣ зимы вода въ нихъ бываетъ наименѣе холодной, во время же сильнѣйшихъ жаровъ изъ нихъ извлекается самая холодная влага. Поэтому-то и Нилъ, согласно съ требованіями разума, зимою уменьшается (въ своихъ размѣрахъ) и бываетъ малъ, вслѣдствіе того что земная теплота истребляетъ большую часть влажной субстанціи, дождей въ Египтѣ (въ это время) не бываетъ. Лѣтомъ же, пока еще не происходитъ траты (*влаги*), находящейся на землѣ въ глубокихъ мѣстахъ, естественное теченіе его безпрепятственно изобилуетъ (*водой*).

12. Проклъ in Euclid. p. 80, 15 Приверженцы Зенодота, который былъ близокъ къ преемникамъ Энопида, принадлежалъ же къ числу учениковъ Андрона, отличали теорему отъ проблемы такимъ образомъ, что теорема изслѣдуетъ, каковъ отличительный признакъ (*изслѣдуемой*) въ данной теоремѣ матеріи, проблема же (*изслѣдуетъ*), къ какому бытію что принадлежитъ.

13. — — p. 283, 4 (ad prop. 12, probl. 7: на данную безконечную прямую изъ данной точки, которая не лежитъ на этой прямой, опустить перпендикуляръ). Эту проблему изслѣдовалъ Энопидъ, считая ее полезной для астрономіи. Называетъ же онъ перпендикуляръ по-старинному; (*въ старину вмѣсто „перпендикуляръ“ говорили*) „по гномону“, такъ какъ гномонъ образуетъ прямой уголъ съ горизонтомъ.

14. — — p. 333, 1 (ad prop. 23, probl. 9) При данной прямой и точкѣ передъ ней построить плоскій уголъ, равный данному плоскому углу. И эта проблема есть скорѣе открытіе Энопида, какъ говоритъ Эвдемъ.

---

30. Гиппократъ Хіосскій.[1]) Эсхилъ.

1. Проклъ in Eucl. p. 66, 4 (изъ „Исторіи геометріи“ Эвдема) За ними (*Анаксагоромъ, Энопидомъ*) Гиппократъ Хіосскій, открывшій квадратуру луночки, и Ѳеодоръ Киренскій прославились въ геометріи... А

[1]) О мнимой принадлежности Гиппократа къ пиѳагорейской школѣ см. Ямвлихъ (стр. 80 первой части).

именно, Гиппократъ первый изъ упоминаемыхъ (*здѣсь*) написалъ „Элементы“. *Далѣе слѣдуетъ Платонъ.*

2. Эвдемъ Eth. VII 14. 1247 a 17 Такъ, напримѣръ, Гиппократъ былъ искусенъ въ геометріи, во (*всемъ же*) прочемъ былъ, какъ кажется, тупоуменъ и глупъ; какъ говорятъ, во время морского путешествія онъ по причинѣ своей простоты лишился большого количества золота благодаря сборщикамъ пошлины въ Византіи. *Плутархъ Sol. 2 (см. стр. 17 и 80 первой части). Филопонъ in phys. 31, 3* Нѣкто Гиппократъ Хіосскій, бывшій купцомъ, нечаянно попалъ на корабль пиратовъ и, лишившись всего (имущества), прибылъ въ Аѳины, чтобы подать жалобу на грабителей. Оставаясь продолжительное время въ Аѳинахъ по причинѣ этой тяжбы, онъ часто посѣщалъ философовъ и достигъ такого знанія геометріи, что принялся отыскивать квадратуру круга.

3. Аристотель Soph. el. 11. 171 b 12 Ибо неправильные (геометрическіе) чертежи не входятъ въ область эристики (вѣдь *въ этомъ случаѣ* ложныя умозаключенія подчинены *геометрической* наукѣ), и это даже въ томъ случаѣ, если какой-либо неправильный чертежъ относится къ (чему-либо) истинному, какъ, напримѣръ, чертежъ Гиппократа, или квадратура (круга посредствомъ луночекъ). *phys A 2. 185 a 16* Рѣшить квадратуру (круга) посредствомъ отрѣзковъ—(*задача, за которую приняться можетъ лишь*) человѣкъ искусный въ геометріи, квадратура же Антифонта (*80 B 13*)—(дѣло человѣка) неискуснаго въ геометріи. *Къ этому Симплицій 55, 26* Квадратура „посредствомъ отрѣзковъ“ (значитъ) квадратура посредствомъ луночекъ, которую открылъ Гиппократъ Хіосскій. Ибо луночка есть отрѣзокъ круга. *60. 22* Однако, Эвдемъ въ „Исторіи геометріи“ говоритъ, что Гиппократъ демонстрировалъ квадратуру луночки не на сторонѣ квадрата, но, можно сказать, вообще. Дѣло въ томъ, что внѣшняя окружность всей луночки бываетъ или равной полукругу, или больше или меньше его, Гиппократъ же превращаетъ въ четыреугольникъ (*луночку*), у которой (внѣшняя окружность) равна полукругу, а также больше и меньше, его; итакъ какъ кажется, пожалуй, онъ доказалъ вообще .. Говоритъ же онъ слѣдующимъ образомъ во второй книгѣ „Исторіи геометріи“: „Чертежи, изображающіе квадратуру луночекъ, которые, вслѣдствіе ихъ близкаго отношенія къ кругу, считались принадлежащими не къ обыкновеннымъ фигурамъ, впервые были начерчены Гиппократомъ и были разъяснены, повидимому, слѣдующимъ образомъ“. *Далѣе (p. 61, 5—68, 32) слѣдуетъ пространное доказательство* [1]).

---

[1]) Гиппократъ первый показалъ, что площадь фигуры, ограниченной кривыми линіями, можетъ быть равна площади прямолинейной фигуры. А именно, онъ доказалъ, что площадь *луночки* равна площади треугольника (а, слѣдовательно, можно построить и равновеликій ей квадратъ). О луночкахъ Гиппократа и отношеніи ихъ къ квадратурѣ круга подробно говоритъ Ващенко-Захарченко: „Исторія математики“, т. I, стр. 34—42, который, признавая у Гиппократа необыкновенный геометрическій умъ, считаетъ упрекъ, сдѣланный ему Аристотелемъ, несправедливымъ.

4. *Псевдо-Эратосоенъ epist. ad Ptolem.* (*Eutoc. in Archim. III 104, 11 Heib.*) Между тѣмъ какъ въ теченіе продолжительнаго времени вопросъ (*удвоеніе куба*) приводилъ всѣхъ въ затрудненіе, Гиппократъ Хіосскій первый усмотрѣлъ, что, если бы удалось изъ двухъ прямыхъ линій, изъ которыхъ бо́льшая въ два раза больше меньшей, получить двѣ среднихъ пропорціональныхъ (линіи) въ непрерывной пропорціи, то задача удвоенія куба была бы рѣшена; такимъ образомъ данное затрудненіе онъ свелъ къ другому не меньшему затрудненію [1]).

5. *Аристотель Meteorol. A 6* (*о кометѣ*) *342 b 29* Нѣкоторые же изъ италійскихъ (*мыслителей*) и такъ называемыхъ пиоагорейцевъ говорятъ, что она (*комета*) есть одна изъ планетъ, имѣющая ту особенность, что она появляется черезъ большой промежутокъ времени и едва поднимается надъ горизонтомъ, что бываетъ также и со звѣздой Меркурія. А именно, вслѣдствіе незначительнаго восхожденія послѣдней, многія появленія ея не наблюдаются, и такимъ образомъ (*для насъ*) она является (видимой только) черезъ большой промежутокъ времени. Приблизительно такъ же, какъ вышеупомянутые (*мыслители*), высказывались также приверженцы Гиппократа Хіосскаго и ученика его Эсхила; особенностью ученія послѣднихъ было лишь то, что (по ихъ мнѣнію), хвостъ (комета) имѣетъ не сама по себѣ, но въ своемъ скитаніи въ пространствѣ она иногда пріобрѣтаетъ его благодаря отраженію нашего зрѣнія отъ влекомой ею влаги къ солнцу. Вслѣдствіе же того, что она отстаетъ (*отъ другихъ звѣздъ, двигаясь*) наиболѣе медленно, она появляется черезъ наибольшій промежутокъ времени по сравненію со всѣми (прочими) звѣздами, такъ какъ, при наблюденіи съ того же самаго мѣста, весь кругъ ея (оказывается) отставшимъ. Отстаетъ же онъ и относительно сѣвера и относительно юга. Итакъ, въ мѣстѣ, расположенномъ между тропиками, она не притягиваетъ къ себѣ воду вслѣдствіе сожженія (послѣдней) отъ быстраго движенія солнца. Когда же она несется къ югу, она (правда) имѣетъ такую влагу въ изобиліи, но, вслѣдствіе того, что часть круга, расположенная надъ землей, незначительна, расположенная же подъ землей—гораздо больше, зрѣніе людей вслѣдствіе отраженія не можетъ доходить до солнца ни тогда, когда солнце приближается къ югу, ни когда наступаетъ лѣтнее солнцестояніе. Поэтому-то въ этихъ мѣстахъ и не появляется комета, какъ таковая (*т. е. съ хвостомъ*) Когда же, отставъ, она очутится на сѣверѣ, она пріобрѣтаетъ хвостъ вслѣдствіе того, что (часть) круга, расположенная надъ горизонтомъ, велика, нижняя же часть круга мала. Дѣло въ томъ, что въ этомъ случаѣ зрѣніе людей легко достигаетъ солнца. *Олимпіодоръ къ этому мѣсту 45, 24* Пиоагоръ же и Гиппократъ (не Косскій, но Хіосскій, бывшій раньше по профессіи купцомъ и (позже) открывшій неправильное ученіе о квадратурѣ круга) говорили, что комета есть ше-

---

[1]) Итакъ, стереометрическую задачу удвоенія куба Гиппократъ сводитъ на планиметрическую: по даннымъ двумъ прямымъ (сторонѣ даннаго куба и удвоенной этой же сторонѣ) найти двѣ средне-пропорціональныхъ.

стая планета, скорость движенія которой равна (скорости) планеты Меркурія. Поэтому-то, подобно тому какъ (планета) Меркурія рѣдко показывается, точно такъ же и она (*комета*). Но Пиѳагоръ говорилъ, что и звѣзда и хвостъ (ея) происходятъ изъ пятой сущности, Гиппократъ же (*полагалъ, что сама*) звѣзда (*происходитъ*) изъ пятой (*сущности*), хвостъ же ея —отъ подлуннаго мѣста. А именно, онъ говоритъ, что хвостъ возникаетъ по той причинѣ, что отъ кометы въ верхнія (мѣста) возносится паръ и происходитъ отраженіе нашего зрѣнія къ солнцу.

6. Аристотель Meteor. A 8. 345 b 9 Есть еще нѣкое третье мнѣніе о немъ. А именно, нѣкоторые говорятъ, что млечный путь есть отраженіе нашего зрѣнія къ солнцу, подобно тому какъ и звѣзда комета. *Олимпіодоръ къ этому мѣсту 68, 30* Четвертое (*по счету комментатора Олимпіодора*) мнѣніе принадлежитъ Гиппократу Хіосскому. Онъ говоритъ, что млечный путь происходитъ вслѣдствіе отраженія не отъ испаренія (какъ мы сказали относительно кометы), но отъ звѣздъ. Итакъ, говоритъ онъ, зрѣніе устремляется къ звѣздамъ, оттуда отражается къ солнцу и такимъ образомъ несется (*обратно*) къ намъ.

---

31. Ѳеодоръ.

1. Ямвлихъ V. P. 267 p. 193, 4 (*Перечень пиѳагорейцевъ; см. 45 A*) Изъ Кирены Проръ..., Ѳеодоръ.

2. Эвдемъ fr. 84 Послѣ нихъ (*Анаксагора, Энопида*) Гиппократъ Хіосскій... и Ѳеодоръ Киренскій прославились въ геометріи.

3. Діогенъ II 103 Лицъ, носившихъ имя Ѳеодора (*и пріобрѣвшихъ извѣстность*), было 20. Во-первыхъ, самосецъ, сынъ Ройка... во-вторыхъ, геометръ изъ Кирены, ученикомъ котораго былъ Платонъ. *III 6.* (*см. 32 A 5*).

4. Дѣйствующее лицо въ діалогахъ Платона „Теэтетъ“, „Софистъ“, „Политикъ“. Срв., напримѣръ, Платонъ Theaet. (пер. Карпова) 145 c Сокр. Говори же мнѣ: вѣроятно, учишься ты у Ѳеодора чему-нибудь изъ геометріи?—*Теэт.* Да.—И чему-нибудь также относительно астрономіи, гармоніи, счисленія?—По крайней мѣрѣ, стараюсь.—Да вѣдь и я, дитя мое, учусь, и у него-таки, и у другихъ, которые, по моему, мнѣнію, знаютъ нѣчто такое. *147 D* Этотъ Ѳеодоръ объяснялъ намъ чертежами нѣчто о потенціяхъ, о трехфутовой и пятифутовой величинѣ, доказывая, что по долготѣ онѣ не соразмѣрны футу: такъ бралъ онъ каждую порознь потенцію до семнадцатифутовой. *Берлинскій комментарій къ „Теэтету“ 25, 40 даетъ слѣдующее объясненіе этого мѣста:* Начертивъ квадратъ въ одинъ футъ (*величиной*), Ѳеодоръ доказывалъ Теэтету и его товарищамъ, что съ этимъ квадратомъ несоизмѣримъ квадратъ трехфутовой и пятифутовой, (*то-есть несоизмѣримы*) стороны каждаго

изъ нихъ, и въ своемъ исчисленіи несоизмѣримыхъ квадратовъ, онъ дошелъ до семнадцатифутового (квадрата)[1]) *Платонъ Theaet. 148 A (пер. Карпова)* Всѣ линіи, изображающія число равносторонняго четвероугольника и четвероугольной плоскости, мы опредѣлили понятіемъ „долготы", а всѣ, дающіе число изъ различныхъ протяженій,—понятіемъ „потенцій", такъ какъ по долготѣ эти числа соразмѣрны не тѣмъ, а плоскостямъ, на которыя указываютъ. То же самое и о твердыхъ тѣлахъ[2]). *161 B* Знаешь ли, Θеодоръ, чему удивляюсь я въ другѣ твоемъ Протагорѣ? *162 A Θеодоръ:* Сократъ! Протагоръ дѣйствительно мнѣ другъ, какъ ты сейчасъ сказалъ.

5. Ксенофонтъ Мет. IV 2, 10 А не намѣреваешься ли ты, сказалъ онъ, сдѣлаться хорошимъ геометромъ, подобно Θеодору.

---

32. Филолай.

А. Жизнь, сочиненія и ученіе.

1. Діогенъ VIII 84. 85 Кротонецъ Филолай пиθагореецъ. У него поручаетъ Платонъ Діону купить пиθагорейскія книги (*изъ Сатира, срв. 32 A 8*). Онъ погибъ, будучи заподозрѣнъ въ стремленіи захватить неограниченную власть[3]). На него мы сочинили (слѣдующее стихотвореніе):

„Я говорю, что подозрѣніе имѣетъ для всѣхъ весьма большое значеніе. Ибо, если и не дѣлаешь (*чего-либо*), а (*другимъ*) кажется, что ты (*это*) дѣлаешь, то можешь быть несчастнымъ. Такъ, нѣкогда казнила Филолая его родина Кротонъ, заподозривъ его въ желаніи владѣть отечествомъ въ качествѣ тиранна".

По его мнѣнію, все совершается по необходимости и согласно съ (*закономъ*) гармоніи. Онъ первый сказалъ, что земля совершаетъ кругообразное движеніе; по мнѣнію же другихъ, (это ученіе впервые высказалъ) сиракузянинъ Гикетъ.

Написалъ онъ одну книжку.

(Гермиппъ передаетъ сообщеніе одного изъ авторовъ, что прибывшій въ Сицилію къ Діонисію философъ Платонъ купилъ эту книгу у родственниковъ Филолая за сорокъ александрійскихъ минъ серебромъ и воспользовался ею для (діалога) „Тимея", представляющаго собой передѣлку

---

[1]) Здѣсь дается ученіе объ ирраціональныхъ числахъ квадратныхъ корней ($\sqrt{3}$, $\sqrt{5}$), которое было выведено на основаніе геометрическихъ фигуръ.

[2]) Здѣсь дается ученіе о такъ наз. квадратныхъ и прямоугольныхъ числахъ (см. стр. 63 первой части „Досократиковъ"), и это ученіе выводится на основаніи сравненія геометрическихъ фигуръ: квадратовъ и прямоугольниковъ.

[3]) Это говорилось о Діонѣ; Діогенъ же Лаэрцій ошибочно понявъ, отнесъ это сообщеніе къ Филолаю, и соотвѣтственно этому сочинилъ стихотвореніе.

содержанія той книги. Другіе же говорятъ, что Платонъ пріобрѣлъ эту книгу, выпросивъ себѣ у Діонисія изъ (его) стражи юношу, принадлежавшаго раньше къ ученикамъ Филолая)[1].

Димитрій въ „Омонимахъ" говоритъ, что онъ первый выпустилъ въ свѣтъ книги пиѳагорейцевъ подъ заглавіемъ: „О природѣ", которыя начинаются слѣдующимъ образомъ... (*цит. В 1*).

1а. Платонъ Федонъ 61 Е Онъ (*Кебесъ*) слушалъ (ученія) Филолая, когда (послѣдній) жилъ у насъ (*въ Ѳивахъ*). См В 15.

2. Діогенъ IX 38 Говоритъ также Аполлодоръ Кизикенскій, что онъ (*Демокритъ*) находился въ близкихъ отношеніяхъ съ Филолаемъ.

3. Цицеронъ de orat. III 34, 139 Или Филолай (научилъ) Архита Тарентинскаго.

4. Діогенъ VIII 46 А именно, послѣдними пиѳагорейцами, которыхъ видѣлъ и Аристоксенъ, были Ксенофилъ изъ Халкидики во Ѳракіи, Фантонъ изъ Флiунта, Эхекратъ, Діоклъ и Полимнастъ—всѣ тоже изъ Флiунта (*срв. 4, 16 § 251, стр. 76 первой части*). Они были учениками Филолая и Эврита тарентинцевъ.

4а. Плутархъ de gen. Socr. 13 p. 583 A А именно, послѣ того какъ прекратили свое существованіе разсѣянныя по (*разнымъ*) городамъ гетеріи (*политическіе кружки*) пиѳагорейцевъ, побѣжденныхъ при возмущеніи (*народа*), другіе еще (*пиѳагорейцы*), собравшись въ Метапонтѣ, засѣдали въ домѣ; приверженцы Килона подожгли кругомъ (*этотъ домъ*) и истребили тамъ ихъ всѣхъ, за исключеніемъ Филолая и Лизиса, которые, будучи еще юными, благодаря своей силѣ и легкости, пробились черезъ огонь. Филолай, убѣжавъ къ левканамъ, оттуда вновь вернулся къ остальнымъ друзьямъ, которые опять стали собираться и одерживать верхъ надъ партіей Килона. *Срв. Ямвлихъ V. P. 250 (стр. 76 первой части). 266.*

5. Діогенъ III 6 Затѣмъ по достиженіи 28 лѣтъ онъ (*Платонъ*), какъ передаетъ Гермодоръ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими сократиками удалился въ Мегару къ Эвклиду. Затѣмъ онъ отбылъ въ Кирену къ математику Ѳеодору и оттуда въ Италію къ пиѳагорейцамъ Филолаю и Эвриту.

6. Витрувій I 1, 16 Подлинно, природа надѣлила ихъ столь острымъ и тонкимъ умомъ и столь богатой памятью, что они въ состояніи были въ совершенствѣ знать геометрію, астрономію, музыку и прочія науки... Такіе (люди) встрѣчаются рѣдко: такъ, нѣкогда были Аристархъ Самосскій, Филолай и Архитъ изъ Тарента, Аполлоній Пергейскій... которые оставили потомству много изобрѣтеній и объясненій математическаго и естественно-научнаго характера, относящихся къ гномоникѣ и органикѣ[2]).

7. Атеней IV 184 E И изъ пиѳагорейцевъ многіе занимались игрой на флейтѣ, какъ-то Эвфраноръ, Архитъ, Филолай и весьма многіе другіе.

---

[1]) Эта тирада представляетъ собой древнѣйшую вставку.

[2]) Гномоника и органика—части архитектуры у Витрувія.

Сочиненія [1]).

8. Геллій III 17, 4 Язвительный Тимонъ написалъ въ высшей степени бранную книгу подъ заглавіемъ: „Силлъ“ (*Сатира*). Въ этой книгѣ онъ даетъ оскорбительное названіе философу Платону за то, что послѣдній купилъ за дорогую цѣну книгу, заключавшую въ себѣ пиѳагорейское ученіе, и изъ нея сдѣлалъ „Тимея“, извѣстный славный діалогъ. Стихи Тимона относительно этого суть слѣдующіе:

„И ты, Платонъ. Ибо тобой овладѣло сильное желаніе учиться. За большую сумму серебра ты купилъ маленькую книгу. Выбирая оттуда самое лучшее, ты научился писать діалогъ: „Тимей“.

Діогенъ III 9 Нѣкоторые же, въ числѣ коихъ и Сатиръ, говорятъ, что онъ (*Платонъ*) послалъ письмо Діону въ Сицилію съ просьбой купить у Филолая три пиѳагорейскихъ книжки за 100 минъ. *Евсевій adv. Hierocl p. 64* И въ самомъ дѣлѣ, ни знаменитый Платонъ, наиболѣе изъ всѣхъ пріобщившійся философіи Пиѳагора, ни Архитъ, ни самъ извѣстный Филолай, предавшій письму ученія Пиѳагора. *Ср. А 1, стр. 22 и стр. 77 (4, 17) первой части.*

Ученіе.

9. Аэцій I 3, 10 (D. 283 о принципахъ) Пиѳагореецъ Филолай: предѣлъ и безпредѣльное. *Проклъ in Tim. I 176, 27 Diehl* Слабѣйшее подчиняется болѣе сильному, и образуется единый міръ, гармонически сложенный изъ противоположностей, состоящій въ основѣ своей изъ ограничивающаго и безпредѣльнаго, согласно Филолаю (*В 1. 2*).

10 Ѳеонъ Смирнскій 20, 19 Hill. Архитъ же и Филолай безразлично называютъ и единицу монадой и монаду единицей. [2])

11. Лукіанъ de lapsu in sal. 5 Нѣкоторые же изъ нихъ (*пиѳагорейцевъ*) назвали „началомъ здоровія“ четверицу — свою величайшую клятву, такъ какъ она, по ихъ мнѣнію, производитъ считаемое ими совершеннымъ число десять. Къ числу ихъ принадлежитъ Филолай.

12. Теологумены ариѳметики p. 55 Ast (изъ Никомаха) По ученію Филолая, то, что слѣдуетъ за математической величиной, имѣющей три измѣренія (*т. е. геометрическое тѣло*), (заключается) въ четверицѣ, качество и цвѣтъ проявленной природы—въ пятерицѣ, одушевленіе—въ шестеркѣ, умъ, здоровіе и то, что онъ называетъ „свѣтомъ“ [3]),—въ сед-

---

[1]) Древнѣйшее свидѣтельство о сочиненіяхъ Филолая—у Неанѳа (Діогенъ VIII, 55, см. стр. 133 второй части). Всѣ фрагменты (за исключеніемъ апофтегмы В 16) считаютъ подложными Rose, Schaarschmidt и Heidel.

[2]) Т. Таннери объясняетъ: „т. е. не дѣлаютъ различія между конкретнымъ числомъ-единицей и отвлеченной платоновской идеей единства“.

[3]) Филолай называлъ „свѣтомъ“ или вообще счастливое расположеніе духа у человѣка или состояніе просвѣщеннаго ума.

мерицѣ; послѣ нихъ, говоритъ онъ, любовь, дружба, мудрость и изобрѣтательность получили существованіе благодаря восьмеркѣ.

13. — — *p.61* И Спевсиппъ, сынъ Потоны, сестры Платона, бывшій главою Академіи передъ Ксенократомъ, изъ пиѳагорейскихъ лекцій, которыя были для него всегда предметомъ особенно тщательнаго изученія, въ особенности же изъ сочиненій Филолая, составилъ одну изящную книжечку и озаглавилъ ее: О пиѳагорейскихъ числахъ". Въ первой половинѣ (этой книги) онъ изложилъ весьма хорошо (ученіе) о числахъ линейныхъ [1]), многоугольныхъ, всякаго рода плоскостныхъ и тѣлесныхъ; и о пяти фигурахъ [2]) которыя онъ приписываетъ космическимъ стихіямъ (*элементамъ міра*), объ ихъ собственныхъ (свойствахъ) и взаимномъ отношеніи другъ къ другу; и о непрерывной и прерывной пропорціи. Затѣмъ оставшуюся вторую половину книжки онъ посвящаетъ исключительно (ученію) о декадѣ, объявляя ее самой естественной и самой священной изъ всего сущаго, какъ бы нѣкоторой основной художественной идеей для (всего), что совершается въ мірѣ,—(идеей) самосущей (а не установленной нами или случайно возникшей), и самымъ совершеннымъ образцомъ, предлежавшимъ передъ творцомъ вселенной—богомъ. Говоритъ же онъ о ней слѣдующимъ образомъ: (*Далѣе слѣдуетъ отрывокъ изъ Спевзиппа, который приводимъ въ переводѣ П. Таннери* [3]) „Число десять — совершенно; поэтому вполнѣ справедливо и естественно, что эллины, безо всякаго предварительнаго соглашенія, сошлись со всѣми народами всѣхъ странъ въ десятиричномъ способѣ счисленія [4]); оно обладаетъ также нѣсколькими свойствами, приличествующими такому совершенству. Нѣкоторыя изъ этихъ свойствъ не принадлежатъ ему исключительно, но, какъ совершенное, оно должно ими обладать [5]).

Во-первыхъ, оно должно быть четнымъ, чтобы заключать собою столько же четовъ, какъ и нечетовъ, безъ численнаго превосходства одного изъ этихъ родовъ чиселъ; дѣйствительно, такъ какъ нечетъ предшествуетъ чету, то всегда окажется лишній нечетъ, если число нечетное [6]).

---

[1]) „Линейное" число, т. е. первое, или простое. Эти числа изображались посредствомъ точекъ, расположенныхъ по прямой линіи. Сложныя же числа—точки расположенныя по параллельнымъ линіямъ и дававшія прямоугольники, назывались плоскостными.

[2]) Срв. A 15 и B 12.

[3]) См. стр. 325—329 рус. пер.

[4]) Точнѣе: „всячески приходимъ къ нему при счисленіи и мы, эллины, и всѣ люди, нисколько сами не стараясь о томъ".

[5]) Эту фразу считаютъ позднѣйшей вставкой.

[6]) „Три первыя свойства числа 10, отмѣченныя Спевзиппомъ, заключаются въ томъ, что отъ 1 до 10 столько же чиселъ, *во-первыхъ*, четныхъ, какъ и нечетныхъ, что очевидно уже изъ того, что 10—четное; *во-вторыхъ*, простыхъ—1, 2. 3, 5, 7,—какъ и сложныхъ—4, 6, 8, 9, 10; *въ-третьихъ*, множителей—1, 2, 3, 4. 5,—какъ и произведеній. Въ послѣднемъ предложеніи странно то, что, хотя 1 принята за множителя, но не всѣ остальныя числа считаются за произведенія, а 7 и совсѣмъ исключено". *П. Т.*

Кромѣ этого равенства подобаетъ также, чтобы существовало и другое—между числами первыми или простыми и вторыми или сложными [1]), и это равенство существуетъ для 10, между тѣмъ какъ ни одно изъ низшихъ чиселъ не даетъ его; изъ высшихъ чиселъ его можно найти въ 12 и нѣкоторыхъ другихъ [2]), но 10—ихъ прототипъ, первое изъ чиселъ, имѣющихъ это свойство, наименьшее изо всѣхъ, которыя имъ обладаютъ; такимъ образомъ, одно изъ свойственныхъ ему совершенствъ—заключать собою равное число сложныхъ и простыхъ чиселъ [3]).

Оно даетъ еще третье равенство—между числомъ произведеній и множителей этихъ произведеній, причемъ множители идутъ до 5, а ихъ произведенія отъ 6 до 10. Семь не можетъ быть получено отъ умноженія какихъ бы то ни было чиселъ, а потому должно быть исключено, но за то *нужно прибавить* 4 [4]), какъ производное отъ 2-хъ, такъ что равенство возстановляется.

Сверхъ того, 10 заключаетъ въ себѣ всѣ отношенія равенства, превосходства, подчиненности, возможныя между послѣдовательными числами [5]), и другія, а равно линейныя, плоскія и тѣлесныя числа, такъ какъ 1 есть точка, 2—линія, 3—треугольникъ, 4—пирамида, и каждое изъ этихъ чиселъ первое въ своемъ родѣ и начало ему подобныхъ. А эти числа образуютъ первую изъ прогрессій, а именно разностную [6]), и общая сумма ея членовъ—число 10.

---

[1]) „Техническое выраженіе *второе* (δεύτερος) для обозначенія сложныхъ чиселъ въ противоположность *первымъ* теперь не употребляется, но оно встрѣчается у всѣхъ греческихъ математиковъ“ *П. Т.*

[2]) П. Таннери сомнѣвается въ подлинности словъ „въ 12 и нѣкоторыхъ другихъ“ вслѣдствіе неточности выраженія: на самомъ дѣлѣ, вышеуказаннымъ свойствомъ обладаютъ лишь число 10, 12 и 14, т. е. послѣ 12 *только одно число 14* обладаетъ свойствомъ заключать собою столько же первыхъ, какъ и сложныхъ чиселъ.

[3]) *Примѣчаніе П. Таннери:* „Въ утомительныхъ повтореніяхъ этого мѣста можно видѣть толкованіе термина πυθμήν: „наименьшее изъ чиселъ, обладающихъ даннымъ свойствомъ“ Этому термину придавали въ древности еще и другое значеніе, восходящее, быть можетъ, также къ пиѳагорейцамъ, а именно, значеніе остатка отъ дѣленія какого-либо числа на 9.

[4]) „Словъ «нужно прибавить» въ греческомъ текстѣ нѣтъ, что, очевидно, составляетъ пробѣлъ, но смыслъ несомнѣненъ“. *П. Т.*

[5]) „Ἐπιμορίου, отношеніе двухъ послѣдовательныхъ чиселъ натуральнаго ряда, $n+1$ и n. Спевзиппъ хочетъ сказать здѣсь, что, если разсматривать отношенія чиселъ отъ 1 до 10, то они оказываются или равными другъ другу или больше или меньше одно другого, исчерпывая всѣ возможныя случаи, которые, соотвѣтствуютъ, очевидно, номенклатурѣ десяти видовъ отношеній, перечисленныхъ Никомахомъ; этимъ самымъ подтверждается древность этой сложной номенклатуры“. *П. Т.*

[6]) Спевзиппъ называетъ „первой аналогіей“ разностную прогрессію. „Впрочемъ, замѣчаетъ П. Таннери, Спевзиппъ даетъ здѣсь композицію *пиѳагорейской тетрактиды*, $1+2++3+4=10$, на основаніи которой онъ подставляетъ впослѣдствіи 10 на мѣсто 4“.

Въ плоскихъ и тѣлесныхъ [1]) фигурахъ первые элементы также точка, линія, треугольникъ и пирамида, заключающіеся въ числѣ 10 и въ немъ же находящіе свое завершеніе.

Такъ, напримѣръ, у пирамиды [2]) 4 угла или 4 стороны и 6 реберъ, что составляетъ 10. Интервалы и предѣлы точки и линіи даютъ также 4, стороны и углы этого *треугольника* 6, т. е. опять таки 10. [3])

То же мы найдемъ, если станемъ исчислять фигуры. Дѣйствительно, первый треугольникъ—равносторонній – имѣетъ какъ бы только одну сторону или одинъ уголъ по причинѣ равенства угловъ и сторонъ, и потому что равное всегда неразличимо и единообразно.

Второй треугольникъ—*полуквадратъ*, ибо, имѣя неравными только 2 стороны или 2 угла, онъ соотвѣтствуетъ діадѣ.

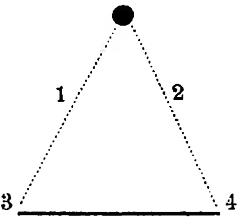
Третій—*гемитригонъ*—половина равносторонняго треугольника, такъ какъ въ немъ нѣтъ равныхъ элементовъ, а число ихъ 3 [4]).

---

[1]) *Объяснительное примѣчаніе П. Таннери:* „Т. е. въ геометріи на плоскости и въ пространствѣ. Точка, линія, треугольникъ и пирамида уже не изображаютъ здѣсь числа, какъ немного выше, а понимаются какъ фигуры или элементы геометрическихъ фигуръ“.

[2]) „Пирамида взята здѣсь въ смыслѣ тетраедра; углы суть углы тѣлесные“. *П. Т.*

[3]) „Способъ, посредствомъ котораго Спевзиппъ приходитъ въ этихъ сближеніяхъ во второй разъ къ числу 10, довольно теменъ. Вѣроятно, онъ беретъ систему точки и линіи,—линія имѣетъ два предѣла, и отъ данной точки до этихъ предѣловъ два интервалла; затѣмъ въ этомъ *треугольникѣ* (въ текстѣ послѣдняго слова нѣтъ) 3 стороны и 3 угла. Въ то время какъ пирамида дала ему непосредственно 10, здѣсь онъ комбинируетъ точку, линію и полученный такимъ образомъ треугольникъ“. *П. Т.* Фигура, изображающая эту систему точки и линіи:

[4]) *Примѣчаніе П. Таннери:* „Кажется, что въ этомъ изложеніи заключается довольно плохо развитая пиѳагорейская концепція.

Точка, монада, неизбѣжно проста; линія, діада, должна быть двухъ родовъ: прямая и кривая; треугольникъ, тріада, трехъ родовъ; пирамида, тетрада,—четырехъ, въ общемъ 10.

Три рода треугольниковъ—очевидно, равносторонній, равнобедренный и разносторонній; числа неравныхъ элементовъ въ каждомъ изъ нихъ образуютъ прогрессію ÷ 1, 2, 3. Только вмѣсто равнобедреннаго и разносторонняго Спевзиппъ беретъ, какъ образецъ этихъ родовъ, два особые треугольника, тѣ же, которые встрѣчаются и въ Платоновскомъ „Тимеѣ“ на ряду съ равнобедреннымъ; одинъ изъ нихъ—полуквадратъ (ἡμιτετράγωνον), т. е. прямоугольный равнобедренный треугольникъ; второй—тотъ, который Спевзиппъ называетъ *гемитригономъ*, т. е. прямоугольный разносторонній треугольникъ, получаемый отъ дѣленія на двѣ части равносторонняго одною изъ его высотъ.

По аналогіи пирамиды должны подраздѣляться на четыре рода тетраэдровъ въ зависимости отъ того, равны ли въ нихъ всѣ четыре тѣлесныхъ угла, только три, два или, наконецъ, всѣ различны. Спевзиппъ опять таки выбираетъ частные случаи, но второй изъ нихъ выбранъ неудачно, такъ какъ онъ беретъ пирамиду съ квадратнымъ основаніемъ“.

Поступая такимъ образомъ съ тѣлесными фигурами, найдемъ число 4. слѣдовательно прійдемъ опять таки къ декадѣ.

Дѣйствительно, первая пирамида представляетъ собою какъ бы *единицу* [1]), имѣя, такъ сказать, одно ребро или одну грань по причинѣ ихъ равенства. *Вторая пирамида является въ томъ же смыслѣ діадой* [2]), *такъ какъ ея углы при основаніи* образованы тремя плоскостями, а уголъ при вершинѣ четырьмя, такъ что это различіе уподобляетъ ее діадѣ. Третья пирамида, построенная на полуквадратѣ, являетъ тріаду. Къ различію элементовъ, которое мы видѣли въ *полуквадратѣ*, какъ плоской фигурѣ, она прибавляетъ еще одно, соотвѣтствующее углу при вершинѣ; итакъ, есть соотвѣтствіе между тріадой и этой пирамидой, вершина которой лежитъ на перпендикулярѣ, возстановленномъ изъ середины гипотенузы основанія [3]). Наконецъ, тѣмъ же способомъ можно найти *тетраду* въ четвертой пирамидѣ, имѣющей въ основаніи *гемитригонъ* [4]).

Итакъ, эти фигуры завершаются въ числѣ 10. То же и относительно возникновенія, ибо для величины первое основаніе—точка, второе—линія, третье—поверхность и четвертое—тѣло".

Срв. Теологумены р, 60, 25 И въ самомъ дѣлѣ, декада называется Вѣрой, такъ какъ, по ученію Филолая, мы имѣемъ прочную вѣру благодаря декадѣ и частямъ ея, когда они постигаются (нами) неповерхностно въ своемъ значеніи для сущаго. Поэтому-то, пожалуй, называютъ ее Памятью тѣ же самые (*мыслители*), которыми монада названа Мнемосиной (*богиней Памяти*) *Лаврентій Лидъ de mens I 15* Итакъ, правильно Филолай назвалъ ее декадой, какъ могущую заключить въ себѣ безпредѣльное [5]). *Срв. В 11.*

14. Проклъ in Eucl. p. 130, 8 И дѣйствительно, у пиѳагорейцевъ мы найдемъ, что одни углы посвящены однимъ богамъ, другіе другимъ. Такъ, напримѣръ, поступилъ Филолай, посвятившій однимъ богамъ уголъ треугольника, другимъ—(уголъ) четыреугольника, и иные (углы) инымъ (богамъ), и приписавшій одинъ и тотъ же (уголъ) нѣсколькимъ богамъ, и одному и тому же богу нѣсколько угловъ соотвѣтственно различнымъ

---

[1]) Раньше неправильно читали здѣсь „тріада" вмѣсто „монада".

[2]) Въ текстѣ пропускъ. Вторая пирамида, о которой здѣсь идетъ рѣчь, „построена на квадратномъ основаніи и, кромѣ того, правильно, т. е. всѣ четыре ребра ея, сходящіяся въ вершинѣ, равны" (П. Таннери).

[3]) „Третья пирамида, имѣющая въ основаніи *полуквадратъ*, получается черезъ разсѣченіе второй пирамиды плоскостью, проходящею черезъ ея вершину и одну изъ діагоналей квадратнаго основанія". *П. Т.*

[4]) У Г. Дильса здѣсь ошибочно стоитъ „ἐπὶ ἡμιτετραγώνῳ" вмѣсто „ἐπὶ ἡμιτριγώνῳ". Вѣдь на полуквадратѣ построена третья, а не четвертая пирамида. „Четвертая же пирамида имѣетъ въ основаніи частный типъ неравносторонняго треугольника, и можно предположить кромѣ того, что въ ней, какъ и въ предыдущихъ, ребра, сходящіяся въ вершинѣ, равны между собой. Она получится, если разсѣчь правильный тетраедръ одною изъ биссекторіальныхъ плоскостей его двугранныхъ угловъ" (П. Таннери).

[5]) Игра словъ: δεκάς производится отъ δεκτική.

силамъ, (находящимся) въ немъ. *166, 25* Итакъ, справедливо Филолай посвятилъ уголъ треугольника четыремъ богамъ: Кроносу, Аиду, Аресу и Діонису... Ибо Кроносъ владѣетъ всей влажной и холодной субстанціей, Аресъ же—всей огненной природой, и Аидъ содержитъ (въ своей власти) всю земную жизнь, Діонисъ же правитъ влажнымъ и теплымъ рожденіемъ, коего символъ—вино, тоже влажное и теплое. Всѣ они различны по своимъ дѣламъ, касающимся (вещей) второго порядка, (сами же) между собой соединяются. Поэтому-то Филолай изображаетъ (это ихъ) соединеніе, приписывая всѣмъ имъ вмѣстѣ одинъ уголъ. *р. 173, 11* Сверхъ того, Филолай, слѣдуя другому замыслу, называетъ уголъ четыреугольника угломъ Реи, Деметры и Гестіи. *р. 174, 12* А именно, говоритъ Филолай, уголъ двѣнадцатиугольника есть уголъ Зевса, такъ какъ-де Зевсъ держитъ все число 12, давая ему связь единства.

Дамаскій II 127, 7 Ruelle И дѣйствительно, почему пиѳагорейцы одному (изъ боговъ) посвящали кругъ, другому треугольникъ, третьему четыреугольникъ, другимъ—разныя иныя фигуры—прямолинейныя и смѣшанныя, какъ (напримѣръ) полукруги Діоскурамъ? Часто одному и тому же (богу) приписывалъ разныя фигуры, соотвѣтствено разнымъ его свойствамъ, мудрый въ этомъ (дѣлѣ) Филолай, и никогда, вообще говоря, кругъ не является (*у него*) общей фигурой всѣхъ разумныхъ боговъ, поскольку они разумны, прямолинейныя же (фигуры) особыми у каждаго (бога)—однѣ у однихъ, другія у другихъ, соотвѣтственно особымъ свойствамъ (разныхъ) чиселъ, угловъ и сторонъ. Такъ, напримѣръ, треугольникъ (приписывается) Аѳинѣ, четыреугольникъ Гермесу. Но уже Филолай говоритъ: „У четыреугольника одинъ уголъ—Реи, другой—Геры, одинъ—одной, другой—другой богини". И вообще имѣется богословское опредѣленіе относительно фигуръ.

Срв. Плутархъ de Is. et Osir. 30 р 363 А Повидимому, также пиѳагорейцы признаютъ Тифона демонической силой. А именно, они говорятъ, что въ четной мѣрѣ 56 родился Тифонъ. И еще (они говорятъ, что) уголъ треугольника (принадлежитъ) Аиду, Діонису и Аресу. (Уголъ же) четыреугольника—Реѣ, Афродитѣ, Деметрѣ, Гестіи и Герѣ. (Уголъ же) 12-угольника—Зевсу. (Уголъ же) 56-угольника (принадлежитъ) Тифону, согласно сообщенію Эвдокса [1]).

15. Аэцій II 6, 5 (D. 334 изъ „Мнѣній физиковъ" Ѳеофраста) Пиѳагоръ говоритъ, что есть пять тѣлесныхъ фигуръ, которыя называются также математическими: изъ куба (учитъ онъ) возникла земля, изъ пирамиды—огонь, изъ октаэдра—воздухъ, изъ икосаэдра—вода, изъ додекаэдра—сфера вселенной (*т. е. эфиръ*). *Срв. В 12.*

16. — II 7, 7 (D. 336, вѣроятно, Ѳеофрастъ въ эксцерптѣ Посидонія) Филолай (помѣщаетъ) огонь посрединѣ вокругъ центра, который онъ называетъ Гестіей (*очагомъ*) вселенной (*В 7*), домомъ Зевса, матерью и

---

[1]) Эвдоксъ—ученикъ Архита (Diog. VIII 86).

алтаремъ боговъ, связью и мѣрою природы. И еще другой огонь (принимаетъ онъ),—огонь лежащій выше всего и объемлющій (*вселенную*). Центральный (огонь) есть первое по природѣ; вокругъ него пляшутъ въ хороводѣ десять божественныхъ тѣлъ; небо, расположенное за сферою неподвижныхъ звѣздъ, пять планетъ, за ними солнце, подъ солнцемъ луна, подъ ней земля, подъ послѣдней антихтонъ (*противоземліе*), за ними всѣми огонь Гестіи, занимающій мѣсто вокругъ центра. Итакъ, самую высшую часть периферическаго (огня), въ которой находятся элементы въ состояніи совершенной чистоты, онъ называетъ Олимпомъ, пространство же ниже движущагося Олимпа, въ которомъ расположены пять планетъ вмѣстѣ съ солнцемъ и луной, (онъ называетъ) Космосомъ, лежащую же подъ ними подлунную часть (пространства), что вокругъ земли, гдѣ (находится) область измѣнчиваго рожденія, (онъ называетъ) Ураномъ. И относительно расположенныхъ въ порядкѣ небесныхъ тѣлъ бываетъ мудрость, относительно же безпорядочнаго міра рождающихся (вещей)—добродѣтель, (причемъ) первая (изъ нихъ) совершенна, вторая несовершенна. *Срв. 45 В 37.*

17. — III 11, 3 (D. 377 изъ Ѳеофраста) Пиѳагореецъ Филолай училъ, что огонь занимаетъ центральное мѣсто (ибо онъ есть очагъ вселенной) второе (мѣсто за нимъ занимаетъ) антихтонъ (*противоземіе*), третье—(*наша*) обитаемая земля, которая лежитъ и вращается съ противоположной противоземію стороны. Поэтому (находящихся) на противоземіи не видятъ живущіе на землѣ. *Срв. II 4, 15. Стобей I 21, 6 d послѣ А 18 (D. 332 Ѳеофрастъ у Посидонія)* Первенствующая (*часть вселенной*)—въ самомъ центральномъ огнѣ. Богъ-творецъ прежде всего положилъ его въ основаніе шара вселенной, подобно тому какъ закладкой киля *начинаютъ постройку корабля.*

18. — II 5, 3 (D. 333) Филолай (говоритъ), что бываетъ двоякая гибель міра: во-первыхъ, отъ текущаго съ неба огня, во-вторыхъ, отъ принадлежащей лунѣ воды, излившейся вслѣдствіе вращенія воздуха. Испаренія, идущія отъ нихъ, питаютъ міръ.

19. — 20, 12 (D. 349) Пиѳагореецъ Филолай (училъ), что солнце стекловидно, (что) въ немъ отражается міровой огонь, оно же пропускаетъ къ намъ свѣтъ и теплоту, такъ что возникаютъ нѣкоторымъ образомъ два солнца: огненное на небѣ и огнеподобное, происходящее отъ него на подобіе зеркальнаго отраженія. (*Итакъ, мы имѣемъ два солнца*), если не назвать третьимъ (солнцемъ) свѣтовое отраженіе солнца отъ зеркала къ нашему (зрѣнію). Дѣло въ томъ, что и это мы называемъ солнцемъ; (*оно есть*) какъ бы изображеніе изображенія.

20. — II 30, 1 (D. 361) Нѣкоторые изъ пиѳагорейцевъ, къ числу которыхъ принадлежитъ Филолай, (полагаютъ), что луна имѣетъ видъ земли вслѣдствіе того, что она, подобно нашей землѣ, населена животными и растеніями, которыя (*по сравненію съ нашими являются*) болѣе крупными и болѣе красивыми. А именно, животныя, (*живущія*) на лунѣ, въ пятнадцать разъ сильнѣе нашихъ и не выдѣляютъ вовсе остатка отъ

пищеваренія (*кала и мочи*). День (*на лунѣ*) столь же продолжителенъ (*какъ и у насъ*).

21. — III 13, 1.2 (D. 378) (О движеніи земли). Другіе (учили, что) земля пребываетъ неподвижно. Пиѳагореецъ же Филолай (говорилъ, что) она вращается вокругъ (*центральнаго*) огня по наклонному кругу одинаково съ солнцемъ и луной.

22. Ценэоринъ 18. 8 Существуетъ также годъ пиѳагорейца Филолая, состоящій изъ 59 лѣтъ, въ которомъ добавочныхъ мѣсяцевъ 21. *19, 2* Филолай объявилъ, что естественный годъ имѣетъ $364^1/_2$ дней.

23. Макробій S. Scip. I 14, 19 Пиѳагоръ и Филолай (сказали, что душа есть) гармонія. *Аристотель de anima A 4. 407 b 27* Передаютъ и нѣкоторое другое мнѣніе о душѣ... А именно, говорятъ, что она есть нѣкая гармонія, ибо гармонія есть смѣсь и соединеніе противоположностей и тѣло состоитъ изъ противоположностей. *Срв. Платонъ Phaedon 86 B C.*

24. Никомахъ arithm. 26, 2 p. 135, 10 H. Нѣкоторые же полагаютъ, что она (пропорція. *срв. 35 B 2*) называется гармонической согласно Филолаю, потому что она соотвѣтствуетъ цѣлой геометрической гармоніи, геометрической же гармоніей называютъ (*слѣдуя Филолаю*) кубъ, потому что онъ устроенъ одинаково соразмѣрно по тремъ измѣреніямъ, которыя (въ немъ) одинаково равны. Ибо въ цѣломъ кубѣ вышеупомянутая пропорція отражается какъ бы въ зеркалѣ. Вѣдь въ цѣломъ кубѣ сторонъ 12, угловъ 8, плоскостей 6. Въ самомъ дѣлѣ, (число) 8 (есть) среднее 6 и 12 по гармонической (пропорціи). *Ямвлихъ in Nicom. 118, 23 Pist.* Говорятъ, что она (*„музыкальная“ пропорція*) есть открытіе вавилонянъ и впервые Пиѳагоромъ была перенесена къ эллинамъ. Дѣйствительно, изъ пиѳагорейцевъ многіе пользовались ею, какъ-то кротонецъ Аристей [1]), локріецъ Тимей (*см. 35*), тарентинцы Филолай и Архитъ и многіе другіе, затѣмъ Платонъ въ „Тимеѣ“ (*p. 36 A B*).

25. Порфирій in Ptol. p. 5, 266 Wall. Подъ вліяніемъ его нѣкоторые изъ жившихъ послѣ него (*Эратосѳена*) назвали промежутокъ „превосходствомъ“, какъ платоникъ Эліанъ. И Филолай принялъ это названіе для всѣхъ разстояній. *Срв. гл. 34, 4.*

26. Боэцій inst. mus. III 5 p. 276, 15 Friedl. Пиѳагореецъ же Филолай сдѣлалъ попытку дѣлить тонъ другимъ способомъ, а именно, устанавливая главное начало тона отъ того числа, которое первое образуетъ кубъ отъ особенно чтимаго у пиѳагорейцевъ перваго нечетнаго. А именно, такъ какъ число 3 есть первое нечетное, то, если сосчитать три раза три и это сдѣлать трижды, то неизбѣжно получится (число) 27, которое отстоитъ отъ (числа) 24 на тонъ, сохраняя ту же самую разность 3. Ибо (число) 3 есть восьмая часть совокупности 24 и, будучи прибавлено къ той же самой (совокупности), дѣлаетъ первое кубическое число отъ трехъ—

---

[1]) Сказаніе объ Аристеѣ вымышлено. Ему приписывалась пропорція 6 : 8 = 9 : 12.

27. Такъ вотъ послѣднее (число) Филолай раздѣляетъ на двѣ части, изъ которыхъ одна больше половины—ее онъ называетъ „апотоме“, а другая меньше половины—ее онъ называетъ „діесь“ (*B 6*), послѣднюю позже назвали меньшимъ полутономъ; разность же между ними (онъ называетъ) „комма“ (*B 6*). И онъ полагаетъ, во-первыхъ, что діесь заключаетъ въ себѣ 13 единицъ, потому что этотъ интервалъ, какъ показало вычисленіе, составляетъ разность между 256 и 243, и такъ какъ то же самое число, т. е. 13, составляется изъ (*суммы*) 9, 3 и 1, причемъ 1 занимаетъ мѣсто точки, число же 3—(мѣсто) первой нечетной линіи, число 9—(мѣсто) перваго нечетнаго квадрата. И вотъ, такъ какъ по указаннымъ причинамъ, онъ считаетъ (числомъ) 13 діесь, который называется полутономъ, то оставшуюся часть числа 27, которая заключаетъ въ себѣ 14 единицъ [1]), онъ отнесъ къ апотоме. Но такъ какъ разность между 13 и 14 образуетъ единицу, то онъ полагаетъ, что на мѣсто коммы слѣдуетъ ставить единицу. Весь же тонъ онъ считаетъ въ 27 единицъ, такъ какъ разность между 216 и 243, которые отстоятъ другъ отъ друга на тонъ, равна 27.

27. Менонъ Anonymi Londin. 18. 8 p. 31 Филолай Кротонскій говоритъ, что наши тѣла состоятъ изъ теплаго (*начала*). А именно, онъ доказываетъ, что они непричастны холоднаго (*начала*), ссылкой на нѣкоторые такого рода (факты). Сѣмя—тепло, оно же есть (*сила*), которая созидаетъ животное. И мѣсто, куда сбрасывается сѣмя (то-есть матка), обладаетъ значительной теплотой и подобна (*въ этомъ*) сѣмени. А то, что подобно чему-нибудь, имѣетъ одну и ту же силу съ тѣмъ, чему оно подобно. Такъ какъ то, что созидаетъ, непричастно холоднаго, и мѣсто, куда сбрасывается оно, непричастно холоднаго, то очевидно, что и созидаемое животное рождается таковымъ же. Относительно же устройства животнаго онъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе. А именно, послѣ рожденія животное тотчасъ втягиваетъ въ себя внѣшній воздухъ, который холоденъ. Затѣмъ опять, какъ бы подъ вліяніемъ необходимости, оно выпускаетъ его. Отсюда-то и стремленіе къ внѣшнему воздуху, чтобы, благодаря втягиванію извнѣ воздуха, наши тѣла, которыя болѣе теплы, могли охлаждаться имъ. И въ этомъ, говоритъ онъ, заключается (здоровое) состояніе нашихъ тѣлъ. Виновниками болѣзней онъ считаетъ желчь, кровь и флегму (*слизь*), главная же причина болѣзней, по его мнѣнію, сводится къ слѣдующему. Кровь сгущается, говоритъ онъ, вслѣдствіе вдавливанія внутрь мяса, разрѣжается же она, когда раздаются (находящіеся) въ тѣлѣ сосуды. Слизь же, говоритъ онъ, образуется отъ влаги. Желчь же, по его мнѣнію, есть испортившійся сокъ тѣла. О ней онъ высказываетъ странное мнѣніе. А именно, онъ говоритъ, что желчь не лежитъ за печенью, но что желчь будто бы есть испорченный сокъ мяса. Съ другой стороны, между тѣмъ какъ значительное большинство (*ученыхъ*) говорятъ, что флегма холодна, онъ считаетъ ее по природѣ теплой. А именно, онъ производитъ слово

---

[1]) Апотоме въ дѣйствительности имѣетъ не 14, но $17^{3}/_{8}$ единицы.

„флегма“ отъ слова „жечь“ (*φλέγειν*). Такимъ образомъ, по ученію его, и воспаленія происходятъ отъ присутствія флегмы. (Все) перечисленное онъ считаетъ (главными) началами болѣзней, содѣйствующими же (*причинами ихъ*) онъ считаетъ излишекъ или недостатокъ въ теплотѣ, питаніи, охлажденіи и тому подобномъ. *Срв. 77 В 4; 55 А 159.*

28. — 20, 21 И онъ (*Петронъ*) почти такъ же, какъ Филолай, думаетъ, что въ насъ есть совершенно безполезная желчь.

29. Секстъ adv. math. VII 92 Пиѳагорейцы же говорятъ, что (критерій) есть разумъ, но не (разумъ) вообще, а (разумъ) научный, подобно тому какъ говорилъ и Филолай, и что онъ (разумъ), будучи способностью созерцать природу вселенной, имѣетъ нѣкоторое сродство съ ней, такъ какъ, естественно, подобное постигается подобнымъ (*слѣдуетъ 21 В 109*).

В. Фрагменты.

«О природѣ» Филолая три книги.

Срв. А 1 (стр. 22), 8 (стр. 24) Діогенъ VIII 55 (стр. 133 второй части) Ямвлихъ V. P. 199 (стр. 77 первой части).

1. *Діогенъ VIII 85 (А 1, стр. 23)* (Книги): „О природѣ“, которыя начинаются слѣдующимъ образомъ: „Природа же при устроеніи міра образовалась изъ соединенія безпредѣльнаго и предѣла; весь міровой порядокъ и всѣ вещи въ немъ (*представляютъ собой соединеніе безпредѣльнаго и предѣла*)“.

То же въ пер. кн. С. Трубецкого: „Природа, сущая въ космосѣ, гармонически слажена изъ безпредѣльностей и опредѣляющихъ началъ. Такъ устроенъ весь космосъ и все, что въ немъ“.

2. *Стобей Ecl. I 21, 7 a* Изъ сочиненія Филолая о космосѣ. „Все существующее должно быть или предѣломъ [1]) или безпредѣльнымъ или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Но быть только предѣломъ или только безпредѣльнымъ оно не можетъ. Итакъ, вслѣдствіе того, что, какъ оказывается, оно не состоитъ ни исключительно изъ одного предѣла, ни исключительно изъ одного безпредѣльнаго, совершенно ясно, что міровой строй и (*все*), что въ немъ, образовались изъ соединенія предѣла и безпредѣльнаго. И нагляднымъ примѣромъ этого можетъ служить то, что наблюдается въ дѣйствительности на поляхъ: а именно однѣ части ихъ, состоящія изъ *самыхъ* границъ (*т. е. межи*), ограничиваютъ (*участки*), другія же части, состоящія изъ границъ и (*лежащихъ за послѣдними*) неограниченныхъ (*участковъ*), ограничиваютъ и не ограничиваютъ, тѣ же, которыя

---

[1]) Предѣлъ, т. е. *ограничивающая* сущность; Дильсъ переводитъ „ограниченное“.

состоятъ (*только*) изъ неограниченнаго (*пространства*), будутъ являться неограниченными.

Часть того же фрагмента въ перев. кн. С. Трубецкого: „Существа по необходимости либо всѣ предѣльны, либо всѣ безпредѣльны... Невозможно, чтобы были только однѣ безпредѣльности... Если же очевидно, что существа не могутъ состоять всецѣло изъ элементовъ предѣльныхъ, ни всецѣло изъ безпредѣльныхъ, то ясно, что міръ (и все, что въ немъ) гармонически составленъ изъ предѣльныхъ и безпредѣльныхъ элементовъ".

(*Срв Дамаскій I 101, 3 Ru*. Сущее состоитъ изъ предѣла и безпредѣльнаго, какъ говоритъ Платонъ въ „Филебѣ" и Филолай въ книгахъ „О природѣ". См. А 9): *Далѣе слѣдуютъ у Стобея В 4—7*.

3. *Ямвлихъ in Nicom. p. 7, 24 Pisl*. Согласно Филолаю, если бы все было безпредѣльнымъ, то совершенно не могло бы быть предмета познанія.

4. *Стобей Ecl. I 21, 7 b* И, дѣйствительно, все познаваемое имѣетъ число. Ибо безъ послѣдняго невозможно ничего ни понять, ни познать.

5. — — *7 c* Въ самомъ дѣлѣ, число имѣетъ два особыхъ вида: нечетный и четный, третій же (*видъ его состоитъ*) изъ смѣшенія ихъ обоихъ, (*это—видъ*) четно—нечетный. Каждый же изъ вышеупомянутыхъ двухъ видовъ имѣетъ много формъ, которыя каждая вещь сама по себѣ показываетъ.

6. — — *7 d* (*дополнено изъ Никомаха*) Съ природой и гармоніей дѣло обстоитъ слѣдующимъ образомъ. Сущность вещей, будучи вѣчной и сама природа требуетъ божественныхъ, не человѣческихъ (средствъ) познанія. Только то можемъ мы знать, что ничто изъ того, что существуетъ, и, по крайней мѣрѣ, изъ того, что познается нами, не могло бы возникнуть, если бы не было тѣхъ сущностей вещей, изъ которыхъ образовался космосъ: предѣла и безпредѣльнаго. Но такъ какъ въ основѣ (*сущаго*) лежали эти (*два*) начала, которыя не подобны и не родственны (*между собой*), то, очевидно, невозможно было бы образованіе ими космоса, если бы къ нимъ не присоединилась гармонія, какимъ бы образомъ она ни возникла. Въ самомъ дѣлѣ, подобное и родственное вовсе не нуждалось въ гармоніи, неподобное же, неродственное и различное по количеству необходимо должно было быть соединено такой гармоніей, которая была въ состояніи удерживать ихъ вмѣстѣ въ космосѣ".

Тотъ же отрывокъ въ пер. кн. С. Трубецкаго: „О природѣ и гармоніи слѣдуетъ мыслить такъ. Сущность вещей, будучи самою ихъ вѣчною природою, подлежитъ не человѣческому, но божественному вѣдѣнію. Ибо ясно, что мы не могли бы познавать ничего изъ того, что есть и познается нами, если бы она (эта природа-гармонія) не была внутренно присуща вещамъ, изъ которыхъ составленъ міръ, —предѣльнымъ и безпредѣльнымъ. А такъ какъ самыя начала различны и разнородны, то невозможно, чтобы космическій порядокъ былъ уставленъ ими безъ посредства гармоніи, откуда бы она ни явилась. Ибо подобные и однородные элементы не нуждались бы въ согласованіи; различные же, разнородные

по своей природѣ и отправленіямъ должны быть по необходимости связаны такою гармоніей, чтобы войти въ космическій порядокъ".

Слѣдующее продолженіе фрагмента у Стобея, повидимому, не стоитъ въ связи съ предшествовавшей частью, а образуетъ особый фрагментъ: „Величина же гармоніи (*т. е. октавы 1 : 2*) объемлетъ кварту (*3 : 4*) и квинту (*2 : 3*) Квинта же больше кварты на (цѣлый) тонъ (*8 : 9*). Ибо отъ гипаты (*E*) до месы (*A*)—кварта, отъ месы до неты (*E'*)—квинта, отъ неты до триты (H, позже наз. парамеса)—кварта, отъ триты (*H*) до гипаты (*E*)—квинта. Между тритой (*H*) и месой (*A*) лежитъ (цѣлый) тонъ. Кварта же есть отношеніе 3 : 4, квинта 2 : 3, октава 1 : 2 Такимъ образомъ гармонія (*октава*) состоитъ изъ 5 цѣлыхъ и 2 полутоновъ, квинта изъ 3 цѣлыхъ и одного полутона, кварта изъ двухъ цѣлыхъ и одного полутона.

Ср. Боэцій inst. mus. III 8 p. 278, 11 Friedl. Итакъ, Филолай слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ эти и меньшіе промежутки: „Діесь, говоритъ онъ, есть промежутокъ, больше котораго отношеніе 4 : 3 на два тона. Комма же есть промежутокъ, больше котораго отношеніе 9 : 8 на двѣ діеси, то-есть на два меньшихъ полутона. Схисма есть половина коммы, діасхисма же—половина діеси, то-есть меньшаго полутона".

7. *Стобей Ecl. 21, 8 (пер. кн. С. Трубецкого)* „Первое слаженное (гармонически устроенное), единое, находящееся въ центрѣ (мировой) сферы, называется Гестіей.

8. *Ямвлихъ in Nic. p. 77, 9* Монада, какъ бы начало всего по Филолаю (не правда ли, онъ говоритъ, что единица—„начало всего"?) и т. д.

9. —— — *p. 19, 21* А именно, въ другомъ надлежащемъ мѣстѣ (слѣдуетъ) еще болѣе изслѣдовать, какимъ образомъ и при возвышеніи числа въ квадратъ по способу выкладки рядами получается не менѣе убѣдительный результатъ „по природѣ, а не по человѣческому опредѣленію", какъ гдѣ-то говоритъ Филолай.

10. *Никомахъ arithm. II 19 p. 115, 2* Гармонія вообще возникаетъ изъ противоположностей. Ибо „гармонія есть соединеніе разнообразной смѣси и согласіе разногласнаго" [1]). *Ѳеонъ Смирнскій p. 12, 10* И пиѳагорейцы, которымъ часто слѣдуетъ Платонъ, говорятъ, что музыка есть гармоническое соединеніе противоположностей, приведеніе къ единству многого и согласіе разногласнаго.

11. *Ѳеонъ Смирнскій 106, 10* О ней (*декадѣ*) много говорятъ Архитъ въ сочиненіи: „О декадѣ" и Филолай въ сочиненіи: „О природѣ" (*срв. А 13*).

Стобей Ecl. I prooem. cor. 3 (Слова) Филолая:

„Дѣйствія и сущность числа должно созерцать по силѣ, заключающейся въ декадѣ. Ибо она—велика и совершенна, все исполняетъ и есть начало (*первооснова*) божественной, небесной и человѣческой жизни, управительница, принимающая участіе въ * * * сила также декады. Безъ нея же все безпредѣльно, неопредѣленно и неясно.

---

[1]) Этотъ фрагментъ можетъ быть приписанъ Филолаю лишь предположительно.

Ибо природа числа есть то, что даетъ познаніе, направляетъ и научаетъ каждаго относительно всего, что для него сомнительно и неизвѣстно. Въ самомъ дѣлѣ, если бы не было числа и его сущности, то ни для кого не было бы ничего яснаго ни въ вещахъ самихъ по себѣ, ни въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу. (*Однако, въ дѣйствительности дѣло обстоитъ не такъ, но*) оно (*число*), прилаживая всѣ (вещи) къ ощущенію въ душѣ, дѣлаетъ ихъ (*такимъ образомъ*) познаваемыми и соотвѣтствующими другъ другу по природѣ гномона [1], сообщая имъ тѣлесность и, раздѣляя, полагаетъ отдѣльно понятія о вещахъ [2]) безпредѣльныхъ и ограничивающихъ.

Можно замѣтить, что природа и сила числа дѣйствуетъ не только въ демоническихъ и божественныхъ вещахъ, но также повсюду во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ и отношеніяхъ [3], во всѣхъ техническихъ искусствахъ и въ музыкѣ.

Лжи же вовсе не принимаетъ въ себя природа числа и гармонія. Ибо (ложь) имъ чужда. Ложь и зависть присущи природѣ безпредѣльнаго, безсмысленнаго и неразумнаго.

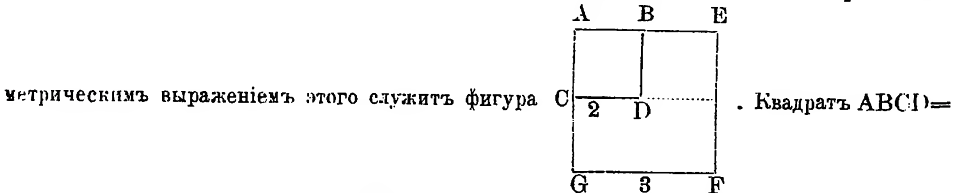
Ложь же никоимъ образомъ не входитъ въ число [4]. Ибо ложь враждебна и противна природѣ его, истина же родственна числу и неразрывно связана съ нимъ съ самаго начала".

Тотъ же фрагментъ въ пер. кн. С. Трубецкого:

„Природу и дѣйствія чиселъ слѣдуетъ созерцать по той силѣ, которая присуща „*десяткѣ*"; ибо сила десятки весьма велика, все совершаетъ и производитъ всякое дѣйствіе. Она есть начало человѣческой, небесной и божественной жизни, ея предводительница и устроительница. Безъ нея же—все безпредѣльно, неопредѣленно, безвидно. Ибо *природа* числа нормируютъ всѣ вещи; ей свойственно управлять всѣмъ и наставлять все.

---

[1]) Кн. С. Трубецкой объясняетъ: „Подобно тому какъ гномонъ, приложенный къ соотвѣтственному квадрату, образуетъ новый квадратъ, обнимающій въ себѣ первый, такъ и душа человѣка, направленная на воспріятіе вещей, образуетъ соотвѣтственныя имъ представленія и понятія, обнимающія ихъ собою". Boeckh полагаетъ, что подъ „гномономъ" здѣсь слѣдуетъ понимать числовой гномонъ пиѳагорейцевъ, т. е. нечетное число, прибавленіе котораго превращаетъ квадратъ числа въ слѣдующій высшій квадратъ. Геометрическимъ выраженіемъ этого служитъ фигура

. Квадратъ ABCD= 2^2 черезъ прибавленіе гномона BEFGCD образуетъ квадратъ AEFG=3^2. Goebel полагаетъ, что подъ гномономъ здѣсь разумѣются солнечные часы, посредствомъ которыхъ день получаетъ числовую опредѣленность и время становится сообщаемымъ.

[2]) „Отношенія ограниченныхъ и неограниченныхъ вещей" Г. Дильсъ.

[3]) „Словахъ" Г. Дильсъ.

[4]) „Ложь не можетъ коснуться числа дыханіемъ своимъ" (Бауэръ).

Безъ нея все было бы сомнительно, ничто никому неизвѣстно. Никто не могъ бы имѣть яснаго сознанія о какой-либо вещи, ни взятой самой по себѣ, ни въ сопоставленіи съ другими, если бы не было числа и его *сущности*.

„Устрояя душу, число содѣлываетъ все познаваемымъ посредствомъ ощущенія и гармонически согласуетъ всѣ вещи другъ съ другомъ сообразно природѣ *гномона*...

„Природу и силу числа можно видѣть въ преизбыткѣ не только въ духовныхъ и божественныхъ вещахъ, но и во всѣхъ человѣческихъ *дѣлахъ* и *мысляхъ* вездѣ, даже въ произведеніяхъ искусствъ и въ музыкѣ. Природа числа, гармонія не допускаетъ въ себѣ лжи, ибо она не свойственна ей; ложь и зависть присущи безпредѣльной, безумной и неразумной природѣ. Въ число же никогда не проникаетъ ложь, потому что она противна и ненавистна его природѣ; истина же свойственна и врождена ему".

12. —— —— (*непосредственно за В 11, срв. А 15*) Тѣлъ (мірового) шара—пять, (*а именно*), огонь, вода, земля и воздухъ, которые (*всѣ*) находятся внутри (мірового) шара, и пятый (*элементъ*), представляющій собой судно (*периферію*) (мірового) шара.

13. *Теологумены ариѳметики р. 20, 35 Ast* Четыре начала у разумнаго животнаго, какъ и Филолай говоритъ въ сочиненіи: „О природѣ",—головной мозгъ, сердце, пупъ и половой членъ. „Головной мозгъ есть (*начало*) ума, сердце—(*начало*) души и ощущенія, пупъ—(*начало*) укорененія и произрастанія зародыша, половой членъ—(*начало*) изверженія сѣмени и зарожденія. Головной мозгъ обозначаетъ начало человѣка, сердце—(начало) животнаго, пупъ—растенія, половой же членъ—(начало) всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Ибо все цвѣтетъ и растетъ".

14. *Климентъ Strom. III 17* Слѣдуетъ упомянуть также изреченіе Филолая. А именно, (этотъ) пиѳагореецъ говоритъ слѣдующимъ образомъ (*слѣдуетъ ниже приводимая цитата*). *Платонъ Gorg. 493 А* Я, по крайней мѣрѣ, уже слышалъ отъ одного изъ мудрецовъ, что нынѣ мы мертвы и тѣло (σῶμα) есть наша могила (σῆμα), та же (*часть*) души, въ которой находятся вожделѣнія, есть нѣчто такое, что можетъ (легко) поддаваться чужому убѣжденію и измѣняться въ лучшую и худшую сторону; ее-то одинъ изъ миѳологовъ, остроумный мужъ, не знаю точно, изъ Сициліи (*21 В 115 слѣд.?*) или изъ Италіи (*Филолай?*), назвалъ „бочкой" (πίθον), навязывая ей это имя черезъ посредство словъ **τὸ πιθανόν** (легко убѣждаемое) и **πειστικόν** (довѣрчивое) [1]); неразумныхъ же (онъ назвалъ) **ἀμυήτους** (*непосвященными, не закрытыми*) [2]), а ту часть души непосвя-

---

[1]) Часть души, въ которой находятся вожделѣнія, была названа „бочкой" (πίθος), по созвучію корня πίθος съ πείθεσθαι, такъ какъ свойство этой части души—легко „убѣждаться", т. е. слѣдовать внушеніямъ со стороны.

[2]) Ἀμύητος имѣетъ два значенія: непосвященный (отъ гл. μυέω) и незакрытый, не могущій ничего въ себѣ удержать (отъ гл. μύω). На этомъ случайномъ совпаденіи основывается здѣсь разсужденіе.

щенныхъ. которой принадлежатъ вожделѣнія, невоздержную и не замкнутую (сторону) ея, по причинѣ ея ненасытности онъ сравнилъ съ дырявой бочкой... И они въ дырявую бочку носятъ воду другимъ такимъ же дырявымъ (*предметомъ*) -рѣшетомъ. Рѣшетомъ же (здѣсь) онъ, какъ сказалъ мой собесѣдникъ, называетъ душу. *Cratyl. 400 c* (*66 B 3*). *Срв. Атеней IV 157 c* Пиѳагореецъ Евксиѳей... какъ говоритъ перипатетикъ Клеархъ во второй книгѣ „Жизнеописаній". училъ, что души всѣхъ (*людей*) въ наказаніе прикрѣплены къ тѣлу и (заключены) въ здѣшнюю жизнь, и богъ устроилъ такъ, что, если они не пребываютъ при этомъ, пока онъ самъ не освободитъ ихъ (*т. е. если прибѣгаютъ къ самоубійству*), то они впадаютъ тогда въ значительно большую гибель. Поэтому-то всѣ, боясь угрозы высшей власти, страшатся сами по своей волѣ уйти изъ жизни и радостно принимаютъ только одну смерть въ старости, будучи убѣждены, что (*въ этомъ случаѣ*) происходитъ освобожденіе души по волѣ высшей власти.

„Свидѣтельствуютъ также древніе теологи и прорицатели, что въ наказаніе за нѣкоторыя (*преступленія*) душа соединена съ тѣломъ и, какъ бы въ могилѣ, погребена въ немъ".

15. *Аѳинагоръ 6 p. 6, 13 Schw.* И Филолай, говоря, что все заключено богомъ „какъ бы въ темницѣ", доказываетъ существованіе единаго и высшаго, чѣмъ матерія. *Платонъ Phaedon 61 D* (*пер. Карпова*) Такъ что же, Кевисъ? развѣ ты и Симміасъ не слышали объ этомъ (*о предосудительности самоубійства*) отъ Филолая, когда обращались съ нимъ?— По крайней мѣрѣ, ничего яснаго, Сократъ.—Впрочемъ, и я знаю только по слуху. *61 E* Теперешнее твое (*Сократа*) сужденіе я (*Кевисъ*) уже слышалъ и отъ Филолая, когда онъ жилъ у насъ (*въ Ѳивахъ*); знаю и отъ другихъ, что дѣлать этого не надобно; но ясно ни отъ кого и никогда не слыхивалъ. *62 B* Изреченіе, находящееся въ тайномъ ученіи, что мы, люди, живемъ „въ какой-то темницѣ", а потому сами собою не должны освобождаться изъ нея и уходить, мнѣ представляется слишкомъ высокимъ и неудобо-разсмотримымъ: но то, Кевисъ, по моему мнѣнію, хорошо сказано, что боги суть наши попечители, а мы, „люди—одно изъ ихъ стяжаній". *82 D* Потому-то, Кевисъ, всѣ, сколько-нибудь заботящіеся о своей душѣ и не лелѣющіе тѣла, раскланиваются съ подобными людьми, не идутъ по одной съ ними дорогѣ, такъ какъ эти люди сами не знаютъ, куда лежитъ путь ихъ. Вѣря, что не должно противодѣйствовать философіи и избѣгать предлагаемаго ею освобожденія и очищенія, они слѣдуютъ за философіею и направляются туда, куда она ведетъ ихъ *Срв. Клеархъ, стр. 56 выше.*

16. *Эвдемова Этика B 8. 1225 a 30* Такимъ образомъ нѣкоторыя мысли и чувства, или дѣйствія согласно этимъ мыслямъ и разсчетамъ, не зависятъ отъ насъ, но какъ сказалъ Филолай, „нѣкоторыя мысли сильнѣе насъ".

Вакханки [1]).

17. *Стобей Ecl. I 15, 7* „Вакханки“ Филолая:

„Космосъ—единъ, началъ же онъ возникать изъ центра, и притомъ (сталъ образовываться) равномѣрно вверхъ и внизъ отъ центра. Ибо верхъ лежитъ отъ центра въ направленіи противоположномъ низу. А именно, для самаго низа центръ есть какъ бы самый верхъ и (все) прочее точно такъ же. Ибо къ центру и то и другое (*верхъ и низъ*) находятся въ одинаковомъ отношеніи, только въ обратномъ направленіи.

18. ——— ——— *I 25, 8* Изъ „Вакханокъ“ Филолая. *Цитата* (о солнцѣ) *утеряна.*

19. *Проклъ in Eucl. p. 22. 9 Friedl.* Поэтому-то и Платонъ научаетъ насъ многимъ удивительнымъ ученіямъ о богахъ при помощи математическихъ фигуръ и философія пиѳагорейцевъ, пользуясь этими ширмами, скрываетъ входъ въ таинства божественныхъ ученій. Таково вѣдь все „Священное слово“, (таковъ) Филолай въ „Вакханкахъ“, (*таковъ, наконецъ*) весь характеръ пиѳагорейскаго ученія о богахъ.

Сомнительные фрагменты.

20. *Лаврентій Лидъ de mens. II 12* Итакъ, правильно Филолай назвалъ число 7 „не имѣющимъ матери“ [2]). Ибо оно по своей природѣ ни рождаетъ, ни рождается. Не рождающее же и не рождаемое—неподвижно. Дѣйствительно, рожденіе—въ движеніи, такъ какъ рождающее и рождаемое не могутъ быть безъ движенія, первое—чтобы родить, второе—чтобы быть рожденнымъ. Таковъ же богъ, какъ говоритъ и самъ тарентинскій ораторъ. Говоритъ же онъ такъ (*слѣдуетъ ниже приводимая цитата*) *Изъ того же самаго недостовѣрнаго первоисточника* (*Проръ* „О числѣ 7“?) *Филонъ d. opif. 100* По этой причинѣ прочіе философы уподобляютъ это число „не имѣющей матери (и дѣтей *Г. Дильсъ*) Побѣдѣ-Дѣвѣ, о которой говорятъ, что она явилась изъ головы Зевса, пиѳагорейцы же (*уподобляютъ это число*) тому, кто стоитъ во главѣ всего. И дѣйствительно, не рождающее и не рождаемое пребываетъ неподвижнымъ... Только не движущее и не движущееся есть старшій правитель и глава, которому надлежащимъ образомъ могла бы быть приписана гебдомада. Подверждепіемъ тому, что я говорю, служатъ слѣдующія (слова) Филолая. А именно... говоритъ онъ (*ниже приводимая цитата*). *Анатолій de decade p. 35 Heiberg* Изъ чиселъ, заключающихся въ декадѣ, одна только гебдомада не рождаетъ и не рождается отъ другого числа, за исключеніемъ единицы. Поэтому-то она и называется пиѳагорейцами „дѣвой, не имѣющей матери“.

---

[1]) Заглавіе сочиненія и раздѣленіе его на книги принадлежитъ александрійской эпохѣ.

[2]) „Не имѣющей матери и дѣтей“ Г. Дильсъ.

„Ибо она есть вождь и правитель всѣхъ (вещей), богъ, единый, вѣчно сущій, пребывающій, неподвижный, (*всегда*) подобный самому себѣ, отличный отъ (всего) остального".

20a. *Лаврентій Лидъ d. mens. IV 12* Итакъ, Филолай правильно говоритъ, что діада (*двоица*) есть супруга Кроноса, котораго, очевидно, можно назвать Хроносомъ.

Подложные фрагменты.

О душѣ.

21. *Стобей Ecl. I 20, 2 p. 172, 9 W* Изъ сочиненія „О душѣ" пиѳагорейца Филолая. Филолай (утверждаетъ), что міръ безсмертенъ. По крайней мѣрѣ, онъ говоритъ въ сочиненіи „О душѣ" слѣдующимъ образомъ:

„Поэтому (*міръ*) пребываетъ безсмертнымъ и непреодолимымъ въ теченіе безконечной вѣчности. Ибо не найдется ни какой другой причины ни внутренней, которая была бы сильнѣе его (*міровая душа? Г. Дильсъ*), ни внѣшней, которая могла бы его уничтожить. Но міръ сей существовалъ отъ вѣчности и будетъ пребывать во вѣки вѣковъ. Онъ—единъ и управляется родственнымъ ему единымъ всесильнымъ, (*ни съ чѣмъ*) несравненнымъ. Также и начало движенія и измѣненія міръ, будучи единымъ, сопряженнымъ, пронизываемымъ насквозь дыханіемъ природы и совершающимъ круговое вращеніе, имѣетъ съ самаго начала. И одна часть его пребываетъ неизмѣнной, другая же измѣняется. Неизмѣняющаяся часть *его* простирается отъ объемлющей вселенную (міровой) души до луны, измѣняющаяся же—отъ луны до земли. А такъ какъ движущее производитъ вращеніе отъ вѣка и до вѣка, съ движимымъ же дѣлается то, что дѣлаетъ съ нимъ движущее, то необходимо одно должно быть вѣчно движущимъ, другое—вѣчно испытывающимъ воздѣйствіе (*со стороны перваго*), и одно—(*мѣстопребываніемъ?*) ума и души, другое же—(*мѣстомъ*) рожденія и измѣненія, одно—по силѣ первымъ и превосходящимъ другое—(по силѣ) вторымъ и уступающимъ. Изъ обоихъ этихъ (*началъ*)—вѣчно бѣгущаго божественнаго и вѣчно измѣнчиваго смертнаго—состоитъ міръ.

Поэтому-то онъ считалъ правильнымъ (*ученіе*), что міръ есть вѣчная дѣятельность бога и рожденной (*твари*), причемъ (*эта*) измѣнчивая природа слѣдуетъ (*богу*). И богъ одинъ во вѣки пребываетъ неизмѣнно въ одномъ и томъ же состояніи, они же (*сотворенныя существа*) во множествѣ рождаются и погибаютъ. И хотя послѣднія подвержены гибели, (однако), сохраняютъ (свою) природу и (свои) формы и путемъ рожденія вновь возстанавливаютъ ту же самую форму, какую (*далъ имъ*) сотворившій ихъ отецъ и создатель...

«О риѳмахъ и мѣрахъ» три книги.

22. *Клавдіанъ Мамертъ II 3 p. 105, 5 Engelbr.* Итакъ, вслѣдствіе того что Пиѳагоръ ничего самъ не написалъ, его мнѣніе должно искать у позднѣйшихъ. Изъ нихъ, я нахожу, значительно больше всѣхъ прославился Филолай Тарентинскій, который, излагая весьма темно въ многихъ сочиненіяхъ объ умопостигаемыхъ вещахъ и о томъ, что каждая (вещь) обозначаетъ, прежде чѣмъ рѣшить вопросъ о сущности души, удивительнымъ образомъ разсуждаетъ о мѣрахъ, вѣсахъ и числахъ въ геометрической и ариѳметической музыкѣ, утверждая, что черезъ посредство ихъ возникла вся вселенная. *II 7 p. 120, 12* Теперь я возвращаюсь къ Филолаю, отъ котораго давно удалился весьма далеко. Онъ въ третьей изъ книгъ, которымъ даетъ заглавіе „О риѳмахъ и мѣрахъ", говоритъ о душѣ слѣдующимъ образомъ:

„Душа облекается въ тѣло черезъ посредство числа и безсмертной, безтѣлесной гармоніи". Также далѣе (онъ говоритъ) другое: „Душа любитъ тѣло, такъ какъ безъ него не можетъ пользоваться ощущеніями. Послѣ того какъ смерть вывела ее изъ тѣла, она ведетъ въ мірѣ безтѣлесную жизнь".

23. *Ямвлихъ in Nicom. p. 10, 22* Филолай же говоритъ, что „число есть господствующая, сама собой происшедшая связь вѣчнаго постоянства находящихся въ мірѣ (вещей)".

---

33. Эвритъ.

1. *Ямвлихъ V. P. 148* Кротонецъ Эвритъ—ученикъ Филолая. Когда одинъ пастухъ сообщилъ ему, что услышалъ въ полдень изъ могилы голосъ Филолая, умершаго много лѣтъ передъ тѣмъ, въ родѣ какъ бы пѣнія, Эвритъ спросилъ: „(*Скажи*), заклинаю тебя богами, какимъ ладомъ (*онъ пользовался*)?" *Тамъ же въ § 266 (см. 45 А) Эвритъ названъ* метапонтинцемъ, *и въ § 267 (45 А)* тарентинцемъ. *Срв. Діогенъ III 6. VIII 46 (выше 33 А 4. 5)...*

2. *Ѳеофрастъ Metaphys. p. VIa Usener* А именно, это (*т. е. не останавливаться въ поступательномъ движеніи, дойдя до нѣкоторой ступени*) есть свойство совершеннаго и разумнаго (мужа). Именно такъ поступаетъ, какъ сказалъ однажды Архитъ (*35 А 13*), Эвритъ въ своихъ опредѣленіяхъ (*фигуръ*) посредствомъ счетныхъ камешковъ. А именно, онъ говоритъ, что вотъ это есть число человѣка, это—число лошади, это—(число) чего-нибудь другого. Въ настоящее же время, по крайней мѣрѣ, большинство, дойдя до нѣкотораго (числа), прекращаютъ (*дальнѣйшія вычисленія подобнаго рода*). Подобнымъ образомъ поступаютъ тѣ, которые принимаютъ (въ качествѣ принциповъ) единицу и неопредѣленную

двоицу. А именно, показавъ происхожденіе чиселъ, поверхностей и тѣлъ, почти (все) остальное они оставляютъ въ сторонѣ, за исключеніемъ лишь даваемаго ими ученія, что однѣ (*вещи*) происходятъ отъ неопредѣленной двоицы, какъ напримѣръ, пространство и безпредѣльная пустота, другія же- отъ чиселъ и единицы, какъ, напримѣръ, душа и нѣкоторыя другія (вещи). (Сюда же также относятся время, небо и большая часть другихъ вещей). О небѣ же и прочихъ (вещахъ) они не дѣлаютъ больше никакого упоминанія.

3. Аристотель Metaphys. N 5. 1092 b 8 Вовсе не опредѣлено, какимъ образомъ числа суть причины субстанцій и бытія. (*Не опредѣлено, суть ли они причины*), въ качествѣ границъ, подобно тому какъ точки— (*границы*) величинъ и какъ устанавливалъ Эвритъ, какое число опредѣляетъ какую (*фигуру*), какъ напримѣръ, такое-то число (*опредѣляетъ фигуру*) человѣка, такое-то—лошади. Онъ уподоблялъ счетнымъ камешкамъ (формы) животныхъ и растеній, подобно тѣмъ, кто сводитъ числа къ фигурамъ треугольной и четыреугольной. (*Александръ*) *къ этому мѣсту p. 827, 9* Пусть опредѣленіемъ человѣка для круглаго счета будетъ число 250, (опредѣленіемъ) растенія—(число) 360. Установивъ это, онъ бралъ 250 камешковъ—часть зеленыхъ, часть черныхъ, часть красныхъ,—вообще окрашенныхъ въ разные цвѣта. Затѣмъ намазывая стѣну сажею [1]) и набрасывая контуры человѣка и растенія, онъ втыкалъ одни камешки на силуэтѣ лица, другіе—на (изображеніи) рукъ, третьи—на другихъ частяхъ, и заканчивалъ (*это*) изображеніе человѣка, пользуясь числомъ камешковъ, равнымъ количеству единицъ, которыя опредѣляютъ человѣка, по его (прежде высказанному) мнѣнію.

---

34. Архиппъ. Лизисъ. Опсимъ.

1. Ямвлихъ V. P. 57 (См. стр. 76 первой части) А изъ двухъ спасшихся (пиѳагорейцевъ), которые оба были тарентинцами, Архиппъ удалился въ Тарентъ, а Лизисъ, не пожелавъ переносить пренебрежительнаго отношенія, отбылъ въ Элладу и жилъ въ Ахайи Пелопоннесской, затѣмъ переселился въ Ѳивы вслѣдствіе усерднаго старанія, проявленнаго въ чемъ-то (*ѳиванцами*). Его-то ученикомъ былъ Эпаминондъ, и онъ называлъ Лизиса отцомъ. Такъ онъ и умеръ.

Вымышленные анекдоты о Лизисѣ изъ романа Аполонія см. у Ямвлиха V. P. 185 срв. 256. Бѣгство и смерть его разсказываетъ Плутархъ de genio Socr. 13.

---

[1]) Читаю „ἀσβόλῳ“ вмѣсто „ἀσβέτῳ“.

Сомнительныя сочиненія.

2. Порфирій V. P. 57 Ибо сочиненія самого Пиѳагора не было. и убѣжавшіе Лизисъ и Архиппъ, а также тѣ, которые случайно (*въ то время*) находились на чужбинѣ, спасли немногіе остатки философіи (его)—неясные и малопонятные.

3. Діогенъ VIII 7 (см. выше стр. 77 первой части) А то, что ходитъ подъ именемъ Пиѳагора, принадлежитъ пиѳагорейцу Лизису изъ Тарента, бѣжавшему въ Ѳивы и бывшему учителемъ Эпаминонда.

4. Аѳинагоръ 5 р. 6 15 Schwartz (послѣ 32 В 15, стр. 36) Лизисъ же и Опсимъ опредѣляютъ бога, первый—какъ неизреченное число, второй же—какъ превосходство наивысшаго изъ чиселъ по сравненію съ ближайшимъ (къ нему числомъ). Если же, по ученію пиѳагорейцевъ, величайшее число есть десять, такъ какъ оно— четверица и объемлетъ (въ себѣ) всѣ ариѳметическія и гармоническія отношенія, смежное же съ нимъ (число)—9, то (*слѣдовательно*) богъ есть монада, то-есть единица. Ибо на единицу величайшее число превосходитъ наиближайшее къ нему меньшее.

5. Ямвлихъ V. P. 267 (45 A) Изъ Регіума—Аристидъ... Опсимъ.

Подложное письмо Лизиса къ Гиппарху=Гиппасу см. Діогенъ VIII 42. Ямвлихъ V. P. 75. Родэ полагаетъ, что здѣсь Гиппархъ=Архиппъ. Письмо появилось не раньше III в. до Р. Хр., какъ показываютъ терминологія и стиль.

---

35. Архитъ.

А. Жизнь и ученіе.

Жизнь.

1. Діогенъ VIII 76—83 Тарентинецъ Архитъ, сынъ Мнесагора, по Аристоксену же, сынъ Гестіэя,—тоже пиѳагореецъ. Это онъ посредствомъ письма спасъ Платона отъ намѣревавшагося убить его Діонисія. Онъ также вызывалъ къ себѣ удивленіе народа по причинѣ (своего) совершенства во всѣхъ отношеніяхъ. И дѣйствительно, онъ семь разъ въ качествѣ стратега предводительствовалъ гражданами, между тѣмъ какъ (всѣ) остальные не бывали стратегами болѣе году вслѣдствіе запрещенія, положеннаго закономъ. Къ нему и Платонъ написалъ два письма, послѣ того какъ онъ (самъ) первый обратился къ Платону со слѣдующимъ письмомъ. (*Слѣдуютъ въ §§ 80. 81 подложныя письма, составленные авторомъ сочиненій Оккела*).

Было же четыре (извѣстныхъ) лица, носившихъ имя Архита. Во-первыхъ, самъ вышеупомянутый; во-вторыхъ, музыкантъ изъ Митилены; въ-третьихъ, авторъ сочиненія „О земледѣліи“; въ-четвертыхъ, авторъ эпиграммъ. Нѣкоторые сообщаютъ и о пятомъ—архитекторѣ, которому приписывается сочиненіе „О сооруженіи“ съ такимъ началомъ; „Вотъ что я слышалъ о Тевкрѣ Кареагенскомъ“. (О музыкантѣ же Архитѣ разсказываютъ также слѣдующее: когда его бранили за то, что его (*голоса*) не было слышно, онъ сказалъ: „Дѣло въ томъ, что говоритъ инструментъ, состязающійся за меня“).

Аристоксенъ говоритъ, что пиѳагореецъ Архитъ, будучи стратегомъ, не разу не былъ побѣжденъ. Когда же ему стали завидовать, то онъ какъ-то разъ отказался отъ должности стратега, и они (*его сограждане*) тотчасъ потерпѣли пораженіе. Онъ первый методически обработалъ (ученія), относящіяся къ механикѣ, примѣнивъ (къ ней) математическія начала, и первый представилъ движеніе машинъ въ геометрическомъ чертежѣ, а также пытался для (*рѣшенія задачи*) удвоенія куба получить двѣ среднихъ пропорціональныхъ черезъ сѣченіе полуцилиндра. И въ геометріи онъ первый открылъ кубъ, какъ говоритъ Платонъ въ „Государствѣ“ (*VII 528 B?*).

2. Свида. Тарентинецъ Архитъ, сынъ Гестіэя, или Мнесарха, или Мнасагета, или Мнасагора,—философъ пиѳагореецъ. Онъ спасъ жизнь Платону, когда тираннъ Діонисій намѣревался его убить. Онъ стоялъ во главѣ правительства Италіи, будучи избранъ гражданами и (жившими) вокругъ того мѣста эллинами стратегомъ съ неограниченною властью. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обучалъ философіи, имѣлъ знаменитыхъ учениковъ и написалъ много книгъ (*изъ Гезихія*).

Онъ, очевидно, былъ ученикомъ Эмпедокла (!). И существуетъ поговорка: „погремушка Архита“, такъ какъ Архитъ изобрѣлъ погремушку, которая представляетъ собой особый инструментъ, издающій звукъ и шумъ (*изъ А 10*).

3. Горацій c. I 28 Тебя, Архитъ, измѣрителя моря, земли и безчисленныхъ песковъ, (*нынѣ*) содержитъ небольшая могила изъ незначительнаго (количества) песку возлѣ Матинскаго берега [1]), и нѣтъ тебѣ никакой пользы отъ того, что ты постигъ воздушное жилище и пробѣжалъ круглое небо душою, которой (*несмотря на это*) предстояло умереть. Умеръ и отецъ Пелопса, застольный товарищъ боговъ, и Тиѳонъ, унесенный къ небу, и Миносъ, которому были открыты тайны Юпитера, и Тартаръ держитъ въ себѣ Панѳоида, ниспосланнаго вторично (*туда*) внизъ Оркомъ, хотя онъ, засвидѣтельствовавшій сорваннымъ щитомъ (*свою жизнь*) во время троянскихъ войнъ [2]), не уступилъ мратной смерти ничего, кромѣ жилъ и кожи, (*этотъ*), по твоему мнѣнію, великій изслѣдователь природы

---

[1]) Въ Апуліи.

[2]) См. стр. 72 первой части.

и истины. Но всѣхъ ожидаетъ единая ночь и (*каждому*) придется пойти однажды по дорогѣ смерти.

4. *Страбонъ VI p. 280* Нѣкогда были въ силѣ тарентинцы. имѣвшіе по преимуществу демократическое правленіе. ...Они приняли также пиѳагорейскую философію. особенно же Архитъ. который долгое время стоялъ во главѣ города. (*Срв. А 1, стр. 43*).

5. *Платонъ ер. VII*[1]) *p. 338 C* Все-таки мнѣ показалось тогда (*передъ третьимъ путешествіемъ въ Сиракузы въ 361 г.*) болѣе безопаснымъ рѣшительно отказаться отъ предложенія Діона и Діонисія, и я сдѣлался ненавистнымъ имъ обоимъ, послѣ того какъ я отвѣтилъ, что я старикъ и что ничего изъ того, что теперь дѣлается, не соотвѣтствуетъ (*заключеннымъ со мной*) условіямъ. Кажется, что послѣ этого и Архитъ прибылъ къ Діонисію. Ибо я, прежде чѣмъ уѣхать оттуда (*нѣкоторое время послѣ 367, второе путешествіе*), заключивъ союзъ гостепріимства и дружбу съ Архитомъ, съ тарентинцами и съ Діонисіемъ, отплылъ... *339 A* А именно, чтобы облегчить (*мнѣ путешествіе*), Діонисій въ третій разъ послалъ за мной тріеру, и (*съ ней*) послалъ Архедема, которого, какъ онъ полагалъ, я цѣню наиболѣе изъ всѣхъ сицилійцевъ, (бывшаго) однимъ изъ учениковъ Архита, а также другихъ извѣстныхъ сицилійцевъ... (*Письмо Діонисія къ Платону*) Получались часто также другія письма—отъ Архита и тарентинцевъ. въ которыхъ восхвалялась любовь Діонисія къ мудрости и (говорилось), что, если я не пріѣду теперь, то разрушу совершенно дружбу. возникшую у нихъ съ Діонисіемъ, которая. имѣя (*своей основой*) государственныя дѣла, весьма сильна благодаря мнѣ. *340 A* Итакъ, я отправляюсь... хотя очень боюсь да и предзнаменованія не вполнѣ благопріятны. *350 A* Прибывшіе же ко мнѣ изъ Аѳинъ мои сограждане, принадлежавшіе къ экипажу корабля и другіе, сообщили, что я оклеветанъ передъ пелтастами и что нѣкоторые (изъ нихъ) угрожаютъ убить меня. если имъ удастся какъ-нибудь схватить меня. И вотъ я придумываю приблизительно слѣдующій способъ спасенія. Посылаю въ Тарентъ къ Архиту и прочимъ друзьямъ, сообщая, въ какомъ (положеніи) я нахожусь. Они же придумали какой-то предлогъ для (отправленія) посольства отъ имени государства и посылаютъ тридцативесельный военный корабль и одного изъ своей среды--Ламиска, который по прибытіи просилъ Діонисія за меня, говоря, что я хотѣлъ бы уѣхать и ни въ какомъ случаѣ не оставаться. Онъ же согласился и отослалъ (*меня домой*), давъ денегъ на дорогу... Прибывъ же въ Пелопоннесъ въ (*городъ*) Олимпію (*105 олимпіада, 360 г.*) я засталъ (*тамъ*) Діона, присутствовавшаго на зрѣлищахъ и извѣстилъ его о происшедшемъ.

Отсюда всѣ позднѣйшія свѣдѣнія, напримѣръ, Цицеронъ de rep. I 10, 16 Думаю, ты, Тубéронъ, слышалъ, что послѣ смерти Сократа Пла-

[1]) Относительно подлинности этого письма споръ еще продолжается. Подлинность не доказана.

тонъ въ цѣляхъ поучиться поспѣшилъ сперва въ Египетъ, затѣмъ въ Италію и Сицилію, чтобы основательно изучить открытія Пиѳагора, и что онъ продолжительное время находился въ общеніи съ Архитомъ Тарентинскимъ и Тимеемъ Локрскимъ и получилъ записки у Филолая.

6. Проклъ in Eucl. prol. П 66, 14 (изъ „Исторіи геометріи“ Эвдема) Въ это время (*вѣкъ Перикла*) жили ѳасіецъ Леодамъ, тарентинецъ Архитъ и аѳинянинъ Теэтетъ, которыми было увеличено число теоремъ и онѣ были доведены до болѣе научнаго состоянія.

7. Ямвлихъ V P. 197 (изъ Аристоксена) Дѣйствительно, Спинѳаръ часто разсказывалъ о тарентинцѣ Архитѣ, что вскорѣ по прибытіи съ войны, которую городъ предпринималъ противъ мессапіевъ, онъ посѣтилъ (свое) поле и, замѣтивъ, что управляющій и прочіе слуги плохо занимались земледѣліемъ и были чрезвычайно нерадивы, разсердился и пришелъ въ такое негодованіе, что (*только*) могъ, кажется, сказать слугамъ: „счастіе ваше, что я на васъ разсердился“. Ибо, если бы этого не случилось, то никогда бы они не остались ненаказанными за столь важные проступки, содѣянныя ими. *Отсюда Цицеронъ Tusc. IV 36, 78—и др.*

8. Аѳеней XII 519 B И Аѳинодоръ въ сочиненіи: „О трудѣ и забавѣ“ говоритъ, что тарентинецъ Архитъ, бывшій государственнымъ дѣятелемъ и вмѣстѣ философомъ и имѣвшій весьма много слугъ, радовался, когда они, нарушая (свою обычную) мѣру ѣды, отправлялись на пирушку. *Эліанъ V. H. XII 15* А также тарентинецъ Архитъ, бывшій государственнымъ мужемъ и философомъ, имѣя много слугъ, получалъ весьма большое удовольствіе отъ ихъ дѣтей, играя съ воспитывавшимися дома (*дѣтьми слугъ*). Въ особенности же онъ любилъ тѣшиться ими на пирушкахъ. *Срв. А 10.*

9. Аѳеней XII 545 A Музыкантъ Аристоксенъ въ своей „Біографіи Архита“ говоритъ, что къ гражданамъ Тарента отъ Діонисія Младшаго пришли послы, въ числѣ коихъ былъ и Поліархъ, по прозванію „Преданный удовольствіямъ“; этотъ мужъ былъ усерднымъ поклонникомъ тѣлесныхъ наслажденій не только на дѣлѣ, но и въ своемъ ученіи. Будучи же пріятелемъ Архита и не совсѣмъ чуждаясь философіи, онъ приходилъ въ рощу и прогуливался (*тамъ*) вмѣстѣ съ учениками Архита, слушая ученія (его). Когда однажды случайно возникло затрудненіе и (*отсюда вышло*) разсужденіе относительно вожделѣній и вообще тѣлесныхъ удовольствій, Поліархъ сказалъ и т. д. *Возраженіемъ Поліарха, которое у Аѳенея не сохранилось, пользуется, какъ показываютъ отголоски у Аристотеля N. Eth. H 12, для своей фикціи Цицеронъ Cat. m. 12, 39* Услышьте, благороднѣйшіе юноши, древнюю рѣчь тарентинца Архита, великаго и преславнаго мужа, которую мнѣ (*говоритъ Катонъ*) передали, когда я въ юности (своей) былъ въ Тарентѣ вмѣстѣ съ Кв. Максимомъ. Онъ говорилъ, что природа не дала людямъ ничего болѣе опаснаго и гибельнаго, чѣмъ чувственное удовольствіе: ненасытное страстное желаніе этого удовольствія безразсудно и неукротимо разжигается съ цѣлью насладиться имъ. (*40*) Отсюда измѣны отечеству, отсюда ниспроверженіе государствен-

ной власти, отсюда тайные переговоры съ врагами возникаютъ; наконецъ, нѣтъ ни одного преступленія, ни одного дурного поступка, въ который не вовлекла бы страсть къ наслажденію: дѣйствительно, безчестные поступки, нарушенія супружеской вѣрности и всякая подобная мерзость вызываются ничѣмъ инымъ, какъ приманкой удовольствія. Между тѣмъ какъ человѣку или природа или какой-нибудь богъ не дали ничего превосходнѣе ума, нѣтъ ничего столь враждебнаго этому божественному дару, какъ удовольствіе. (*41*) Ибо когда господствуетъ страсть, нѣтъ мѣста для умѣренности и вообще въ царствѣ наслажденія не можетъ держаться добродѣтель. Чтобы лучше это понимать, онъ рекомендовалъ мысленно вообразить человѣка, охваченнаго величайшимъ столь сильнымъ тѣлеснымъ наслажденіемъ, какое только можно чувствовать. По его мнѣнію, для всякаго будетъ внѣ сомнѣнія, что, пока тотъ (человѣкъ) будетъ испытывать такое удовольствіе, онъ не будетъ въ состояніи ни о чемъ думать, ни за чѣмъ слѣдовать разумомъ, ни о чемъ размышлять. Поэтому нѣтъ ничего столь гнуснаго и столь пагубнаго, какъ удовольствіе, если, дѣйствительно, оно гаситъ весь свѣтъ души, когда бываетъ болѣе сильнымъ и болѣе продолжительнымъ. Нашъ гость-тарентинецъ Неархъ, пребывавшій въ дружбѣ съ римскимъ народомъ, говорилъ, что онъ слышалъ отъ старшихъ, что Архитъ говорилъ объ этомъ съ К. Понтіемъ Самнитомъ, отцомъ того, который побѣдилъ въ Кавдинской битвѣ консуловъ Сп. Постумія и Т. Ветурія, причемъ при той бесѣдѣ присутствовалъ аѳинянинъ Платонъ, который, по моему вычисленію, прибылъ въ Тарентъ во время консульства Л. Камилла и Аппія Клавдія (*349!*).

10. Аристотель pol. Θ 6. 1340 b 26 (пер. С. Жебелева) Нужно считать прекраснымъ изобрѣтеніемъ ту погремушку Архита, которую даютъ въ руки малымъ дѣтямъ, чтобы они, занимаясь ею, не ломали ничего изъ домашнихъ вещей: вѣдь то, что молодо, не можетъ оставаться спокойнымъ.

10a. Геллій X 12. 8 Но то, что, какъ передаютъ, выдумалъ и сдѣлалъ пиѳагореецъ Архитъ, по справедливости должно казаться не менѣе удивительнымъ и, однако, не ложнымъ. И дѣйствительно, весьма многіе изъ извѣстныхъ грековъ и философъ Фаворинъ, весьма подробно разсказывающій древнюю исторію, въ своихъ сочиненіяхъ рѣшительно утверждаютъ, что изображеніе голубя, сдѣланное Архитомъ изъ дерева по нѣкоторому плану и по даннымъ науки механики, летало; то-есть оно было такъ привѣшено къ противовѣсу и приводилось въ движеніе сжатымъ скрытымъ воздухомъ. Хочу, клянусь Геркулесомъ, относительно вещи, въ которую столь трудно повѣрить, привести слова самого Фаворина: „Архитъ Тарентинскій, бывшій изобрѣтательнымъ и въ остальномъ, сдѣлалъ летающаго деревяннаго голубя, который, однажды сѣвъ, болѣе не поднимался. Ибо до тѣхъ поръ * * *" [1]).

---

[1]) Догадку В. Шмидта о конструкціи этого голубя см. въ примѣчаніи Дильса къ этому мѣсту.

11. Эліанъ V. H. XIV 19 Архитъ былъ скроменъ и въ прочихъ отношеніяхъ и, слѣдовательно, избѣгалъ и непристойныхъ словъ. Когда же однажды принуждали его сказать какое-то изъ непристойныхъ (словъ), онъ не уступилъ, но, не сказавъ самаго (слова), написалъ (его) на стѣнѣ. (Такимъ образомъ) онъ указалъ то, что заставляли его сказать, однако, сказать (*это слово*) принудить его не удалось.

12. Аристотель rhet. Г 11. 1412 a 12 Архитъ сказалъ, что судья и алтарь одно и то же, ибо то, что обижаютъ, (*одинаково*) ищетъ убѣжища у того и другого

Ученіе.

13. Гезихій Перечень сочиненій Аристотеля (Rose² 14) № 83 „О философіи Архита" 3 книги; № 85 „Извлеченіе изъ (сочиненій) Тимея и Архита" одна книга. *Діогенъ V 25 (R. 6 № 92)* „Объ Архитовой философіи" 3 книги. *Срв. Дамаскій de princ. II 172, 20 Ruelle* Аристотель въ сочиненіи объ Архитѣ сообщаетъ, что Пиѳагоръ называетъ матерію „инымъ", такъ какъ она текуча и постоянно становится иной и иной (*измѣняется*). *Можетъ быть, отсюда Ѳеофрастъ Metaph. p. VIa 19 (см. выше гл. 33, 2).*

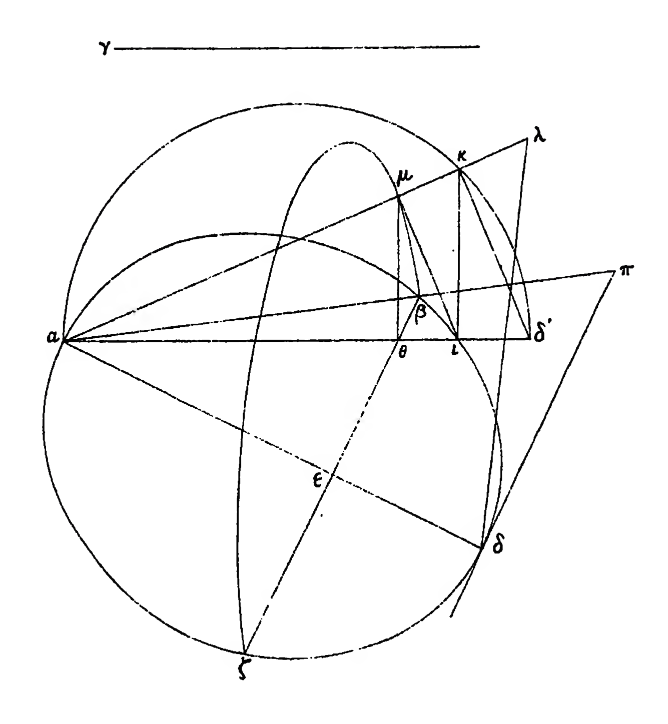
14. Евтокій in Archim sphaer. et cyl. [1]) *II* Открытіе Архита, какъ сообщаетъ Эвдемъ. Пусть даны двѣ прямыя *AΔ* и *Г*. Требуется найти двѣ среднихъ пропорціональныхъ къ нимъ. Допустимъ, что вокругъ большей линіи *AΔ* описанъ кругъ *ABΔZ* и отложена (*хорда*) *AB*, равная *Г*. Пусть продолженіе послѣдней встрѣчается съ (линіей), касательной въ точкѣ *Δ* къ кругу, въ точкѣ *П*. Параллельно (линіи) *ПΔO* пусть будетъ проведена (линія) *BEZ*. Вообразимъ прямой полуцилиндръ, имѣющій основаніемъ полукругъ *ABΔ*, и полукругъ на (*линіи*) *AΔ*, плоскость котораго перпендикулярна къ плоскости основанія полуцилиндра. Послѣдній полукругъ, вращаясь, какъ бы въ направленіи отъ (точки) *Δ* къ точкѣ *B*, вокругъ неподвижной (точки) *A*, являющейся концомъ діаметра, пересѣчетъ въ своемъ вращеніи цилиндрическую поверхность и опишетъ на ней нѣкоторую линію. Съ другой же стороны, если треугольникъ *AПΔ* будетъ вращаться вокругъ неподвижной (линіи) *AΔ* въ направленіи, противоположномъ движенію полукруга, то онъ образуетъ коническую поверхность прямою (линіей) *AП*, которая при вращеніи встрѣтитъ цилиндрическую линію [2]) въ какой-нибудь точкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и (точка) *B* опишетъ полукругъ на поверхности конуса. Пусть въ мѣстѣ встрѣчи

---

[1]) Чертежъ къ этой теоремѣ, приведенный у Дильса, неправиленъ. Какимъ образомъ треугольникъ AПΔ, вращаясь вокругъ неподвижной стороны AΔ, можетъ занять положеніе треугольника Δ'AΔ? Вслѣдствіе очевидной ошибочности чертежа Дильса, привожу чертежъ къ этой теоремѣ изъ сочиненія G. I. Allman. Greek Geometry from Thales to Euclid, стр. 112.

[2]) Т. е. линію, описанную на цилиндрической поверхности движеніемъ полукруга.

(указанныхъ) линій двигавшійся полукругъ занимаетъ положеніе (полукруга) $\Delta'KA$, треугольникъ же, вращавшійся въ противоположномъ направленіи, (пусть занимаетъ положеніе треугольника) $\Lambda\Delta A$ [1]), точкой же вышеупомянутой встрѣчи пусть будетъ точка K. Пусть также полукругъ, описываемый черезъ (точку) B, будетъ (полукругъ) BMZ, общимъ же пересѣченіемъ его и круга $B\Delta Z A$ пусть будетъ (линія) BZ. И изъ (точки) K на плоскость полукруга $B\Delta A$ пусть будетъ проведенъ перпендикуляръ. Онъ упадетъ на окружность круга вслѣдствіе перпендикулярнаго положенія цилиндра. Пусть опускаемый (перпендикуляръ) будетъ (линія) KI, и пусть (линія), проведенная отъ (точки) I къ (точкѣ) A пересѣчется съ (линіей) BZ въ (точкѣ) Θ, линія же $A\Lambda$ (пусть встрѣтится) съ полукругомъ BMZ въ (точкѣ) M. Пусть будутъ также проведены линіи $K\Delta'$, MI, $M\Theta$. Итакъ, вслѣдствіе того, что, каждый изъ полукруговъ $\Delta'KA$ и BMZ перпендикулярны къ лежащей подъ ними плоскости, то и общее пересѣченіе ихъ—(линія) $M\Theta$ тоже перпендикулярна къ плоскости круга. Такимъ образомъ (линія) $M\Theta$ перпендикулярна и къ (линіи) BZ. Итакъ, прямоугольникъ, построенный на линіяхъ ΘB и ΘZ, или, что то же, на линіяхъ ΘA и ΘI, равенъ квадрату, построенному на линіи $M\Theta$. Слѣдовательно, треугольникъ AMI подобенъ каждому изъ треугольниковъ $MI\Theta$ и $MA\Theta$. И уголъ IMA прямой. Равнымъ образомъ уголъ $\Delta'KA$—прямой. Слѣдовательно (линіи) $K\Delta'$ и MI параллельны, и какъ (линія) $\Delta'A$ относится къ (линіи) AK, то-есть линія KA къ AI, такъ (линія) IA (будетъ относиться) къ (линіи) AM вслѣдствіе подобія треугольниковъ. Итакъ, четыре (линіи) $\Delta'A$, AK, AI и AM по порядку пропорціональны. И (линія) AM равна (линіи) Γ, такъ какъ она равна (линіи) AB. Слѣдовательно, по двумъ даннымъ $A\Delta$ и Γ отысканы двѣ среднихъ пропорціональныхъ AK и AI.

[1]) У Дильса ошибочно Δ'ΛΑ.

15. Эратосѳенъ. Священная надпись о делосской проблемѣ удвоенія куба (Eutoc. in Archim. sphaer. et cyl. II III 112, 19 Heib.).

Ты не изслѣдуй ни трудныхъ произведеній цилиндровъ Архита, ни коническихъ сѣченій тріадъ Менайхма [1]), ни кривыхъ линій богоподобнаго Эвдокса [2]).

Срв. Псевдо-Эратосѳенъ (*тамъ же III 106, 1 Heib.*) Изъ тѣхъ, которые прилежно предавались рѣшенію задачи найти двѣ среднихъ пропорціональныхъ между двумя данными (линіями), Архитъ Тарентинскій, какъ передаютъ, рѣшилъ задачу при помощи двухъ полуцилиндровъ, Эвдоксъ же посредствомъ такъ называемыхъ кривыхъ линій. Имъ всѣмъ удалось научно доказать, но сдѣлать (*изъ своего открытія*) практическое примѣненіе и ввести (*его*) въ употребленіе (*въ механику*) они не могли: только кое-что изъ (*открытія*) Менайхма немного (*примѣнялось на практикѣ*) да и то съ трудомъ. *Это есть перифразъ вышеприведенной надписи съ использованіемъ платоника Эратосѳена, изъ Плутарха quaest. conv. VIII 2, 1 p. 78 E* Поэтому-то и самъ Платонъ порицалъ тѣхъ приверженцевъ Эвдокса, Архита и Менайхма, которые пробовали сводить удвоеніе куба къ сооруженію инструментовъ и машинъ, за то, что они пытались посредствомъ практики, безъ всякой теоріи, получить, поскольку это возможно, двѣ среднихъ пропорціональныхъ. Вѣдь такимъ образомъ погибаетъ и уничтожается благо геометріи, такъ какъ она снова возвращается къ чувственнымъ (вещамъ), не уносится ввысь и не постигаетъ вѣчные и безтѣлесные образы, которыми всегда занимается тотъ богъ, который есть (*истинный*) богъ?.

16. Птолемей harm. I 13 p. 31 Wall. (*отсюда Боэцій mus. V 17 слѣд.*) Тарентинецъ же Архитъ, который изъ всѣхъ пиѳагорейцевъ наиболѣе занимался музыкой, старается сохранять соотвѣтствіе съ разумомъ не только въ созвучіяхъ, но и въ раздѣленіяхъ тетрахордовъ, полагая, что природѣ благозвучія свойственна соразмѣрность интерваловъ... Итакъ, онъ полагаетъ три рода (*звукорядовъ*): энармоническій, хроматическій и діатоническій. Дѣленіе же каждаго изъ нихъ онъ производитъ слѣдующимъ образомъ. А именно, слѣдующее (*за среднимъ*) отношеніе онъ считаетъ тожественнымъ у (*всѣхъ*) трехъ родовъ, а именно (*равнымъ*) $^{28}/_{27}$, среднее же (*отношеніе онъ устанавливаетъ*) для энармоническаго (*рода въ*) $^{36}/_{35}$, для діатоническаго же $^{8}/_{7}$. Такимъ образомъ предшествующее (*среднему отношеніе*) выводится для энармоническаго рода $^{5}/_{4}$, для діатоническаго же $^{9}/_{8}$. Второй же отъ самаго высокаго звука въ хроматиче-

---

[1]) Менайхмъ, которому приписываютъ открытіе коническихъ сѣченій, пересѣкалъ конусъ плоскостью, перпендикулярной къ образующей конуса (причемъ онъ зналъ только прямой конусъ, получаемый вращеніемъ прямоугольнаго треугольника вокругъ одного изъ катетовъ) и такимъ образомъ получалъ *три* кривыя: эллипсъ, параболу и гиперболу. Коническія сѣченія Менайхмъ прилагалъ для рѣшенія задачи нахожденія двухъ средне-пропорціональныхъ между двумя прямыми.

[2]) Эвдоксъ прилагалъ изученныя имъ кривыя для рѣшенія задачи удвоенія куба.

скомъ родѣ онъ получаетъ при помощи (звука) занимающаго то же самое положеніе въ діатоническомъ (родѣ). А именно, онъ говоритъ, что второй отъ самаго высокаго въ хроматическомъ (родѣ) относится къ соотвѣтствующему (звуку) въ діатоническомъ (родѣ) какъ 256 къ 243. Итакъ, эти три тетрахорда, соотвѣтственно указаннымъ отношеніямъ, выражаются въ слѣдующихъ первыхъ числахъ. А именно, если самые высокіе (звуки) тетрахордовъ мы обозначимъ числомъ 1512, самые же низкіе, соотвѣтственно отношенію ихъ къ тѣмъ 4:3, (*обозначимъ*) 2016, то послѣднее (число) составитъ (отношеніе) $^{28}/_{27}$ къ числу 1944. И въ такихъ числахъ будутъ выражаться вторыя (отношенія) отъ самыхъ низкихъ опять во (*всѣхъ*) трехъ родахъ. А изъ вторыхъ отъ самаго высокаго (*число*) энармоническаго рода будетъ 1890. Ибо это число съ 1944 составляетъ отношеніе $^{36}/_{35}$, а съ 1512 отношеніе $^{5}/_{4}$. Число же діатоническаго рода для тѣхъ же самыхъ (отношеній) будетъ 1701. Ибо это число съ 1944 образуетъ отношеніе $^{8}/_{7}$, а съ 1512 отношеніе $^{9}/_{8}$. Число же хроматическаго рода тоже для тѣхъ же самыхъ (отношеній) будетъ 1792. Ибо это число такъ относится къ 1701, какъ 256 къ 243. *Слѣдуетъ таблица отношеній интерваловъ:*

		Энармоническій		Хроматическій		Діатоническій	
Интервалы	A	1512	$\frac{5}{4}$	1512	$\frac{32}{27}$	1512	$\frac{9}{8}$
	G	1890	$\frac{36}{35}$	1792	$\frac{243}{224}$	1701	$\frac{8}{7}$
	F	1944	$\frac{28}{27}$	1944	$\frac{28}{27}$	1944	$\frac{28}{27}$
	E	2016		2016		2016	
		$\frac{5}{4}\cdot\frac{36}{35}\cdot\frac{28}{27}=\frac{4}{3}$		$\frac{32}{27}\cdot\frac{243}{224}\cdot\frac{28}{27}=\frac{4}{3}$		$\frac{9}{8}\cdot\frac{8}{7}\cdot\frac{28}{27}=\frac{4}{3}$	

17. Порфирій in Ptolem. harm. I 6 p. 280 W. Нѣкоторые изъ пиѳагориковъ, какъ сообщаютъ Архитъ и Дидимъ, послѣ установленія отношеній созвучій, сличая ихъ другъ съ другомъ и желая болѣе подчеркнуть созвучныя (отношенія), дѣлали нѣчто въ слѣдующемъ родѣ. Взявъ первыя числа, которыя они называли коренными числами (*πυθμένας*), такъ какъ они образуютъ отношенія созвучій... Итакъ, отнеся эти числа къ созвучіямъ, они разсматривали отдѣльно каждое отношеніе чиселъ, заключающихъ въ себѣ границы (*созвучій*), причемъ, отнявъ у каждой изъ двухъ границъ по единицѣ, они (наблюдали), каковы будутъ числа, уменьшившіяся послѣ отнятія (единицы). Такъ, отнявъ по единицѣ у чиселъ 2 и 1, выражающихъ интервалъ октавы, они обращали вниманіе на остатокъ. Онъ оказался единицей. Отнявъ же по единицѣ отъ 4 и 3,

выражающихъ интервалъ кварты. они получили отъ четырехъ остатокъ 3, а отъ трехъ 2. Такимъ образомъ отъ обѣихъ границъ послѣ отнятія (*по единицѣ*) остатокъ оказался равнымъ 5. Отнявъ же по единицѣ отъ 3 и 2, выражающихъ интервалъ квинты, они имѣли въ качествѣ остатка отъ трехъ 2, а отъ двухъ остатокъ 1. Такимъ образомъ оба остатка равнялись 3. Они называли отнимаемыя единицы „подобными", остающіяся же послѣ отнятія числа „неподобными" по двумъ причинамъ. Дѣло въ томъ, что отъ обѣихъ границъ производилось вычитаніе одинаковое и равное. Вѣдь единица равна единицѣ. Отъ вычитанія ихъ по необходимости остатки (получались) неодинаковыя и неравныя. Ибо если отъ неравныхъ (чиселъ) отнять по-ровну, то остатки будутъ неравные. Отношенія же многократныя и такія, въ которыхъ одно число больше другого на одну опредѣленную долю [1]). (*эти отношенія*), въ которыхъ видятъ созвучія, они положили въ неравныхъ границахъ; (такимъ образомъ), если отъ нихъ отнять поровну, остатки (получатся) во всякомъ случаѣ неравные. Итакъ, соединенія у созвучій бываютъ неподобныя. „Соединять" (*συμμίσγειν*) же на языкѣ пиѳагорейцевъ значитъ: получать одно число изъ двухъ. Итакъ, неподобныя будутъ составными и относительно каждаго изъ созвучій слѣдующія: у октавы 1, у кварты 5, у квинты 3. Тѣ, у которыхъ неподобныя меньше, говорятъ они, тѣ болѣе созвучны: Созвучна октава, потому что ея неподобныя=1. За ней (слѣдуетъ) квинта, потому что ея неподобныя=3. Послѣднее же мѣсто занимаетъ кварта, потому что ея неподобныя=5.

18. — — p. 277 Послѣдователи Архита говорили, что воспріятіе слухомъ отдѣльнаго звука (*какъ занимающаго опредѣленное мѣсто въ музыкальномъ звукорядѣ*) происходитъ на основаніи гармоническихъ данныхъ.

19. Боэцій de mus. III 11 Отношеніе, въ которомъ одно число больше другого на одну опредѣленную долю, не можетъ быть равномѣрно раздѣлено соотвѣтствующей вставкой [2]) средняго числа... То доказательство, которое даетъ Архитъ, слишкомъ длинно. Пусть, говоритъ онъ, ·A· B· будетъ отношеніе, въ которомъ одно число больше другого на одну опредѣленную долю. Я беру въ томъ же самомъ отношеніи наименьшія (*цѣлыя числа*) ·C· ДЕ·. Итакъ, вслѣдствіе того, что (*числа*) ·C· ДЕ· суть наименьшія въ томъ же самомъ отношеніи, а именно, въ такомъ отношеніи, въ которомъ одно число больше другого на одну опредѣленную долю, то число ·ДЕ· превосходитъ число ·C· на одну (свою и его) часть. Пусть это будетъ ·Д·. Я (*такъ*) говорю, ибо ·Д· не будетъ числомъ, но единицей. Вѣдь если ·Д· есть число и есть часть числа ·ДЕ·, то число ·ДЕ· будетъ кратно числа ·Д·. Поэтому и число ·Е· будетъ кратнымъ, откуда получается, что (число) ·C· также будетъ кратнымъ. Итакъ, и то и другое число, ·C· и ·ДЕ·, будетъ кратно числа ·Д·, что невозможно. Вѣдь они суть наименьшія

---

[1]) Срв. примѣчаніе на стр. 83 первой части.

[2]) Читаю „interposito" вмѣсто „interposita" Дильса.

въ томъ же самомъ отношеніи рѣшительно изъ всѣхъ чиселъ, они непосредственно слѣдуютъ другъ за другомъ (*въ числовомъ ряду*) и различаются (другъ отъ друга) только на единицу. Слѣдовательно, ·Д· есть единица. Итакъ, число ·ДЕ· превышаетъ число ·С· на единицу. Поэтому нѣтъ никакого средняго числа, которое бы равномѣрно раздѣляло то отношеніе (=*fr. 6 Blass.*).

19a. Θеонъ Смирнскій p. 61, 11 Hill. Послѣдователи же Эвдокса и Архита полагали, что отношеніе созвучій заключается въ числахъ, признавая также, что (*эти*) отношенія находятся въ движеніяхъ, а именно (*они считали*), что быстрое движеніе (*вызываетъ*) высокій (*звукъ*), такъ какъ оно непрерывно ударяетъ и быстро гонитъ воздухъ, медленное же (*движеніе порождаетъ*) низкій (*звукъ*), такъ какъ оно менѣе энергично. *Срв. В 1, стр. 55—56.*

19b. Квинтиліанъ I 10. 17 Архитъ и Эвенъ считали грамматику также подчиненной музыкѣ.

20. Θеонъ Смирнскій p. 20. 19 Архитъ и Филолай безразлично называютъ и единицу монадой и монаду единицей

21. — — p. 22, 5 Аристотель же въ „Пиθагорейцѣ“ говоритъ, что единица причастна природѣ того и другого (*чета и нечета*) Дѣло въ томъ, что, будучи приложена къ четному (числу), она дѣлаетъ (*изъ него*) нечетное, а, (будучи приложена) къ нечетному, (дѣлаетъ) четное. Этого она не могла бы (дѣлать), если бы (*сама*) не была причастна къ обѣимъ (*упомянутымъ*) естествамъ. Поэтому-то единица называется четно-нечетнымъ числомъ Съ этимъ согласенъ и Архитъ.

22. Аристотель Metaphys. H 2. 1043 a 19 И дѣйствительно, кажется, что опредѣленіе посредствомъ различій касается вида и актуальнаго бытія, (опредѣленіе) же на основаніи находящихся (*въ опредѣляемомъ частей касается*) скорѣе матеріи. Подобнымъ же образомъ обстоитъ дѣло и съ тѣми опредѣленіями, которыя принималъ Архитъ. А именно, они относятся къ обоимъ (*упомянутымъ родамъ*) вмѣстѣ. Напримѣръ, что такое безвѣтріе? Покой въ обширномъ воздушномъ (*пространствѣ*) И въ самомъ дѣлѣ, (*здѣсь*) воздухъ—матерія, покой—энергія и сущность. Что такое безвѣтріе на морѣ? Ровность моря; (*здѣсь*) матеріальный субстратъ—море, энергія же и форма—ровность.

23. Эвдемъ phys. fr. 27 Платонъ называетъ движеніе „большимъ и малымъ“, небытіемъ, безпорядочнымъ и всевозможными (*другими*) названіями, обозначающими то же самое, что вышеприведенныя (*слова*). Кажется же неумѣстнымъ называть движеніемъ само это (*безформенное начало*). Вѣдь при наличности движенія движется пространство. Если же оно неравно или безпорядочно, то доказывать (*отсюда*), что оно движется, смѣшно. И дѣйствительно, лучше называть ихъ причинами, подобно Архиту.

24. Эвдемъ phys. fr. 30 Архитъ же, какъ говоритъ Эвдемъ, обращался съ такимъ вопросомъ: „Помѣстившись на самомъ краѣ (*вселенной*), то-есть на неподвижномъ небѣ, былъ бы ли я въ состояніи протянуть

свою руку или палку дальше за предѣлы (его) или нѣтъ?" Итакъ, нелѣпо, чтобы нельзя было (ихъ) протягивать (*дальше*). Если же я протягиваю, то лежащее за предѣлами (*вселенной*) будетъ или тѣломъ или мѣстомъ (между послѣдними не будетъ никакой разницы, какъ мы затѣмъ узнаемъ). Итакъ, онъ всегда будетъ поступать тѣмъ же самымъ способомъ относительно постоянно (вновь) получаемой границы и будетъ (*постоянно*) ставить тотъ же самый вопросъ, и если всегда будетъ находиться (нѣчто) иное, чего касается палка, то очевидно, что будетъ и безпредѣльное. И если оно—тѣло, то доказано то, что было предложено. Если же оно—мѣсто, мѣсто же есть то, въ чемъ находится или можетъ находиться тѣло, а то, что (*существуетъ*) въ возможности должно полагать (*актуально*) существующимъ у вѣчныхъ (*вещей*), то такимъ образомъ оказалось бы безпредѣльнымъ и тѣло и мѣсто.

25. Апулей Apol. 15 Почему, какъ не по этой причинѣ только философъ долженъ смотрѣть въ зеркало? Ибо часто слѣдуетъ разсматривать не только свое подобіе, но и (*обдумывать, въ чемъ*) разумное основаніе (*этого*) подобія. Исшедшія ли отъ насъ изображенія, какъ утверждаетъ Эпикуръ, въ родѣ совлеченныхъ (оболочекъ), текущихъ отъ тѣлъ безпрерывнымъ потокомъ, встрѣтивши что-нибудь легкое и плотное, ударившись отражаются и, будучи отброшены назадъ, являются въ обратномъ видѣ, или, какъ толкуютъ другіе философы, наши лучи, излившіеся изъ середины глазъ и смѣшавшіеся съ внѣшнимъ свѣтомъ, такимъ образомъ соединеніе (*лучей изъ глазъ и внѣшняго свѣта*), какъ полагаетъ Платонъ (*Tim. 46 A*), или только (лучи), вышедшіе изъ глазъ безъ всякаго потока, идущаго извнѣ, какъ думаетъ Архитъ, (*являются причиной видѣнія*).

26. Изъ позднѣйшей (неопиѳагорейской?) традиціи имѣются сомнительныя сообщенія объ „Архитовомъ" вычисленіи прямоугольнаго и тупоугольнаго треугольника, его „пиѳагорейскомъ столѣ" (*пиѳагорова таблица умноженія*) и т. п. у (Боэція) ars geom. p. 393, 7; 408, 14; 412, 20; 413, 22; 425, 23 Friel. Равнымъ образомъ о четверицѣ у Honein c. 20 подъ именемъ Qitos (?).

B. Подлинные фрагменты.

«Гармоника» Архита.

1. *Порфирій in Ptolem. Harm. p. 236* Пусть будутъ приведены теперь (слова) пиѳагорейца Архита, которому въ особенности, какъ говорятъ, принадлежатъ подлинныя сочиненія. Говоритъ же онъ въ сочиненіи: „О математикѣ" въ самомъ началѣ разсужденія слѣдующее... (*нижеприводимая цитата*). *Срв. p. 257. Никомахъ in Arith. I 3, 4 p. 6, 16 Hoch.* Но и тарентинецъ Архитъ въ началѣ „Гармоники" говоритъ то же самое примѣрно слѣдующимъ образомъ (*цитата*).

„По моему мнѣнію, математики прекрасно установили точное познаніе, и (*поэтому*) вполнѣ естественно, что они правильно мыслятъ о каждой вещи, какова она въ своихъ свойствахъ. Вѣдь установивъ прекрасно точное познаніе о природѣ вселенной, они должны были прекрасно усмотрѣть и относительно частныхъ вещей, каковы онѣ въ своихъ свойствахъ. И дѣйствительно, они передали намъ ясное точное познаніе о скорости (движенія) звѣздъ, объ ихъ восхожденіяхъ и захожденіяхъ, а также о геометріи, о числахъ, о сферикѣ и въ особенности о музыкѣ. Ибо, какъ кажется, эти науки родственны [1]). Дѣло въ томъ, что онѣ занимаются двумя родственными первообразами сущаго (*„именно числомъ и величиной" Дильсъ*). Итакъ, прежде всего они усмотрѣли, что невозможно, чтобы былъ звукъ, если не произошло удара какихъ-либо (*тѣлъ*) другъ о друга. Ударъ же, говорили они, возникаетъ, если движущіяся (*тѣла*) встрѣтившись столкнутся другъ съ другомъ. Итакъ, (*тѣла*), движущіяся въ противоположномъ направленіи, останавливаясь при взаимной встрѣчѣ (*производятъ звукъ*); (тѣла) же двигающіяся въ одномъ направленіи, но съ неодинаковой скоростью, производятъ звукъ, когда ихъ настигаютъ и ударяютъ движущіяся за ними (*тѣла*). Многіе изъ нихъ (*звуковъ*) не могутъ восприниматься нашей природой, одни—вслѣдствіе слабости удара, другіе также вслѣдствіе далекаго разстоянія отъ насъ, нѣкоторые же и вслѣдствіе своей чрезмѣрной величины. Дѣло въ томъ, что сильные звуки не въ состояніи проникнуть къ намъ въ ухо, подобно тому какъ если наливать много въ сосуды съ узкими горлышками, то ничего не вливается. Итакъ [2]), изъ звуковъ, которые (*нами*) ощущаются, тѣ кажутся высокими, которые получаются отъ ударовъ съ быстротой и силой, а тѣ, которые (идутъ) медленно и слабо, кажутся намъ низкими. И въ самомъ дѣлѣ, если кто-нибудь, взявъ палку, будетъ двигать ею медленно и слабо, то ударомъ онъ произведетъ низкій звукъ. Если же (*станетъ двигать*) быстро и съ силой, то-высокій. Но не только этимъ (путемъ) мы можемъ познать (это), но также (*если обратимъ вниманіе на слѣдующее*). Если въ рѣчи или пѣніи мы желаемъ издать какой-либо громкій и высокій звукъ, то (*мы достигаемъ цѣли*), издавая звукъ посредствомъ сильнаго дыханія * * * Еще (*можно пояснить это сравненіемъ*): это происходитъ такъ, какъ у стрѣлъ. Съ силой выпускаемыя (*стрѣлы*) летятъ далеко, слабо же (*отпускаемыя*)—близко. Дѣло въ томъ, что съ силой несущимися (стрѣлами) въ большей степени оттѣсняется воздухъ; слабо же несущимися—въ меньшей степени. То же самое будетъ и со звуками. Звуки, издаваемые сильнымъ дыханіемъ, будутъ громкими и высокими,

---

[1]) *Срв. Платонъ Rep. VII 530 D (пер. Карпова)* „Какъ бы пригвоздивъ глаза къ астрономіи, сказалъ я, ты, должно быть, какъ бы пригвождаешь также уши къ гармоническому движенію,—и эти знанія, повидимому, сходны одно съ другимъ, о чемъ говорятъ пиѳагорейцы и въ чемъ мы, Главконъ, согласимся съ ними".

[2]) Срв. Платонъ Tim. p. 67 B; Ѳеонъ p. 61 Hill. (A 35)=fr. 4 Blass.

* * * Дильсъ предлагаетъ дополнить: „А если мы хотимъ говорить тихо и низкимъ тономъ, то прибѣгаемъ къ слабому дыханію".

(издаваемые) же слабымъ (дыханіемъ) — будутъ слабыми и низкими. Однако, и на этомъ самомъ показательномъ примѣрѣ мы можемъ увидѣть, что, хотя звуки издало то же самое (лицо), сильный (звукъ) мы могли услышать издали, слабый же не могли даже вблизи. Впрочемъ, и во флейтахъ дыханіе, несущееся изъ устъ, попадая въ дырки, лежащія вблизи рта, вслѣдствіе (*своей*) большой силы прозводитъ болѣе высокій звукъ, (*попадая же въ дырки*), далѣе лежащія, (*производитъ звукъ*) болѣе низкій. Такимъ образомъ ясно, что быстрое движеніе производитъ высокій (*звукъ*), медленное же—низкій. Впрочемъ, то же самое происходитъ и съ бубнами, которыми размахиваютъ въ мистеріяхъ. Медленно двигаясь, они издаютъ низкій звукъ, при сильномъ же (*движеніи они издаютъ*) высокій (*звукъ*). Впрочемъ, и свирѣль, если заткнувъ нижнюю часть ея дуть въ нее, издастъ намъ нѣкій низкій звукъ; если же (дуть) въ половину или въ другую любую часть ея, то она будетъ испускать высокій звукъ. Ибо одно и то же дуновеніе выходитъ медленно черезъ длинное мѣсто и быстро—черезъ болѣе короткое".

Сказавъ также еще о пропорціональности движенія звука онъ резюмируетъ свое разсужденіе слѣдующимъ образомъ:

„Итакъ, изъ множества (*примѣровъ*) для насъ стало ясно, что высокіе звуки движутся быстрѣе, низкіе медленнѣе".

2. *Порфирій in Ptol. harm. p. 267* И многіе другіе изъ древнихъ (*писателей*) такъ выражаются (*а именно, пользуются словомъ διάστημα—разстояніе вмѣсто слова λόγος—отношеніе*), подобно тому какъ Діонисій Галикарнасскій и Архитъ въ сочиненіи: „О музыкѣ"... Архитъ же, говоря о пропорціяхъ, пишетъ слѣдующее:

„Въ музыкѣ имѣются три пропорціи: во-первыхъ, ариѳметическая, во-вторыхъ, геометрическая и, въ-третьихъ, подпротивная [1]), которую называютъ гармонической. (*Пропорція называется*) ариѳметической, если три термина (*числа, образующія ее*) находятся въ слѣдующемъ соразмѣрномъ отношеніи: насколько первый (*терминъ*) больше второго, настолько второй больше третьяго. И въ этой пропорціи отношеніе большихъ (числовыхъ) терминовъ бываетъ меньше, отношеніе же меньшихъ (числовыхъ терминовъ)—больше [2]). Геометрической же (*называется пропорція*), если въ какомъ отношеніи первый (*числовой терминъ*) находится ко второму, въ такомъ же и второй къ третьему. Изъ нихъ большіе термины образуютъ (*между собой*) точно такое же отношеніе, какъ и меньшіе (*между собой* [3]). Подпротивная же (*пропорція*), которую мы называемъ гармони-

---

[1]) „Подпротивная" подразумѣвается „ариѳметической". Дѣло въ томъ, что въ ариѳметической пропорціи отношеніе большихъ терминовъ меньше, отношеніе меньшихъ терминовъ больше; напротивъ, въ подпротивной пропорціи отношеніе большихъ терминовъ больше, отношеніе меньшихъ меньше.

[2]) Напримѣръ, въ пропорціи 6—4=4—2 можно замѣтить, что $\frac{6}{4} < \frac{4}{2}$.

[3]) Напримѣръ, 2 : 4=4 : 8; $\frac{4}{2} = \frac{8}{4}$.

ческой, (*бываетъ въ томъ случаѣ*), если (*числовые термины*) находятся въ такомъ отношеніи: на какую часть своей собственной (*величины*) первый (числовой) терминъ превосходитъ второй, на ту же самую часть третьяго (термина) средній терминъ превосходитъ третій [1]). Въ этой пропорціи отношеніе большихъ терминовъ бываетъ больше, меньшихъ же меньше.

3. *Стобей fl. IV 1, 139 Hens.* Изъ сочиненія Архита: „О (математическихъ) наукахъ" (*слѣдуетъ цитата*). *Ямвлихъ d. comm. math. sc. 11 p. 44. 10 Fest.* Вотъ поэтому-то Архитъ говоритъ въ сочиненіи: „О математикѣ" (*цитата*).—

„Чтобы стать знающимъ то, въ чемъ (*раньше*) былъ незнающимъ, необходимо или научиться у другого или самому найти. Итакъ, то, чему (мы) научились, (*мы получили*) отъ другого и изъ чужихъ рукъ, а то, что (мы) нашли, (*найдено*) нами самими и нашими собственными (силами). Найти же (*что-нибудь*), не ища, трудно и (*случается*) рѣдко; (*найти*) же, ища,—нетрудно и легко; безъ знаній же искать невозможно.

Открытіе счета [2]) способствовало прекращенію распри и увеличенію согласія (*между людьми*). Ибо послѣ того, какъ это случилось, нѣтъ (*больше*) обсчитыванія и господствуетъ равенство. Вѣдь на основѣ счета мы заключаемъ договоры между собой. Итакъ, благодаря ему бѣдные получаютъ отъ зажиточныхъ и богатые даютъ нуждающимся, такъ какъ тѣ и другіе вѣрятъ, что черезъ это они будутъ обладать равнымъ. (*Наконецъ, счетъ служитъ*) правиломъ и, являясь помѣхой для недобросовѣстныхъ, (*заранѣе*) удерживаетъ тѣхъ, которые умѣютъ считать, отъ совершенія несправедливости, дѣлая (*для нихъ*) яснымъ, что они не будутъ въ состояніи остаться незамѣченными, когда дѣло дойдетъ до счета. Тѣхъ же, кто не умѣетъ (*считать*), счетъ удерживаетъ отъ (*дальнѣйшаго*) совершенія несправедливости, показавъ (имъ) въ самомъ себѣ, что они поступаютъ несправедливо".

Бесѣды.

4. *Стобей I pr. 4* Изъ „Бесѣдъ" Архита. „Ариѳметика, по (моему) мнѣнію, среди прочихъ наукъ весьма выдѣляется совершенствомъ знанія; да и геометріи (*она совершеннѣе, такъ какъ*) она яснѣе, чѣмъ геометрія, разсматриваетъ любой (*предметъ*). *** (*И дѣйствительно, геометрія*

---

[1]) Таково, напримѣръ, отношеніе между числами 6, 3 и 2. Въ самомъ дѣлѣ, $6-3=\frac{6}{2}$, $3-2=\frac{2}{2}$, т. е. 6 превосходитъ 3 половиной своей величины и 3 превосходитъ 2 половиной его величины. Здѣсь отношеніе между бо́льшими терминами $=\frac{2}{1}$ и между меньшими $=\frac{3}{2}$.

[2]) Этотъ отдѣлъ, очевидно, не примыкалъ непосредственно къ предыдущему. Но оба они происходятъ изъ одного и того же источника, какъ указалъ Blass, обращающій вниманіе на Горгіанскій стиль обоихъ.

доказываетъ тамъ, гдѣ прочія науки насъ покидаютъ), а что оставляетъ *необъясненнымъ*, въ свою очередь, геометрія, тамъ ариѳметика и доказательства даетъ и равнымъ образомъ ученіе о формахъ (*принципахъ? см. 32 B 5*), если (*только вообще возможно*) какое-либо (*научное*) разсмотрѣніе формъ...

Сомнительныя сочиненія.

О декадѣ.

5. *Ѳеонъ Смирнскій p. 106, 7 Hill.* Однако, декада ограничиваетъ всякое число, объемля въ себѣ всякую природу: чета и нечета, движущагося и неподвижнаго, блага и зла. О ней много говорятъ и Архитъ въ сочиненіи: „О декадѣ" и Филолай въ сочиненіи: „О природѣ" (*32 B 11*).

О флейтахъ.

6. *Атеней IV 184 E* И изъ пиѳагорейцевъ многіе занимались игрой на флейтѣ, какъ-то Эвфраноръ, Архитъ, Филолай и немало другихъ. Эвфраноръ же оставилъ и сочиненіе: „О флейтахъ". Точно такъ же и Архитъ. *Срв. B 1, стр. 56 Однако, см.* Архитъ, свѣдущій въ музыкѣ. *Хамелеонъ у Атенея XIII 600 F и выше стр. 44.*

О машинѣ.

Срв. Діогенъ VIII 82, стр. 44.

7. *Витрувій praef. VII 14* О машинахъ (написали) не менѣе, чѣмъ Діадъ, Архитъ, Архимедъ, Ктесибій, Нимфодоръ, Филонъ Византійскій и т. д.

О земледѣліи.

Срв. Діогенъ VIII, 82, стр. 44.

8. *Варронъ de r. rust. I 1, 8* (*отсюда Колумелла I 1, 7*) Написавшіе по-гречески (*о земледѣліи*)... изъ философовъ физикъ Демокритъ, сократикъ Ксенофонтъ, перипатетики Аристотель и Ѳеофрастъ, пиѳагореецъ Архитъ.

Неподлинныя сочиненія.

Заглавія (см. Zeller III b4 119[1]):

9. 1) „О началахъ" у Стобея Ecl. I 41, 2. 2) „О сущемъ" у Стобея Ecl. II 2, 4. 3) „О всемъ", или „О всеобщихъ опредѣленіяхъ", или „О родахъ", или „О категоріяхъ" у Симплиція и другихъ комментато-

ровъ; срв. „Десять всеобщихъ опредѣленій“ ed. Orelli Opp. sent. II 273. 4) „О противоположностяхъ“ у Симплиція. 5) „Объ умѣ и ощущеніи“ у Стобея Ecl. I 48, 6. 6) „Объ этическомъ воспитаніи“ Стобей Ecl. II 31, 120 flor. III 1, 105. 106 (=„о воспитаніи дѣтей“ Филостратъ V. Apoll. VI 31 слѣд.). 7) „О добромъ и счастливомъ мужѣ“ у Стобея fl. III 1, 107. 3, 65. IV 50, 28. 8) „О мудрости“ у Ямвлиха Protr. 4 p. 16, 17 слѣд. Pist. 9) „О законѣ и справедливости“ у Стобея flor. IV 1, 135—138 (132?). 5, 61. 10) „О душѣ“ (?). Срв. Ямвлихъ у Стобея ecl. I 369. 9. Лаврентій Лидъ d. mens. II 9. *Клавдіанъ Мамертъ* II 7: въ томъ великолѣпномъ трудѣ, который онъ издалъ о природѣ вещей („О природѣ“?). 11) „Поварское искусство“ у Атенея XII 516 C. 12) Письма къ Діонисію и Платону у Діогена III 22. VIII 80 (35 A 1; 35 a 4. 20 B 11).

Фрагменты неподлинныхъ сочиненій у Hartenstein'a *De A. fragm. phil.* Lips. 1833; о 3-ьемъ и 4-омъ сочиненіи у F. Schulte *Achytae q. f. de notionibus universalibus et de oppositis lib. rel.* Marburg 1909. Срв. Praechter *Philol.* 50, 49: „Въ настоящее время внѣ всякаго сомнѣнія неподлинность всѣхъ пиѳагорейскихъ фрагментовъ этическаго содержанія, сохранившихся у Стобея. Также всѣ согласятся, что по своему общему характеру они должны быть отнесены къ первому вѣку до или послѣ Р. Хр. Кромѣ языка за это говоритъ эклектическое смѣшеніе академическихъ, перипатетическихъ, отчасти и стоическихъ ученій съ небольшимъ числомъ древнепиѳагорейскихъ мыслей, а также этическія изслѣдованія въ духѣ философіи указаннаго времени. На эпоху восходящаго неопиѳагореизма указываетъ уже то обстоятельство, что подъ именами пиѳагорейцевъ выпускаютъ подложныя сочиненія, въ которыхъ пиѳагорейскій элементъ столь сильно отходитъ на задній планъ передъ чужими ученіями“.

35a. Оккелъ.

1. Ямвлихъ V. P. 267 (*45 A*) Левканійцы—братья Оккелъ и Оккилъ (*sic*). *Въ перечнѣ женщинъ тамъ же* Бюндаку, сестра левканійцевъ Оккела и Эккела (*sic*).

2. Цензоринъ 4, 3 (*изъ Варрона*) А то первое мнѣніе, по которому родъ человѣческій считается всегда существовавшимъ, имѣетъ (своими) приверженцами Пиѳагора Самосскаго, Оккела Луканскаго, Архита Тарентинскаго и вообще всѣхъ пиѳагорейцевъ.

3. Филонъ de aetern. mund. p. 5, 2 Cumont Нѣкоторые же говорятъ, что не Аристотель первый высказалъ (это) мнѣніе, но нѣкоторые изъ пиѳагорейцевъ. Мнѣ же случилось прочесть сочиненіе Оккела (*sic*), левканійца родомъ, подъ заглавіемъ: „О природѣ вселенной“ [1]), въ которомъ

[1]) Изъ Варрона (35a 2) видно, что сочиненіе „О природѣ вселенной“ существовало уже въ первомъ вѣкѣ до Р. Хр.

онъ не только высказалъ, что міръ не возникъ и не уничтожится, но и утвердилъ (это положеніе) посредствомъ ясныхъ доказательствъ.

4. *Діогенъ VIII 80* (*подложное письмо Архита къ Платону, см. 35 A 1, стр. 43*)[1] Хорошо, что ты оправился послѣ болѣзни. Объ этомъ ты самъ писалъ и ученики Ламиска (мнѣ) сообщили. Относительно же записокъ мы позаботились, отправились къ левканамъ и отыскали потомковъ Оккела. Итакъ, сочиненія: „О законѣ", „О царской власти", „О святости" и о происхожденіи вселенной мы и сами имѣемъ и тебѣ послали. (*81*) *Отвѣтъ Платона*: Присланныя тобой записки мы получили съ несказанной радостью; авторъ ихъ привелъ насъ въ величайшій восторгъ, какой только можно себѣ представить, и показался онъ намъ мужемъ достойнымъ тѣхъ (знаменитыхъ своихъ) древнихъ предковъ. А именно, говорятъ, что мужи эти—мирейцы. Это были добрые мужи изъ числа троянцевъ, выселившихся въ царствованіе Лаомедонта (*отца Пріама*), какъ говоритъ переданное (*намъ*) сказаніе.

5. *Сиріанъ in Metaph. 175, 7 Kroll* (*Пиѳагорейцы*) не совсѣмъ оставили безъ вниманія ученіе о чувственномъ мірѣ, какъ доказываетъ сочиненіе Экелла (*такъ въ рукописи*): „О природѣ вселенной", откуда, повидимому, заимствованы въ нѣсколько измѣненномъ видѣ сочиненіе: „О возникновеніи и гибели" (*Аристотеля*) и весьма многія сочиненія Тимея (!).

6. *Стобей I 20, 3* Въ сочиненіи: „О природѣ вселенной"... Оккела. *I 13, 2* Въ сочиненіи (*его же*): „О законѣ".

7. *Заглавіе подложнаго, носящаго его имя, дошедшаго до насъ сочиненія*—Левканійца Окела „О природѣ вселенной" (*ed. Rudolph Lips. 1801*).

8. *Лаврентій Лидъ de mens. II 8* Вѣдь мы знаемъ, что троица привела въ движеніе шествіе божественныхъ (*существъ*) и привела ихъ въ состояніе вѣчнаго покоя въ томъ же самомъ видѣ, какъ говоритъ пиѳагореецъ Океллъ въ слѣдующихъ словахъ: „Троица впервые соединила начало, середину и конецъ".

---

36. Тимей.[2]

1. *Платонъ Tim. p. 19 E* (*пер. Карпова*) Затѣмъ остаются люди вашего званія (*пиѳагорейцы*), которымъ и по природнымъ свойствамъ и по воспитанію доступно то и другое (*именно занятія* философовъ и политиковъ). Вѣдь этотъ Тимей, гражданинъ Локровъ, благоустроеннѣйшаго города въ Италіи, своимъ богатствомъ и происхожденіемъ не уступающій никому изъ тамошнихъ, достигъ въ городѣ величайшей власти и почестей,

[1]) Это подложное письмо имѣетъ цѣлью подтвердить подлинность подложныхъ сочиненій Оккела, которыя были составлены тѣмъ же самымъ авторомъ.

[2]) Историческое существованіе пиѳагорейца Тимея твердо не установлено.

и въ философіи, всей вообще, поднялся, по моему мнѣнію, до высшаго предѣла.

1а. Свида. Тимей—локріецъ, философъ пиѳагореецъ. (*Онъ написалъ*) математическія сочиненія, (сочиненіе): „О природѣ“ и „О жизни Пиѳагора“ (*изъ Гезихія*).

2. Перечень сочиненій Аристотеля у Діогена V 25 п. 94 (*Извлеченія*) изъ Тимея и изъ сочиненій Архита, одна книга; *п. 85 Гезихія* Изъ сочиненій Тимея и Архита, одна книга· *Относится къ сокращенію діалога Платона, срв. Симплицій de caelo p. 296, 16* Итакъ, дѣлающій сокращеніе „Тимея“ Платона пишетъ: „говоритъ же онъ“ и т. д. *См. такжe p. 379, 15.*

3. Проклъ in Tim. II 38, 1 Diehl Приверженцы Оккела (*35а*), предшественника Тимея.

4. Мнимый оригиналъ, съ котораго будто бы списалъ Платонъ свой діалогъ (см. стр. 22), подложное сочиненіе, переданное намъ въ рукописяхъ сочиненій Платона: „О міровой душѣ и природѣ“ локрійца Тимея.

---

37. Гикетъ.

1. Цицеронъ Acad. Pr. II 39, 123 Сиракузянинъ Гикетъ, какъ утверждаетъ Ѳеофрастъ (*Phys. Opin. fr. 18 D. 492*), полагаетъ, что небо, солнце, луна, звѣзды и вообще все находящееся вверху пребываетъ неподвижно и что за исключеніемъ земли ни одна вещь въ мірѣ не находится въ движеніи: оттого, что земля вокругъ оси съ величайшей скоростью поворачивается и вращается, получаются совершенно тѣ же самые результаты, какіе (были бы), если бы при неподвижности земли небо двигалось. *Срв. Аэцій III 13, 2 (см. стр. 62).*

2. Аэцій III 9, 1. 2 (D. 376) Ѳалесъ и его послѣдователи (*учили*), что земля едина, пиѳагореецъ Гикетъ (*говорилъ*) что есть двѣ земли: наша и противоземліе.

---

38. Экфантъ[1].

1. Ипполитъ refut. I 15 (D. 566) между Ксенофаномъ и Гиппономъ Нѣкій сиракузянинъ Экфантъ говорилъ, что истиннаго познанія о сущемъ достигнуть невозможно, опредѣляетъ же онъ (*сущее*), какъ думаетъ. Первичныя тѣла недѣлимы и у нихъ (*между собой*) три различія:

---

[1]) Историческое существованіе Гикета и Экфанта отрицаетъ Таннери и др. O. Voss (de Heraclidis vita et scr., стр. 64) считаетъ ихъ обоихъ дѣйствующими лицами ставшагося въ Сиракузахъ діалога: „О природѣ“ Гераклида Понтійскаго. Дильсъ указываетъ на несостоятельность этого предположенія, такъ какъ Ѳеофрастъ, который является единственнымъ свидѣтелемъ, не включилъ бы Гераклидовскія фикціи въ свое доксографическое произведеніе.

величина, форма и сила, изъ которыхъ возникаютъ чувственныя вещи. Число ихъ опредѣленно и оно (?) безконечно [1]). Движутся же тѣла ни отъ тяжести, ни отъ удара, но по причинѣ божественной силы, которую онъ называетъ умомъ и душой Космосъ (*міръ*) есть образъ этого (*ума*), вслѣдствіе чего онъ также шарообразенъ благодаря божественной силѣ. Земля же, (находясь) въ серединѣ міра, движется вокругъ своего центра какъ бы въ направленіи къ востоку.

2. Аэцій I 3, 19 (D. 286) Сиракузянинъ Экфантъ, одинъ изъ пиѳагорейцевъ: (начала) всѣхъ (вещей)—недѣлимыя тѣла и пустота. Дѣло въ томъ, что онъ первый объявилъ пиѳагорейскія монады тѣлесными.

3. Аэцій II 1, 2 (D. 327) Ѳалесъ, Пиѳагоръ, Эмпедоклъ, Экфантъ, Парменидъ... міръ единъ.

4. — II 3, 3 (D. 330) Экфантъ: міръ состоитъ изъ атомовъ, управляется же Промысломъ.

5. — III 13, 3 (D. 378) Гераклидъ Понтійскій и пиѳагореецъ Экфантъ считаютъ землю движущейся, однако, не перемѣняющей мѣсто, но вращающейся на подобіе колеса съ запада на востокъ вокругъ своего собственнаго центра.

---

39. Ксенофилъ.

1. Діогенъ VIII 46 Ибо послѣдними пиѳагорейцами, которыхъ и Аристоксенъ видѣлъ, были Ксенофилъ Халкидскій изъ Ѳракіи и т. д. *Ямвлихъ V. P. 251* Самыми же ревностными были фліунтійцы Фантонъ, Эхекратъ, Полимнастъ и Діоклъ, (а также) халкидянинъ Ксенофилъ изъ ѳракійскихъ халкидянъ. *267 p. 193, 5* Кизикійцы Пиѳодоръ (*не тотъ, который упомянутъ на стр. 75 второй части*)... Ксенофилъ (*другой?*).

2. Валерій Максимъ VIII 13 ext. 3 Пиѳагореецъ халкидянинъ Ксенофилъ моложе на два года (*Горгія*), но не уступающій ему въ успѣхѣ, если, въ самомъ дѣлѣ, какъ утверждаетъ музыкантъ Аристоксенъ, не испытавъ вовсе свойственной людямъ неудачи, онъ умеръ въ величайшей славѣ (*автора*) совершеннѣйшаго ученія. (*Лукіанъ*) *Макробій 18* Музыкантъ же Ксенофилъ, какъ говоритъ Аристоксенъ, въ занятіяхъ философіей Пиѳагора прожилъ въ Аѳинахъ свыше 105 лѣтъ. *Плиній N. H. VIII 168* Слѣдовательно, за чудо приходится считать и извѣстный единственный примѣръ музыканта Ксенофила, (*а именно*) что онъ прожилъ 105 лѣтъ, не испытавъ ни разу болѣзни тѣла.

3. Свида см. слово: Аристоксенъ... ученикъ своего отца (*Спинѳара*) и Лампра Эритрейскаго, затѣмъ пиѳагорейца Ксенофила и, наконецъ, Аристотеля.

---

[1]) „Ограничено и не безконечно" Röper; „число ихъ, опредѣленныхъ въ указанномъ отношеніи, безконечно" Duncker.

40. Діоклъ. Эхекратъ. Полимнастъ. Фантонъ. Аріонъ.

1. Діогенъ VIII 46. Ямвлихъ. V. P. 251 (см. стр. 23).

2. Ямвлихъ V. P. 267 (см. гл. 45 A) Фліунтійцы Діоклъ, Эхекратъ, Полимнастъ, Фантонъ.

3. Къ Эхекрату см. сверхъ того Ямвлихъ V. P. 267 (см. гл. 45 A) подъ рубрикой „Тарентинцы“; *срв., напротивъ,*

Платонъ Phaidon p. 57 A. Эхекратъ: „Какъ онъ (*Сократъ*) скончался? Право, я съ удовольствіемъ послушалъ бы. И въ самомъ дѣлѣ, рѣшительно никто изъ фліунтійскихъ граждань не навѣщаетъ нынѣ Аѳинъ и т. д.

4. Платонъ Phaidon p 88 D (пер. Карпова) Въ самомъ дѣлѣ, мысль, что наша душа есть нѣкоторая гармонія, мнѣ *говоритъ (Эхекратъ)* всегда чрезвычайно правилась, и тотъ, кто высказалъ ее, напомнилъ только о собственномъ моемъ убѣжденіи. *(Срв. 32 A 23). Отсюда Цицеронъ de fin. V 29, 87 въ качествѣ учителей Платона наряду съ Архитомъ называетъ* локрянъ Эхекрата, Тимея и Аріона. *Срв. (Платонъ) ер. 9 р. 358 В.*

---

41. Проръ. Амикла. Клиній.

1. Ямвлихъ V. P. 127 И это сказалъ ему (*Аристоксену*) *Діонисій Младшій, (а также разсказалъ ему)* случай съ Финтіемъ и Дамономъ (*см. главу 12*), и объ Платонѣ и Архитѣ, и относительно Клинія и Прора (*см. стр.*).

2. Діогенъ IX 40 Аристоксенъ же въ своихъ историческихъ запискахъ говоритъ, что Платонъ захотѣлъ сжечь всѣ сочиненія Демокрита, какія только онъ могъ собрать. Пиѳагорейцы же Амикла и Клиній помѣшали ему (*привести это намѣреніе въ исполненіе*), указавъ (*ему, что отъ этого не будетъ*) никакой пользы. Дѣло въ томъ (*сказали они*), что уже у многихъ (*имѣются эти*) книги.

3. Діодоръ X 4, 1 (изъ Аристоксена) Клиній, родомъ тарентинецъ, бывшій однимъ изъ (*членовъ*) вышеупомянутаго союза, узнавъ, что киренецъ Проръ по причинѣ нѣкоторыхъ политическихъ обстоятельствъ потерялъ свое состояніе и находится въ крайней нуждѣ, отправился изъ Италіи въ Кирену со значительной суммой денегъ и вернулъ состояніе вышеупомянутому (*Прору*), ни разу даже не видавши его, только зная по слуху, что тотъ пиѳагореецъ.

4. Атеней XIV 624 A По крайней мѣрѣ, пиѳагореецъ Клиній, выдѣлявшійся и образомъ жизни и характеромъ, какъ сообщаетъ Хамелеонъ Понтійскій, если когда-либо ему случалось испытывать негодованіе вслѣд-

ствіе гнѣва, бралъ лиру и игралъ (на ней). Спрашивавшимъ же о причинѣ (*игры*) онъ отвѣчалъ: „Я укрощаю себя“.

5. *Плутархъ Quaest. conviv. III 6, 3 p 654 B* Мнѣ, сказалъ онъ, весьма нравится изреченіе пиѳагорейца Клинія. А именно, разсказываютъ, что на вопросъ, преимущественно въ какое время слѣдуетъ вступать въ сношеніе съ женщиной, сказалъ: „Когда хочешь потерпѣть наибольшій вредъ“.

6. *Подложное сочиненіе подъ именемъ Прора (уже въ александрійскую эпоху?): „О седмицѣ“ см. Никомахъ in Theol. arithm. p. 43 Ast., Сиріанъ in Arist. Metaph., стр. 192, 5 Kroll (срв. стр.); подъ именемъ Клинія тамъ же: Theol. arithm. p. 17 Ast, Сиріанъ стр. 168. 18 Kr.*

---

42. Дамонъ и Финтій.

Діодоръ X 4, 3 (изъ Аристоксена срв. гл. 41, 1 и 45 D 7) Въ царствованіе Діонисія нѣкій пиѳагореецъ Финтій, которому за злой умыселъ противъ тиранна предстояло подвергнуться наказанію, попросилъ у Діонисія отсрочки для того, чтобы распорядиться сперва относительно своего имущества. Онъ сказалъ, что въ качествѣ поруки за свою смерть дастъ одного изъ друзей. Когда же царю показалось невѣроятнымъ, чтобы нашелся такой другъ, который предоставилъ бы себя заключить въ темницу вмѣсто него, Финтій пригласилъ одного изъ своихъ друзей—философа пиѳагорейца, по имени Дамона, который безъ колебаній сталъ поручителемъ за смерть его. И вотъ нѣкоторые хвалили чрезмѣрную любовь къ друзьямъ, другіе же порицали безразсудство и безуміе поручителя. Къ назначенному часу весь народъ сбѣжался, желая узнать, сохранитъ ли вѣрность поставившій (поручителя). Когда время истекало, всѣ уже стали терять надежду (*на возвращеніе Финтія*), Финтій же неожиданно прибѣжалъ бѣгомъ въ послѣдній моментъ, когда Дамона (*уже*) хотѣли увести на смертную казнь. Когда (*такимъ образомъ*) всѣмъ была явлена удивительная дружба, Діонисій освободилъ виновнаго отъ наказанія и просилъ мужей принять его самого третьимъ въ (*ихъ*) дружбу.

---

43. Симъ. Міонидъ. Эвфраноръ.

1. *Ямвлихъ V. P. 267* Изъ Посидоніи Аѳамъ и Симъ.

2. *Порфирій V. P. 3 (послѣ надписи, см. стр. 70 первой части)* Взявъ это (?) (*можетъ быть*: взявъ одно изъ этихъ открытій), Симъ, свѣдущій въ музыкѣ, присвоилъ себѣ (*это*) правило и обнародовалъ его, какъ свое собственное (*открытіе*). И, дѣйствительно, имѣется семь

записанныхъ мудрыхъ ученій, благодаря одному, которое похитилъ Симъ. Вмѣстѣ были похищены и остальныя, написанныя на приношеніи [1]).

3. Ямвлихъ in Nic. стр. 116, 1 ed. Pistelli Сказано и относительно трехъ среднихъ (*величинъ*), ближайшихъ къ первымъ (*среднимъ*), которыми пользовались отъ Платона до Эратосѳена. Начало открытію ихъ положили, какъ мы сказали, математики Архитъ (*35 B 2*) и Гиппасъ (*гл. 8, 15*). Другія же четыре (*слѣдовательно 7. 8. 9. 10*), искусно придуманныя жившими затѣмъ младшими, приверженцами пиѳагорейцевъ Міонида и Эвфранора, не должно оставлять безъ вниманія и т. д

44. Ликонъ (Ликъ).

1. Ямвлихъ V. P. 267 p. 190, 4 Ликонъ *подъ рубрикой:* „Тарентинцы“. *Діогенъ V 69* Были же и другія лица, носившіе имя Ликона: во-первыхъ, пиѳагореецъ.

2. Атеней II 69 E (изъ Гераклида Тарентинскаго) Пиѳагореецъ Ликъ говоритъ, что латукъ съ широкими листьями, длинный и безствольный, помогающій при родахъ, пиѳагорейцами называется евнухомъ (*блюстителемъ брачнаго ложа*), женщинами же—астютисъ Дѣло въ томъ, что онъ служитъ для нихъ мочегоннымъ средствомъ и облегчаетъ для любовныхъ наслажденій. Самое лучшее—ѣсть его.

3. Атеней X 418 E И Пиѳагоръ Самосскій употреблялъ простую пищу, какъ сообщаетъ Ликонъ Іасійскій въ сочиненіи: „О пиѳагорейскомъ образѣ жизни“.

4. Аристоклъ у Евсевія P. E. XV 2, 8 Все превосходитъ своей глупостью то, что было сказано Ликономъ, называвшимъ самого себя пиѳагорейцемъ. А именно, онъ говоритъ, что Аристотель своей умершей женѣ приноситъ такія жертвы, какія аѳиняне (*приносятъ*) Деметрѣ. и что онъ купается въ тепломъ маслѣ и его продаетъ. Когда же онъ отбылъ въ Халкиду, то откупщики пошлинъ нашли на кораблѣ 74 мѣдныхъ мисочекъ.

[1]) Подъ 7 мудрыми ученіями (σοφίαι) здѣсь, вѣроятно, слѣдуетъ понимать 7 пропорцій (среднихъ величинъ). О нихъ см. у насъ гл. 8 § 15 (стр. 83 первой части). По этому сообщенію, во времена Пиѳагора принималось только 3 среднихъ величины, затѣмъ Гиппасъ и Архитъ прибавили еще 3. Наконецъ, послѣднее поколѣніе пиѳагорейцевъ—Міонидъ и Эвфраноръ прибавили 4 послѣднихъ среднихъ (7—10, срв. гл. 43, 3). Первая изъ этихъ вновь прибавленныхъ могла принадлежать Симу. Изъ зависти товарищи стали отрицать, что эта средняя открыта имъ, и съ этой цѣлью прибѣгли къ подложному „подношенію“ вымышленнаго сына Пиѳагора. Вся эта исторія находитъ себѣ объясненіе въ соперничествѣ между собой пиѳагорейцевъ четвертаго вѣка.

Объ Эвфранорѣ см. 32 A 7 и 35 B 6.

5. *Схоліи къ Никандру Ther. 585* Димитрій Хлоръ говоритъ, что буплевръ есть дерево. Но это не дерево, а огородная овощь... Антигонъ же говоритъ, что и Ликонъ упоминаетъ (*о немъ, какъ*) объ огородной овощи.

---

45. Пиѳагорейская школа.

А. Списокъ Ямвлиха.

Ямвлихъ V P. 267 Изъ общаго числа пиѳагорейцевъ, естественно, было много совершенно неизвѣстныхъ, что же касается пользовавшихся извѣстностью, то имена ихъ слѣдующія. *Кротонцы*—Гиппостратъ, Дюмасъ, Айгонъ [1]), Гаймонъ, Сюллъ, Клеосѳенъ, Агеласъ, Эписюлъ, Фюкіадасъ, Экфантъ (*см. стр. 61*), Тимей (*см. стр. 60*), Буѳъ [2]), Эратъ, Итанай, Родиппъ, Брюасъ, Энандръ (?) [3]), Мюлліасъ, Антимедонъ, Агеасъ, Леофронъ, Агюлъ, Онатъ (*гл. 4. 15*) [4]), Гиппосѳенъ, Клеофронъ, Алкмеонъ (*см. гл. 14*), Дамоклъ, Милонъ (*см. гл. 4, 13 и гл. 9, 1*) и Менонъ. *Метапонтинцы*—Бронтинъ (*см. гл. 7*), Пармискъ (*см. гл. 10*), Орестадъ *см. тамъ же*), Леонъ, Дамарменъ, Айней, Хиласъ, Мелесій, Аристей, Лафаонъ, Эвандръ, Агесидамъ, Ксенокадъ, Эврифемъ, Аристоменъ, Агесархъ, Алкій, Ксенофантъ, Ѳрасей [5]), Эвритъ (*см. гл. 33*), Эпифронъ, Эйрискъ, Мегестій, Леокидъ, Ѳрасимедъ, Эвфемъ, Проклъ, Антименъ, Лакритъ, Дамотагъ, Пирронъ, Рексибій, Алопекъ, Астилъ, Дакидъ, Аліохъ, Лакратъ и Гликинъ. *Агригентинецъ*—Эмпедоклъ (*см. гл. 21*). *Элеатъ*—Парменидъ (*см. гл. 18*). *Тарентинцы*—Филолай (*стр. 22*), Эвритъ (*стр. 41*), Архитъ (*стр. 43*), Ѳеодоръ (*стр. 21*), Аристиппъ, Ликонъ (*стр. 65*), Гестіэй, Полемархъ, Астей, Кайній, Клеонъ, Эвримедонъ, Аркей, Клинагоръ, Архиппъ (*стр 42*), Зопиръ, Эвѳинъ, Дикеархъ, Филонидъ, Фронтидъ, Лисисъ (*стр. 42*), Лисибій, Дейнократъ, Эхекратъ (*стр. 63*), Пактіонъ, Акусиладъ, Иккосъ (*гл. 15*), Пейсикратъ, Клеаратъ, Леонтей, Фринихъ [6]), Смихій [7]), Аристоклидъ, Клиній (*стр. 63*), Габротелъ, Писирродъ, Брюасъ (*см. выше строка 6*). Гелапдръ, Архемахъ, Мимномахъ, Акмонидъ, Дикасъ и Карофантидъ (?) [8]). *Сибариты*—Метопъ, Гиппасъ (*гл. 8*), Проксенъ, Эвандръ, Леанаксъ, Менесторъ (*стр. 1*), Діоклъ, Эмпедъ, Тимасій, Птолемей, Эндій и Тирсенъ. *Карѳагеняне*—Мильтіадъ, Аптѳенъ,

---

[1]) Астонъ? срв. гл. 4, 19 (стр. 77 первой части).
[2]) Ксуѳъ? (стр. 2).
[3]) Менандръ Nauck.
[4]) Подъ именемъ Оната ходило подложное сочиненіе: „О богѣ и божественномъ“.
[5]) Ѳрасій Rohde.
[6]) Можетъ быть, Фриніонъ, отецъ Эхекрата, Plato ep. 9 p. 358 B?.
[7]) Симихидъ Rohde
[8]) Клеофантидъ Nauck.

Годій и Леокритъ. *Паросцы*—Айэтій, Файнеклъ, Дексиѳей, Алкимахъ, Дейнархъ, Метонъ, Тимей (*стр. 60*) Тимесіанаксъ, Эвмойръ и Ѳимаридъ. *Локрійцы*—Гиттій (?)[1]), Ксенонъ (*срв. гл. 21 А 3?*), Филодамъ, Эветъ, Эвдикъ, Сѳенонидъ, Сосистратъ, Эвѳинусъ, Залевкъ и Тимаресъ. *Посидонцы*—Аѳамъ, Симъ, Проксенъ, Краной, Мюэсъ, Баѳилай и Федонъ. *Левканійцы*—братья Оккелъ (*стр. 59*) и Оккилъ, Оресандръ, Керамбъ, Дарданей и Маліонъ. *Аргивяне*—Гиппомедонъ, Тимосѳенъ, Эвелѳонъ, Ѳрасидамъ, Критонъ и Поликторъ. *Лакедемоняне*—Автохаридъ, Клеанорь и Эврикратъ. *Гипербореецъ*—Абарисъ. *Регинцы*—Аристидъ, Демосѳенъ, Аристократъ, Фитій, Геликаонъ, Мнесибулъ, Гиппархидъ, Эвѳосіонъ (?)[2]), Эвѳиклъ, Описимъ (*стр. 42*). Калаисъ и Селинунтій. *Сиракузяне*—Лептинъ, Финтій, Дамонъ (*стр. 64*). *Самосцы*—Мелиссъ (*гл. 20*), Лаконъ, Архиппъ, Глорипиъ, Гелорисъ и Гиппонъ (*стр. 7*). *Кавлоніаты*—Каллибротъ, Диконъ, Настъ, Дримонъ и Ксентъ. *Фліунтійцы*—Діоклъ, Эхекратъ (*стр. 63*), Полимпастъ, Фантонъ (*стр. 63*). *Сикіонцы*—Поліадъ, Демонъ, Стратій и Сосѳенъ. *Киренцы*—Проръ (*стр. 63*), Меланиппъ (*срв. 45 Е 1, стихъ 15*), Аристангелъ, Ѳеодоръ (*стр. 21*). *Кизикенцы*—Пиѳодоръ (*не=19 А 4*). Гиппосѳенъ, Буѳеръ и Ксенофилъ (*стр. 62*). *Катанцы*—Харондъ и Лисіадъ. *Коринѳянинъ*—Хритиппъ. *Тирренецъ*—Навсиѳой. *Аѳинянинъ*—Неокритъ *Понтіецъ*—Лирамнъ. Всѣхъ 218.

Пиѳагорейскія же женщины самыя славныя—Тимюха, жена кротонца Милліи; Фильтюсъ, дочь кротонца Ѳеофрія; Бюндаку, сестра левканійцевъ Оккела и Эккела; Хейлонисъ, дочь лакедемонянина Хилона; лакедемонянка Кратесиклея, жена лакедемонянина Клеанора; Ѳеано, жена метапонтинца Бротина (*гл. 7*); Мюйя, жена кротонца Милона; аркадянка Ласѳенея; Габротелея, дочь тарентинца Габротела; фліунтіика Эхекратея; сибаритка Тирсенисъ; тарентинка Писирроде; лакедемонянка Нисѳеадуса (?); аргивянка Бойо, аргивянка Бабелюка; Клеайхма, сестра лакедемонянина Автохарида. Всѣхъ 17.

В. Анонимные пиѳагорейцы по древнеперипатетической традиціи.

Срв. Аристотель: „Противъ пиѳагорейцевъ" одна книга и „О пиѳагорейцахъ" одна книга, *Діогенъ V 25*.

1. *Проклъ in Euclid. 65, 15 Friedl.* (*послѣ гл. 4, 6а*; *см. стр. 70 первой части*) Послѣ же нихъ Пиѳагоръ преобразовалъ геометрію, придавъ ей форму свободной науки, разсматривая ея принципы чисто абстрактнымъ образомъ и изслѣдуя теоремы съ нематеріальной, интеллектуальной точки зрѣнія. Именно, онъ нашелъ теорію ирраціональныхъ ко-

---

[1]) Питтій Rohde.

[2]) Эвѳетіонъ Rohde.

личествъ и открылъ конструкцію космическихъ фигуръ. Послѣ него занимался многими (вопросами), относящимися къ геометріи, Анаксагоръ Клазоменскій и Энопидъ Хіосскій, который былъ немного моложе Анаксагора (*гл. 29, см. стр. 16*)... За ними Гиппократъ Хіосскій, открывшій квадратуру луночки (*гл. 30, 3*) и Ѳеодоръ Киренскій (*гл. 31*) прославились въ геометріи. А именно, Гиппократъ первый изъ упоминаемыхъ (*здѣсь*) написалъ „Элементы". Жившій же послѣ нихъ Платонъ... въ это же время жилъ и Леодамъ Ѳасійскій, и Архитъ Тарентинскій и аѳинянинъ Теэтетъ, которые умножили теоремы и довели ихъ до болѣе научнаго состоянія.

2. Стобей I 1 pr. 6 Изъ сочиненія Аристоксена: „Объ ариѳметикѣ". Пиѳагоръ, кажется, цѣнилъ занятіе числами болѣе всего и онъ подвинулъ впередъ (*эту науку*), освободивъ ее отъ служенія дѣлу купцовъ и уподобляя всѣ вещи числамъ. Дѣло въ томъ, что число владѣетъ (*всѣми*) прочими (*вещами*) и существуетъ (*разумное*) отношеніе у всѣхъ чиселъ другъ къ другу. И одни приписываютъ изобрѣтеніе (*чиселъ*) однимъ, другіе другимъ; египтяне же говорятъ, что (*это*—) изобрѣтеніе Гермеса [1]), котораго они называютъ Ѳоѳъ. Другіе же (*говорятъ, что числа*) были придуманы на основаніи (*наблюденія надъ*) божественными круговращеніями (*Филиппъ Epin. 978 C*). Итакъ, монада есть начало числа, число же есть множество, состоящее изъ монадъ. Изъ чиселъ же четны тѣ, которыя дѣлятся на (*двѣ*) равныя (части), нечетны же тѣ, которыя состоятъ изъ (двухъ) неравныхъ частей и имѣютъ середину. Такъ вотъ, по ихъ мнѣнію, въ нечетные дни бываютъ кризисы болѣзней и происходятъ перемѣны, касающіяся начала, расцвѣта и отцвѣтанія, такъ какъ нечетное число имѣетъ начало, конецъ и середину. *Срв. Аристотель M 8. 1083 b. 28.*

3. Діодоръ exc. X 6, 4 Каллимахъ (*срв. выше 1 A 3a, стр. 15 первой части*) сказалъ о Пиѳагорѣ, что нѣкоторыя изъ геометрическихъ проблемъ онъ открылъ, другія же впервые привезъ къ эллинамъ изъ Египта. (*Каллимахъ сообщаетъ это тамъ*), гдѣ онъ говоритъ, что фригіецъ Эвфорбъ открылъ... всѣ.

4. Аристотель Metaph. A 5. 985 b. 25 (пер. Розанова-Первова) Въ это же (время) и (еще) раньше названныхъ философовъ (*Левкиппа и Демокрита*) такъ называемые пиѳагорейцы предавшись математическимъ занятіямъ, первые выдвинули ихъ впередъ и, пропитанные ими, математическія начала стали считать за начала всего существующаго. А такъ какъ числа по (своей) природѣ суть первичные (элементы) ихъ, въ числахъ же они, повидимому, усматривали многія сходства съ существующимъ и съ происходящимъ, гораздо болѣе, чѣмъ въ огнѣ, въ землѣ и въ водѣ, потому что такое-то проявленіе (*πάθος*) чиселъ (они считали) справедливостью, такое-то—душою и разумомъ такое-то—благопріятнымъ временемъ (для дѣйствія), словомъ сказать, и въ остальномъ подобно этому,—

---

[1]) Бога торговли.

и въ числахъ, кромѣ того, видѣли проявленія и соотношенія музыкальныхъ гармоній; далѣе, такъ какъ имъ казалось, что и въ остальномъ вся природа уподобляется числамъ, числа же суть (нѣчто) первоначальное сравнительно со всею природою, то въ виду всего этого они предположили, что элементы чиселъ суть элементы всѣхъ существъ и что цѣлое небо есть гармонія и число. И все, что имѣли указать въ числахъ и въ гармоніяхъ соотвѣтственнаго съ движеніемъ и съ частями неба и съ цѣлымъ міроустройствомъ, все это собирая они прилагали къ дѣлу. А если чего гдѣ не доставало, они старались пополнить, чтобы ученіе у нихъ было связнымъ цѣлымъ. Приведу примѣръ: такъ какъ десятокъ кажется (чѣмъ-то) совершеннымъ и охватываетъ всю природу чиселъ, то они утверждаютъ, что и несущихся по небесному своду (тѣлъ) десять; а такъ какъ видимо только девять, то они дѣлаютъ еще десятое, противолежащее землѣ. Точнѣе все это разграничено нами въ другомъ мѣстѣ.

То же въ пер. кн. С. Трубецкаго: Такъ называемые пиѳагорейцы взялись за математическія науки и подвинули ихъ впередъ. Вскормленные въ этихъ наукахъ, они признали математическія начала за начала всего существующаго. Изъ такихъ началъ числа суть первыя по природѣ, и имъ, казалось, что въ числахъ они видятъ множество подобій съ вещами... такъ что данная особенность чиселъ являлась имъ какъ справедливость, другая какъ душа или разумъ, третья— какъ благопріятный случай и т. д. относительно всего остального; далѣе, свойства и отношенія музыкальной гармоніи они усматривали также въ числахъ. И такимъ образомъ. такъ какъ имъ казалось, что все прочее по природѣ своей уподобляется числамъ, а самыя числа являлись имъ первыми изъ всей природы, то они приняли, что элементы числа суть элементы всего существующаго и что все небо есть гармонія и число. И всѣ соотвѣтствія, какія они могли указать въ числахъ или гармоніяхъ съ состояніями или частями неба, или съ строеніемъ мірового цѣлаго, они собирали вмѣстѣ и согласовали другъ съ другомъ; а если гдѣ чего-нибудь не хватало, они всячески усиливались прибавить что-нибудь, дабы придать связную послѣдовательность всему своему построенію".

Александръ къ этому мѣсту стр. 41, 1 Говоритъ же онъ объ этомъ болѣе подробно въ сочиненіи: „О небѣ" (*см. 45 B 37*) и въ „Мнѣніяхъ пиѳагорейцевъ". *75, 15* О небесномъ устройствѣ, которое пиѳагорейцы приписывали числамъ, онъ упоминаетъ во второй (*книгѣ сочиненія*): „О мнѣніи пиѳагорейцевъ".

(*Аристотель*) *M. Mor. A 1. 11 82 a 11* Итакъ, Пиѳагоръ первый началъ говорить о добродѣтели, но неправильно. Дѣло въ томъ, что, возводя добродѣтели къ числамъ, онъ создавалъ не надлежащее ученіе о добродѣтеляхъ. Вѣдь справедливость не есть число, помноженное само на себя.

Аристотель Metaph. M 3. 1078 b 21 Раньше же пиѳагорейцы (*дали опредѣленія*) нѣкоторыхъ немногихъ (*предметовъ*), понятія которыхъ они сводили къ числамъ, какъ, напримѣръ, что такое благопріятное

время, или справедливость, или бракъ, онъ же (*Демокритъ*) разумно искалъ, что такое (*та или иная вещь*). *Eth. Nic. E 8. 1132 b 21* (*пер. Э. Радлова*) Нѣкоторымъ кажется, что воздаяніе равнымъ безусловно справедливо. Это, напримѣръ, утверждали пиѳагорейцы; они такъ безотносительно опредѣляли: справедливое состоитъ въ воздаяніи другому равнымъ.

5. Аристотель Metaph. A 5. 986 a 15 (*срв. 32 B 5*) (*пер. Первова—Розанова*) Оказывается, что и они считаютъ число началомъ какъ матерію для существующаго и какъ проявленія и состоянія, элементами же числа считаютъ четное и нечетное, одно изъ нихъ принимая ограниченнымъ, другое безграничнымъ, а „единое" состоитъ (по ихъ мнѣнію) изъ обоихъ ихъ (именно оно и четно и нечетно), число же (происходитъ) изъ единаго и цѣлыя небеса, какъ сказано, суть число.

Другіе[1]) же изъ нихъ говорятъ, что есть десять началъ, расположенныхъ соотвѣтственно другъ другу:

конечное и безконечное
нечетное и четное
одно и множество
правое и лѣвое
мужеское и женское
покоющееся и движущееся
прямое и кривое
свѣтъ и тьма
доброе и злое
квадратное и продолговато-четыреугольное.

Такимъ же именно образомъ, повидимому, думалъ и Алкмей Кротонскій (*14 A 3*); и, безъ сомнѣнія, или онъ отъ нихъ, или они отъ него заимствовали это ученіе. Вѣдь Алкмей былъ молодымъ во время старости Пиѳагора, а высказывался онъ сходно съ ними (пиѳагорейцами). Именно, онъ утверждаетъ, что большая часть человѣческихъ дѣлъ существуетъ двояко, приводя противоположности, разграниченныя не такъ, какъ у этихъ, но какъ попало, напримѣръ, бѣлое и черное, сладкое и горькое, доброе и злое, большое и малое. Итакъ, этотъ неопредѣленно коснулся остального, пиѳагорейцы же установили, и сколько противоположностей и какія они. У послѣднихъ и у него, слѣдовательно, можно найти, что начала сущаго суть противоположности, а сколько ихъ и какія они, это нужно искать у другихъ. Однако, какимъ образомъ къ названнымъ нами причинамъ возможно свести (эти начала), все это не разграничено у нихъ ясно и послѣдовательно. Кажется, что стихіи они устанавливали въ видѣ матеріи. Именно, они утверждаютъ, что сущность состоитъ и образована изъ нихъ, какъ изъ присущихъ ей изначала.

Итакъ, изъ этого достаточно можно уразумѣть образъ мыслей древнихъ (философовъ), и притомъ признававшихъ болѣе (чѣмъ одну) стихію

---

[1]) Нашъ переводъ этого отрывка см. на стр. 205 первой части

природы. Но есть такіе, которые относительно вселенной высказались такъ, какъ будто бы одна была природа, но не всѣ одинаково хорошо и сообразно съ дѣйствительностью. Но къ настоящему разсмотрѣнію причинныхъ основъ никоимъ образомъ не подходитъ рѣчь объ нихъ. Ибо они не какъ нѣкоторые изъ физиковъ, которые, полагая сущее единымъ, однако все производятъ изъ него, какъ изъ матеріи, но иначе учатъ. Именно тѣ придаютъ (сущему) движеніе, заставляя все происходить, а эти утверждаютъ, что оно неподвижно.

6. *Аристотель Eth. Nic. (пер. Э. Радлова) А 4. 1096 b 5* Въ этомъ случаѣ пиѳагорейцы учили, какъ кажется, болѣе правдоподобно, полагая и единое въ число благъ.

7. — — *В 5. 1106 b 29* Зло безпредѣльно, какъ картинно выражались пиѳагорейцы, а добро ограничено.

8. *Аристотель Metaph. А 5. 987а 9 (пер. Первова — Розанова)* Итакъ, до италиковъ и кромѣ нихъ прочіе слишкомъ немного высказывались о двухъ началахъ, исключая того, что, какъ мы сказали, они пользовались двумя причинами, и изъ нихъ вторую, то-есть, причину движенія, принимали то за одну, то за двѣ. Что же касается пиѳагорейцевъ, то они точно такъ же признавали два начала, но они прибавили — это и составляетъ ихъ отличительную особенность — что ограниченное, безпредѣльное, единое не суть каждое особою природою, какъ, напримѣръ, огонь, земля или иное что подобное, но что само безпредѣльное и само единое есть сущность того, чему они приписываются какъ аттрибуты. Вслѣдствіе этого сущность всего и есть число. Высказавшись такимъ образомъ по этимъ вопросамъ, они начали разсуждать и опредѣлять, что есть вещь сама по себѣ, но занимались этимъ слишкомъ безыскусно. Ибо они въ своихъ опредѣленіяхъ были поверхностны, и въ чемъ первомъ оказывалось данное опредѣленіе, то и считали они сущностью вещи, подобно тому какъ если бы кто думалъ, что двойное и два одно и то же, основываясь на томъ, что въ основѣ двухъ лежитъ прежде всего двойное. Но вѣдь быть двойнымъ и двумя бываетъ, я думаю, не одно и то же. Если же не принимать этого въ расчетъ, то одно станетъ многимъ; какъ это и случилось у нихъ. *Срв. тамъ же В 5. 1002а 8.*

9. *Аристотель Metaph. М 6. 1080 b 16* Пиѳагорейцы же знаютъ одно математическое (число), однако, оно (по ихъ мнѣнію) не отдѣлено (*отъ вещей*), но (*самыя*) чувственныя субстанціи состоятъ изъ него. Дѣло въ томъ, что они все небо (*всю вселенную*) образуютъ изъ чиселъ, только не изъ монадическихъ (*не изъ недѣлимыхъ единицъ*), но, по ихъ мнѣнію, монады имѣютъ величину. Какимъ же образомъ первичная единица сдѣлалась имѣющей величину, (*объяснить это*) они, повидимому, затрудняются.

10. — — *8. 1083 b 8* Ученіе же пиѳагорейцевъ въ одномъ отношеніи представляетъ меньшія трудности, чѣмъ (ученіе) ранѣе упомянутыхъ, въ другомъ же отношеніи (*оно заключаетъ въ себѣ*) новыя, свои собственныя (*трудности*). Дѣло въ томъ, что признаніе числа не

отрѣшеннымъ (*отъ вещей*) устраняетъ многія изъ невозможныхъ (*слѣдствій*); но (*съ другой стороны*) ученіе, что тѣла состоятъ изъ чиселъ и что это число—математическое, (*принять*) невозможно. А именно, нельзя говорить о недѣлимыхъ величинахъ, не погрѣшая противъ истины. И если дѣло вполнѣ обстоитъ такимъ образомъ, то монады не имѣютъ величины. Какимъ же образомъ возможно изъ недѣлимыхъ сложить величину (*т. е. тѣло*)? Однако, ариѳметическое число есть (число) монадическое. Они же называютъ числомъ существующія (*вещи*). По крайней мѣрѣ, они примѣняютъ свои умозрѣнія къ тѣламъ такъ, какъ если бы послѣднія состояли изъ этихъ чиселъ.

11. — — А 7. 1072 b 30 Всѣ же тѣ, которые, какъ пиѳагорейцы и Спевсиппъ, полагаютъ, что самое прекрасное и самое лучшее—не въ первоначалѣ, такъ какъ хотя начала растеній и животныхъ суть причины, но прекрасное и совершенное (*лишь современемъ*) развивается изъ нихъ,—неправильно думаютъ.

12. Аристотель Metaph. (пер. Первова—Розанова) А 6. 987 b 12 (Говоря) же „соучастіе", онъ (*Платонъ*) перемѣнилъ только названіе. Ибо пиѳагорейцы говорятъ, что „подражаніемъ" числамъ существуетъ все, Платонъ же, перемѣнивъ имя, говорилъ, что „соучастіемъ". Однако, будетъ ли то соучастіе или подражаніе видамъ, (вопросъ), каково именно оно могло бы быть, они оставили не рѣшеннымъ

13. — — 987 b 22 А что единое служитъ сущностью, а не другое что-либо существующее считается единымъ, это онъ (*Платонъ*) говорилъ сходно съ пиѳагорейцами; съ ними онъ согласенъ, что и числа суть причинныя основы сущности для всего прочаго. А что вмѣсто безграничнаго, какъ единаго, онъ поставилъ двойственность, а безпредѣльное (выводилъ) изъ большого и малаго—это его особенность. Наконецъ, онъ утверждаетъ, что числа стоятъ рядомъ съ чувственно воспринимаемымъ, они же—что самыя вещи суть числа, и поэтому математическія понятія они не помѣщаютъ между этими (то-есть, вещами и видами). А единое и числа онъ поставилъ рядомъ съ вещами, а не какъ пиѳагорейцы, и ввелъ виды вслѣдствіе разсмотрѣнія вопросовъ въ рѣчахъ,—ибо предшественники его не примѣняли діалектики и т. д.

14. Ѳеофрастъ metaph. 33 Платонъ же и пиѳагорейцы, придумавъ большую удаленность началъ, полагаютъ, что все желаетъ подражать единицѣ. Однако, они нѣкоторымъ образомъ какъ бы противополагаютъ единицу и неопредѣленную діаду (*двоицу*), въ которой (*заключается*) безпредѣльность, безпорядочность и всякая, такъ сказать, безформенность въ себѣ. Вообще, природа вселенной не можетъ быть безъ нея, но можетъ имѣть или равныя доли (*того и другого*), или (*ея*) больше, чѣмъ другого, или (*больше*) противоположныхъ началъ. Поэтому-то и богъ, (говорятъ) всѣ тѣ, которые причину приписываютъ богу, не въ состояніи приводить все къ наилучшему (*состоянію*), но лишь насколько возможно.

15. Аэцій 1 3, 8 (D. 280) Самосецъ Пиѳагоръ, сынъ Мнесарха, первый назвавшій философію этимъ именемъ, (признаетъ) началами

числа и заключающія въ нихъ соразмѣрности, которыя онъ называетъ также гармоніями, элементы же, называемые геометрическими, (*онъ считаетъ*) состоящими изъ тѣхъ и другихъ (началъ). Опять же (*онъ принимаетъ*) въ началахъ монаду и неопредѣленную діаду. Одно изъ началъ у него устремляется къ дѣйствующей и видовой причинѣ, каковая есть богъ—умъ, другая же (относится) къ причинѣ страдательной и матеріальной, каковая есть видимый міръ. Природа же числа—десять. Ибо всѣ эллины и всѣ варвары считаютъ до десяти, дойдя же до этого (числа), они снова возвращаются къ единицѣ. И опять, говорятъ они, потенція десяти заключается въ четырехъ и четверкѣ. Причина же (этого слѣдующая). Если, начиная съ единицы, прибавлять послѣдовательно числа до четырехъ включительно, то получишь число 10. Если же перешагнуть черезъ число четверки, то перейдешь и черезъ 10. Такъ, если взять единицу и прибавить (къ ней) 2, 3 и 4, то получится число 10. Такимъ образомъ, число по монадѣ (*заключается*) въ 10, по потенціи же—въ 4. Поэтому-то пиѳагорейцы произносили четверку, какъ величайшую клятву:

„Нѣтъ, клянусь передавшимъ нашей головѣ четверицу, заключающую (въ себѣ) источникъ и корень неизсякаемой природы".

И наша душа, говорятъ они, состоитъ изъ четверицы. Ибо она есть умъ, знаніе, мнѣніе и ощущеніе, изъ которыхъ (*возникаютъ*) все искусство и наука и (*благодаря которымъ*) мы сами разумны и т. д. *Срв. 32 А 13 и Ѳеонъ стр. 97, 14 Hill.*

16. (*Аристотель*) *Probl. 15, 3. 910 b 36 О декадѣ.* Или потому что въ десяти пропорціяхъ завершаются 4 кубическихъ числа, изъ которыхъ, по ученію пиѳагорейцевъ, состоитъ вселенная.

17 Аристотель de caelo A 1. 268a 10 Ибо, подобно тому какъ утверждаютъ и пиѳагорейцы, все и вся опредѣлены числомъ 3. И дѣйствительно, конецъ, середина и начало обладаютъ числомъ всего, а это—число троицы.

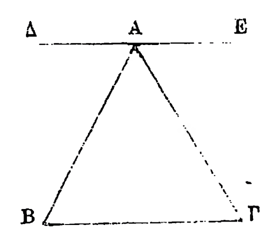
18. Эвдемъ fr. 83 (*Порфирій къ Птолемею Harm. 1 7 p. 288, 4 Wall.*) Въ первой книгѣ „Исторіи ариѳметики" онъ говоритъ о пиѳагорейцахъ дословно слѣдующее: „Притомъ же отношенія трехъ созвучій: кварты, квинты и октавы лежатъ въ (предѣлахъ) первой девятки. Ибо 2, 3 и 4 (даютъ въ суммѣ) 9.

19. Проклъ къ Эвклиду 1 47 стр. 426, 6 Fr. (Въ прямоугольныхъ треугольникахъ квадратъ, построенный на гипотенузѣ, равенъ суммѣ квадратовъ, построенныхъ на катетахъ). Можно найти слышавшихъ (разсказы) любителей повѣтствовать о старинѣ, которые возводили эту теорему къ Пиѳагору и говорили, что онъ по поводу открытія ея принесъ въ жертву быковъ.

20. — — къ Эвклиду I 44 стр. 419, 15 (На данной прямой у угла, который равенъ данному плоскому углу, начертить параллелограмъ, равный данному треугольнику). Какъ говорятъ послѣдователи Эвдема, эти открытія древнія и даже принадлежатъ (*еще*) пиѳагорейской наукѣ,

(*а именно, послѣдней принадлежитъ*) сравненіе (*площадей*) геометрическихъ фигуръ и установленіе, какая изъ нихъ больше и какая меньше.

21. — — къ Эвклиду I 32, стр. 379, 2 (Во всякомъ треугольникѣ, если продолжить одну изъ сторонъ, то внѣшній уголъ равенъ двумъ внутреннимъ, лежащимъ напротивъ. и три внутреннихъ угла треугольника равны двумъ прямымъ). Перипатетикъ же Эвдемъ возводитъ къ пиѳагорейцамъ открытіе этой теоремы. что во всякомъ треугольникѣ сумма внутреннихъ угловъ равна двумъ прямымъ, и говоритъ. что они доказывали эту (теорему) слѣдующимъ образомъ:

„Пусть будетъ (данъ) треугольникъ *ΑΒΓ* и пусть черезъ точку *A* будетъ проведена линія *ΔE*, параллельная *ΒΓ*. И вотъ, такъ какъ (линіи) *ΒΓ* и *ΔE* параллельны, то и (углы) поочередно равны. Итакъ, (уголъ) *ΔΑΒ* равенъ (углу) *ΑΒΓ*, уголъ же *ΕΑΓ* равенъ углу *ΑΓΒ*. Пусть будетъ прибавленъ (уголъ) *ΒΑΓ*, прилегающій къ обоимъ (упомянутымъ) угламъ. Итакъ, углы *ΔΑΒ*, *ΒΑΓ* и *ΓΑΕ*, то-есть углы *ΔΑΒ* и *ΒΑΕ*, то-есть 2 d, равны тремъ угламъ треугольника *ΑΒΓ*. Слѣдовательно. три угла треугольника равны 2 d“,

22. Аристотель Metaphys. A 8. 989 b 29 (пер. Первова—Розанова) Такимъ образомъ такъ называемые пиѳагорейцы пользуются своими началами и стихіями еще болѣе странно. чѣмъ физики. А это потому. что они заимствовали ихъ не изъ чувственно воспринимаемаго, такъ какъ ихъ математическія начала вещей, если не считать того, что входитъ въ область астрономіи, лишены движенія. Тѣмъ не менѣе они разсуждаютъ и учатъ обо всемъ въ природѣ. И дѣйствительно, они создаютъ теорію неба, они постоянно наблюдаютъ, что происходитъ въ его частяхъ, превращеніяхъ и дѣйствіяхъ. они тратятъ на это всѣ свои начала и причины, какъ бы соглашаясь съ прочими физиками, что сущее—это только то, что воспринимается чувствами и обнято тѣмъ, что они называютъ небомъ. Но причины и начала, принимаемыя ими, способны, какъ мы сказали, поднять насъ къ уразумѣнію и того, что выше существующаго, и они скорѣе приложимы (къ этому), чѣмъ къ вопросамъ о природѣ. Однакоже пиѳагорейцы ничего не говорятъ по вопросу о томъ, какимъ же образомъ возникаетъ движеніе, если подставить только принятыя ими начала: конечнаго и безпредѣльнаго, неравнаго и равнаго, или какъ возможно происхожденіе и уничтоженіе безъ движенія и перемѣны, какъ возможны явленія въ (тѣлахъ), несущихся по небу. Если даже, кто, уступая, согласится съ ними, что изъ этихъ началъ объясня-

ется величина тѣлъ, или если бъ это было (у нихъ) доказано, всетаки остается вопросъ, какимъ образомъ одни изъ тѣлъ легки, другія имѣютъ тяжесть: вѣдь изъ ихъ предположеній и ученія не видно, чтобы они приписывали эти свойства математическимъ вещамъ, какъ и чувственно воспринимаемому, и даже болѣе. Поэтому объ огнѣ, землѣ, или другихъ подобныхъ тѣлахъ они вовсе ничего не сказали, такъ какъ на счетъ чувственно воспринимаемаго они, думаю, не имѣли никакой особой теоріи. И потомъ, какъ нужно понять, что проявленія числа и самое число суть причины того, что существуетъ и происходитъ въ небесахъ какъ искони, такъ и теперь, а межъ тѣмъ другого числа нѣтъ помимо того числа, изъ котораго составился міръ? Въ самомъ дѣлѣ, когда въ такой-то части (неба) оказывается у нихъ „мнѣніе“[1]) и „удобный случай“, а немного повыше или пониже „несправедливость“, „раздѣленіе“ или „смѣшеніе“, когда они приводятъ доказательство, что въ отдѣльности каждое изъ этого есть число, то выходитъ, что на этомъ же самомъ мѣстѣ есть уже множество занимающихъ (это мѣсто) величинъ, потому что эти проявленія (чиселъ) соотвѣтствуютъ каждому мѣсту въ отдѣльности; (если же такъ), то это ли самое число, которое обнимаетъ небо, должно принять за каждую изъ этихъ вещей, или другое помимо этого? *Срв. N 3. 1090a 20.*

23. Аристотель Metaphys. Z 2. 1028 b 16 Нѣкоторые же полагаютъ, что границы тѣла, а именно, поверхность, линія, точка и монада, суть сущности, и (*притомъ*) въ большей степени, чѣмъ тѣло и твердое. Далѣе, нѣкоторые полагаютъ, что ничего такого нѣтъ внѣ чувственнаго міра, другіе же (*держатся того мнѣнія*), что сущаго больше и есть сущее въ большей степени—вѣчное, какъ, напримѣръ, Платонъ (*принимаетъ*) идеи и т. д.

24. — — N 3. 1090 b 5 Нѣкоторые же полагаютъ, что такія природы необходимо существуютъ, (*исходя*) изъ того, что точка есть предѣлъ и конецъ линіи, линія—плоскости и плоскость—тѣла.

25. — — Z 11: 1036 b 8 Нѣкоторые чувствуютъ затрудненіе уже при (*объясненіи*) круга и треугольника, полагая, что не подобаетъ опредѣлять ихъ линіями и непрерывнымъ, но обо всемъ этомъ (*должно*) говорить такъ, какъ если бы (*пришлось опредѣлять*) тѣло или кости человѣка и мѣдь и камень статуи. И они все возводятъ къ числамъ и говорятъ, что понятіе линіи есть понятіе двухъ.

26. — — N 3. 1091a 13 Итакъ, вовсе не должно быть сомнѣнія относительно того, признаютъ или не признаютъ пиѳагорейцы возникновеніе. Ибо они ясно говорятъ, что послѣ того какъ образовалась единица, изъ плоскостей ли или изъ цвѣта или изъ сѣмени или изъ (*чего-нибудь*), что они (*сами*) затрудняются назвать, тотчасъ ближайшая часть безпредѣльнаго стала притягиваться и ограничиваться предѣломъ. Но такъ

---

[1]) По комментарію Александра (74, 13) „мнѣніе“=2, „удобный случай“=7, „несправедливость“=5, „раздѣленіе“=4.

какъ они объясняютъ (*такимъ образомъ*) возникновеніе космоса и хотятъ излагать (это) съ естественнонаучной точки зрѣнія, то надлежитъ изслѣдовать (это) ихъ (ученіе) въ физикѣ, въ настоящемъ же изслѣдованіи оставить безъ разсмотрѣнія... Итакъ, они не говорятъ о возникновеніи нечета, такъ какъ ясно, что возникновеніе относится къ чету.

27 — — N 6. 1092 b 26 Пожалуй, кто-нибудь съ недоумѣніемъ спроситъ также, что такое благо, (*получающееся*) отъ чиселъ вслѣдствіе того, что смѣсь заключается въ числѣ—или удобосчитаемомъ (*дѣлимомъ*), или нечетномъ. Вѣдь на самомъ дѣлѣ трижды три разбавленный водою медъ нисколько не полезнѣе для здоровія, но, пожалуй, болѣе полезенъ былъ бы (медъ), (*сильно*) разбавленный водою безъ соблюденія опредѣленнаго числового отношенія, нежели незначительно разбавленный по опредѣленному числу. Притомъ отношенія смѣсей заключаются въ сложеніи чиселъ, а не въ числахъ, какъ, напримѣръ, 3+2, а не 3×2. Ибо при умноженіяхъ родъ долженъ оставаться тѣмъ же самымъ. Такимъ образомъ рядъ (*производителей*) *АВГ* долженъ измѣряться (*множимымъ*) *А* и рядъ *ΔEZ* (*множимымъ*) *Δ*. Такимъ образомъ всѣ (*произведенія*) (*измѣряются*) тѣмъ же самымъ (*т. е. первымъ производителемъ*). Слѣдовательно, не можетъ (*рядъ*) **ВЕГZ** быть (числомъ) огня и 2×3 числомъ воды [1]). Если же всѣ (*вещи*) должны участвовать въ числѣ, то многія (*различныя вещи*) должны оказываться (*въ концѣ концовъ*) тожественными, и одно и то же число (*относиться къ*) той и другой (*вещи*) [2]). Итакъ есть ли это (*участіе въ числѣ*) причиной и вслѣдствіе этого есть вещь (*тѣмъ, что она есть*), или остается неясность? Такъ, напримѣръ, есть нѣкоторое число для движеній солнца, и другое для движеній луны, и для жизни и вѣка каждаго изъ животныхъ. Итакъ, что мѣшаетъ нѣкоторымъ изъ этихъ (*чиселъ*) быть квадратными, другимъ кубическими, однимъ равными, другимъ вдвое большими? Вѣдь (*не только*) ничто не мѣшаетъ, но (*даже*) необходимо вращаться въ этихъ (*видахъ чиселъ*), если всѣ (*вещи*) участвуютъ въ числѣ и различныя (*вещи*) могутъ попадать подъ одно и то же число. Такимъ образомъ, если нѣкоторымъ (*вещамъ*) пришлось одно и то же число, то, имѣя одинъ и тотъ же видъ числа, онѣ были бы тожественны между собой; такъ, напримѣръ, солнце и луна были бы тожественны [3]). Однако, почему числа—причины? (Есть) семь гласныхъ, семь струнъ или гармоній, семь плеядъ; въ семилѣтнемъ возрастѣ мѣняютъ зубы (нѣкоторыя животныя, другія же не мѣняютъ [4]),

---

[1]) Рядъ ВЕГZ=2×5×3×7=210. Аристотель говоритъ, что огонь и воду нельзя представить посредствомъ одного и того же множимаго, напримѣръ, 2×105=огонь, 2×3=вода, такъ какъ въ такомъ случаѣ они будутъ качественно однородны.

[2]) Согласно 1084а 17, мірообразующія числа—первыя десять; только они должны выразить все разнообразіе вещей.

[3]) Солнце и луна, согласно XII, 8, имѣютъ равное число сферъ, служащихъ ихъ движенію.

[4]) Поставленныя въ скобкахъ слова заключаютъ въ себѣ возраженіе Аристотеля.

семь (*героевъ*) было подъ Ѳивами [1]). Итакъ, оттого ли, что существуетъ со своими опредѣленными свойствами это именно число, ихъ (*ѳиванскихъ героевъ*) было семь и плеяда состоитъ изъ семи звѣздъ? Или (число) ихъ (*ѳиванскихъ героевъ*) зависѣло отъ (*числа*) воротъ (*города*) или отъ другой какой-либо причины, число же (*звѣздъ въ плеядахъ*) таково, такъ какъ мы такъ считаемъ? Въ Медвѣдицѣ же (*мы насчитываемъ*) двѣнадцать (*звѣздъ*), другія же—больше. Также говорятъ они, что (буквы) Ξ (кси), Ψ (пси) и Z (дзета) суть созвучія, и, такъ какъ тѣхъ (*главныхъ созвучій*) [2])—три, то и ихъ (*такихъ буквъ*)—три. Что такихъ (*буквъ*) могло бы быть безконечное число, это (ихъ) нисколько не безпокоитъ. Вѣдь и для (*сочетанія*) Γ и Ρ могъ бы быть одинъ (*письменный*) знакъ. (*Но только*) каждая (*изъ трехъ упомянутыхъ двойныхъ буквъ*) равна двумъ (*буквамъ*) изъ (числа) остальныхъ простыхъ и (никакая) другая не (*обладаетъ этимъ свойствомъ*). Причина этого та, что (*въ органѣ рѣчи*) есть три мѣста (*части*) [3]) и у каждаго (*изъ нихъ*) звукъ С соединяется съ однимъ (звукомъ) [4]). Вотъ почему (*такихъ буквъ*) только три, а не потому, что созвучій—три, такъ какъ даже созвучій больше. Здѣсь же не можетъ быть больше (*такихъ буквъ*). Они (*эти люди*) подобны древнимъ толкователямъ Гомера, которые видятъ малыя сходства, значительныхъ же не усматриваютъ. Нѣкоторые же говорятъ, что есть много такого, какъ, напримѣръ, изъ (*двухъ*) среднихъ (*струнъ*) одна имѣетъ девять тоновъ, другая—восемь, и эпическій стихъ (*дактилическій гекзаметръ*) имѣетъ 17 слоговъ, будучи равенъ имъ по числу. Скандуя (*эпическій стихъ*), (мы) получаемъ въ правой части девять слоговъ, въ лѣвой восемь [5]). И въ алфавитѣ (*говорятъ они*) разстояніе отъ альфы до омеги равно (*разстоянію*) отъ самаго низкаго до самаго высокаго тона во флейтахъ. Число его (*этого наивысшаго тона?*) [6]) равно числу

---

[1]) Срв. стр. XV слѣд. первой части, а также 12 В 126а.

[2]) Три главныхъ созвучія: 1) кварта (συλλαβά *Филолай 32 В 6, позже наз.* διὰ τεσσάρων), 2) квинта (δι᾽ὀξειᾶν *Филолай, позже* διὰ πέντε), 3) октава (ἁρμονία *Филолай, позже* διὰ πασῶν). Такъ какъ три двойныхъ согласныхъ также назывались συμφωνίαι, то отсюда пиѳагорейцы выводили тройное число ΞΨΖ, между тѣмъ какъ имѣется множество двойныхъ согласныхъ, которыя можно представить однимъ письменнымъ знакомъ.

[3]) Гортань, зубы и губы.

[4]) *Срв. Сиріанъ къ этому мѣсту р. 191, 28 Kroll:* Такъ какъ есть три мѣста произношенія (*звуковъ*), то вслѣдствіе этого у каждаго (*изъ нихъ*) одинъ (*такой двойной звукъ*) получается. Такъ же разсуждалъ и Архинъ (*который ввелъ іонійскую орѳографію*), какъ сообщаетъ Ѳеофрастъ. Архинъ говорилъ, что звукъ произносится или наружу вслѣдствіе сжатія губъ, какъ звукъ π (п), и поэтому ψ (пс) порождается у кончика языка, такъ какъ оно состоитъ изъ π и σ. Или (*звукъ произносится*) широкою (*частью*) языка, приближаемаго къ зубамъ, какъ звукъ δ (д), и поэтому ζ (дз) порождается въ этомъ мѣстѣ. Или (*наконецъ, звукъ произносится*) согнутымъ (*языкомъ*), сжимаемымъ отъ крайняго конца, какъ звукъ κ, откуда выходитъ (звукъ) ξ (кс)".

[5]) Женская цезура дѣлитъ чисто дактилическій гекзаметръ на лѣвую половину (8 слоговъ) и правую (9 слоговъ).

[6]) Здѣсь неясность. По объясненію Псевдо-Александра, число, о которомъ здѣсь говорится, есть „совокупность 24 элементовъ": 12 знаковъ зодіака+8 небесныхъ сферъ +4 элемента.

цѣлаго неба. Должно же понимать, что ни для кого, пожалуй, не представило бы трудностей высказывать и находить такого рода (*соотвѣтствія*) въ вѣчныхъ (*вещахъ*), такъ такъ (*они легко отыскиваются*) въ (*вещахъ*) преходящихъ. Но хвалимыя природы въ числахъ и противоположность ихъ (*приносящія несчастія*) и вообще то, что составляетъ предметъ математики, какъ говорятъ (*объ этомъ*) нѣкоторые, считающіе (*ихъ*) причинами природы, не имѣютъ, какъ кажется, такого значенія съ нашей точки зрѣнія. Дѣло въ томъ, что ничто изъ нихъ не является причиной ни въ одномъ изъ видовъ послѣдней, опредѣленныхъ нами относительно началъ. Однако, нѣкоторымъ образомъ они показываютъ (*намъ*), что (*дѣйствительно*) существуетъ гармонія и что принадлежатъ къ ряду прекраснаго нечетъ, прямая линія и число, само на себя помноженное (потенціи нѣкоторыхъ чиселъ). А именно, времена года и такое число подобны[1]). И все прочее, что получаютъ изъ математическихъ ученій, имѣетъ эту силу. Поэтому-то (*все*) похоже на случаи[2]). И въ самомъ дѣлѣ, (*все это*) случайно; однако, все родственно другъ другу и аналогичное едино. Вѣдь аналогія находится въ каждой категоріи бытія: какова прямизна въ длинѣ, такова ровность въ ширинѣ; равнымъ образомъ въ числѣ нечетъ, въ цвѣтѣ бѣлизна.

28. Аристотель phys. Г 4. 203a 1 А именно, всѣ тѣ, которые, какъ кажется, достойнымъ образомъ занялись такой философіей, дали ученіе о безпредѣльномъ и всѣ они полагаютъ (его) въ качествѣ нѣкотораго начала бытія, одни, какъ пиѳагорейцы и Платонъ, (*считаютъ началомъ безпредѣльное*) само по себѣ, а не какъ акциденцію чего-нибудь другого, но (*по ихъ мнѣнію*) само безпредѣльное есть субстанція. Впрочемъ, пиѳагорейцы (*полагаютъ его*) въ чувственныхъ (*вещахъ*) (ибо они считаютъ число не отрѣшеннымъ *отъ чувственныхъ вещей*) и думаютъ, что (*пространство*) по ту сторону неба безпредѣльно... И они (говорятъ), что безпредѣльное четно. Ибо оно, будучи заключаемо и ограничиваемо нечетнымъ, доставляетъ сущему безпредѣльность. Доказательствомъ же этому служитъ то, что происходитъ съ числами. А именно, когда гномоны налагаются на единицу и отдѣльно, то иногда возникаетъ постоянно новый видъ, иногда же (*остается*) одинъ. *Срв. Плутархъ (?) Стобей ecl. I pr. 10 p. 22, 16 W* Когда налагаются на единицу по порядку нечетные гномоны, то всегда получается квадратъ[3]). Когда же налагаются подобнымъ образомъ четные (гномоны), то всѣ (*числа*) получаются продолговатыя (*т. е. происходящія отъ двухъ неравныхъ множителей*) и неравныя, квадрата же (*не получается*) ни одного. *Симплицій phys.* (*къ этому мѣсту*) *455, 20* Они (*пиѳагорейцы*) говорили, что безконечное (есть) четное число вслѣдствіе того, что, какъ говорятъ истолкователи,

---

[1]) Именно, времена года, подобно числу $4=2\times2$, суть квадратъ и потому прекрасны.

[2]) Т. е. всюду кажутся случайныя совпаденія.

[3]) Т. е. $1^2+3=2^2$; $2^2+5=3^2$; $3^2+7=4^2$ и т. д.

цѣлое четное (число) дѣлится на равныя (части), дѣлимое же на равныя части (есть) безконечное по дихотоміи. Ибо дѣленіе на равныя части и на половины (*идетъ*) до безконечности. Прибавленіе же (*къ нему*) нечетнаго ограничиваетъ его. Дѣло въ томъ, что оно препятствуетъ дѣленію его на равныя (части)... Очевидно, что они получаютъ дѣленіе до безконечности не у чиселъ, но у величинъ.

29. Аристотель phys. Г 5. 204а 29 Итакъ, безпредѣльное существуетъ какъ акциденція. А разъ такъ, то, какъ выше сказано, его нельзя называть началомъ, но (*начало есть*) то, чего оно является акциденціей: воздухъ или четъ. Такимъ образомъ нелѣпости, пожалуй, высказываютъ тѣ, которые говорятъ такъ, какъ пиѳагорейцы. Вѣдь они одновременно дѣлаютъ безпредѣльное субстанціей и дѣлятъ (его).

30 — — Δ 6. 213 b 22 И пиѳагорейцы говорили, что существуетъ пустота и что входитъ изъ безпредѣльнаго дыханіе и пустота въ самое небо, которое какъ бы дышитъ. (*Эта входящая пустота*) раздѣляетъ естества, такъ какъ-де пустота есть нѣкоторое раздѣленіе рядомъ лежащихъ (*вещей*) и (*ихъ*) разграниченіе. И она (*пустота*) прежде всего находится въ числахъ. Ибо пустота разграничиваетъ природу ихъ. *Стобей Ecl. I 18, 1 с (D. 316)* (*послѣ мѣста изъ Аристотеля*) Въ первой же книгѣ (сочиненія): „О философіи Пиѳагора“ онъ пишетъ, что небо (*вселенная*) едино, что оно втягиваетъ въ себя изъ безпредѣльнаго время, дыханіе и пустоту, которая постоянно разграничиваетъ мѣста, занимаемыя отдѣльными вещами.

Аристотель de caelo B. 2. 284 b 6 Такъ какъ нѣкоторые говорятъ, что у неба есть правая и лѣвая сторона, подобно тому какъ такъ называемые пиѳагорейцы (ибо это ученіе принадлежитъ имъ) и т. д. *Симплицій къ этому мѣсту 386, 20* Итакъ, правое они называли также верхнимъ, переднимъ и добрымъ, лѣвое же—нижнимъ, заднимъ и дурнымъ, какъ сообщаетъ самъ Аристотель въ собраніи мнѣній пиѳагорейцевъ.

Аристотель d. caelo B 2. 285а 10 Поэтому-то можетъ показаться страннымъ ученіе пиѳагорейцевъ, что только два этихъ начала—правое и лѣвое, и опущеніе ими четырехъ (*остальныхъ*) (*именно направленій* вверхъ, внизъ, впередъ, назадъ), хотя послѣднія нисколько не менѣе существенны. *b 22* Итакъ, очевидно, что невидимое (*для насъ*) небо есть верхъ. И живущіе тамъ находятся въ верхнемъ полушаріи и на правой сторонѣ, мы же—въ нижнемъ (*полушаріи*) и въ лѣвой стронѣ,—противоположно тому, что говорятъ пиѳагорейцы. Дѣло въ томъ, что они помѣщаютъ насъ вверху и въ правой части, (живущихъ) же тамъ—внизу и въ лѣвой (части). *Симплицій къ этому мѣсту 392, 18* Какъ онъ самъ сообщаетъ во второй книгѣ собранія пиѳагорейскихъ (мнѣній), они говорятъ, что одна часть цѣлаго неба находится вверху, другая же внизу, и нижняя часть неба лежитъ направо, верхняя налѣво, и мы живемъ въ нижней (въ верхней *исправляетъ Александръ тамъ же 392, 24*).

32. Эвдемъ phys. fr. 27 (Симплицій ph. 431, 13 послѣ 35 А 23) Прекрасно пиѳагорейцы и Платонъ сводятъ неопредѣленное къ движенію (вѣдь никто другой не высказался о движеніи). Но именно неопредѣленно то, что не существуетъ, (*то-есть*) несовершенное и небытіе. Вѣдь оно возникаетъ, возникающее же не существуетъ.

33. Аристотель phys. Δ 10. 208а 33 А именно, одни говорятъ, что (время) есть движеніе вселенной, другіе же, (что оно) самъ (небесный) шаръ. *Аэцій I 21, 1 (D 318)* Пиѳагоръ: время есть шаръ объемлющаго (*міръ дыханія*).

34. Эвдемъ phys. В. III fr. 51 Можно усумниться, возникаетъ ли само время, какъ утверждаютъ нѣкоторые, или нѣтъ... Если же повѣрить пиѳагорейцамъ, то снова (*повторится все*) то же самое нумерически и я (*вновь*) съ палочкой (*въ рукѣ*) буду разсказывать вамъ, сидящимъ такъ (*передо мной*), и все остальное (*вновь*) придетъ въ такое же состояніе; (*такимъ образомъ*) разумъ требуетъ признать, что и время бываетъ тожественнымъ. Ибо при одномъ и томъ же самомъ движеніи, равнымъ же образомъ у однихъ и тѣхъ же многихъ (*вещей*) болѣе раннее и болѣе позднее (*будетъ*) одно и то же; итакъ, и число ихъ (*будетъ то же самое*). Слѣдовательно, все (*будетъ*) то же самое, стало-быть и время.

35. Аристотель de caelo В 9. 290 b 12 Какъ очевидно изъ сказаннаго, ученіе, что отъ движенія (свѣтилъ) возникаетъ гармонія, такъ какъ-де (*отъ этого*) происходятъ гармоническіе звуки, свидѣтельствуетъ объ остроуміи и большой учености высказавшихъ его, однако, истина не такова. А именно, нѣкоторые считаютъ необходимымъ, чтобы возникалъ звукъ отъ движенія столь великихъ тѣлъ, такъ какъ (*звукъ бываетъ*) при движеніи у насъ тѣлъ, не имѣющихъ равныхъ (*тѣмъ*) массъ и не несущихся съ такой быстротой. Когда же несутся солнце, луна и еще столь великое множество такихъ огромныхъ свѣтилъ со столь великой быстротою, невозможно, чтобы не возникалъ нѣкоторый необыкновенный по силѣ звукъ. Предположивъ это и (*принявъ*), что скорости (*движенія ихъ, зависящія*) отъ разстояній, имѣютъ отношенія созвучій, они говорятъ, что отъ кругового движенія свѣтилъ возникаетъ гармоническій звукъ. А такъ какъ казалось страннымъ, что мы не слышимъ этого звука, то (*въ объясненіе этого*) они говорятъ, что причиной этого является то, что тотчасъ по рожденіи имѣется (этотъ) звукъ, такъ что онъ вовсе не различается отъ противоположной (ему) тишины. Ибо различеніе звука и тишины относительно (*и зависитъ отъ отношенія ихъ*) другъ къ другу. Такимъ образомъ, подобно тому какъ мѣдникамъ вслѣдствіе привычки кажется, что нѣтъ никакого различія (*между тишиной и стукомъ при работѣ ихъ*), такъ и со (*всѣми*) людьми бываетъ то же самое (*при воспріятіи гармоніи сферъ*).

Александръ metaphys. 75. 15 О расположеніи небесныхъ свѣтилъ, которое пиѳагорейцы составляли на основаніи чиселъ, онъ (*Аристотель*) упоминаетъ во второй книгѣ (*сочиненія*): „О мнѣніи пиѳагорейцевъ“. *О*

расположеніи звѣздъ см. *также 45 B 22. далѣе Эвдемъ fr. 95 (выше 2 A 19).*

36. Аэцій II 29, 4 (D. 360) Нѣкоторые изъ пиѳагорейцевъ, согласно изслѣдованію Аристотеля [1]) и сообщенію Филиппа Опунтійскаго, (учатъ, что затменіе луны происходитъ) вслѣдствіе отраженія лучей и загораживанія (*ея*) то землей, то противоземліемъ. Изъ младшаго же поколѣнія нѣкоторые держатся мнѣнія, что (*фазы луны*) зависятъ отъ постепеннаго распространенія пламени, стройно зажигающагося, пока оно не сдѣлаетъ совершеннаго полнолунія, и затѣмъ подобнымъ же образомъ уменьшающагося до полнаго затемненія (*луны*), когда оно совершенно погасаетъ.

37. Аристотель de caelo B 13. 293a 18 (срв. 32 A 16. 17) Между тѣмъ какъ весьма многіе говорили, что (земля) лежитъ посрединѣ... противоположное ученіе высказывали италійскіе (*философы*), такъ называемые пиѳагорейцы. А именно, они говорятъ, что въ центрѣ (*вселенной*) находится огонь, земля же (есть) одно изъ свѣтилъ, совершающее круговое движеніе вокругъ (этого) центра и (*тѣмъ*) производящее ночь и день. Кромѣ того, они выдумываютъ другую землю, лежащую напротивъ нашей и называютъ ее именемъ „антихтонъ" (*противоземліе*). (*Такъ они измышляютъ, потому что*) не для явленій ищутъ основаній и причинъ, но (насильственно) прилаживаютъ явленія къ нѣкоторымъ своимъ ученіямъ и мнѣніямъ и (*такимъ образомъ какъ бы*) пытаются быть участниками въ устроеніи міра. Пожалуй, многіе другіе также держались мнѣнія, что не должно приписывать землѣ центральнаго положенія; увѣренность въ этомъ они почерпаютъ не изъ (*наблюденія*) явленій, но скорѣе изъ разсужденій. А именно, они полагаютъ, что самое почетное мѣсто должно принадлежать тому, что достойно наибольшаго почитанія, огонь же болѣе достоинъ почитанія, чѣмъ земля, предѣлъ же болѣе, чѣмъ промежуточныя (*вещи*), конецъ же и центръ (*это*—) предѣлъ. *b 1* Еще же пиѳагорейцы (*выставляютъ*) въ качествѣ причины (*этого*) то, что самому важному (*мѣсту*) вселенной подобаетъ быть наиболѣе оберегаемымъ. Таковъ центръ. Его они называютъ „стражей Зевса"; это мѣсто занимаетъ огонь, который (является) какъ бы центромъ въ собственномъ смыслѣ, будучи какъ центромъ пространственнымъ, такъ и центромъ силы и природы. Однако, подобно тому какъ въ животныхъ не тожественъ центръ (*самаго*) животнаго и (*центръ*) его тѣла, такъ скорѣе слѣдовало бы принять и относительно цѣлаго неба (*вселенной*).

Симплицій къ этому мѣсту 511, 26 Они говорятъ, что въ центрѣ вселенной находится огонь, вокругъ же центра носится антихтонъ, который тоже есть земля, называется же антихтономъ вслѣдствіе того, что находится противъ нашей земли, за антихтономъ же (расположена) наша земля, которая также и сама носится вокругъ центра. За землей же (*слѣдуетъ*) луна. Дѣйствительно, такъ онъ самъ (*Аристотель*) сообщаетъ въ сочиненіи: „О пиѳагорейцахъ". Земля же, будучи какъ бы однимъ

[1]) Изслѣдованіе Аристотеля: „О пиѳагорейцахъ".

изъ свѣтилъ. двигаясь вокругъ центра, соотвѣтственно положенію, (занимаемому ею) относительно солнца. производитъ ночь и день. Антихтонъ же. двигаясь вокругъ центра и слѣдуя за нашей землей. не видится нами вслѣдствіе того. что всегда заслоняетъ его отъ насъ тѣло земли... Тѣ же изъ нихъ. которые были допущены къ болѣе основному ученію. говорятъ, что центральный огонь—созидающая сила. оживляющая изъ центра всю землю и согрѣвающая охлажденную (часть) ея. Поэтому-то нѣкоторые называютъ его (*центральный огонь*), какъ онъ самъ сообщаетъ въ „Пиѳагорейцахъ". „башней Зевса". другіе же—„стражей Зевса", какъ въ этомъ (сочиненіи сообщается), третьи же—„престоломъ Зевса". какъ другіе сообщаютъ. Свѣтиломъ же они называли землю. такъ какъ и она есть орудіе времени. А именно. день производится освѣщаемой частью (ея), находящейся передъ солнцемъ. ночь же (*возникаетъ благодаря*) конусу происходящей отъ нея тѣни. Луну же пиѳагорейцы называли „противоземліемъ". а также „эѳирной землей".

37a. Аристотель de caelo B 13. 293 b 18 Всѣ тѣ, которые говорятъ. что (земля) не лежитъ въ центрѣ. что она вращается вокругъ центра, и не только она. но и антихтонъ.

37b. Аристотель Meteorol. A 8. 345 a 13 (*гл. 29, 10. см. стр. 17*).

37c. Аэцій III 1, 2 (*D. 364*) Изъ пиѳагорейцевъ нѣкоторые говорили, что (*млечный путь*) есть пламя звѣзды. выпавшей изъ своего основанія, (*это—*) то мѣсто. черезъ которое она кругомъ обѣжала, воспламенивъ его, во время пожара при Фаэтонѣ. Другіе же говорятъ. что вначалѣ здѣсь былъ путь солнца. Нѣкоторые же (*полагаютъ, что это—*) отраженіе солнца, отражающаго свои лучи къ небу, что бываетъ и въ случаѣ радуги въ облакахъ.

38. Аристотель de caelo Г 300 a 14 То же самое получается и у тѣхъ, которые составляютъ небо (*вселенную*) изъ чиселъ. И дѣйствительно, нѣкоторые природу составляютъ изъ чиселъ; такъ (*поступаютъ*) нѣкоторые изъ пиѳагорейцевъ. Вѣдь ясно, что физическія тѣла имѣютъ тяжесть и легкость. монады же не могутъ ни черезъ сложеніе (*между собой*) образовывать тѣло, ни имѣть тяжесть.

39. Аристотель de anima (*пер. В. Снегирева*) *A 3. 407 b 20* Мыслители этого направленія стараются только объяснить. что такое душа, а относительно тѣла, ее заключающаго. они не говорятъ ничего опредѣленнаго. какъ будто всякая душа можетъ облечься въ любое тѣло, согласно съ извѣстнымъ пиѳагорейскимъ миѳомъ.

40. — — A 2 404 a 16 Повидимому, и ученіе пиѳагорейцевъ заключаетъ въ себѣ тотъ же смыслъ, потому что нѣкоторые изъ нихъ утверждали. что душа состоитъ изъ носящихся въ воздухѣ пылинокъ, другіе—, что душа есть сила, приводящая эти пылинки въ движеніе. Такое мнѣніе образовалось потому, что пылинки эти кажутся постоянно движущимися, даже въ то время, когда воздухъ находится въ совершенномъ покоѣ.

41. Аристотель Polit. Θ 5. 1340 b 18 (*пер. С. Жебелева*) Почему одни изъ философовъ и утверждаютъ, что сама душа есть гармонія, а

другіе говорятъ что душа носитъ гармонію въ себѣ. *Срв. de anima A 4, 407 b 27 (32 A 23).*

42. Аристотель de sens. 3. 439 a 30 Ибо цвѣтъ или находится въ границѣ (*тѣла*) или есть граница (*его*) Поэтому-то и пиѳагорейцы называли (*самую*) поверхность (*тѣла*) „цвѣтомъ“.

43. — — 5. 445 a 16 А то, что говорятъ нѣкоторые изъ пиѳагорейцевъ, не правдоподобно. А именно, они говорятъ, что нѣкоторыя животныя питаются запахами. *Срв. Діогенъ IX 43 и 55 A 28. 29.*

C. Акусмы и символы.

1. Аристотель Anal. post. B 11. 94 b 33 И если (громы), какъ говорятъ пиѳагорейцы, (*бываютъ*) ради угрозы для живущихъ въ Тартарѣ, чтобы они боялись...

2. Порфирій V. P. 41 Онъ высказывалъ нѣкоторыя (*ученія*) символически таинственнымъ образомъ; эти (*ученія*) большею частью записалъ Аристотель, какъ, напримѣръ, что море онъ называлъ „слезой“ [1], Большую и Малую Медвѣдицы — „руками Реи“, Плеяду же — „лирой Музъ“, планеты — „собаками Персефоны“, звукъ же, возникающій отъ удара по мѣди, (*онъ считалъ*) голосомъ одного изъ демоновъ, заключеннаго въ мѣди. *Эліанъ V. H. IV 17* Онъ говорилъ, что листъ мальвы — самый священный. Также онъ говорилъ, что число — самое мудрое изъ всѣхъ (*вещей*), а второй (*по мудрости*) — тотъ, кто далъ имена вещамъ. И онъ училъ, что землетрясеніе происходитъ не отъ чего другого, какъ отъ сраженія умершихъ, радуга же, говорилъ онъ, есть какъ бы „лучъ солнца“ и часто овладѣвающій ушами шумъ — „голосъ болѣе могущественныхъ (существъ)“.

3. Діогенъ VIII 34 слѣд Аристотель въ сочиненіи о пиѳагорейцахъ говоритъ, что онъ требовалъ „воздерживаться отъ бобовъ“ потому что они похожи на срамные члены или на врата Аида. *** вѣдь только одно (*это растеніе*) безколѣнчатое (*Онъ требовалъ воздерживаться отъ нихъ*) или потому что (*это растеніе*) губительно дѣйствуетъ, или потому что оно подобно природѣ вселенной, или потому что оно принадлежитъ олигархіи. По крайней мѣрѣ, посредствомъ нихъ избираются (*на должности*) по жребію. „Того, что упало (*со стола*), не поднимать“ — чтобы пріучаться ѣсть умѣренно или потому что это предназначено для какого-нибудь умершаго. И Аристофанъ говоритъ, что падающее (*со стола*) принадлежитъ героямъ, а именно, онъ говоритъ въ „Герояхъ“:

[1] „Слезой Кроноса“ Stanley по Плутарху de Is p. 364 A и Климентъ Strom V 49 (послѣ 66 B 13).

„Не вкушайте того, что упадетъ во время обѣда". (*Слѣдующее пиѳагорейское предписаніе*): „Не прикасаться къ бѣлому пѣтуху", такъ какъ онъ посвященъ Мѣсяцу и проситъ его о защитѣ. Просьба же о защитѣ относится къ числу благихъ (*дѣлъ*). Онъ посвященъ Мѣсяцу, ибо онъ указываетъ времена, и бѣлый цвѣтъ (принадлежитъ) природѣ блага, черный же—(природѣ) зла. „Не прикасаться къ рыбамъ, которыя священны". Ибо не слѣдуетъ, чтобы однѣ и тѣ же (вещи) предназначались для боговъ и людей, равно какъ для свободныхъ и рабовъ. (*35*) „Не ломать хлѣба", потому что въ древности друзья [1]) приходили къ одному (хлѣбу), подобно тому какъ еще и теперь варвары. И не (слѣдуетъ) раздѣлять (хлѣбъ), который соединяетъ ихъ. Другіе же (*полагаютъ, что это дѣлается*) изъ-за суда въ Аидѣ, третьи—, чтобы боялись ссоры. Четвертые же—, такъ какъ отсюда начинается государство. (Изъ формъ тѣлъ самое прекрасное—шаръ, изъ формъ плоскостей—кругъ. Старость и все, что уменьшается, подобны *другъ другу*. Увеличеніе и юность—точно такъ же. Здоровіе есть прочность вида, болѣзнь—гибель его). О соли (*онъ говорилъ*), что слѣдуетъ ее подавать (на столъ) для напоминанія о справедливости. Ибо соль, сохраняетъ все, что бы ни взять, и произошла она изъ самыхъ чистыхъ (*вещей*): солнца и моря [2]) (*36*) Эти (*предписанія*) нашелъ (*у нихъ*) Александръ, какъ онъ говоритъ въ своихъ „Пиѳагорейскихъ запискахъ", и подобныя имъ (*нашелъ у пиѳагорейцевъ*) Аристотель. *Срв. выше гл. 4, 9.*

4. Ямвлихъ V. P. 82—86 Философію акусматиковъ образуютъ лишенныя доказательства и не имѣющія разумнаго основанія акусмы—предписанія, какъ должно поступать. Ихъ и (все) прочее, что было имъ высказано, они стараются сохранять, какъ божественныя ученія, сами же, со своей стороны, они и не приписываютъ себѣ того, что говорятъ, да и (*полагаютъ*) что не должно говорить (*отъ себя*), но даже думаютъ, что изъ нихъ самихъ тѣ имѣютъ наилучшій образъ мыслей, которые наиболѣе сохранили акусмы. Всѣ же такъ называемыя акусмы подраздѣляются на три вида: а именно, однѣ изъ нихъ указываютъ, что такое вещь, другія—, что въ наибольшей степени (*является таковымъ или инымъ*), третьи же—, что должно дѣлать и чего не должно. Итакъ, первый видъ ихъ: „что такое вещь?" (*представляютъ изреченія*) въ родѣ слѣдующихъ. Что такое острова блаженныхъ? солнце и луна. Что такое Дельфійскій оракулъ? четверица, то-есть гармонія Сиренъ [3]). Другой видъ ихъ: что въ наибольшей степени (*является таковымъ или инымъ*)? (составляютъ изреченія) въ родѣ слѣдующихъ. Что самое справедливое? приношеніе жертвъ. Что самое мудрое? число, второе же по мудрости—положившій имена вещамъ Что самое мудрое изъ нашихъ (*человѣческихъ*) дѣлъ? медицина Что самое прекрасное? гармонія. Что самое сильное? мысль.

---

[1]) „Друзья" здѣсь въ качествѣ техническаго выраженія „братья по союзу"; срв. Д 7.
[2]) Т. е. соль выдѣляется изъ морской воды подъ дѣйствіемъ солнца.
[3]) По Ѳеону p. 147, 3 H., Сирены=музыка сферъ.

Что самое лучшее? счастіе. Какое изреченіе самое истинное? что люди дурны. Поэтому, говорятъ они, самъ (*т. е. Пиѳагоръ*) похвалилъ саламинскаго поэта Гипподаманта, который сочинилъ (*стихи*):

„О боги, откуда вы, откуда вы такіе родились?

О люди, откуда вы, откуда вы, столь дурные, родились?".

(*83*) Приведенныя (*изреченія и вообще изреченія*) такого рода суть акусмы этого (*второго*) вида. И дѣйствительно, каждая изъ такихъ (*акусмъ отвѣчаетъ на вопросъ*): что въ наибольшей степени (*является таковымъ или инымъ*)? Это тожественно съ такъ называемой мудростью семи мудрецовъ. Ибо и они искали не того, что есть благо, но что (*благо*) въ наибольшей степени; не что трудно, но что самое трудное—это познать самого себя (*по ихъ мнѣнію*); не что легко, но что самое легкое?—это поступать по привычкѣ (*отвѣчали они*). Вѣдь, какъ кажется, приведенныя акусмы подражаютъ такой мудрости. Дѣло въ томъ, что тѣ (*семь мудрецовъ*) жили раньше Пиѳагора. Тѣ же изъ акусмъ, которыя (*говорятъ*), что должно дѣлать или чего не должно, суть (*предписанія*) въ родѣ слѣдующихъ. Должно производить дѣтей. Ибо должно оставить вмѣсто себя служителей богу [1]). Или (*можно привести въ качествѣ примѣра акусму*), что обувь слѣдуетъ сперва надѣвать на правую ногу, или что не слѣдуетъ ходить по большой дорогѣ, ни обмакивать (*чего-либо*) въ кропильницу (*сосудъ для святой воды*), ни мыться въ банѣ. Ибо во всѣхъ этихъ случаяхъ неизвѣстно, чисты ли соучастники.

(*84*) И другія слѣдующія (*предписанія относятся сюда же*). Не должно облегчать ношу (*другого*), чтобы не стать виновникомъ того, что онъ (останется) безъ труда, но должно (*помогать каждому*) накладывать ношу. Съ богатой (*женщиной*) не слѣдуетъ сходиться для дѣторожденія. Не говорить безъ свѣта. Совершать возліянія въ честь боговъ со стороны ручки бокала и не пить съ той же самой стороны. На перстнѣ не носить въ качествѣ знака изображенія бога, чтобы оно не запятналось. Ибо этотъ прекрасный предметъ слѣдуетъ хранить въ домѣ. Не слѣдуетъ дурно обращаться [2]) со своей собственной женой, ибо она отдалась подъ покровительство: поэтому мы ведемъ ее отъ очага и беремъ правою рукою. Не слѣдуетъ приносить въ жертву бѣлаго пѣтуха. Ибо онъ посвященъ Лунѣ и находится подъ ея покровительствомъ. Вслѣдствіе этого они (*пѣтухи*) и указываютъ время.

(*85*) Просящему совѣта должно не совѣтовать ничего, кромѣ самаго наилучшаго; ибо совѣтъ—священное (дѣло). Труды—благо, удовольствія же всякаго рода—зло. Ибо, такъ какъ мы родились въ наказаніе, то и должны претерпѣть наказаніе. Приносить жертвы и входить въ храмъ слѣдуетъ босымъ. Не должно заходить въ храмъ по пути (мимоходомъ): ибо не слѣдуетъ (*почитаніе*) бога дѣлать побочнымъ (*неглавнымъ занятіемъ*). Хорошо умереть, оставаясь на своемъ мѣстѣ и имѣя раны въ

[1]) Срв. Платонъ Legg. VI p. 773 E.

[2]) Читаю „ἀδικεῖν" вмѣсто „διώκειν".

передней части (тѣла), дурно—то, что противоположно этому. Душа человѣка не входитъ только въ тѣхъ животныхъ, которыхъ позволено убивать. Поэтому изъ приносимыхъ въ жертву (*животныхъ*) должно ѣсть только тѣхъ, которыхъ подобаетъ вкушать (*по обряду жертвоприношенія*), изъ другихъ же животныхъ ни одного (*не слѣдуетъ употреблять въ пищу*). Итакъ, нѣкоторыя изъ акусмъ таковы, (*какъ указано выше*), другія же—наиболѣе пространныя—касаются жертвоприношеній, (*указывая*), какъ должно ихъ совершать въ каждое надлежащее время, третьи же * * * касаются переселенія изъ этой жизни и погребенія, (*указывая*), какимъ образомъ должны совершаться похороны.

(*86*) Итакъ, къ нѣкоторымъ (*акусмамъ*) присоединяется (*указаніе*), почему должно (*такъ именно поступать*); такова, напримѣръ, (*акусма*), что должно производить дѣтей, чтобы оставить другого вмѣсто себя въ качествѣ служителя боговъ. Къ другимъ же не присоединяется никакого указанія на разумное основаніе (*предписываемаго поведенія*). Далѣе, нѣкоторыя изъ указываемыхъ основаній имѣютъ въ виду непосредственныя слѣдствія (*поступка*), нѣкоторыя же—болѣе отдаленныя, какъ, напримѣръ, (*предписаніе*) не ломать хлѣба, такъ какъ это не выгодно для суда въ Аидѣ. Присоединяемыя же (*къ акусмамъ*) правдоподобныя объясненія относительно такихъ (*вещей*) не суть (*на самомъ дѣлѣ*) пиѳагорейскія, но представляютъ собой измышленіе нѣкоторыхъ постороннихъ (*пиѳагорейству лицъ*), которые пытались подыскать правдоподобное объясненіе (*для этихъ предписаній*), какъ, напримѣръ, (*объясненіе*), касающееся только что высказаннаго (*предписанія*), почему не слѣдуетъ ломать хлѣбъ. А именно, нѣкоторые говорятъ, что не слѣдуетъ разрушать того, что соединяетъ. Ибо первоначально всѣ друзья по обычаю варваровъ сходились къ одному хлѣбу. Другіе же указываютъ въ качествѣ причины (*этого предписанія*) то, что начинающему гадать не слѣдуетъ доставлять такого рода предзнаменованія, ломая и раздробляя (*хлѣбъ*).

5. (*Аристотель*) *Oec. A 4. 1344 a 8* Итакъ, прежде всего законы относительно жены и (*предписаніе*) не обижать ее. Вѣдь, поступая такъ, и самъ, пожалуй, не будешь терпѣть несправедливости. Это (*наставленіе*), являющееся общимъ закономъ, учитъ, какъ говорятъ пиѳагорейцы, что (*жену*) „должно возможно менѣе обижать, такъ какъ она отдалась подъ покровительство и приведена отъ очага“.

6. Свида. Анаксимандръ, сынъ Анаксимандра, милетецъ, младшій историкъ. Онъ жилъ во времена Артаксеркса, прозваннаго Мнемономъ (*405—359*). Онъ написалъ (*сочиненіе*): „Изъясненіе пиѳагорейскихъ символовъ“, каковы, напримѣръ, „не шагать черезъ вѣсы“, „огонь ножемъ не разгребать“, „не вкушать отъ цѣлаго хлѣба“ и т. д. *Діогенъ II 2* (*см. стр. 36 первой части*) Былъ еще другой Анаксимандръ—историкъ, тоже милетецъ, писавшій на іонійскомъ діалектѣ. [1]) *Образчикъ изъ*

---

[1]) На основаніи сочиненія Анаксимандра (и съ использованіемъ, можетъ быть, Аристотеля) написалъ книгу врачъ Андрокидъ, жившій при Александрѣ Великомъ

Порфирія V. P. 42 Былъ еще другой видъ „Символовъ" слѣдующаго типа: „Черезъ вѣсы не шагать", то-есть, не присваивать себѣ больше, чѣмъ слѣдуетъ (*не быть жаднымъ*); „огонь ножемъ не разгребать", то-есть спѣсиваго и сердитаго не раздражать язвительными словами; „не общипывать вѣнка", то-есть не нарушать законовъ. Ибо послѣдніе суть вѣнки государствъ. Сверхъ указанныхъ (*были*) еще другія (предписанія) въ слѣдующемъ родѣ. „Не ѣсть сердца", то-есть, не тревожить себя печалью; „не садиться на хлѣбную мѣру", то-есть, не жить праздно; „отправляясь въ путешествіе, не возвращаться", то-есть, умирая, не цѣпляться за эту жизнь; „не ходить по большой дорогѣ", этимъ (*изреченіемъ*) онъ запрещалъ принимать мнѣнія толпы, а (*предписывалъ*) слѣдовать (*взглядамъ*) немногихъ образованныхъ; „ласточекъ въ дома не пускать", то-есть, не жить вмѣстѣ съ людьми болтливыми и невоздержными на языкъ; „тѣмъ, кто поднимаетъ ношу, помогать ее накладывать, снимать же (*ношу*) не помогать", этимъ (изреченіемъ) онъ предписываетъ не содѣйствовать ничьей праздности, но (*оказывать помощь*) въ достиженіи добродѣтели и въ трудахъ; „изображеній боговъ не носить на перстняхъ", то-есть, не держаться обыкновеннаго мнѣнія и разсужденія о богахъ, (*свое представленіе о богахъ*) не высказывать открыто и не выносить наружу къ народу (*не дѣлать достояніемъ толпы*). „Возліянія же богамъ дѣлать со стороны ушка кубковъ", этой загадкой онъ предписывалъ чтить боговъ и пѣть (имъ) гимны съ музыкой. Ибо послѣдняя проникаетъ (*въ наши души*) черезъ уши. „Не ѣсть всего того, что не позволено (*закономъ*): рожденія, приращенія, начала и конца", а также того, изъ чего бываетъ первое основаніе всѣхъ (вещей). (*43*) Онъ предписывалъ воздерживаться отъ (*употребленія въ пищу*) бедра, шулятныхъ яицъ, половыхъ членовъ, мозга, ногъ и головы приносимыхъ въ жертву (животныхъ)... Отъ бобовъ же онъ предписывалъ воздерживаться наравнѣ съ человѣческимъ мясомъ... Онъ совѣтовалъ также воздерживаться отъ (*нѣкоторыхъ*) другихъ (*вещей*), какъ-то отъ матки, рыбы, крапивы и почти отъ всѣхъ остальныхъ морскихъ (*животныхъ и растеній*).

Ямвлихъ Protr. 21 Приведемъ слѣдующіе „Символы": 1) войдя въ храмъ, должно пасть ницъ; ничего житейскаго въ храмѣ не говори и не дѣлай; 2) мимоходомъ не слѣдуетъ ни заходить въ храмъ, ни вообще покланяться (*богамъ*), даже если (*случайно*) очутишься у самыхъ дверей (храма); 3) приноси жертвы и покланяйся босымъ; 4) избѣгая большихъ дорогъ, иди по тропинкамъ; 5) воздерживайся отъ имѣющаго черныя пятна на хвостѣ, ибо такое (животное) принадлежитъ подземнымъ богамъ; 6) владѣй своимъ языкомъ болѣе всего, слѣдуя богамъ; 7) покланяйся шуму дующихъ вѣтровъ; 8) огонь ножемъ не разгребай; 9) острый ножъ

(или, можетъ быть, подъ его именемъ была выпущена книга пиѳагорейцемъ александрійской эпохи). Эту книгу, ходившую подъ заглавіемъ „О пиѳагорейскихъ символахъ" пиѳагорейца Андрокида, использовали Димитрій Византійскій, Трифонъ, Псевдо-Плутархъ, Діогенъ (VIII 17), Ипполитъ, Никомахъ и др.

отвращай отъ себя; 10) мужу, возлагающему на себя ношу, помогай ее поднимать, а тому, кто снимаетъ съ себя (ношу), не помогай; 11) обувь надѣвай сперва на правую ногу, мой же (сначала) лѣвую ногу; 12) о пиѳагорейцахъ безъ свѣта не болтай; 13) черезъ вѣсы не шагай; 14) уѣзжая изъ дому, не оборачивайся, ибо (за тобой) слѣдуютъ Эринніи;[1] 15) не мочись, повернувшись (лицомъ) къ солнцу; 16) маленькимъ факеломъ сѣдалища не вытирай; 17) пѣтуха корми, въ жертву же не приноси, ибо онъ посвященъ Лунѣ и Солнцу; 18) на хлѣбную мѣру не садись; 19) не корми (животнаго) съ кривыми когтями; 20) въ дорогѣ не разрѣзывай; 21) ласточку въ домъ не пускай; 22) перстня не носи; 23) не вырѣзывай на перстнѣ изображенія бога; 24) не смотрись въ зеркало противъ свѣтильника; 25) не относись съ сомнѣніемъ ни къ чему необычайному, если это касается боговъ и божественныхъ ученій; 26) не предавайся неудержимому смѣху; 27) при жертвоприношеніи не обрѣзывай себѣ ногти; 28) правую руку не подавай каждому легко; 29) вставъ съ постели, сверни ее и разгладь мѣсто (*на которомъ лежалъ*); 30) сердца не ѣшь; 31) мозга не ѣшь; 32) плюй на обрѣзки своихъ волосъ и ногтей; 33) барвену[2]) не бери къ себѣ; 34) уничтожай слѣдъ горшка на золѣ; 35) не сходись съ богатой для дѣторожденія; 36) предпочитай внѣшній видъ и каѳедру „внѣшнему виду и тремъ оболамъ"; 37) воздерживайся отъ боговъ; 38) мальву сѣй, но не ѣшь. Воздерживайся (отъ употребленія въ пищу) одушевленныхъ (существъ). *Другіе символы приводитъ Ямвлихъ V. P. 109. 152—156. Діогенъ VIII 17—19 Ипполитъ Haer. VI 25—27.*

D. Изъ сочиненій Аристоксена «Пиѳагорейскія мнѣнія» и «Пиѳагорейскій образъ жизни».[3])

1. Ямвлихъ V. P. 163 слѣд. Изъ наукъ пиѳагорейцы, какъ говорятъ, болѣе всего почитали музыку, медицину и искусство прорицанія. Они были молчаливы, любили слушать и хвалили того, кто умѣетъ выслушать. Изъ медицины же наибольшее вниманіе ихъ привлекало ученіе о томъ, какой образъ жизни должно вести, и въ соблюденіи этихъ предписаній они были весьма строги. Прежде всего они старались изучать

---

[1]) Подражаніе Гераклиту 12 B 94.

[2]) Родъ морской рыбы краснаго цвѣта.

[3]) Кромѣ этихъ двухъ сочиненій: „Пиѳагорейскія мнѣнія" и „Пиѳагорейскій образъ жизни". Аристоксену принадлежало еще біографическое сочиненіе: „Жизнь Пиѳагора" или „О Пиѳагорѣ и его друзьяхъ" (гл 4. 8, см. стр. 71 первой части). По мнѣнію Mewaldt'a (de Ar. Pythagoricis Sententiis et Vita Pythagorica 1904), къ „Пиѳагорейскимъ мнѣніямъ" должно отнести всѣ теоретически дидактическіе фрагменты, къ „Пиѳагорейскому образу жизни" простой разсказъ. Соотвѣтственно этому 45 Д. 1. 6. 7 относятся ко второму сочиненію, Д 2—5. 8—11 къ первому.

признаки надлежащей (*по отношенію къ труду*) пропорціи напитковъ, кушаній и отдыха. Затѣмъ, что касается самаго способа приготовленія пищи и напитковъ, то они почти первые начали заниматься этимъ и давать предписанія. Пиѳагорейцы чаще своихъ предшественниковъ примѣняли мази, лекарства же (*принимаемыя внутрь*) они менѣе одобряли; этими самыми (средствами) главнымъ образомъ пользовались они при (леченіи) нагноеній, что же касается разрѣзовъ и выжиганій, то это они признавали менѣе всего. (*164*) При (леченіи) нѣкоторыхъ болѣзней они пользовались также заговорами. Они полагали, что и музыка много содѣйствуетъ здоровію, если ею пользоваться надлежащимъ способомъ. Также они примѣняли избранныя мѣста изъ Гомера и Гезіода для исправленія душъ. Они полагали, что должно твердо сохранять въ памяти все, чему учишься и что говорится, и до тѣхъ поръ пріобрѣтать познанія и слушать лекціи, пока дѣйствуетъ способность учиться и запоминать. Ибо эта (*способность*) есть то, чѣмъ слѣдуетъ познавать и въ чемъ хранить (*познанную*) мысль. По крайней мѣрѣ, они весьма высоко цѣнили память, сильно упражняли ее и заботились о ней; и при ученіи они не раньше оставляли то, что изучалось, нежели достигали прочнаго усвоенія начатковъ ученія, причемъ то, что говорилось, ежедневно они припоминали слѣдующимъ образомъ. (*165*) Пиѳагореецъ не раньше вставалъ съ постели, чѣмъ (*все*), происшедшее вчера, было воспроизведено имъ въ памяти. Вспоминалъ же онъ слѣдующимъ образомъ: старался возстановить мысленно, что (*наканунѣ*) вставъ, прежде всего онъ сказалъ, или услышалъ, или приказалъ своимъ домашнимъ, что (*сдѣлалъ*) затѣмъ и что еще позже. И относительно предстоящихъ (*поступковъ*) онъ давалъ себѣ такой же отчетъ. И далѣе (*онъ вспоминалъ*), кого перваго по выходѣ (изъ дому) онъ встрѣтилъ, и кого вторымъ, и какія рѣчи были сказаны прежде всего, (какія) затѣмъ и (какія) еще позже. И о (всемъ) прочемъ (онъ давалъ себѣ) такой же отчетъ. А именно, все, случившееся въ теченіе цѣлаго дня, онъ старался мысленно возстановлять, желая вспомнить (все) въ такомъ порядкѣ, въ какомъ нѣкогда каждое изъ этихъ (*дѣйствій*) произошло. Если же при пробужденіи въ его распоряженіи было больше свободнаго времени, то онъ точно такимъ же образомъ старался возстановлять (въ памяти) и то, что случилось въ третій день (тому назадъ). (*166*) Особенно они старались упражнять память. Ибо (*по ихъ мнѣнію*) ничто не является болѣе важнымъ для знанія, опытности и разсудительности, чѣмъ сила памяти. Итакъ, отъ этихъ занятій вся Италія наполнилась философами, и, будучи раньше (*страной*) неизвѣстной, позже она, благодаря Пиѳагору, была названа великой Греціей, и у нихъ явилось весьма много философовъ, поэтовъ и законодателей. И въ самомъ дѣлѣ, ораторское искусство, торжественныя рѣчи и писанные законы были принесены въ Грецію отъ нихъ. И всѣ тѣ, которые дѣлаютъ какое-либо упоминаніе о физикахъ, обыкновенно на первомъ мѣстѣ приводятъ Эмпедокла и Элеата Парменида; тѣ же, которые хотятъ передать какія-либо наставленія, касающіяся практической жизни, (обы-

кновенно) приводятъ мысли Эпихарма, и почти всѣ философы принимаютъ ихъ (въ свои сочиненія).

Къ § 163 срв. Cramer An. Par. I 172 Пиѳагорейцы, какъ сказалъ Аристоксенъ, очищали (*отъ болѣзней*) тѣло посредствомъ медицины, душу же посредствомъ музыки. *Стобей III 1. 71 H. Діодоръ X 5. 1. Къ § 164 срв. Ямвлихъ § 110. 111.*

2. *Ямвлихъ V. P. 137* Я хочу сперва указать начала почитанія боговъ, которыя установилъ Пиѳагоръ со своими послѣдователями. Всѣ ихъ постановленія относительно того, что должно дѣлать и чего не должно, имѣютъ цѣлью связь съ божествомъ, это является принципомъ (*всѣхъ ихъ предписаній*) и весь образъ жизни (ихъ) устроенъ такимъ образомъ, что преслѣдуетъ цѣль—слѣдовать богу; основа этой философіи есть (мысль), что смѣшно поступаютъ тѣ люди, которые ищутъ блага гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, а не у боговъ, (что) похоже на то, какъ если бы кто-нибудь въ странѣ, управляемой царемъ, сталъ бы служить какому-нибудь низшему начальнику, не обращая вниманія на самого правителя и царя всѣхъ. Ибо это, думаютъ они, дѣлаютъ люди. А именно, такъ какъ существуетъ богъ и онъ есть господинъ надъ всѣми, всѣми же (*единогласно*) признается, что должно просить блага у господина и что всѣ даютъ блага тѣмъ, которыхъ любятъ и которыми довольны, тѣмъ же, къ которымъ относятся противоположнымъ образомъ, (даютъ) противоположное, —то очевидно, что должно дѣлать то, что угодно богу.

3. *Ямвлихъ V. Pyth. 174 слѣд.* Далѣе, онъ полагалъ, что наиболѣе содѣйствуетъ прочному (*существованію*) справедливости власть боговъ, и, исходя отъ нея (*какъ отъ принципа*), онъ установилъ государственное устройство, законы, справедливость и правосудіе. Точно такъ же онъ предписалъ приложить ко всѣмъ (*дѣйствіямъ*)—къ каждому въ отдѣльности мысль о божествѣ, (*а именно*), что оно существуетъ и такъ относится къ человѣческому роду, что (*всегда*) печется (*о немъ*) и не оставляетъ его безъ вниманія. Научившись (этому) у него, пиѳагорейцы считали (*это ученіе*) полезнымъ. Ибо мы нуждаемся въ такомъ руководительствѣ, возставать противъ котораго ни въ какомъ отношеніи мы не хотѣли бы; а такимъ характеромъ обладаетъ (руководительство), исходящее отъ бога, если только божество таково, что достойно власти надъ вселенной. А именно, они правильно говорили, что животное по своей природѣ склонно къ своеволію и надѣлено разнообразными стремленіями, желаніями и прочими страстями Поэтому оно нуждается въ такой власти и угрозѣ, отъ которой произойдетъ нѣкоторое его исправленіе и упорядоченіе. (*175*) Итакъ, они полагали, что каждый долженъ, сознавая за собой (*указанную*) пестроту своей природы, никогда не забывать благочестія и почитанія бога, но всегда держать передъ своей мыслью (бога), какъ (*постоянно*) взирающаго (*на насъ*), и наблюдающаго за образомъ жизни людей. А послѣ божества и демона (должно) наиболѣе уважать родителей и законъ, и подчиняться имъ не притворно, но по убѣжденію. Вообще же, по ихъ мнѣнію, должно полагать, что нѣтъ зла большаго,

чѣмъ анархія [1]). Ибо человѣкъ по своей природѣ не можетъ оставаться невредимымъ, если никто не начальствуетъ (*надъ нимъ*). (*176*). Тѣ мужи считали хорошимъ пребывать въ отцовскихъ обычаяхъ и законахъ, даже если бы они были немного хуже другихъ. Ибо (*по ихъ мнѣнію*) отнюдь не полезно и не спасительно — легко отпадать отъ существующихъ обычаевъ и имѣть склонность къ нововведеніямъ.

4. Стобей IV 25, 45 H. Изъ „Пиѳагорейскихъ мнѣній" Аристоксена. Послѣ божества и демона болѣе всего (должно) почитать родителей и законы, повинуясь имъ не притворно, но по убѣжденію. Они считали хорошимъ (*дѣломъ*) пребывать (*вѣрными*) отцовскимъ обычаямъ и законамъ, даже если они немного хуже другихъ.—*IV 1. 40 H.* Изъ „Пиѳагорейскихъ мнѣній" Аристоксена. Вообще же, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ полагать, что нѣтъ ни одного зла большаго, нежели анархія. Ибо человѣкъ по своей природѣ не можетъ сохраняться (*невредимымъ*), если никто не начальствуетъ (*надъ нимъ*). О правителяхъ же и управляемыхъ онъ такъ разсуждалъ. А именно, онъ говорилъ, что правители должны быть (*людьми*) не только знающими, но и гуманными. И управляемые (*должны быть*) не только послушными, но и начальстволюбивыми. Они полагали, что должно имѣть попеченіе о всякомъ возрастѣ и дѣтямъ (слѣдуетъ) упражняться въ чтеніи, письмѣ и прочихъ наукахъ. Юношамъ же слѣдуетъ пріучаться къ обычаямъ и законамъ государства. Мужамъ же (должно) заниматься (общественными) дѣлами и государственной службой. Старикамъ же должно, по ихъ мнѣнію, со всевозможнымъ знаніемъ предаваться размышленіямъ, судебной дѣятельности и совѣтамъ. (*Такъ должны быть распредѣлены дѣла*), чтобы ни дѣти не поступали глупо, ни юноши не вели себя по-дѣтски, ни мужи не вели себя, какъ легкомысленные юноши, ни старики не сходили съ ума. Должно же, говорили они, прямо съ дѣтства въ (надлежащемъ) порядкѣ предлагать пищу, (*а именно*) учить, что порядокъ и симметрія прекрасны и полезны, безпорядокъ же и асимметрія безобразны и вредны. *Срв. D 8 § 203.*

5. Ямвлихъ V. P. 180 слѣд. Но такъ какъ и въ обращеніи съ другимъ заключается нѣкоторый (*видъ*) справедливости, то пиѳагорейцы, какъ говорятъ, учатъ нѣкоторому слѣдующему способу его. А именно, (*по ихъ ученію*), что касается способовъ обращенія (*съ людьми*), то одинъ (*способъ бываетъ*) умѣстнымъ, другой же неумѣстнымъ, и это раздѣленіе находится въ зависимости отъ различія возраста, достоинства, родственной близости, заслугъ и всѣхъ другихъ подобныхъ различій, существующихъ между людьми. Ибо нѣкоторый видъ обращенія, который кажется вполнѣ умѣстнымъ, если его примѣняетъ юноша въ отношеніи къ юношѣ, (*будетъ*) неумѣстнымъ (*если его будетъ примѣнять юноша*) въ отношеніи къ старшему. И дѣйствительно, младшій въ своемъ обращеніи къ старшему долженъ остерегаться не только всякаго рода гнѣва и угрозы ** и дерзости, но всего такого, что неумѣстно. (*181*) Почти таково же (*ихъ*)

[1]) Срв. Софоклъ „Антигона" 672.

разсужденіе и о достоинствѣ. А именно, (*по ихъ мнѣнію*) въ отношеніи къ мужу, достигшему въ калокагатіи истиннаго достоинства, (*будетъ*) некрасивымъ и неумѣстнымъ (*поступкомъ*) развязная рѣчь и прочее изъ вышеупомянутаго. Подобное этому говорилось также и относительно обращенія съ родителями, и точно такъ же относительно обхожденія съ благодѣтелями. Надлежащее обращеніе разнообразно и имѣетъ много видовъ. И въ самомъ дѣлѣ, изъ тѣхъ, которые гнѣваются и негодуютъ, одни дѣлаютъ это кстати, другіе некстати, и опять же изъ стремящихся, желающихъ и добивающихся какой-либо (вещи), одни домогаются надлежащаго (*въ данное время*), другіе не надлежащаго. Точно такъ же разсуждаютъ они и относительно страстей, дѣйствій, состояній, бесѣдъ и обращеній (*182*) Это „надлежащее" до нѣкоторой степени поддается изученію и разсчету и можетъ быть предметомъ (особаго) искусства, вообще же и прямо оно ничего подобнаго не допускаетъ (*т. е. нѣтъ о немъ общей науки и оно можетъ познаваться лишь до нѣкоторой степени*). Слѣдуютъ же за нимъ и какъ бы (*всегда*) сопутствуютъ природѣ надлежащаго то, что называется красотою, и также соотвѣтствіе и гармонія и все прочее, однородное съ этимъ. Они учили, что во всемъ начало принадлежитъ къ самому цѣнному, одинаково въ наукѣ, опытѣ и рожденіи, и равнымъ образомъ также въ домѣ, государствѣ, войскѣ и во всѣхъ подобныхъ соединеніяхъ. Природу же начала во всѣхъ упомянутыхъ (вещахъ) трудно усмотрѣть и познать. Ибо въ наукахъ дѣло не поверхностнаго размышленія—на основаніи разсмотрѣнія частей предмета вполнѣ узнать и прекрасно выслѣдить, каково ихъ начало. (*183*) Ибо, если начало взято не правильно, то это весьма важно и мы рискуемъ (*вѣрностью*) почти цѣлой (*науки*) и всего (*что въ ней*). И дѣйствительно, говоря прямо, если сдѣлана ошибка въ истинности начала, то изъ того, что слѣдуетъ за нимъ, ничто уже не будетъ правильнымъ. То же самое разсужденіе примѣнимо и къ другому началу. А именно, ни домъ, ни государство никогда не могутъ быть благоустроенными, если нѣтъ истиннаго управителя, стоящаго во главѣ и начальствующаго по волѣ (*своей и подчиненныхъ*). Ибо начальство бываетъ (*лишь въ томъ случаѣ*), если желаютъ обѣ стороны—какъ правящая, такъ и управляемая, подобно тому какъ и познанія, возникающія правильно, должны, говорятъ они, возникать безъ принужденія, при (*одинаковомъ*) желаніи обѣихъ (*сторонъ*)—учителя и ученика. Вѣдь, если которая-нибудь (*изъ упомянутыхъ двухъ сторонъ*) противится, то лежащее передъ ними дѣло не можетъ быть выполнено (*надлежащимъ*) образомъ.

Стобей ecl. II 13, 119 Изъ „Пиѳагорейскихъ мнѣній" Аристоксена. Также они говорили, что всякое изученіе наукъ и искусствъ бываетъ правильнымъ и достигаетъ цѣли, если (*совершается*) добровольно, если же—по принужденію, то бываетъ слабымъ и безуспѣшнымъ.

6. Ямвлихъ V. P. 196 слѣд. И нижеслѣдующее передалъ пиѳагорейцамъ Пиѳагоръ, который самъ былъ авторомъ (*этихъ ученій*). А именно, они старались, чтобы тѣла (*ихъ всегда*) находились въ одномъ

и томъ же состояніи, и не бывали то худыми, то тучными“. Ибо это они считали доказательствомъ неправильнаго образа жизни. Точно такъ же (*они заботились*) и объ состояніи духа, (*стараясь*) не быть то веселыми, то печальными, но (*всегда*) одинаково находиться въ спокойномъ и довольномъ состояніи. Они удаляли отъ себя гнѣвъ, уныніе и тревоги. У нихъ было также (*слѣдующее*) предписаніе: для разумныхъ не должно быть неожиданнымъ ничто изъ того, что можетъ случиться съ человѣкомъ, но (должно) ждать всего, что не въ нашей власти. Если же когда-либо кѣмъ-нибудь изъ нихъ овладѣвалъ гнѣвъ или печаль или что-нибудь другое въ этомъ родѣ, то онъ уходилъ подальше и, оставшись наединѣ, самъ старался сдерживать и лечить страсть. (*197*) О пиѳагорейцахъ разсказываютъ также слѣдующее: въ состояніи гнѣва никто изъ нихъ не наказывалъ слугу и не дѣлалъ внушенія никому изъ свободныхъ, но каждый (*одержимый гнѣвомъ*) ждалъ возстановленія спокойнаго состоянія духа. „Дѣлать внушеніе“ они обозначали словомъ „*πεδαρτᾶν*“. [1]) Ибо они упражняли терпѣніе молчаніемъ и спокойствіемъ. По крайней мѣрѣ, Спинѳаръ (*изъ Тарента, отецъ Аристоксена*) часто разсказывалъ о тарентинцѣ Архитѣ, что вскорѣ по прибытіи съ войны, которую городъ предпринималъ противъ мессапіевъ, онъ посѣтилъ (свое) поле и, замѣтивъ, что управляющій и прочіе слуги плохо занимались земледѣліемъ и были чрезвычайно нерадивы, разсердился и пришелъ въ такое негодованіе, что (*только*) могъ, кажется, сказать слугамъ: счастіе ваше, что я на васъ разсердился. Ибо, если бы этого не случилось, то никогда они не остались бы безнаказанными за столь важные проступки, содѣянные ими. (*198*) Онъ сказалъ, что и о Клиніи разсказываютъ нѣчто въ этомъ родѣ. А именно, онъ откладывалъ всѣ внушенія и наказанія до возстановленія спокойнаго состоянія духа. Отъ жалобъ, слезъ и всего подобнаго (эти) мужи должны удерживаться, и ни выгода, ни страсть, ни гнѣвъ, ни честолюбіе и ничто другое въ этомъ родѣ не (должно) быть причиною раздора (между) ними), но всѣ пиѳагорейцы должны такъ относиться другъ къ другу, какъ хорошій отецъ къ (своимъ) дѣтямъ. Прекрасно также (*по ихъ мнѣнію*) приписывать все Пиѳагору и называть его изобрѣтателемъ (*всего*), себѣ же не присваивать славы ни одного изъ своихъ открытій, развѣ только что-нибудь весьма незначительное. И дѣйствительно, (*среди нихъ*) весьма мало такихъ, собственныя сочиненія которыхъ пользуются извѣстностью. *Слѣдуетъ § 199 (см. гл. 4. 17, стр. 77 первой части).*

7. — — 233—239 Изъ многихъ другихъ (*фактовъ*) и изъ того, что говоритъ Аристоксенъ въ сочиненіи; „О пиѳагорейскомъ образѣ жизни“, можно заключить, что они не между прочимъ избѣгаютъ дружбы съ чужими, но весьма старательно уклоняются отъ нея и остерегаются (ея), а также (*можно заключить*), (*у нихъ*) взаимная дружба сохраняется неизмѣнной въ теченіе многихъ поколѣній. (А именно, Аристо-

---

[1]) Πεδαρτᾶν = μεταρμόζειν (перестраивать, исправлять).

ксенъ) сообщаетъ, что это онъ слышалъ отъ сицилійскаго тиранна Діонисія, когда послѣдній, будучи лишенъ власти, изучалъ науки въ Коринѳѣ. (234) Въ самомъ дѣлѣ, Аристоксенъ говоритъ слѣдующимъ образомъ: „Тѣ мужи воздерживались, насколько возможно, отъ жалобъ, слезъ и всего подобнаго; точно такъ же относились они и къ лести, просьбѣ, мольбѣ и всему въ этомъ родѣ. По крайней мѣрѣ, Діонисій, когда, лишившись царской власти, онъ прибылъ въ Коринѳъ, часто разсказывалъ намъ то, что случилось съ пиѳагорейцами Финтіемъ и Дамономъ. Это— (*исторія*) относительно поруки за смерть. Обстоятельства же, при которыхъ имѣла мѣсто эта порука, были слѣдующія. Нѣкоторые изъ окружавшихъ его (*придворныхъ*), разсказывалъ онъ, часто упоминали пиѳагорейцевъ, понося и осмѣивая ихъ, называя ихъ шарлатанами, причемъ говорили, что (*вся*) эта ихъ (*напускная*) важность, притворная вѣрность и (*поддѣльное*) спокойствіе духа пропала бы, если бы кто-нибудь поставилъ ихъ въ значительно опасное положеніе. (235) Когда же нѣкоторые стали возражать и (*такимъ образомъ*) возникъ споръ, то было рѣшено разыграть слѣдующую драму съ Финтіемъ. Призвавъ къ себѣ Финтія, Діонисій сказалъ, будто нѣкій обвинитель донесъ на него, что онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми (*другими*) явно злоумышляетъ противъ него; это было подтверждено присутствовавшими при этомъ и (*такимъ образомъ*) было придано правдоподобіе негодованію (*тиранна*). Финтій былъ изумленъ (этой) рѣчью. Когда (*затѣмъ*) тираннъ самъ опредѣленно сказалъ, что это точно провѣрено и онъ долженъ умереть, Финтій сказалъ, что, если ужъ это имъ рѣшено, то онъ попросилъ бы предоставить ему оставшуюся (часть) дня, чтобы (*онъ могъ*) распорядиться имуществомъ своимъ и Дамона. Дѣло въ томъ, что эти мужи жили вмѣстѣ и имѣли все общее; Финтій же, будучи старшимъ, взялъ на себя большую часть управленія домомъ. Итакъ, онъ попросилъ отпустить его для этого, говоря, что онъ поставитъ поручителемъ Дамона (236) Итакъ, разсказывалъ Діонисій, онъ въ изумленіи спросилъ, найдется ли такой человѣкъ, который согласился бы остаться въ качествѣ поручителя за смерть. Когда же Финтій отвѣтилъ утвердительно, то былъ призванъ Дамонъ; выслушавъ разсказъ о случившемся, онъ сказалъ, что ручается и будетъ ждать тутъ, пока не вернется Финтій. Итакъ, разсказывалъ онъ, самъ онъ былъ прямо пораженъ этимъ, тѣ же, которые первые придумали это испытаніе, насмѣхались надъ Дамономъ, какъ надъ отданнымъ на гибель, и, шутя, говорили, что взамѣнъ дана лань. И вотъ когда уже солнце было на закатѣ, является Финтій на смертную казнь, чѣмъ всѣ были поражены и плѣнены. Итакъ, разсказывалъ онъ, онъ самъ, обнявъ и поцѣловавъ (тѣхъ) мужей, попросилъ, чтобы они приняли его самого третьимъ въ (свою) дружбу, тѣ же ни за что не согласились на это, какъ онъ ни настаивалъ“.

(237) Это Аристоксенъ разсказываетъ со словъ самого Діонисія. Разсказываютъ также, что даже не знавшіе другъ друга пиѳагорейцы старались оказывать дружескія услуги тѣмъ, кого они никогда не видали, коль скоро получали какое-либо доказательство причастности ихъ къ

тѣмъ же самымъ ученіямъ. Такимъ образомъ на основаніи подобныхъ дѣлъ (должно) вѣрить тому ученію, что добрые мужи, даже если живутъ весьма далеко другъ отъ друга, являются между собой друзьями, прежде нежели познакомятся и побесѣдуютъ.

По крайней мѣрѣ, говорятъ, что нѣкто изъ пиѳагорейцевъ, свершивъ длинный путь по пустынѣ, зашелъ въ гостинницу, (*и здѣсь*) отъ изнуренія и разныхъ другихъ причинъ впалъ въ продолжительную тяжкую болѣзнь, такъ что (*наконецъ*) у него оказался недостатокъ въ (*самомъ*) необходимомъ. (*238*) Однако, хозяинъ гостинницы, изъ состраданія ли къ человѣку или (*въ надеждѣ*) возвращенія (расходовъ), предоставилъ (ему) все (*необходимое*), не скупясь ни на какія услуги, ни на какія издержки. Когда же болѣзнь усилилась, тотъ, чувствуя приближеніе смерти, написалъ на доскѣ какой-то знакъ и просилъ (хозяина гостинницы), чтобы въ случаѣ, если съ нимъ что-нибудь случится, онъ вывѣсилъ доску возлѣ дороги и наблюдалъ, не узнаетъ ли знака кто-либо изъ проходящихъ. Ибо, сказалъ онъ, этотъ (*кто узнаетъ знакъ*) уплатитъ ему издержки, какія онъ сдѣлалъ для него, и поблагодаритъ за него. Послѣ кончины (*путника*) хозяинъ гостинницы похоронилъ его и позаботился объ его тѣлѣ, однако, не питалъ надеждъ ни вернуть издержекъ, ни получить благодарность отъ кого-либо изъ тѣхъ, кто узнаетъ (знакъ) на доскѣ. Тѣмъ не менѣе, удивленный (*даннымъ ему*) порученіемъ, онъ постоянно выставлялъ доску всѣмъ на видъ. Много времени спустя проходилъ мимо одинъ изъ пиѳагорейцевъ; онъ узналъ знакъ и понялъ, кто написалъ его; онъ распросилъ о случившемся и уплатилъ хозяину гостинницы гораздо больше денегъ, нежели тотъ истратилъ.

(*239*) Дѣйствительно, разсказываютъ, что тарентинецъ Клиній, узнавъ, что послѣдователь ученій Пиѳагора киренецъ Проръ находится въ опасности потерять все свое имущество, собралъ денегъ, отплылъ въ Кирену и поправилъ дѣла Прора, не только не взирая на ущербъ для своего собственнаго состоянія, но и подвергая себя опасности морского путешествія. Точно такъ же посидонецъ Ѳесторъ, какъ говорятъ, зная только по слуху о принадлежности паросца Ѳимарида къ пиѳагорейцамъ, когда послѣдній изъ большого богатства впалъ въ бѣдность, собралъ много денегъ, отплылъ въ Паросъ и вернулъ ему его большее имущество.

Срв. 127 (*послѣ большого пробѣла*) И это сказалъ ему (*Аристоксену*) *Діонисій Младшій въ Коринѳѣ*, (а также разсказалъ ему) случай съ Финтіемъ и Дамономъ, и о Платонѣ и Архитѣ, и относительно Клинія и Прора (*см. выше гл. 41, 3*). Итакъ, кромѣ этихъ (*случаевъ можно привести слѣдующій*): когда мессинецъ Эвбулъ плылъ домой, онъ былъ захваченъ тирренцами и отведенъ въ Тиррснію; тирренецъ Навсиѳой, который былъ пиѳагорейцемъ, узнавъ, что онъ (*также*) принадлежитъ къ числу учениковъ Пиѳагора, отнялъ его у грабителей и въ полной безопасности доставилъ его въ Мессину. (*128*) Когда карѳагеняне намѣревались болѣе пяти тысячъ мужей, служившихъ у нихъ въ войскѣ, отправить на пустынный островъ, карѳагенянинъ Мильтіадъ, увидѣвъ

среди нихъ аргивянина Посида (оба они принадлежали къ числу пиѳагорейцевъ), подошелъ къ нему, и, не открывъ ему того, что предполагалось дѣлать, совѣтовалъ ему бѣжать, какъ можно скорѣе, къ себѣ на родину, устроилъ его на плывшемъ мимо кораблѣ, далъ денегъ на дорогу и (*такимъ образомъ*) спасъ мужа отъ (*угрожавшихъ ему*) опасностей.

8. Ямвлихъ V. P. 200—213 О славѣ же, какъ передаютъ, они говорятъ слѣдующее. Неразумно обращать вниманіе на всякое мнѣніе всякаго и въ особенности на мнѣніе толпы. Ибо немногимъ свойственно прекрасно полагать и думать. Вѣдь очевидно, что это свойственно (*только*) знающимъ. А ихъ немного. Такимъ образомъ очевидно, что эта способность не простирается на большинство (людей). Съ другой стороны, неразумно презирать всякое мнѣніе и сужденіе (*о себѣ*). Ибо (человѣкъ), настроенный такимъ образомъ, неизбѣжно будетъ неисправимымъ невѣждой. Необходимо же, чтобы не знающій учился тому, чего онъ не знаетъ и не понимаетъ, тотъ же, кто учится, (*необходимо долженъ*) обращать вниманіе на мнѣніе и сужденіе знающаго и умѣющаго учить. Вообще же говоря, тѣ изъ юношей, которые желаютъ своего спасенія, должны обращать вниманіе на мнѣнія и сужденія старшихъ, извѣстныхъ своей прекрасной жизнью. (*201*) Въ цѣлой человѣческой жизни раздѣлены (*ἐνδεδασμένας*—такъ выражаются они, какъ говорятъ) нѣкоторые возрасты, которые не каждому возможно связать между собой. Дѣло въ томъ, что они уничтожаютъ другъ друга, за исключеніемъ того случая, если кто-нибудь прекрасно и правильно воспитываетъ человѣка съ самаго рожденія. Итакъ, слѣдуетъ, чтобы значительная часть воспитанія ребенка (*а именно, насажденія въ немъ*) добродѣтели благоразумія и мужества, передавалась въ юношескій возрастъ; точно такъ же чтобы значительная часть попеченія объ юношѣ, (*а именно*) воспитанія его, (*вселяющаго въ него*) добродѣтель, благоразуміе и мужество, передавалась въ зрѣлый возрастъ, такъ какъ то, что бываетъ у большинства людей (*въ этомъ отношеніи*),—нелѣпо и смѣшно. (*202*) Дѣло въ слѣдующемъ. Думаютъ, что въ дѣтскомъ возрастѣ должно повиноваться, быть благоразумнымъ и воздерживаться отъ всего, что кажется пошлымъ и непристойнымъ; достигшіе же юношескаго возраста получаютъ у большинства, по крайней мѣрѣ, позволеніе дѣлать, что угодно. (*Вслѣдствіе этого*) стекаются въ этомъ возрастѣ оба вида заблужденій. А именно, юноши сильно погрѣшаютъ съ точки зрѣнія (надлежащаго) поведенія дѣтей и мужей. Дѣло въ томъ, что избѣгать всякаго рода старанія и порядка, говоря по-просту, стремиться ко всему тому, что относится къ игрѣ, своеволію и ребяческой рѣзвости, наиболѣе свойственно возрасту ребенка. Итакъ, изъ этого возраста переходитъ въ непосредственно слѣдующій (за нимъ возрастъ) охарактеризованное выше душевное состояніе. Родъ же сильныхъ страстей, а также честолюбивыя стремленія и равнымъ образомъ прочія желанія и расположенія, которыя принадлежатъ къ тяжелому и безпорядочному роду, приходятъ въ юношескій возрастъ изъ зрѣлаго (возраста). Вотъ

почему этотъ (возрастъ) нуждается въ наибольшемъ попеченіи по сравненію со всѣми (*прочими*) возрастами. Вообще же говоря, никогда человѣку не должно позволять дѣлать все, что ему угодно, но всегда должно быть нѣкоторое начальство, законная и благопристойная власть, которой бы повиновался каждый изъ гражданъ. Ибо животное, предоставленное самому себѣ и оставленное безъ попеченія, быстро портится и дѣлается негоднымъ. Разсказываютъ, что они часто спрашивали и обсуждали вопросъ, ради чего мы пріучаемъ дѣтей соблюдать порядокъ и умѣренность въ принятіи пищи, и говоримъ имъ, что порядокъ и соразмѣрность прекрасны, противоположныя же имъ—безпорядокъ и несоразмѣрность отвратительны. Поэтому пьяница и ненасытный (человѣкъ)—въ большомъ позорѣ. И дѣйствительно, если ничто изъ этого не будетъ полезно намъ, когда мы достигнемъ зрѣлаго возраста, то неразумно пріучать въ дѣтствѣ къ такому порядку. Точно такъ же разсуждаютъ они и относительно прочихъ привычекъ. (*204*). Итакъ, что касается прочихъ животныхъ, какія только воспитываются людьми, то на нихъ не наблюдается такого (*печальнаго*) явленія, но тотчасъ съ самаго начала щенокъ и жеребенокъ пріучаются и научаются тому, что имъ нужно будетъ дѣлать, когда они выростутъ. Вообще же, какъ говорятъ, пиѳагорейцы увѣщевали тѣхъ, кто приходилъ къ нимъ и вступалъ въ ихъ общество, остерегаться наслажденія, какъ самой опасной вещи. Ибо ничто такъ не соблазняетъ насъ и не вводитъ въ грѣхъ, какъ страсть къ наслажденію. Вообще же, какъ кажется, они старались никогда ничего не дѣлать ради удовольствія, такъ какъ эта цѣль бываетъ большею частью постыдной и пагубной, но (*старались*), болѣе всего обращая вниманіе на прекрасное и благопристойное, дѣлать то, что должно дѣлать, выгодное же и полезное (*они ставили*) на второмъ мѣстѣ, но и это (*по ихъ мнѣнію*) нужно серьезно обдумывать. (*205*) О такъ называемой тѣлесной страсти эти мужи, какъ передаютъ, даютъ слѣдующее ученіе. Самая страсть есть нѣкоторое возмущеніе души, сильное движеніе и стремленіе либо къ нѣкоторому наполненію либо къ присутствію какихъ-либо чувственныхъ (объектовъ) либо къ (*какому-нибудь*) чувственному состоянію. Бываетъ также страстное желаніе противоположныхъ (вещей), какъ-то (*желаніе*) освобожденія (*отъ чего-нибудь*), (*желаніе*) отсутствія (*какихъ-либо объектовъ*) и (*желаніе*) не испытывать нѣкоторыхъ ощущеній. Это чувство (*т. е. страсть*) разнообразно и имѣетъ множество видовъ; въ послѣднемъ отношеніи оно превосходитъ почти все, что относится къ человѣку. Многія же изъ человѣческихъ страстей являются не врожденными и созданы самими людьми. Поэтому-то это чувство требуетъ величайшаго попеченія и принятія мѣръ предосторожности, и нуждается въ систематическомъ тѣлесномъ упражненіи. Ибо когда тѣло опорожнено, естественно желать пищи, и когда оно опять наполнено, также естественно желать подобающаго опорожненія. Но желаніе лишней пищи, или излишней и роскошной одежды, или лишняго, дорогого и разукрашеннаго жилища—не врождено; то же самое справедливо и относительно домашней обстановки, чашъ, слугъ и животныхъ, употреб-

ляемыхъ въ пищу. (*206*) Вообще же человѣческія страсти болѣе всего характеризуются тѣмъ, что у нихъ нѣтъ никакой границы, но онѣ идутъ въ безконечность. Вотъ почему прямо съ юности должно пецись о возрастающихъ, чтобы они желали того, чего слѣдуетъ (желать), и воздерживались отъ пустыхъ и излишнихъ желаній, оставаясь невозмутимыми и чистыми отъ такихъ стремленій и презирая тѣхъ изъ своей среды, кто сталъ достойнымъ презрѣнія вслѣдствіе привязанности къ страстямъ. Въ особенности же должно замѣтить, что суетныя, пагубныя, излишнія и и дерзкія желанія возникаютъ у живущихъ въ богатствѣ. Ибо нѣтъ ничего столь непристойнаго, къ чему бы не стремилась душа такихъ дѣтей, мужей и женщинъ. (*207*) Вообще же родъ человѣческій отличается величайшимъ разнообразіемъ въ отношеніи множества страстей. Яснымъ доказательствомъ (*этому служитъ*) разнообразіе того, что принимается (*въ качествѣ пищи и питья*). Вѣдь безконечно число плодовъ, корней, которыми питается человѣческій родъ; далѣе, употребляютъ въ пищу разнаго рода мясо, и трудно найти такое животное изъ живущихъ на сушѣ, въ воздухѣ и водѣ, котораго бы (*люди*) не употребляли въ пищу; (*наконецъ, необходимо упомянуть о томъ*), что вымышлены разнообразные способы приготовленія кушаній и всяческія смѣси соковъ. Отсюда вполнѣ понятно, что движеніе души у человѣческаго рода бываетъ неразумнымъ и многообразнымъ. (*208*) Ибо каждое изъ принимаемыхъ (яствъ) бываетъ причиною нѣкотораго особаго состоянія. Но люди замѣчаютъ (*только*) тѣ причины, которыя тотчасъ вызываютъ большую перемѣну, какъ, напримѣръ, (*они замѣчаютъ*), что вино, будучи принято въ большомъ количествѣ, до нѣкоторой степени, дѣлаетъ (*людей*) болѣе веселыми, затѣмъ—болѣе неистовыми и непристойными. А того, что не обнаруживаетъ такой силы, они не знаютъ. Между тѣмъ всякая принятая (*пища или напитокъ*) бываетъ причиной нѣкотораго особаго состоянія; вотъ почему необходима большая мудрость, чтобы уразумѣть и понять, какіе (*предметы*) и въ какомъ количествѣ должно употреблять въ пищу. Эта наука первоначально (*была дѣломъ*) Аполлона и Пэона, а затѣмъ (*ею стали заниматься*) Асклепій и его ученики. (*209*) О рожденіи же они, какъ передаютъ, давали слѣдующее ученіе. Вообще они полагали, что должно остерегаться такъ называемаго преждевременнаго развитія. Ибо преждевременно развившіяся ни растенія, ни животныя не бываютъ плодородными, но (*говорятъ они*) должно пройти нѣкоторое время до принесенія плодовъ, чтобы сѣмена и плоды происходили отъ сильныхъ и зрѣлыхъ тѣлъ. Итакъ, должно воспитывать мальчиковъ и дѣвицъ въ трудахъ, тѣлесныхъ упражненіяхъ и въ надлежащемъ терпѣніи, давать имъ пищу, соотвѣтствующую образу жизни дѣятельному, умѣренному и выносливому. Много есть въ человѣческой жизни такого, въ чемъ лучше позднее знаніе; къ этому принадлежитъ и занятіе любовными наслажденіями. (*210*) Итакъ, должно воспитывать ребенка такъ, чтобы онъ до 20 лѣтъ не думалъ о половомъ сношеніи. Когда же онъ достигнетъ этого возраста, то должно, чтобы онъ изрѣдка предавался любовнымъ наслажде-

ніямъ. А это будетъ (*возможнымъ*) въ томъ случаѣ, если онъ будетъ считать здоровіе цѣнной и прекрасной (*вещью*). Ибо неумѣренность (*въ любовныхъ наслажденіяхъ*) и здоровіе не очень-то уживаются вмѣстѣ въ одномъ и томъ же (человѣкѣ). Какъ сообщаютъ, они одобряли также слѣдующія изъ ранѣе существовавшихъ въ эллинскихъ городахъ обычаевъ: не находиться въ (половыхъ) сношеніяхъ ни съ матерями, ни съ дочерью, ни съ сестрою, (*и не имѣть половыхъ сношеній*) ни въ храмѣ, ни публично. Ибо прекрасно и полезно, чтобы какъ можно больше препятствій затрудняли это дѣло. Тѣ мужи, какъ кажется, полагали также, что должно уничтожать рожденія противоестественныя и сопряженныя съ насилованіемъ, а изъ рождающихся естественно и скромно (*особенно*) должно заботиться о сохраненіи рождающихся при цѣломудренномъ и законномъ произведеніи дѣтей. (*211*) Они полагали, что производящіе себѣ дѣтей должны весьма заботиться о будущихъ потомкахъ. Итакъ, самая первая и величайшая забота—приготовить самого себя къ произведенію дѣтей, ведя умѣренный и здоровый образъ жизни, не насыщаясь не во время и не принимая (*пищи и напитковъ*), отъ которыхъ свойства тѣлъ дѣлаются хуже, въ особенности же совершенно избѣгая пьянства. Ибо они думали, что отъ дурной, нестройной и безпорядочной смѣси возникаютъ дурныя сѣмена. (*212*) Вообще же они считали свойствомъ совершенно легкомысленнаго и безпечнаго (*человѣка*)—если намѣревающійся произвести живое существо и привести кого-либо въ рожденіе и бытіе не приложитъ всяческаго старанія, чтобы вступленіе (*его произведенія*) въ бытіе и жизнь было возможно болѣе пріятнымъ. Но (*говорили они*) любители собакъ со всевозможнымъ стараніемъ заботятся о разведеніи собакъ, (*принимая всяческія мѣры*), чтобы надлежащія щенята рождались отъ кого слѣдуетъ и когда слѣдуетъ, и чтобы (*производители*) находились въ должномъ состояніи; точно такъ же (поступаютъ) и любители птицъ. (*213*) Ясно, что и прочіе, кто серьезно хочетъ имѣть благородную породу животныхъ, прилагаютъ все свое стараніе, чтобы рожденіе ихъ происходило не кое-какъ; между тѣмъ люди не обращаютъ никакого вниманія на своихъ дѣтей, но и порождаютъ ихъ кое-какъ, дѣлая ихъ экспромптомъ, какъ пришлось, любымъ способомъ, и затѣмъ кормятъ и воспитываютъ ихъ съ совершеннымъ нерадѣніемъ. И вотъ это является самой главной и самой очевидной причиной того, что большинство людей дурны и негодны. Ибо произведеніе дѣтей бываетъ у большинства скотскимъ и какимъ-то необдуманнымъ. (Такія указанія и занятія служили у тѣхъ мужей предметомъ теоретическихъ и практическихъ упражненій въ благоразуміи; они получили (эти) предписанія изъ старины отъ самого Пиѳагора, подобно изреченіямъ пиѳійскаго оракула). *Къ § 201 срв. Діогенъ VIII 10. Діодоръ X 9, 5.*

Къ § 203 срв. выше стр. 91 (45 D 4).

Къ § 205 срв. Стобей fl. III 10, 66 H. Изъ „Пиѳагорейскихъ мнѣній“ Аристоксена. О страсти же они говорили слѣдующее. Это чувство разнообразно и весьма многовидно. Изъ страстей нѣкоторыя не врождены

и могутъ быть созданы (*самимъ человѣкомъ*), другія же—врождены. Однако, самая страсть есть нѣкоторое возмущеніе души, сильное движеніе и стремленіе къ наполненію, или къ присутствію ощущенія или къ опорожненію, къ отсутствію и къ освобожденію отъ ощущенія. Есть три самыхъ извѣстныхъ вида ложной и дурной страсти: непристойность, несоразмѣрность и неумѣстность. А именно, во-первыхъ, бываетъ страсть непристойная, грубая и рабская; и иная (*страсть*)—болѣе сильная и болѣе долговременная, нежели должное (*въ данномъ случаѣ желаніе*); или третій (*видъ*) по сравненію съ тѣми, (*страсть, возникающая*) когда не должно и направлящаяся на то, чего не должно (*желать*).

Къ §§ 209—213 срв. Океллъ 4, 9—14 (изъ той же самой обработки, что и Ямвлихъ 209 слѣд.) и отчасти болѣе точное извлеченіе Стобея fl. IV 37, 4 Изъ сочиненія пиѳагорейца Аристоксена. О рожденіи дѣтей онъ говорилъ слѣдующее. Вообще (должно) остерегаться такъ называемаго преждевременнаго развитія. Ибо преждевременно развившіяся ни растенія, ни животныя не бываютъ плодородными. Но (необходимо) предварительно готовиться къ произведенію плодовъ нѣкоторое время, въ теченіе котораго окрѣпшія и созрѣвшія тѣла получаютъ силу доставлять сѣмена и плоды. Много же есть въ человѣческой жизни такого, въ чемъ лучше позднее знаніе, какъ, напримѣръ, вкушеніе любовныхъ наслажденій. Итакъ, должно ребенка такъ воспитывать, занявъ все его время упражненіями, чтобы онъ не только не искалъ, но, если возможно, до двадцати лѣтъ даже не зналъ о половомъ сношеніи. Когда же онъ достигнетъ этого возраста, (ему) должно изрѣдка пользоваться любовными наслажденіями. Дѣло въ томъ, что это весьма способствуетъ хорошему состоянію (*души и тѣла*) рождающихъ и рождаемыхъ. Также онъ совѣтовалъ для рожденія (дѣтей) не вступать въ связь съ женщинами ни въ состояніи слабости, ни въ опьяненіи. Ибо онъ не думаетъ, чтобы изъ дурной, нестройной и безпорядочной смѣси (*могло*) возникать гармоничное и прекрасное, но (*возникающее оттуда*) съ самаго начала не бываетъ хорошимъ.

9. Ямвлихъ V. P. 230—233 Должно изложить ученіе Пиѳагора объ этомъ и предписанія, данныя имъ своимъ послѣдователямъ. Итакъ, эти мужи совѣтовали удалять изъ истинной дружбы состязаніе и соперничество. (*Они говорили, что устранять это*) лучше всего изъ всякой (дружбы), если бы это было возможно; если же это невозможно, то, по крайней мѣрѣ, изъ дружбы съ родителями и вообще со старшими, и равнымъ образомъ изъ дружбы съ благодѣтелями. Ибо состязаніе или споръ съ людьми, съ которыми мы находимся въ такихъ отношеніяхъ, въ случаѣ, если (*одной изъ сторонъ*) овладѣлъ гнѣвъ или какая-либо другая подобная страсть, не способствуетъ сохраненію существующей дружбы. (*231*) Они говорили, что въ дружескихъ связяхъ должно быть возможно меньше царапинъ и пораненій, а это бываетъ (*въ томъ случаѣ*), если обѣ стороны умѣютъ уступать и владѣть гнѣвомъ, въ особенности же младшій и занимающій какое-либо изъ вышеуказан-

ныхъ положеній (*въ отношеніи къ другому*). Исправленія и внушенія, которыя они называли *πεδαρτάσεις*, по ихъ мнѣнію, должны дѣлаться старшими въ отношеніи къ младшимъ въ очень мягкихъ выраженіяхъ, съ осторожностью, и въ (*рѣчахъ*) увѣщевающихъ должна въ высокой степени проявляться забота и дружеское отношеніе (*къ увѣщеваемымъ*). Ибо (*лишь*) въ такомъ случаѣ внушеніе бываетъ прекраснымъ и полезнымъ. (*232*) Никогда не слѣдуетъ устранять изъ дружбы довѣрія—ни въ шутку, ни серьезно. Ибо существующая дружба съ трудомъ сохраняется неприкосновенной, если хоть разъ войдетъ ложь въ нравы считающихъ себя друзьями. Отъ дружбы не слѣдуетъ отказываться изъ-за несчастія (*постигшаго друга*) или какой либо другой превратности, встрѣчающейся (въ человѣческой) жизни, но утрата друга и дружбы допустима лишь въ одномъ случаѣ, (*а именно*) если она происходитъ по причинѣ сильной и неисправимой испорченности (*друга*). Никогда (не слѣдуетъ) самому навлекать на себя непріязнь со стороны (*лицъ*), которыя не окончательно дурны; если же вражда принята, то (должно) пребывать во враждѣ до конца, пока не измѣнится характеръ враждующаго (*съ нами*) и онъ не станетъ благоразумнымъ. Враждовать же (должно) не словомъ, но дѣлами; законное и священное дѣло есть война, если воевать съ человѣкомъ почеловѣчески. По возможности никогда не слѣдуетъ быть причиною вражды, но (должно), какъ можно болѣе, остерегаться начала ея. Въ дружбѣ, которая хочетъ быть истинной, должно быть, по ихъ мнѣнію, возможно больше опредѣленій и установленныхъ обычаевъ; послѣднія должны быть установлены прекрасно и весьма обдуманно; и, наконецъ, имъ долженъ быть подчиненъ каждый шагъ, чтобы ни одно сношеніе не происходило небрежно и необдуманно, но (*каждое происходило бы*) со стыдомъ; обдуманно и съ соблюденіемъ правильнаго порядка, и чтобы ни одно чувство не возбуждалось безразсудно, дурно и порочно, какъ, напримѣръ, страсть или гнѣвъ. Точно такъ же разсуждали они и объ остальныхъ чувствахъ и состояніяхъ (*души*). *Болѣе краткое извлеченіе изъ 2. 5 и 14 §§ 101, 102. На источникъ здѣсь сдѣланъ намекъ:* Пиѳагорейскія мнѣнія передаютъ и другой способъ воспитанія.

10. Стобей fl. III 1. 101 H Изъ „Пиѳагорейскихъ мнѣній" Аристоксена. Онъ говорилъ, что истинная любовь къ прекрасному заключается въ образѣ жизни и въ наукахъ. Ибо любовь и (*особенно*) духовная любовь служитъ началомъ прекрасныхъ нравовъ и (*прекраснаго*) образа жизни. Точно такъ же и изъ теоретическихъ и опытныхъ наукъ прекрасными и по-истинѣ благообразными являются тѣ, которые (*проникнуты*) любовью къ прекрасному, а то, что большинство называетъ любовью къ прекрасному, какъ, напримѣръ, то, что бываетъ въ необходимыхъ и полезныхъ для жизни (*вещахъ*), является какъ бы добычей для истинной любви къ прекрасному.

11. — ecl. I 6, 18 p. 89, 10 W. Изъ „Пиѳагорейскихъ мнѣній" Аристоксена. О судьбѣ же они давали слѣдующее ученіе. Есть нѣкоторая часть ея, ниспосылаемая божествомъ. А именно, нѣкоторымъ людямъ

было нѣкое дуновеніе отъ божества къ лучшему или къ худшему и очевидно, что, соотвѣтственно этому, одни—счастливы, другіе—несчастны. Особенно же это явствуетъ изъ того, что одни постоянно имѣютъ удачу, хотя дѣлаютъ что-нибудь не обдумавъ предварительно и кое-какъ, другіе же терпятъ неудачу несмотря на то, что заранѣе обдумываютъ и заблаговременно заботятся, чтобы дѣлать что-нибудь правильно. Есть также и другой видъ судьбы, соотвѣтственно которому одни отъ природы одарены хорошими качествами и имѣютъ удачу, другіе же—отъ рожденія лишены дарованій и имѣютъ противоположную (*вышеуказанной*) природу; изъ нихъ первые имѣютъ удачу, за что ни возьмутся, вторые же не имѣютъ удачи, причемъ мысль ихъ никогда не попадаетъ хорошо въ цѣль, но * приходитъ въ замѣшательство. Это несчастіе врождено имъ и не приходитъ со стороны.

Е. Пиѳагористы въ средней комедіи.

Ѳеокритъ 14. 5 Такой недавно приходилъ одинъ пиѳагористъ, блѣдный и босой. *Схоліи къ этому мѣсту.* Пиѳагорики всячески заботятся о тѣлѣ, пиѳагористы же ведутъ тайный и суровый образъ жизни.

1. *Атеней IV p. 160 F* Что же ты не подражаешь извѣстнымъ пиѳагорикамъ? О нихъ Антифанъ въ „Воспоминаніяхъ" говоритъ слѣдующее:

„Среди пиѳагориковъ встрѣчались такіе несчастные, которые утоляли голодъ въ стоячей водѣ и собирали такую гадость въ кожаный мѣшокъ (для съѣстныхъ припасовъ)".

И въ сочиненіи, озаглавленномъ прямо „Кожаный мѣшокъ (для съѣстныхъ припасовъ)", онъ говоритъ:

„Во-первыхъ, подобно пиѳагористу, онъ не ѣстъ ничего живого, но беретъ черную порцію самаго дешеваго ячменнаго хлѣба и снимаетъ (съ него) шелуху".

Алексисъ же въ „Тарентинцахъ" (говоритъ):

„Вѣдь пиѳагористы, какъ намъ говорятъ, не ѣдятъ ни обычной добавки къ хлѣбу [1]) и прочаго ничего живого, и только одни они не пьютъ вина. Однако, одинъ изъ пиѳагорейцевъ Эпихаридъ ѣлъ собакъ,—по крайней мѣрѣ, послѣ того, какъ убилъ ихъ нечаянно. Ибо (*говорилъ онъ*) убитое животное уже не является живымъ".

И дальше онъ говоритъ:

„Правила Пиѳагора, тонкія изреченія и отточенныя мысли питаютъ ихъ, принимаютъ же ежедневно они слѣдующую (*ѣду*). Одинъ чистый хлѣбъ (*полагается*) каждому и чаша воды. Вотъ что и вотъ

[1]) Т. е. говядины, рыбы и т. п., что обычно ѣдятъ съ хлѣбомъ.

въ какомъ количествѣ (*принимается ими*). Ты скажешь: тюремный образъ жизни! Неужели всѣ мудрецы проводятъ такъ жизнь и терпятъ такія лишенія? (*Нѣтъ*), вышеупомянутые (*еще*) роскошничаютъ по сравненію съ другими. Знаешь ли ты, что есть товарищъ Меланиппидъ, Фаонъ, Фиромахъ и Фанъ, которые ѣдятъ (*лишь*) одинъ разъ въ пять дней, причемъ съѣдаютъ (*только*) одну мѣру ячменя?"

И въ сочиненіи „Пиѳагористка" (онъ говоритъ):

„Угощеніемъ будутъ сушеныя винныя ягоды, выжатыя оливки и сыръ. Ибо въ обычаѣ у пиѳагорейцевъ —приносить ихъ въ жертву.— Клянусь Зевсомъ, дѣйствительно въ жертву приносится то, что только есть самаго прекраснаго и наилучшаго".

И немного ниже (онъ говоритъ):

„Должно было перенести скудость въ пищѣ, грязь, холодъ, молчаніе, мрачный видъ, нечистоту"

2. Атеней IV p. 161 E Аристофанъ въ „Пиѳагористѣ" (говоритъ):

„Клянусь богами, можемъ ли мы думать, что жившіе нѣкогда въ старину пиѳагористы, дѣйствительно, по своей волѣ были грязными или съ удовольствіемъ носили старые поношенные плащи? Все это совершенно невозможно, какъ мнѣ кажется. Но (*поступали они такъ*) по необходимости, такъ какъ у нихъ не было ничего; (*и вотъ*) найдя прекрасное оправданіе простоты (*въ образѣ жизни*), они установили предписанія, пригодныя для бѣдныхъ. Пусть меня десять разъ повѣсятъ, если, когда бы кто-нибудь предложилъ имъ рыбу или мясо, они не съѣли бы (*это*) вмѣстѣ со своими пальцами".

3. Діогенъ VIII 37. 38 Осмѣялъ его Кратинъ въ „Пиѳагористкѣ". Но и въ „Тарентинцахъ" онъ говоритъ слѣдующимъ образомъ:

„У нихъ принято, если (*къ нимъ*) придетъ откуда-нибудь какой-либо неопытный (*человѣкъ*), желающій испытать силу (*ихъ*) ученій, искусно смущать (*его*) и приводить въ замѣшательство противоположностями, предѣлами, равенствами, планетами, величинами".

Мнесимахъ же въ „Акмеонѣ" (говоритъ):

„По-пиѳагорейски мы приносимъ жертвы Локсію и не вкушаемъ рѣшительно ничего живого".

(*38*) Аристофанъ въ „Пиѳагористѣ" (говоритъ):

„Онъ сказалъ, что, спустившись въ жилище мертвыхъ, онъ увидѣлъ (*тамъ*) всякихъ (*мертвецовъ*), причемъ (*умершіе*) пиѳагорейцы весьма отличаются отъ (*другихъ*) мертвецовъ. Ибо только съ ними одними, разсказывалъ онъ, вслѣдствіе ихъ благочестія раздѣляетъ трапезу Плутонъ. —Ты называешь бога неряхой, если онъ наслаждается обществомъ грязныхъ (*людей*)".

Еще въ томъ же самомъ сочиненіи (онъ говоритъ):

„И они ѣдятъ огородныя овощи и запиваютъ ихъ водою. Вшей, грубые плащи и нечистоту не вынесъ бы, пожалуй, никто изъ прочихъ мертвецовъ".

---

46. Анаксагоръ.

Анаксагоръ изъ Клазоменъ (близъ Смирны) родился, по Аполлодору, въ 70 ол. (около 500 г.) и умеръ въ 88, 1 ол. (428 г., годъ рожденія Платона) семидесяти двухъ лѣтъ отъ роду.[1]) Его прозвали Умомъ (*Νοῦς*), такъ какъ онъ первый призналъ умъ въ качествѣ принципа, а также вслѣдствіе преклоненія передъ его сильнымъ и чрезвычайно яснымъ умомъ (см. А 15). Аристотель ставитъ его выше всѣхъ прочихъ досократовскихъ мыслителей и называетъ его „единственнымъ трезвымъ среди зря болтавшихъ". (А 58).[2])

Анаксагоръ происходилъ изъ знатнаго и богатаго рода. Древніе (см. А 1 и др.) называютъ его ученикомъ Анаксимена. Это сообщеніе неправдоподобно; болѣе вѣроятно, что Анаксименъ умеръ раньше, чѣмъ родился Анаксагоръ. Пріемлема гипотеза Дж. Бернета: древняя іонійская школа пережила паденіе Милета въ 494 г. и продолжала процвѣтать въ другихъ городахъ Малой Азіи; но послѣ Анаксимена она не дала ни одного выдающагося мыслителя въ ней преподавали „философію Анаксимена"; учениками этой іонійской школы были Анаксагоръ, Мелиссъ и Левкиппъ, но они не остались вѣрными ученіямъ ея: Анаксагоръ пошелъ своей собственной дорогой, Мелиссъ и Левкиппъ испытали сильное вліяніе элеатской діалектики: только Діогенъ Аполлонійскій выступаетъ защитникомъ ортодоксальной системы іонійской школы. По мнѣнію Дж. Бернета, древняя іонійская философія образуетъ теперь подпочву развитія философской мысли, подобно тому какъ нѣсколько раньше такой подпочвой служили орфическія и пиѳагорейскія религіозныя идеи.[3])

Анаксагоръ былъ первымъ философомъ, поселившимся въ Аѳинахъ. Здѣсь онъ прожилъ тридцать лѣтъ (приблизительно 464—434 г.). Съ этого времени Аѳины становятся центромъ умственнаго движенія. Вокругъ Анаксагора собирается кружокъ лицъ, отражающихъ его мысли въ литературѣ и претворяющихъ ихъ въ жизнь. Особенно тѣсными были отношенія Анаксагора къ Периклу. Плутархъ отмѣчаетъ его благотворное вліяніе на великаго государственнаго мужа. Анаксагоръ возвысилъ

---

[1]) Отмѣтимъ мнѣніе Унгера (G. F. Unger. Die Zeitverhältnisse des Anaxagoras und Empedocles. Philologus, IV Supplementband 1880. стр. 505), по которому годы жизни Анаксагора 533—462. Унгеръ полагаетъ, что Анаксагоръ свое единственное сочиненіе написалъ около 466 г., между тѣмъ какъ поэма Эмпедокла: „О природѣ" появилась раньше 472 г., хотя Эмпедоклъ по возрасту былъ моложе Анаксагора. Извѣстное мѣсто Аристотеля (Metaph. A 3. 984 a 11) Унгеръ понимаетъ такъ: младшій по возрасту оказалъ своимъ ученіемъ вліяніе на старшаго.

[2]) Отсюда вошло въ обычай ставить Анаксагора послѣднимъ въ ряду развитія досократовской философіи. Brieger (Hermes XXXVI, p. 185) считаетъ этотъ обычай плодомъ теологическихъ предубѣжденій.

[3]) I. Burnet. Early Greek philosophy, I ed., 1892, стр. 275—276 II ed., 1908, стр. 292—294.

и облагородилъ характеръ Перикла. Въ числѣ друзей Анаксагора называютъ также поэта Эврипида.

Дѣятельность Анаксагора въ Аѳинахъ была прервана судебнымъ процессомъ, который возбудили противъ него враги Перикла. Анаксагоръ былъ обвиненъ въ безбожіи за свои ученія, что солнце есть огненная масса, а луна—тѣло, подобное землѣ (по другому сообщенію, его обвиняли также въ сочувствіи персамъ; основаніемъ для этого обвиненія могъ служить его космополитизмъ). О судѣ надъ нимъ существуютъ различные разсказы. По одной версіи, онъ былъ приговоренъ къ штрафу и изгнанію; по другой, былъ заочно приговоренъ къ смертной казни; по третьей, былъ заключенъ въ темницу, но затѣмъ освобожденъ вслѣдствіе заступничества Перикла (см. А 1). [1])

Послѣдніе годы своей жизни Анаксагоръ провелъ въ Лампсакѣ, гдѣ онъ основалъ философскую школу. Здѣсь онъ пользовался большимъ уваженіемъ и послѣ смерти его здѣсь былъ поставленъ ему жертвенникъ, посвященный Уму и Истинѣ. Послѣднимъ желаніемъ Анаксагора было, чтобы въ день его кончины ежегодно устраивались дѣтскія игры.

Цѣль жизни Анаксагоръ видѣлъ въ познавательной дѣятельности. Онъ говорилъ, что родился для того, чтобы „созерцать солнце, луну и небо" (А 1). Свое имущество Анаксагоръ уступилъ родственникамъ, а самъ всецѣло предался научной дѣятельности. Равнымъ образомъ онъ не принималъ участія въ государственныхъ дѣлахъ. Своей родиной онъ называлъ небо. Утѣшая одного изгнанника, скорбѣвшаго, что ему приходится умирать на чужбинѣ, Анаксагоръ сказалъ, что дорога въ Аидъ отовсюду одинакова. Вообще Анаксагоръ относился равнодушно ко всему въ жизни, кромѣ познаванія. Внѣшній блескъ и почести не прельщали его. Жизнь, по убѣжденію Анаксагора, есть постоянная возможность несчастій, цѣпь страданій, въ которой есть лишь одно утѣшеніе и поддержка—познаваніе. [2]) Только научное изслѣдованіе дѣлаетъ человѣка счастливымъ, освобождая его отъ горестей жизни и мелкихъ заботъ. Познаваніе—высшее благо и конечная цѣль жизни. Самъ Анаксагоръ въ глазахъ древнихъ представлялъ собой образецъ человѣка, ведущаго „теоретическую жизнь". Его духовная свобода, вытекавшая изъ исключительной преданности научному изслѣдованію, выражалась въ той стойкости, съ какой онъ переносилъ удары судьбы. Когда ему сообщили о смерти его дѣтей, онъ сказалъ: „Я зналъ, что произвелъ на свѣтъ смертныхъ". Когда ему сообщили о томъ, что аѳиняне вынесли ему смертный приговоръ, онъ сказалъ: „Природа давно приговорила къ смерти и меня и ихъ".

---

[1]) H. Swoboda. Ueber den Process des Perikles (Hermes XXVIII Bd., 1893, стр. 589—590), отмѣчая, что новѣйшіе историки (Grote, Curtius, Beloch, Zeller, Duncker) помѣщаютъ судебный процессъ надъ Анаксагоромъ непосредственно передъ началомъ Пелопоннесской войны (432 или 431 г.), каковое фиксированіе года процесса покоится на авторитетѣ Плутарха и Діодора, доказываетъ несостоятельность этого сообщенія и полагаетъ, что процессъ надъ Анаксагоромъ имѣлъ мѣсто нѣсколько раньше.

[2]) См. А 21 и А 94.

Анаксагоръ принимаетъ основное положеніе Парменида относительно невозможности всякаго возникновенія и уничтоженія—въ томъ числѣ и качественнаго. Ничто не можетъ возникнуть изъ чего-либо другого. Но Анаксагоръ не отрицаетъ качественнаго разнообразія бытія. Скорѣе онъ готовъ допустить, что качественное разнообразіе вещей въ дѣйствительности значительнѣе, нежели оно намъ представляется. Именно съ этой точки зрѣнія онъ обвиняетъ наши чувства въ слабости: они не въ силахъ усмотрѣть всѣ безконечно-многіе составные элементы каждаго вещества и равнымъ образомъ имъ недоступно различеніе всѣхъ оттѣнковъ качествъ (напримѣръ, всѣхъ оттѣнковъ, черезъ которые проходитъ смѣсь чернаго и бѣлаго). Иногда наши чувства ошибаются: такъ, они свидѣтельствуютъ о бѣлизнѣ снѣга, между тѣмъ какъ объективно онъ черенъ. Т. Гомперцъ полагаетъ, что основаніемъ системы Анаксагора является абсолютное довѣріе къ показаніямъ чувствъ. По Анаксагору, говоритъ онъ, [1]) „вещи таковы, какъ о нихъ свидѣтельствуютъ чувства". Даже ученіе Анаксагора о черномъ цвѣтѣ снѣга Т. Гомперцъ [2]) считаетъ плодомъ грубаго обмана чувствъ: „Въ цѣляхъ точнаго наблюденія Анаксагоръ, вѣроятно, вглядывался такъ пристально и долго въ искрящуюся при солнечномъ свѣтѣ бѣлую пелену зимняго пейзажа, пока передъ его ослѣпленными глазами не пошли черные круги, и этотъ оптическій обманъ онъ принялъ за подтвержденіе заранѣе создавшагося въ немъ убѣжденія". Однако, къ мнѣнію Гомперца трудно присоединиться, такъ какъ цѣлый рядъ основныхъ положеній философіи Анаксагора идетъ въ разрѣзъ съ данными чувственнаго воспріятія. Не говоря уже объ его ученіи о Нусѣ, даже теорію матеріи, данную Анаксагоромъ, нельзя вывести изъ показаній чувствъ. Отрицаніе измѣненія качествъ у матеріальныхъ вещей, понятіе безконечности (безконечно-малаго и безконечно-большого), вводимое въ теорію матеріи, ученіе о томъ, что все заключается во всемъ, всѣ эти положенія въ корнѣ измѣняютъ ту картину міра, какую даютъ намъ наши чувства. Вѣрно лишь то, что у Анаксагора мы имѣемъ квалитативную теорію матеріи. Анаксагоръ не находитъ возможнымъ все разнообразіе вещей свести исключительно на количественныя различія, но принимаетъ безконечное изначальное качественное многообразіе вещей. Однако, признаніе невыводимости качествъ изъ количественныхъ различій не свидѣтельствуетъ еще о безусловномъ довѣріи къ показаніямъ чувствъ. Даже качественную сторону вещей чувства, по ученію Анаксагора, не показываютъ намъ вполнѣ адэкватно. Каждая вещь кажется намъ тѣмъ, что въ ней преобладаетъ на ея поверхности. Показывая намъ лишь части, преобладающія на поверхности вещи, чувства неспособны достигнуть истины. Чувственное воспріятіе Анаксагоръ объяснялъ взаимодѣйствіемъ противоположностей и училъ, что оно соединено съ чувствомъ неудовольствія. Совершеннымъ знаніемъ объ всемъ обладаетъ лишь Умъ, учитъ Анакса-

---

[1]) Ц. с., стр. 184.
[2]) Ibid., стр. 186.

горъ (В 12), и отдѣльный индивидъ пріобщается къ истинѣ черезъ участіе въ этомъ Умѣ. Начала сущаго недоступны чувственному воспріятію, ощущенія не знакомятъ насъ ни съ Умомъ, ни съ матеріальными началами „гомеомеріями". Такъ, въ нашей пищѣ заключаются недоступныя нашему ощущенію частицы крови, костей, мяса, волосъ, мускуловъ и т. под.. Эти частицы, заключающіяся въ хлѣбѣ, могутъ быть усмотрѣны только умомъ и ихъ-то Анаксагоръ призналъ матеріальными началами сущаго. Однако, Анаксагоръ въ своемъ ученіи о началахъ не порываетъ совершенно съ чувственнымъ міромъ, подобно Пармениду. Напротивъ, вмѣстѣ съ Демокритомъ онъ полагаетъ, что нужно исходить изъ данныхъ чувственнаго міра и что ученіе о началахъ должно служить объясненію чувственныхъ явленій. Критерій истинности ученія о началахъ заключается, по мнѣнію Анаксагора, въ оправданіи положеній его фактами чувственнаго опыта. „Ибо зрѣніе есть явленіе невидимаго", говоритъ онъ (В 21 а).

Философія Анаксагора дуалистична: въ качествѣ принциповъ принимаются въ ней „гомеомеріи" и Умъ.

Содержаніе, заключающееся въ понятіи гомеомеріи, можно раскрыть въ слѣдующей формулѣ: вещь, въ которой всякая часть подобна всякой другой части и цѣлому. [1]) Что касается самаго термина: „гомеомерія", то онъ впервые встрѣчается у Лукреція. [2]) Самъ Анаксагоръ въ дошедшихъ до насъ фрагментахъ называетъ свои первовещества „сѣменами" (*σπέρματα*), „вещами" (*χρήματα*) и „сѣменами вещей" (*σπέρματα τῶν χρημάτων*). Аристотель называетъ элементы Анаксагора „подобочастными" (*ὁμοιομερῆ*). Преобразовавъ это Аристотелевское названіе, позднѣйшіе авторы стали употреблять терминъ „гомеомерія" (*ὁμοιομέρεια*) относительно элементовъ Анаксагора. [3])

„Подобочастныя" (*ὁμοιομερῆ*) — этотъ терминъ идетъ изъ біологической теоріи Аристотеля (Платонъ этого слова еще не знаетъ). Аристотель [4]) различаетъ въ природѣ три ступени развитія: 1) четыре элемента: огонь, воздухъ, вода и земля (или четыре основныхъ силы: теплое, холодное, влажное и сухое); 2) подобочастное (*ὁμοιομερής*), какъ, напримѣръ, кости, мясо, кровь и т. п.; гомеомерично то, что во всѣхъ своихъ частяхъ состоитъ изъ одного и того же, слѣдовательно, то, у чего всѣ части однородны между собой и съ цѣлымъ; гомеомеричныя тѣла Аристотель счи-

---

[1]) О понятіи гомеомеріи см. главнымъ образомъ E. Dentler. Die Grundprincipien d. Philosophie des Anaxagoras 1897.

[2]) „Homoeomeria" въ единственномъ числѣ, Lucret. I 830, см. A 44.

[3]) Весьма сомнительно, чтобы самъ Анаксагоръ называлъ свои элементы гомеомеріями. Противъ высказываются Шлейермахеръ, Риттеръ, Филипсонъ, Гегель, Брейеръ, Целлеръ, Дентлеръ и др. Однако, имѣются голоса и за принадлежность термина: „гомеомерія" самому Анаксагору (Гейнце, Брандисъ, Шаубахъ, Т. Гомперцъ и др.).

[4]) Это ученіе Аристотеля изложено имъ въ сочиненіи: de partibus animalium. (См. F. Breier. Die Philosophie des Anaxagoras von Klazomenä nach Aristoteles, 1840, стр. 17).

таетъ смѣшанными, причемъ эта смѣсь по Аристотелю,—не механическій аггрегатъ, но химическое соединеніе; 3) наивысшая ступень—неподобочастное (ἀνομοιομερής), напримѣръ, рука, глазъ и другіе органы. Аристотель проводитъ различіе между гомеомерическими и органическими частями тѣла животныхъ: части тѣла—отчасти органы, отчасти гомеомеричныя образованія. Итакъ, у Аристотеля дается трехчленное дѣленіе природы: природу образуютъ элементарныя. гомеомеричныя и органическія тѣла. Это—три ступени развитія природы. причемъ каждая низшая ступень есть составная часть и условіе слѣдующей высшей. Гомеомеричныя тѣла занимаютъ среднее положеніе между элементами, изъ которыхъ они состоятъ, и органами, которые изъ нихъ слагаются.

Аристотель подвелъ первовещества Анаксагора подъ свое понятіе гомеомеричныхъ тѣлъ. Намъ предстоитъ задача освободить ихъ отъ этой чуждой имъ оболочки.

Прежде всего необходимо выяснить отношеніе первовеществъ Анаксагора къ качествамъ. Здѣсь должно отмѣтить точку зрѣнія П. Таннери и Дж. Бернета, которые, отличая „гомеомеріи“ отъ элементовъ Анаксагоровой философіи, отожествляютъ послѣдніе съ качествами и такимъ образомъ находятъ въ теоріи матеріи Анаксагора предвареніе теоріи идей Платона. По мнѣнію П. Таннери, сѣмена (или гомеомеріи) у Анаксагора не элементы, такъ какъ они разложимы и, подобно всѣмъ тѣламъ, представляютъ соединеніе холоднаго и теплаго, влажнаго и сухого, свѣтлаго и темнаго, плотнаго и тонкаго. Элементы Анаксагора, полагаетъ П. Таннери, не матеріальныя вещества, но качества (причемъ у Анаксагора не различаются еще категоріи качества и субстанціи). Во всякой вещи имѣются всѣ качества. „Каждая частичка матеріи будетъ обладать извѣстнымъ коэффиціэнтомъ каждаго качества“ [1]) „Полное исключеніе какого бы то ни было качества не можетъ произойти ни въ одномъ мѣстѣ вселенной“ [2]) Всѣ вещи образуются путемъ концентраціи качествъ и кажущееся измѣненіе качествъ есть лишь ихъ механическое перемѣщеніе. Эти элементарныя качества всегда смѣшаны между собой. „Анаксагоръ утверждаетъ, что всѣ качества и теперь смѣшаны, какъ въ началѣ, хотя и произошло уменьшеніе однихъ въ одномъ мѣстѣ, увеличеніе другихъ въ другомъ“. [3]) П. Таннери находитъ, что ученіе о матеріи Анаксагора въ основѣ сходно съ Кантовской теоріей матеріи. Дж. Бернетъ [4]) проводитъ у Анаксагора различіе между „вещами“ (т. е. качествами) и „сѣменами“ (т. е. „подобочастными“ по обозначенію Аристотеля). „Вещи“. или качества, могутъ комбинироваться въ весьма различныхъ пропорціяхъ, и отсюда получаются „сѣмена“ различныхъ субстанцій. Каждое „сѣмя“ содержитъ въ себѣ всѣ „вещи“, или качества, но въ каждомъ

---

[1]) П. Таннери, ц. с., стр. 275.
[2]) Тамъ же, стр. 277.
[3]) Тамъ же, стр. 280.
[4]) I. Burnet, ц. с., стр. 289.

сѣмени наиболѣе замѣтнымъ является то качество, которое въ немъ преобладаетъ. „Сѣмена"—это въ сущности первичныя комбинаціи элементарныхъ вещей (т. е. противоположныхъ качествъ), и Аристотель имѣлъ право назвать ихъ „подобочастными", такъ какъ онъ этимъ терминомъ обозначалъ такія именно формы матеріи.

Въ противоположность этой точкѣ зрѣнія, считающей элементами Анаксагора простыя качественныя частицы, сѣменами—ихъ первичныя комбинаціи, а всѣ прочія вещи различными соединеніями сѣмянъ, высказывается взглядъ, что у Анаксагора въ сущности нѣтъ различія между первичными и производными формами вещества, что его философія допускаетъ единственно различіе между „равночастичными" соединеніями (гомеомеріями) и неравночастичными скопленіями. [1]) Такимъ образомъ возникаетъ вопросъ, являются ли первовещества Анаксагора простыми или сложными тѣлами. Зеворъ [2]) полагаетъ, что Анаксагоръ не рѣшилъ и даже не поставилъ этого вопроса. По Т. Гомперцу, основные элементы у Анаксагора должны сотвѣтствовать всѣмъ безчисленнымъ комбинаціямъ разнообразныхъ формъ, воспринимаемымъ нашими чувствами въ тѣлахъ. По Дентлеру, для Анаксагора первоначальны и просты индивидуальныя конкретныя тѣла.

Чтобы рѣшить отмѣченный спорный вопросъ, необходимо обратить вниманіе на основной мотивъ Анаксагоровой теоріи матеріи: ничто не можетъ возникнуть изъ другого, если оно въ немъ не заключалось. Ни одно качество не можетъ возникнуть и ни одно не можетъ исчезнуть. Сумма качествъ въ мірѣ постоянна. Качества лишь выявляются изъ смѣси, въ которой они ранѣе были незамѣтны, и вновь скрываются, вступая въ другія соединенія. Какимъ образомъ при этой теоретической предпосылкѣ возможно объяснить то ежеминутное качественное измѣненіе вещей, которое показываютъ намъ наши чувства и которое столь ярко выдвинула философія Гераклита? Все неисчерпаемое богатство кажущагося качественнаго измѣненія въ мірѣ можно объяснить, не поступаясь вышеприведенной предпосылкой, лишь при допущеніи другого основного положенія: „Все во всемъ и все изъ всего выдѣляется" (см. В 3). Нѣтъ простыхъ чистыхъ качествъ, которыя бы существовали сами по себѣ. Даже противоположныя качества никогда раздѣльно не существуютъ. Въ бѣломъ (учитъ Анаксагоръ) всегда заключается черное, и въ черномъ бѣлое; съ тяжелымъ всегда смѣшано легкое; теплое всегда связано съ холоднымъ. Всякое качество всегда заключаетъ въ себѣ до извѣстной степени свою противоположность. И вообще, всѣ качества всегда сосуществуютъ (въ различныхъ частныхъ случаяхъ въ различной степени). „Вещи (*т. е. качества*), находящіяся въ единомъ космосѣ, не отдѣлены другъ отъ друга и не отсѣчено топоромъ ни теплое отъ холоднаго, ни холодное отъ теплаго" (В 8). Сѣмена (гомеомеріи) и суть различныя

---

[1]) Т. Гомперцъ, ц. с., стр. 19.

[2]) Ch. Zevort. Anaxagore 1843, стр. 58.

формы сосуществованія качествъ. Какъ же характеризуетъ Анаксагоръ эти сѣмена? Ни одно изъ нихъ ни уничтожается ни возникаетъ. „Вѣдь какимъ образомъ изъ не-волоса могъ бы возникнуть волосъ и изъ немяса мясо?“ спрашиваетъ Анаксагоръ (B 10). Сѣмянъ безконечное множество и они безконечно разнообразны. Ни одна сперма не равна другой, каждая отличается отъ другихъ по формѣ, цвѣту, вкусу, тяжести и т. д. Каждая сперма обладаетъ всѣмъ безконечнымъ числомъ существующихъ качествъ, но въ каждую сперму различныя качества входятъ въ различной степени. Нѣтъ двухъ подобныхъ вещей въ мірѣ, учитъ Анаксагоръ. „Кромѣ ума, ни одна вещь не похожа на другую“, гласитъ фр. 12. Но если все непохоже, нѣтъ ничего, подобнаго другому, то какой смыслъ можетъ имѣть прилагаемый къ сѣменамъ терминъ „*подобо* частное“? Очевидно, каждое сѣмя разсматривается, какъ единая вещь (видовое понятіе). Но каждое сѣмя безконечно-дѣлимо (самый терминъ ὁμοιομερής уже указываетъ на нѣчто, состоящее изъ частей) и при дѣленіи получаются качественно однородныя сѣмена. „Подобочастными“ сѣмена можно назвать вслѣдствіе ихъ свойства давать постоянно тѣ же самыя качественныя формы, сколько бы ни продолжалось дѣленіе ихъ на части. Какъ бы мала ни была частица, въ ней будетъ все то же безконечное число качествъ (и въ тѣхъ же взаимныхъ отношеніяхъ), что и въ цѣломъ. Итакъ, Анаксагоръ не только принимаетъ безконечное множество гомеомерій, но и въ каждой гомеомеріи онъ усматриваетъ безконечность какъ количественную, такъ и качественную. Нѣтъ послѣднихъ атомовъ, дѣленіе идетъ въ безконечность. Нѣтъ ничего простого и недѣлимаго (въ противоположность атомистамъ), всюду безконечность. Нѣтъ также чистыхъ качествъ. Всѣ качества (все безконечное разнообразіе ихъ) смѣшаны во всякомъ сѣмени. Все во всемъ. „Каждая гомеомерія, подобно цѣлому, заключаетъ въ себѣ все существующее, и сущее не просто безконечно, но безконечно безконечно“ (Симплицій, см. A 45). Къ такому результату пришелъ Анаксагоръ, исходя изъ мысли, что ничто не возникаетъ изъ небытія и все питается подобнымъ.

Анаксагоръ спрашиваетъ, что такое вещи сами по себѣ. Отвѣтъ его: это—вѣчно существующія неизмѣнныя комбинаціи матеріальныхъ качествъ. Онѣ могутъ лишь перемѣщаться, дѣлиться и смѣшиваться между собой, образуя такимъ образомъ все остальное. „Слова: возникновеніе и гибель неправильно употребляютъ эллины. Ибо, на самомъ дѣлѣ, ни одна вещь ни возникаетъ, ни уничтожается, но каждая составляется изъ смѣшенія существующихъ вещей или выдѣляется изъ нихъ. Такимъ образомъ правильно было бы говорить вмѣсто „возникать“—„смѣшиваться“ и вмѣсто „погибать“—„раздѣляться“ (B 17). Со времени Парменида въ философскомъ міровоззрѣніи древнихъ произошло существенное измѣненіе: въ немъ, выражаясь языкомъ отца этой перемѣны, „рожденіе погасло“ и „смерть пропала безъ вѣсти“. То, что по истинѣ существуетъ, то неизмѣнно. Анаксагоръ призналъ подлинно существующими вещами только гомеомеричныя субстанціи. Животныя для него суть ничто иное,

какъ мясо, кости, жилы, мускулы, волосы, ногти, перья, рога и т. п., деревья ничто иное, какъ древесина, кора и плодъ. Животное, какъ индивидъ, не имѣетъ реальности. Подлинно существуютъ мясо, кости и т. п., которыя то раздѣляются на части (до безконечно-малой величины) и разсѣиваются, то соединяются между собой. Все остальное (кромѣ гомеомеричныхъ субстанцій)—не реальныя вещи.

Вначалѣ всѣ гомеомеричныя субстанціи были раздѣлены на безконечно-малыя части и перемѣшаны между собой. Вслѣдствіе такого полнаго смѣшенія всѣхъ вещей, ни одно качество ихъ не проявлялось, хотя смѣсь состояла изъ качественно опредѣленныхъ сѣмянъ. Цѣлое образовывало хаосъ. Затѣмъ Умъ сталъ раздѣлять эту хаотическую массу и частицы однихъ и тѣхъ же сѣмянъ начали выдѣляться и соединяться между собой. Развитіе вселенной идетъ въ направленіи образованія такихъ аггрегатовъ, въ которыхъ больше частицъ одного сѣмени и, соотвѣтственно этому, одни качества преобладаютъ надъ другими. Развитіе вселенной состоитъ въ томъ, что все болѣе и болѣе различныя сѣмена отдѣляются другъ отъ друга, а части одного сѣмени соединяются между собой. Однако, полное отдѣленіе сѣмянъ невозможно, отдѣленіе ихъ всегда относительно и каждое сѣмя всегда соединено съ большими или меньшими частицами всѣхъ прочихъ сѣмянъ. Полное отдѣленіе сѣмянъ есть тотъ идеалъ, къ которому все болѣе и болѣе приближается развитіе вселенной, но который осуществить оно никогда не будетъ въ состояніи. Основоположеніе: „Все во всемъ“ говоритъ не только о томъ, что всѣ качества неразрывно связаны между собой въ каждой гомеомеріи, но также что всѣ гомеомеріи всегда соединены другъ съ другомъ (въ различныхъ количественныхъ отношеніяхъ): въ каждой гомеомеріи заключаются какія-либо части всѣхъ прочихъ гомеомерій. Формула: „все во всемъ“ [1]) относится не только къ первоначальной смѣси сѣмянъ до образованія міра, но выражаетъ то положеніе вещей, которое всегда было, есть и будетъ. „Такъ какъ не можетъ быть наименьшаго (говоритъ Анаксагоръ, см. В 6), то невозможно полное отдѣленіе и невозможно, чтобы какая-либо вещь стала существовать сама по себѣ, но какъ вначалѣ, такъ и теперь, все существуетъ вмѣстѣ. Но во всемъ заключаются многія вещи, причемъ ихъ одинаковое число какъ въ большихъ, такъ и въ меньшихъ изъ отдѣляющихся (отъ первичной смѣси) вещей“. Итакъ, все безконечное множество вещей всегда, такъ сказать, переплетены между собой. Не существуетъ совершенно обособленныхъ вещей, но всегда всѣ вещи въ своемъ взаимномъ

[1]) Эта формула дала Аристотелю поводъ упрекать Анаксагора въ отрицаніи закона противорѣчія (Met. IV 7. 10 12a). Аристотель вычитываетъ у Анаксагора ученіе, что между утвержденіемъ и отрицаніемъ того же есть нѣчто среднее, такъ что падаетъ высшее основоположеніе всякой истины—законъ противорѣчія. Однако, ученіе Анаксагора не относилось къ формѣ мышленія, а касалось лишь предметнаго содержанія сужденій: въ каждой вещи все смѣшано, и поэтому нельзя о какой-либо вещи сказать, что она—огонь, или что она—не огонь. Эта же формула дала поводъ Лютеру называть анаксагористами тѣхъ теологовъ, которые въ любомъ мѣстѣ Св. Писанія, находили все, что угодно.

сплетеніи образуютъ единство. Однако, формула: „всегда все во всемъ“ не разрушаетъ вышеуказаннаго существеннаго различія между первоначальной смѣсью всѣхъ вещей и современнымъ состояніемъ ихъ. Въ первоначальной смѣси не проявлялось ни одно изъ существовавшихъ въ ней качествъ, современное же положеніе вселенной характеризуется обнаруженіемъ (но далеко не полнымъ) качествъ. Обнаруживаются качества, преобладающія въ данной вещи. Подобно тому какъ ни одно изъ безконечныхъ по числу сѣмянъ не походитъ на другое, такъ и изъ производныхъ вещей ни одна не подобна другой. Въ отдѣльныхъ вещахъ гомеомеріи смѣшаны въ различныхъ количественныхъ отношеніяхъ и то, что мы называемъ вещью, есть лишь преобладаніе опредѣленныхъ гомеомерій. Нѣтъ совершенно одинаковыхъ вещей въ мірѣ. Лишь нашему несовершенному чувственному воспріятію кажутся одинаковыми вещи, у которыхъ преобладаютъ одни и тѣ же качества. Въ дѣйствительности же, ничто не имѣетъ себѣ подобія.

Матерію Анаксагоръ считалъ косной [1]) и отсюда для него возникла необходимость допустить особое дѣятельное начало По мнѣнію Зевора, [2]) матеріальные принципы у Анаксагора инертны не сами по себѣ, косность не есть ихъ существенное свойство, но инертность ихъ была обусловлена тѣмъ состояніемъ смѣси, въ которомъ они первоначально находились. Въ первичной смѣси всѣ элементы уравновѣшивали, такъ сказать, нейтрализовали другъ друга, такъ что ни одинъ изъ нихъ не могъ проявить своего дѣйствія. Чтобы вывести ихъ изъ этого равновѣсія и состоянія абсолютнаго покоя, нужно было особое начало, внѣшнее по отношенію къ этой смѣси и независимое отъ нея, начало, которое существовало бы само по себѣ. Такимъ началомъ Анаксагоръ признаетъ Умъ, который такимъ образомъ является прежде всего первой причиной движенія. Отношеніе Ума къ гомеомеріямъ есть отношеніе двигателя къ движимому. Умъ не творитъ, а только перемѣщаетъ существующія вещи. Онъ приводитъ все въ порядокъ, но не производитъ ничего новаго. Онъ господствуетъ надъ всѣмъ міровымъ процессомъ, который представляется Анаксагору не борьбою двухъ противоположныхъ дѣятельныхъ началъ, какъ у Эмпедокла, но преобразованіемъ косной матеріи дѣятельностью единаго Ума. Все благо и вся красота въ мірѣ исходитъ отъ Ума, все зло и несовершенство—отъ матеріи. Уму присуща сила движенія и способность познаванія. Онъ всемогущъ и всевѣдущъ. Въ рѣшеніи вопроса, духовенъ или матеріаленъ Умъ Анаксагора, мнѣнія разошлись. Бруккеръ считаетъ Умъ Анаксагора тѣломъ воздушной природы. [3]) Матеріаленъ этотъ Умъ также по мнѣнію Тидемана, [4]) Г. Грота, Ф. Керна, Пейперса,

---

[1]) Т. е. онъ принимаетъ ученіе Парменида, что тѣло само не можетъ двигать себя.

[2]) Zévort, п. с., стр. 77.

[3]) Бруккеръ (Hist. crit. phil., t. I, стр. 513) полагаетъ, что Умъ Анаксагора—воздухъ.

[4]) Tiedemann (Geist d. sp. Philosophie, I Bd., стр. 329) говоритъ, что Анаксагоръ считалъ Умъ эѳиромъ, или огнемъ.

Виндельбанда (по опредѣленію котораго Нусъ Анаксагора есть „вещество мысли“ и вмѣстѣ съ тѣмъ „вещество силы и движенія“), Т. Гомперца (по которому Нусъ своего рода флюидъ или эѳиръ, одаренный разумомъ) и др. По Дж. Бернету, Умъ Анаксагора есть несомнѣнно нѣчто протяженное и матеріальное. Дильтей находитъ, что Нусъ Анаксагора стоитъ еще на границѣ вещественности и есть утонченная матерія. По Э. Целлеру, Нусъ есть начало полуматеріальное: Анаксагоръ стремится отдѣлить духъ отъ матеріи, но выполнить это ему не удается, онъ лишь дѣлаетъ первые шаги въ этомъ направленіи. За чистую духовность Нуса высказываются Гегель, Кузенъ, Риттеръ, Фрейденталь, Гейнце, Брейеръ, Арлетъ, кн. С. Трубецкой, Ферри [1]) и др. Намъ представляется болѣе вѣроятнымъ, что Умъ Анаксагора матеріаленъ и что Анаксагоръ еще не возвысился до понятія чисто духовнаго начала. Во-первыхъ, если понимать выраженія Анаксагора объ Умѣ въ буквальномъ смыслѣ, то придется признать его матеріальнымъ. Тѣ, кто высказывается за духовность Нуса, говорятъ, что Анаксагоръ не нашелъ еще соотвѣтствующихъ терминовъ для точнаго выраженія новой мысли, и требуютъ, чтобы на тѣ выраженія Анаксагора, въ которыхъ Уму даются повидимому матеріальныя опредѣленія, смотрѣли какъ на метафоры. Однако, сочиненіе Анаксагора написано языкомъ сухимъ, простымъ и яснымъ, безъ всякихъ поэтическихъ прикрасъ, и нѣтъ необходимости допускать въ немъ употребленіе метафоръ. Анаксагоръ называетъ Умъ „тончайшимъ и чистѣйшимъ изъ всѣхъ вещей“ и говоритъ о большихъ и меньшихъ частяхъ его. Во-вторыхъ, Умъ Анаксагора есть прежде всего физическое начало, принятое для объясненія возникновенія міра. Какъ справедливо говоритъ кн. С. Трубецкой, „Умъ Анаксагора есть прежде всего космологическая и астрономическая гипотеза, безъ которой философъ не могъ объяснить себѣ движеніе небесъ въ его закономѣрной правильности“. [2]) Самый способъ воздѣйствія Ума на первичную смѣсь (толчокъ, соприкосновеніе) говоритъ за его матеріальность. Въ-третьихъ, пришлось бы признать регрессъ у Архелая, который, принявъ основныя положенія системы Анаксагора, почему-то сдѣлалъ его Умъ матеріальнымъ. Въ-четвертыхъ, дуализмъ философіи Анаксагора естественнѣе поставить въ связь съ дуализмомъ пиѳагорейцевъ, „Мнѣнія“ Парменида и Эмпедокла, нежели видѣть

---

[1]) L. Ferri (статья „Il Dio di Anassagora e la filosofia greca prima di Socrate“ въ журналѣ: „La filosofia delle scuole Italiane“, anno I, vol. I, 1870) говоря, что Богъ Анаксагора духовенъ и есть сама чистая мысль, аргументируетъ: какъ могъ бы Анаксагоръ приписывать Уму протяженіе, не приписывая ему цвѣта? цвѣтъ же Анаксагоръ считаетъ качествомъ матеріальнымъ и учитъ, что Умъ совершенно отдѣленъ отъ матеріи, такъ какъ иначе онъ не могъ бы господствовать надъ вещами. Однако, понятіе безцвѣтнаго протяженія не было чуждо Анаксагору, такъ какъ въ первоначальной смѣси матеріи, по его ученію, качества не проявлялись и не было темнаго, свѣтлаго и т. д.

[2]) Кн. Трубецкой. Исторія древней философіи, I, стр. 143. По мнѣнію С. Трубецкого, хотя Умъ Анаксагора еще физическое начало, однако, онъ духовенъ (тамъ же стр. 145).

въ немъ новую эру въ историческомъ развитіи философской мысли. [1]) Въ дуалистическомъ теченіи философской мысли до Анаксагора принималось два основныхъ вида матеріи: дѣятельный и пассивный. Это различіе принимаетъ Анаксагоръ, который еще болѣе увеличиваетъ противоположность этихъ двухъ матеріальныхъ началъ. Умъ—простъ (ἁπλοῦς), [2]) т. е. не смѣшанъ ни съ чѣмъ, [3]) между тѣмъ какъ всѣ прочія вещи всегда смѣшаны между собой. Умъ—самодержавенъ. „Только онъ одинъ существуетъ самъ по себѣ" (В 12). Вѣдь если бы онъ (аргументируетъ Анаксагоръ) не существовалъ самъ по себѣ, но былъ бы смѣшанъ съ чѣмъ-нибудь другимъ, то онъ участвовалъ бы во всѣхъ вещахъ, такъ какъ во всемъ есть все, и эта примѣсь мѣшала бы ему править. Между тѣмъ онъ господствуетъ надъ всѣмъ, имѣетъ величайшую силу и обладаетъ совершеннымъ знаніемъ обо всемъ; отъ него получило начало всеобщее круговое вращеніе и онъ опредѣлилъ порядокъ всего сущаго: какъ было въ прошломъ, какъ есть въ настоящемъ и какъ должно быть въ будущемъ. Дѣятельность его—цѣлесообразная, упорядочивающая. Единство, простота, чистота, самодержавіе Нуса, его независимость ни отъ чего и абсолютная свобода противополагается множественности, сложности, смѣшанности, взаимной зависимости и пассивности гомеомерій. Умъ недоступенъ никакому внѣшнему воздѣйствію; нѣтъ ничего, что могло бы повліять на него (онъ—ἀπαθής). Никогда не смѣшиваясь съ гомеомеріями, Нусъ управляетъ ими, двигая, оживляя, одушевляя и одухотворяя ихъ; онъ вліяетъ на нихъ, оставаясь трансцендентнымъ имъ. Главныя функціи Ума—движеніе и познаваніе, неразрывно связанныя между собою; поэтому движеніе носитъ упорядочивающій цѣлесообразный характеръ, мысль же не безсильна, но есть начало, господствующее надъ всѣмъ и всѣмъ правящее.

По мнѣнію большинства, Нусъ Анаксагора—безличный міровой разумъ. Иного взгляда держатся Гейнце, Арлетъ и Гоффманъ. По Гейнце, Нусъ Анаксагора есть духовная личность, обладающая самосознаніемъ. И по Арлету, Нусъ—личный духъ. [4]) Также по Гоффману, Нусъ—бо-

---

[1]) По Гейнце, Анаксагоръ—первый сознательный представитель дуализма духа и матеріи. По Целлеру, руководящая мысль Анаксагора есть понятіе духа въ его противоположности веществу. А. Гуляевъ (Лекціи по исторіи древней философіи 1916, стр. 334) пишетъ: „По нашему мнѣнію, понятіе чистой вещественности впервые высказано съ ясностью не атомистами, а Анаксагоромъ; имъ же впервые отчетливѣе выражено и понятіе духа, и вслѣдствіе этого метафизическій дуализмъ тѣла и духа впервые находимъ у Анаксагора же".

[2]) Арлетъ полагаетъ, что, называя Умъ простымъ, Анаксагоръ не только отрицаетъ въ немъ различныя (по виду) части, но и части вообще (т. е. тѣлесность). E. Arleth. Die Lehre des Anaxagoras vom Geist und d. Seele (Arch. f. Gesch. d. Philos., Bd. VIII, 1895, стр. 81).

[3]) Breier, Emminger, Heinze и Krische отрицаютъ, чтобы уже самъ Анаксагоръ прилагалъ къ Нусу предикатъ ἀμιγής.

[4]) Arleth, ibid., стр. 190.

жественный духъ, абсолютная интеллигенція, дѣйствующая сознательно и осуществляющая свои цѣли. [1]) Целлеръ полагаетъ, что Анаксагоръ еще не ставилъ этого вопроса, и говоритъ, что Уму Анаксагора недостаетъ двухъ важнѣйшихъ признаковъ личности: свободнаго самоопредѣленія и самосознанія. Вообще нужно замѣтить, что понятія личности не было у греческихъ философовъ, по крайней мѣрѣ, до стоиковъ. [2])

Мы разсмотрѣли основныя начала философіи Анаксагора. Переходимъ къ его рѣшеніямъ частныхъ научныхъ проблемъ.

Значеніе Анаксагора въ исторіи математики заключается прежде всего въ примѣненіи имъ понятій безконечно-большого и безконечно-малаго. Анаксагоръ училъ, что движеніе, положившее начало образованію міра, началось въ одной точкѣ и непрерывно распространяется, захватывая все бо́льшую массу; нѣтъ предѣла, на которомъ бы оно остановилось Переходъ отъ первичной смѣси къ космосу не есть нѣчто законченное или могущее когда-либо закончиться, но идущій въ безконечность процессъ. „Въ этомъ представленіи (говоритъ П. Таннери [3]) понятіе безконечнаго впервые употреблено въ строго-математическомъ смыслѣ. Міръ есть нѣкоторая величина, безконечно возрастающая и могущая перейти всякій данный предѣлъ, подобно серіи чиселъ. Въ этой мысли сказывается истинный математикъ". Равнымъ образомъ въ ученіи Анаксагора о безконечной дѣлимости вещества, сохраняющаго при дѣленіи неизмѣннымъ свой составъ, мы слышимъ рѣчь математика. Проклъ (А 9) сообщаетъ, что Анаксагоромъ было сдѣлано много въ области геометріи. Сохранилось преданіе, что во время тюремнаго заключенія Анаксагоръ занимался квадратурой круга. Анаксагора можно считать также творцомъ математической оптики, такъ какъ онъ занимался проблемами перспективы въ ея приложеніи къ театральной декораціи.

Что касается космогоніи Анаксагора, то Симплицій, который имѣлъ въ рукахъ сочиненіе Анаксагора, сомнѣвается въ реальномъ существованіи первоначальной смѣси. Симплицій (А 64) говоритъ, что Анаксагоръ предположилъ временное начало движенія міра лишь изъ дидактическихъ соображеній ради наглядности, въ дѣйствительности же Анаксагоръ не принималъ первичнаго хаоса и перваго толчка, сообщеннаго ему Нусомъ. Первоначальная смѣсь—просто гипотеза, чтобы нагляднѣе объяснить за-

---

[1]) Fr. Hoffmann. Ueber die Gottes-idee des Anaxagoras, des Sokrates und des Platon, 1860.

[2]) E. M. Bertini (La filosofia greca prima di Socrate, 1969, стр. 287) справедливо указываетъ, что не только нельзя утверждать, что Умъ Анаксагора—личное существо, но даже нельзя рѣшить, есть ли это абсолютно единое имматеріальное внѣпространственное бытіе или же нѣчто протяженное, безконечное и безконечно-дѣлимое, подобно другимъ тѣлеснымъ качествамъ съ тѣмъ лишь различіемъ, что оно ни съ чѣмъ не смѣшивается. Бертини считаетъ болѣе вѣроятнымъ, что Анаксагоръ понималъ свой Умъ вторымъ способомъ, такъ какъ атрибуты, приписываемые имъ Уму, предполагаютъ протяженность и тѣлесность.

[3]) Ц. с., стр. 271.

кономѣрность происходящихъ въ мірѣ явленій. На самомъ же дѣлѣ, по убѣжденію Анаксагора, міръ всегда находился въ такомъ состояніи, въ какомъ мы видимъ его нынѣ. Целлеръ [1]) не находитъ возможнымъ присоединиться къ Симплицію.

Первоначальную смѣсь Анаксагоръ рисуетъ какъ хаосъ, въ которомъ ничего нельзя было различить. Что представляло собой это полное смѣшеніе всѣхъ вещей? Была ли эта смѣсь единой или множественной, т. е. была ли она простымъ аггрегатомъ отдѣльныхъ элементовъ или первичной неопредѣленной матеріей? На этотъ вопросъ затрудняются отвѣтить уже Аристотель и Симплицій, читавшіе сочиненіе Анаксагора; слѣдовательно, Анаксагоръ относительно этого высказался неясно. Въ такомъ первоначальномъ состояніи полной смѣси матерія покоилась неопредѣленно-долгое время, пока, наконецъ, вдругъ не вмѣшался Умъ и не далъ толчокъ этой безформенной массѣ. Подъ дѣйствіемъ этого толчка началось чрезвычайно быстрое круговое движеніе матеріальной массы. Начальнымъ пунктомъ этого вращательнаго движенія (т. е. точкой, въ которой Умъ коснулся матеріи) былъ сѣверный небесный полюсъ. Начавшись въ одной точкѣ, движеніе затѣмъ стало распространяться и захватывать все болѣе широкіе круги матеріи. Слѣдствіемъ этого движенія является механическое отдѣленіе сѣмянъ, начинающихъ образовывать однородныя масссы. Такимъ путемъ изъ хаоса начинаетъ возникать космосъ. Въ первоначальной смѣси „всѣ вещи были вмѣстѣ“ (B 1) и ни одна вещь не была замѣтна; до начала отдѣленія вещей не было ощутимаго различія влажнаго и сухого, теплаго и холоднаго, свѣтлаго и темнаго и т. д. Первыми выдѣлились воздухъ и эѳиръ, которые представляютъ собою какъ бы переходную ступень отъ первобытнаго состоянія къ состоянію аггрегатовъ; въ сущности они суть ничто иное, какъ механическая смѣсь безконечно-малыхъ частицъ сѣмянъ, причемъ воздухъ есть соединеніе сѣмянъ по преимуществу влажныхъ, холодныхъ и темныхъ, а эѳиръ—соединеніе сѣмянъ по преимуществу тонкихъ, свѣтлыхъ и теплыхъ. Итакъ, прежде всего отдѣлилось плотное, влажное, темное, холодное и тяжелое и собралось въ серединѣ—тамъ, гдѣ теперь земля; а противоположное, т. е. тонкое, сухое, свѣтлое, теплое и легкое устремилось вверхъ. Затѣмъ изъ воздуха и эѳира—этихъ двухъ резервуаровъ стали выдѣляться заключавшіяся въ нихъ на подобіе пылинокъ „сѣмена“. Сперва возникаютъ болѣе сложныя вещи (напримѣръ, вода, земля), которыя въ бо́льшей степени заключаютъ въ себѣ части всего, затѣмъ болѣе простыя (напримѣръ мясо, кости). Какъ явствуетъ изъ описанія возникновенія космоса, Анаксагоръ принимаетъ одинъ міръ, непрерывно растущій безъ конца; но этотъ міръ множественъ и состоитъ изъ безконечнаго числа частныхъ міровъ. [2]) Лишь въ этомъ смыслѣ Анаксагоръ говоритъ о другихъ мірахъ,

---

[1]) Противъ Шлейермархера, Риттера и Брандиса.

[2]) Брандисъ (Handbuch der Geschichte d. griechih-römischen Philosophie, I Th., 1835, стр. 251 слѣд.) говоритъ, что у Анаксагора единый міръ, подобно тому какъ единъ

отличныхъ отъ нашего, гдѣ, по его мнѣнію, имѣются свои особыя солнце, луна и свѣтила; другіе міры также населены, на нихъ тоже находятся города и поля, обитатели ихъ занимаются земледѣліемъ, торговлей и т. д. (B 4).

По ученію Анаксагора, земля образовалась изъ сгущенія той плотной массы, которая при первоначальномъ раздѣленіи первичной смѣси, собралась въ серединѣ. Такимъ образомъ земля лежитъ въ центрѣ космоса; она имѣетъ плоскую форму (видъ барабана A 88); земля покоится, такъ какъ пустоты во вселенной нѣтъ, а воздухъ, который поддерживаетъ землю, обладаетъ большой силой. О воздухѣ Анаксагоръ училъ, что, хотя онъ невидимъ и неощутимъ, однако, существуетъ какъ матеріальная вещь; это доказываетъ сила его сопротивленія, въ которой мы можемъ убѣдиться, надувая кожаные мѣхи или наблюдая дѣйствіе воздушнаго давленія въ водяныхъ часахъ (см. A 68 и A 69; ср. также A 89). Небо, по ученію Анаксагора, состоитъ изъ камней, которымъ не даетъ упасть внизъ быстрота кругового движенія. Свѣтила—каменныя глыбы, оторвавшіяся отъ земли, унесенныя вверхъ и раскалившіяся вслѣдствіе быстраго вращательнаго движенія, которымъ онѣ охвачены. Всѣ свѣтила имѣютъ плоскую форму. Первоначально звѣзды совершали движеніе такъ, что небесный полюсъ былъ противъ вершины земли, впослѣдствіи же онъ наклонился и звѣзды въ своемъ движеніи стали заходить подъ землю. Это наклоненіе оси вращенія звѣздъ Анаксагоръ характеризовалъ, какъ цѣлесообразное дѣйствіе космоса (A 67). Солнце, по Анаксагору, раскаленная масса, или огненный жерновъ, величиною больше Пелопоннеса. Повороты солнца Анаксагоръ объясняетъ тѣмъ, что сгущенный воздухъ заставляетъ его мѣнять направленіе. Солнечныя затменія, по ученію Анаксагора, происходятъ оттого, что между солнцемъ и землей становится луна, которая находится ближе къ землѣ, нежели солнце. Луна—тѣло, подобное нашей землѣ; она обитаема и имѣетъ долины и холмы. Лунныя фазы и затменія Анаксагоръ объяснялъ отчасти тѣнью земли, отчасти существованіемъ между луной и землей темныхъ небесныхъ тѣлъ, невидимыхъ для насъ. Свой свѣтъ луна заимствуетъ у солнца (B 18). Кометы—ничто иное, какъ соединеніе планетъ. Млечный путь образуется паденіемъ на небо земной тѣни, такъ какъ земля больше солнца; а если бы солнце вовсе исчезло, то, по мнѣнію Анаксагора, все небо приняло бы видъ млечнаго пути. Изъ метеорологическихъ ученій Анаксагора слѣдуетъ отмѣтить объясненіе происхожденія вѣтра различіемъ въ температурѣ и въ плотности воздуха. Разливъ Нила онъ объяснялъ таяніемъ снѣговъ въ горахъ Центральной Африки.

Умъ и едино непрерывное мірообразованіе; множество міровъ, о которыхъ Анаксагоръ говорилъ, суть только части единаго міра. Напротивъ, по Джону Бернету, Анаксагоръ принимаетъ іонійскую теорію безчисленности міровъ и учитъ, что Умъ произвелъ движеніе во многихъ частяхъ безконечной смѣси.

Анаксагоръ (въ противоположность гилозоистамъ) проводитъ различіе между одушевленными и неодушевленными тѣлами. Есть вещи (говоритъ онъ), въ которыхъ „находится“ и Нусъ. Являясь причиной порядка и красоты во всей природѣ, Умъ въ одушевленныхъ тѣлахъ проявляется особымъ способомъ, а именно, непосредственно дѣйствуетъ въ нихъ какъ движущее и мыслящее начало. Растѣнія также одушевлены: они ничто иное, какъ прикрѣпленныя къ землѣ животныя. Растенія могутъ по своему желанію совершать нѣкоторыя движенія, они обладаютъ дыханіемъ и ощущеніемъ и испытываютъ чувства удовольствія и неудовольствія (такъ, у нихъ бываетъ чувство неудовольствія при потерѣ листьевъ). Нусъ одинъ и тотъ же во всѣхъ одушевленныхъ тѣлахъ, различныя же степени умственной одаренности зависятъ всецѣло отъ различнаго устройства тѣлъ. Въ частности. интеллектуальное превосходство человѣка обусловлено присутствіемъ у него рукъ. Первые зародыши органическаго міра упали на землю вмѣстѣ съ дождемъ изъ воздуха, который содержитъ въ себѣ сѣмена всякаго рода. Живыя существа на землѣ возникли первоначально изъ ила (такое происхожденіе органическаго принималось уже въ космогоніяхъ предшественниковъ Анаксагора и впослѣдствіи еще Аристотель полагалъ, что изъ ила путемъ самозарожденія возникаютъ низшія животныя). Анаксагоръ открылъ, что рыбы дышатъ жабрами. Но встрѣчаются у него и странныя утвержденія, какъ, напримѣръ, будто вороны совокупляются ртомъ, а ласочка рожаетъ черезъ ротъ. Занимался Анаксагоръ также вопросами о зарожденіи человѣка и развитіи зародыша (онъ связываетъ мужской полъ съ правой стороной, женскій съ лѣвой; организующую роль въ зародышѣ приписываетъ эѳирной теплотѣ; полагаетъ, что раньше всего въ зародышѣ образуется мозгъ, а пища доставляется ему черезъ пупъ; дѣти, по его мнѣнію, похожи лицомъ на того изъ родителей, который при зачатіи далъ больше сѣмени). Былъ затронутъ Анаксагоромъ также вопросъ о причинѣ возникновенія болѣзней (А 105). Тѣло человѣка, по Анаксагору, состоитъ изъ всѣхъ сѣмянъ вселенной (въ этомъ смыслѣ его можно назвать микрокосмомъ) и вслѣдствіе этого человѣкъ въ состояніи все воспринимать. Въ противоположность теоріямъ чувственнаго воспріятія своихъ предшественниковъ, Анаксагоръ учитъ, что каждая вещь воспринимается противоположной ей, такъ какъ подобное не вліяетъ на подобное. Органы чувствъ у различныхъ людей различны, такъ какъ у каждаго индивида они смѣшаны изъ элементовъ въ другихъ количественныхъ отношеніяхъ. Поэтому чувственное воспріятіе субъективно, напротивъ, умъ даетъ объективное познаніе.[1]) Ощущенія ложны (А 96) и сопряжены со страданіемъ (А 94). Свое положеніе объ относительности ощущеній Анаксагоръ подробно доказываетъ, разсматривая различные виды чувственнаго воспріятія (А 92).

Аристотель (А 99 и А 100) говоритъ, что Анаксагоръ неясно высказался объ отношеніи между душой и Умомъ. „Анаксагоръ, повидимому

---

[1]) E. Arleth. Zu Anaxagoras. Arch. f. Gesch. d. Philos. VIII, 1895, стр. 464.

(говоритъ онъ) признаетъ душу и умъ различными... но употребляетъ эти слова такъ, какъ будто ими означается одинъ и тотъ же предметъ". Этотъ вопросъ изслѣдовалъ С. Фиміани, [1]) который признаетъ несправедливымъ мнѣніе Аристотеля, будто Анаксагоръ отожествлялъ душу и умъ. По мнѣнію Фиміани, у Анаксагора по сравненію съ его предшественниками новая точка отправленія: свое собственное *я*. Анаксагоръ перешагнулъ узкія границы философіи природы и выставилъ требованіе искать причину всѣхъ вещей въ умѣ. У него „первые зародыши субъективизма" (i primi germi del subiettivismo). Анаксагоръ не отожествлялъ душу и умъ. Нусъ у него сила болѣе возвышенная, нежели душа, и активное умственное познаніе отлично отъ пассивнаго чувственнаго воспріятія, органомъ котораго является душа.

Анаксагора называютъ иногда первымъ теистическимъ мыслителемъ Запада. Космосъ у Анаксагора, говоритъ А. Гуляевъ, „не есть уже самораскрытіе вещественныхъ и вмѣстѣ живыхъ и божественныхъ началъ. Религіозное чувство Анаксагора (до извѣстной степени) возвысилось надъ традиціоннымъ натурализмомъ: божественное начало отдѣлилось отъ внѣшней природы". [2]) Напротивъ, по мнѣнію Виндельбанда, умозрѣніе Анаксагора чисто натуралистическое и не имѣетъ ничего общаго съ религіозными тенденціями, основываясь на астрономическихъ мотивахъ. [3]) Однако, наши источники (А 48) говорятъ, что Анаксагоръ считалъ Умъ божествомъ, которое всѣмъ правитъ и надъ всѣмъ господствуетъ. Нельзя отрицать религіознаго отношенія Анаксагора къ принимаемому имъ разумному первоначалу. Но это божество у Анаксагора слишкомъ удалено отъ міра, не находится въ интимной внутренней связи съ жизнью міра (это скорѣе деизмъ, нежели теизмъ). Анаксагоръ, какъ единогласно свидѣтельствуютъ Платонъ, [4]) Аристотель [5]) и др., объяснялъ всѣ явленія природы чисто механически и пользовался Умомъ только какъ deo ex machina, когда недоставало другого объясненія (напримѣръ, для объясненія начала міроздания). Платонъ („Федонъ" 97 В слѣд.) говоритъ о разочарованіи Сократа, который былъ обманутъ въ своихъ надеждахъ найти въ книгѣ Анаксагора телеологическое объясненіе всего существующаго. Оказалось, что Анаксагоръ въ своихъ научныхъ теоріяхъ избѣгаетъ пользоваться Умомъ и указываетъ механическія причины для всѣхъ явленій. Аристотель сообщаетъ, что Анаксагоръ тащитъ на сцену Умъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда не можетъ указать никакой другой причины, вообще же выставляетъ причиною всего совершающагося все, что угодно, только не разумъ. Симплицій говоритъ, что, по ученію Анаксагора, многое образуется само собою безъ содѣйствія Ума.

---

[1]) S. Fimiani. Alcune osservazioni sulla ralazione tra il νοῦς e la ψυχή della dottrina filosofica di Anassagora (Rivista italiana di filosofia, 1889, I v., стр. 66 слѣд.).

[2]) Ц. с., стр. 335.

[3]) В. Виндельбандъ. Исторія древней философіи, стр. 71—72 р. п. 3 изд. 1902.

[4]) А 47.

[5]) Ibidem.

Анаксагоръ первый изъ греческихъ мыслителей рѣшительно порываетъ съ религіозными вѣрованіями народа. Небесныя свѣтила, которыя раньше признавались живыми божественными существами, онъ объявляетъ матеріальными массами, образовавшимися чисто механически. Свободно относится Анаксагоръ и къ древней миѳологіи. По Фаворину (А 1), онъ первый сказалъ, что содержаніемъ поэзіи Гомера является добродѣтель и справедливость (въ такомъ объясненіи Гомера ему слѣдуетъ Метродоръ Лампсакскій). Аллегорическое толкованіе религіозныхъ миѳовъ, можетъ быть, было однимъ изъ обвиненій, выставленныхъ противъ Анаксагора его врагами.

Этическія воззрѣнія Анаксагора не были изложены имъ въ научной формѣ; онъ не далъ этическаго ученія, но выразилъ свои этическіе взгляды въ отдѣльныхъ изреченіяхъ. Толпа (говоритъ Анаксагоръ) судитъ о счастіи по внѣшности. Но въ дѣйствительности ни богатство, ни власть не даютъ счастія. Счастіе человѣку приноситъ только умственная дѣятельность, въ которой и заключается цѣль жизни человѣка. Къ этикѣ, кажется, относится также изреченіе Анаксагора, что сущее для каждаго будетъ таковымъ, какимъ онъ его будетъ считать (см. А 28; обычно эти слова Анаксагора относятъ къ чувственному познаванію).

Въ своихъ ученіяхъ Анаксагоръ обнаруживаетъ наибольшую зависимость отъ философіи Анаксимена: плоская земля, покоющаяся на воздухѣ, темныя небесныя тѣла, находящіяся между луной и землей, объясненіе движенія солнца и луны сопротивленіемъ воздуха и другія его ученія заимствованы у Анаксимена. Въ качествѣ его предшественника по ученію о разумной міровой причинѣ, независимой отъ матеріи, Аристотель приводитъ легендарное имя Гермотима Клазоменскаго. Изъ современныхъ Анаксагору мыслителей можно замѣтить вліяніе на него (отчасти положительное, отчасти отрицательное) Левкиппа. Вмѣстѣ съ Левкиппомъ онъ объясняетъ, возникновеніе міра вихревымъ движеніемъ; такъ же, какъ Левкиппъ онъ учитъ, что первоначально звѣзды двигались горизонтально вокругъ земли. Вѣроятно, отрицаніе предѣла дѣлимости и пустоты у Анаксагора было направлено прежде всего противъ Левкиппа.

Изъ учениковъ Анаксагора наиболѣе извѣстны Периклъ, Эврипидъ и философы Архелай (учитель Сократа) и Діогенъ Аполлонійскій.

Анаксагоръ былъ первымъ философомъ, дѣйствовавшимъ въ Аѳинахъ, и насколько сильно его образъ запечатлѣлся въ памяти аѳинянъ, видно изъ того, что тѣ черты, которыми Аристофанъ въ „Облакахъ“ надѣляетъ Сократа, въ дѣйствительности взяты у Анаксагора (исключительная преданность теоретическому изслѣдованію, созерцаніе небесныхъ явленій, объясненіе грома и т. д.). Обвиненіе, предъявленное Сократу Мелитомъ въ томъ, что онъ отрицаетъ божественность солнца, имѣетъ своимъ источникомъ взглядъ на философію у аѳинскаго народа, образовавшійся подъ вліяніемъ ученій Анаксагора. Выразителемъ взгляда народа на Анаксагора является Ксенофонтъ, который говоритъ, что Анаксагоръ былъ не въ своемъ умѣ.

Историческую заслугу Анаксагора раньше видѣли главнымъ образомъ въ его ученіи объ Умѣ и въ постановкѣ телеологической проблемы.[1]) Но въ послѣднее время начали выдвигать, какъ наиболѣе оригинальную и плодотворную часть философіи Анаксагора, его теорію матеріи (Брейеръ, Таннери, Бернетъ). Въ ней видятъ предвареніе Платоновской теоріи идей; полагаютъ, что изъ гомеомерій развились идеи Платона, а изъ его первичнаго хаоса Платоновская безформенная матерія.

Анаксагоръ написалъ только одно сочиненіе, которое было изложено „пріятнымъ и возвышеннымъ языкомъ" (А 1). Оно было написано послѣ 467 г., такъ какъ въ этомъ году въ Эгоспотамосѣ упалъ необычайный метеоритъ, который въ этомъ сочиненіи упоминается. Сочиненіе Анаксагора вначалѣ считалось запрещеннымъ и имѣло небольшой кругъ читателей, но уже во времена Платона оно стало весьма распространеннымъ и его можно было купить за одну драхму.

А. Жизнь и ученіе.

Жизнь.

1. *Діогенъ II 6—15.* (*6*) Анаксагоръ Клазоменскій, сынъ Гегесибула или Эвбула. Онъ былъ ученикомъ Анаксимена и первый надъ матеріей поставилъ умъ, начавъ слѣдующимъ образомъ свое сочиненіе, изложенное пріятнымъ и возвышеннымъ (языкомъ): „Всѣ вещи были вмѣстѣ; затѣмъ пришелъ умъ и привелъ ихъ въ порядокъ" (*срв. 46 В 1*). Поэтому онъ и былъ прозванъ Умомъ. О немъ Тимонъ въ „Силлахъ" говоритъ слѣдующимъ образомъ:

„Передаютъ, что нѣкогда жилъ Анаксагоръ, отважный герой, (*по прозванію*) Умъ, потому что у него (*въ ученіи выступаетъ*) умъ, который, вдругъ начавъ дѣйствовать, связалъ воедино все, находившееся раньше въ безпорядкѣ".

Онъ отличался знатностью происхожденія и богатствомъ, а также великодушіемъ, такъ какъ унаслѣдованное отъ отца имущество уступилъ родственникамъ. (*7*) А именно, когда послѣдніе упрекнули его въ нерадѣніи, онъ сказалъ: „Такъ что же вы (*сами*) не заботитесь?"—и, наконецъ, (*вовсе*) отказался (*отъ имущества*) и сталъ заниматься научнымъ изслѣдованіемъ явленій природы, не заботясь о государственныхъ дѣлахъ. Однажды на вопросъ: „Неужели отечество тебя нисколько не интересуетъ?" онъ сказалъ, указавъ на небо: „Боже сохрани! (*моя*) родина даже очень интересуетъ меня". Говорятъ, что во время переправы Ксеркса ему было

[1]) Особенно рѣшительно заявляетъ Л. Ферри (цит. статья, стр. 139): „Or bene tutta la importanza della filosofia di Anassagora sta nel suo concetto della mente".

20 лѣтъ, прожилъ же онъ (*всего*) 72 года. Аполлодоръ въ „Хроникахъ" говоритъ, что онъ родился въ 70-ю олимпіаду (*500—497*), умеръ же въ первомъ году 88-ой олимпіады (*428*). Началъ же онъ заниматься философіей въ Аѳинахъ при (архонтѣ) Калліи (*456*; *или* при архонтѣ Калліадѣ *480*), двадцати лѣтъ отъ роду, какъ сообщаетъ Димитрій Фалерскій въ „Спискѣ архонтовъ" и тамъ, говорятъ, онъ прожилъ 30 лѣтъ.

(*8*) Онъ говорилъ, что солнце есть огненная масса и что оно (*по своимъ размѣрамъ*) больше Пелопоннеса (другіе же приписываютъ это Танталу, *срв. А 20 а*). Луна же обитаема и на ней имѣются холмы и долины (*срв. В 4*). Начала же—гомеомеріи. То-есть, подобно тому какъ золото состоитъ изъ такъ называемыхъ крупинокъ, такъ и вселенная представляетъ собою соединеніе подобочастныхъ маленькихъ тѣлъ. И умъ есть начало движенія. Изъ тѣлъ же тяжелыя занимаютъ мѣсто внизу (какъ, напримѣръ, земля); легкія же—вверху, какъ, напримѣръ, огонь. Вода же и воздухъ (занимаютъ) среднее (мѣсто). И вотъ такимъ образомъ на плоской землѣ держится море, причемъ (часть) влаги превращена солнцемъ въ паръ. (*9*) Звѣзды же вначалѣ двигались на подобіе купола, такъ что видимый (*небесный*) полюсъ былъ постоянно противъ вершины земли, впослѣдствіи же онъ наклонился. Млечный путь есть отраженіе свѣта звѣздъ, не освѣщаемыхъ солнцемъ. Кометы же представляютъ собой соединеніе планетъ, испускающихъ пламя. Падающія звѣзды (*это*)—какъ бы искры, отбрасываемыя воздухомъ. Вѣтры возникаютъ вслѣдствіе разрѣженія воздуха солнцемъ. Громъ—столкновеніе облаковъ. Молнія—треніе облаковъ. Землетрясеніе—обратное движеніе воздуха къ землѣ. Живыя существа (*первоначально*) возникли изъ влаги, тепла и земли, а затѣмъ (*стали рождаться*) одни отъ другихъ, причемъ самцы (*рождаются*) съ правой стороны, самки же—съ лѣвой.

(*10*) Передаютъ также, что онъ предсказалъ паденіе камня, случившееся около Эгоспотамоса; объ этомъ (камнѣ) онъ сказалъ, что онъ упадетъ съ солнца. Вотъ почему Эврипидъ, бывшій ученикомъ его, сказалъ въ „Фаэтонѣ", что солнце есть золотая глыба (*срв. А 20 а*). Въ другой разъ, прибывъ въ Олимпію, онъ сѣлъ въ кожаной одеждѣ, какъ будто бы (*скоро*) долженъ былъ пойти дождь, что и случилось. На вопросъ, станутъ ли когда-либо горы въ Лампсакѣ моремъ, онъ, какъ говорятъ, сказалъ: „Да, если не будетъ недостатка во времени". Однажды на вопросъ, для чего онъ родился, онъ сказалъ: „чтобы созерцать солнце, луну и и небо". Сказавшему: „ты лишился аѳинянъ", онъ возразилъ: „не я ихъ, но они меня". (Увидѣвъ гробницу Мавзола, онъ сказалъ: „Дорогая гробница есть образъ богатства, превращеннаго въ камни"). [1]) (*11*) Когда нѣкто горевалъ, что умираетъ на чужбинѣ, онъ сказалъ: „Отовсюду спускъ въ подземное царство одинаковъ" (*срв. А 34 а*). Повидимому, онъ первый, какъ сообщаетъ Фаворинъ въ „Исторіи разныхъ вещей",

---

[1]) Эта вставка заключаетъ въ себѣ хронологически невозможную для Анаксагора апофтегму циническаго происхожденія.

сказалъ, что содержаніемъ поэзіи Гомера является добродѣтель и справедливость. Еще болѣе защищалъ это положеніе Метродоръ Лампсакскій, бывшій его другомъ, который также первый удѣлилъ серьезное вниманіе физической сторонѣ содержанія (*произведеній*) поэта. Анаксагоръ первый издалъ книжку (своего) сочиненія (?). Силенъ въ первой изъ своихъ „Исторій" сообщаетъ, что камень съ неба упалъ при архонтѣ Дэмилѣ (?) (*12*) Анаксагоръ же (*тогда*) сказалъ, что все небо состоитъ изъ камней. Вслѣдствіе сильнаго круговращенія оно прочно держится, и, если (это движеніе) прекратится, оно упадетъ внизъ. О судѣ надъ нимъ передаютъ различно. А именно, Сотіонъ въ „Преемствѣ философовъ" говоритъ, что онъ былъ обвиненъ Клеономъ въ безбожіи за ученіе, что солнце есть огненная масса. Такъ какъ въ защиту его выступилъ ученикъ его Периклъ, онъ былъ приговоренъ (*только*) къ штрафу въ пять талантовъ и къ изгнанію. Сатиръ же въ „Жизнеописаніяхъ" сообщаетъ, что обвиненіе противъ него было возбуждено Ѳукидидомъ, который былъ политическимъ противникомъ Перикла; (*и что онъ обвинялъ Анаксагора*) не только въ безбожіи, но и въ сочувствіи персамъ; и (что) онъ заочно былъ приговоренъ къ смертной казни. (*13*) Когда одновременно ему сообщили извѣстіе о вынесенномъ приговорѣ и о смерти его дѣтей, онъ сказалъ по поводу приговора: „Право, природа давно присудила (*къ смерти*) и меня и ихъ", а о дѣтяхъ сказалъ, что онъ „зналъ, что произвелъ ихъ (на свѣтъ) смертными". (Другіе же относятъ этотъ разсказъ къ Солону, иные—къ Ксенофонту). Онъ собственноручно похоронилъ ихъ, какъ говоритъ Димитрій Фалерскій въ сочиненіи: „О старости". Гермиппъ же въ „Жизнеописаніяхъ" сообщаетъ, что его заключили въ темницу, чтобы предать смертной казни. Тогда Периклъ, выступивъ передъ народомъ, сказалъ, можетъ ли (кто-нибудь) обвинить его самого (*т. е. Перикла*) въ чемъ-нибудь, что касается его образа жизни. Когда же народъ отвѣтилъ, что (*не можетъ обвинить его*) ни въ чемъ, Периклъ сказалъ: „А вѣдь я ученикъ его. Итакъ, не вѣрьте клеветѣ и не предавайте смерти (этого) человѣка, но послушайтесь меня и отпустите его". И онъ былъ выпущенъ на свободу, но не перенесъ обиды и самъ лишилъ себя жизни. (*14*) Іеронимъ же во второй книгѣ „Разныхъ записокъ" говоритъ, что Периклъ привелъ его въ судъ разслабленнымъ и истощеннымъ болѣзнью, такъ что его оправдали скорѣе изъ состраданія, чѣмъ на основаніи данныхъ обвиненія. Вотъ сколько (*различныхъ разсказовъ ходитъ*) о судѣ надъ нимъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ находился во враждебныхъ отношеніяхъ съ Демокритомъ, такъ какъ послѣдній отказался вступить съ нимъ въ собесѣдованіе. Подъ конецъ своей жизни онъ удалился въ Лампсакъ, гдѣ и скончался. Когда правители города спрашивали его объ его послѣднемъ желаніи, онъ попросилъ, чтобы „было разрѣшено ежегодно устраивать дѣтскія игры въ мѣсяцъ его кончины". Этотъ обычай соблюдается еще до сихъ поръ. (*15*) Когда онъ умеръ, жители Лампсака похоронили его съ почестями и сдѣлали (на его могилѣ слѣдующую) надпись:

„Здѣсь лежитъ Анаксагоръ, проникшій до крайняго предѣла истины (*въ познаніи*) небеснаго космоса“. И мы сочинили (*слѣдующее стихотвореніе*) о немъ:

„Нѣкогда Анаксагоръ говорилъ, что солнце есть огненная масса, за что долженъ былъ умереть. Но его спасъ другъ (его) Периклъ, онъ же самъ лишилъ себя жизни вслѣдствіе слабости своей мудрости“.

Были еще 3 (извѣстныхъ) лица, носившихъ имя Анаксагора, изъ которыхъ (ни одинъ не отличался всесторонностью, но) [1]) одинъ былъ ораторомъ, послѣдователемъ Исократа, другой, котораго упоминаетъ Антигонъ,—ваятелемъ; третій—грамматикомъ, ученикомъ Зенодота.

2. Гарпократіонъ. Софистъ Анаксагоръ Клазоменскій, сынъ Гегесибула, ученикъ Анаксимена Милетскаго. Онъ былъ прозванъ Умомъ, такъ какъ сказалъ, что матерія и умъ—стражъ всѣхъ (*вещей*). Это онъ сказалъ, что солнце—огненная масса.

3. Свида. Анаксагоръ... (*солнце—масса*) огненная (*изъ § 2*), то-есть пылающая.

Онъ спасся бѣгствомъ изъ Аѳинъ, послѣ того какъ въ защиту его держалъ рѣчь Периклъ. Прибывъ въ Лампсакъ, онъ тамъ скончался, уморивъ себя голодомъ. Лишилъ же онъ себя жизни, имѣя отъ роду 70 лѣтъ, вслѣдствіе того, что былъ ввергнутъ аѳинянами въ тюрьму за то, что высказалъ нѣкоторое новое мнѣніе о божествѣ. *Изъ неизвѣстнаго источника.*

4. Кириллъ c. Iul. I p. 12 B (изъ Хроники Евсевія=Іеронимъ: отъ Авраама 1520=1-ый годъ 70 олимпіады=500) Въ семидесятую олимпіаду, говорятъ, родились философы, занимавшіеся изслѣдованіемъ природы, Демокритъ и Анаксагоръ, и одновременно съ ними Гераклитъ, по прозванію Темный. *Евсевій (Іеронимъ) отъ Авраама 1557 (ол. 80, 1=460)* смерть Анаксагора. *Срв. А 18.*

4a. Мраморъ Паросскій ep. 60 Послѣ этого Эврипидъ, 34 лѣтъ отъ роду, впервые одержалъ побѣду (*своей*) трагедіей въ 179 г. когда въ Аѳинахъ былъ архонтомъ Дифилъ (*442—1*) Современниками Эврипида были Сократъ и Анаксагоръ.

5. Діогенъ IX 41 (Демокритъ), какъ онъ самъ говоритъ въ „Маломъ діакосмѣ“, былъ юнымъ въ то время, когда Анаксагоръ былъ старикомъ, (*а именно*) онъ былъ моложе его на сорокъ лѣтъ. Онъ говоритъ, что „Малый діакосмъ“ былъ написанъ въ 730 году послѣ взятія Трои. *IX 34* Позже онъ (*Демокритъ*) перешелъ къ Левкиппу и Анаксагору, будучи, согласно нѣкоторымъ, моложе послѣдняго 40 годами. ФавоWhile же сообщаетъ въ „Исторіи разныхъ вещей“, что Демокритъ говоритъ объ Анаксагорѣ, будто (высказанныя имъ) мнѣнія о солнцѣ и лунѣ не принадлежатъ ему, но идутъ отъ древности, онъ же (*только*) присвоилъ ихъ себѣ. *35 (Онъ также сообщаетъ)*, что *Демокритъ* осмѣивалъ уче-

---

[1]) Непонятная вставка. По мнѣнію Дильса, можетъ быть, здѣсь слѣдуетъ читать: „первый не встрѣчается ни у какого другого автора“, т. е. кромѣ Димитрія Магнеса.

нія *Анаксагора* объ устроеніи вселенной и умѣ, будучи враждебно настроенъ къ нему за то, что тотъ не пришелъ (*учиться*) къ нему. Какъ же въ такомъ случаѣ онъ былъ его ученикомъ, какъ (говорятъ) нѣкоторые?

6. *Филостратъ V. Apoll. II 5 p. 46, 22 Kayser* Зная, Аполлоній, что Анаксагоръ Клазоменскій наблюдалъ небесныя явленія съ (мыса) Миманта въ Іоніи, и Ѳалесъ Милетскій съ сосѣдняго (мыса) Микале и т. д.

7. *Страбонъ XIV p. 645* Изъ Клазоменъ происходилъ славный мужъ Анаксагоръ, занимавшійся изслѣдованіемъ природы, ученикъ Анаксимена Милетскаго. Учениками же его были физикъ Архелай и поэтъ Эврипидъ. *Евсевій P. E. X 14, 13* Архелай же въ Лампсакѣ смѣнилъ Анаксагора въ руководствѣ школою. *Климентъ Strom. I 63* Послѣ него (*Анаксимена*) Анаксагоръ Клазоменскій, сынъ Гегесибула. Онъ переселился изъ Іоніи въ Аѳины. Его преемникъ—Архелай, ученикомъ котораго былъ Сократъ. *Галенъ hist. phil. 3 (D. 599)* (*Анаксимандръ*) сдѣлалъ Анаксимена учителемъ Анаксагора. Послѣдній, покинувъ Милетъ, прибылъ въ Аѳины и прежде всего привлекъ къ философіи аѳинянина Архелая (*см. 47 A 1- 5*).

8. *Симплицій phys. 25, 19* (*21 A 7, стр. 140 второй части*) Эмпедоклъ Агригентскій. родившійся немного позже Анаксагора. *Срв. 21 A 1 и Аристотель Metaph. A 3* (*см. 21 A 6. 46 A 43*).

9. *Проклъ ad Eucl. p. 65, 21 (см. выше стр. 16)* Послѣ него (*Пиѳагора*) занимался многими (вопросами), относящимися къ геометріи, Анаксагоръ Клазоменскій и Энопидъ Хіосскій, который былъ немного моложе Анаксагора.

10. *Кедренъ I 165, 18 Bekk.* А именно, какъ разсказываютъ эллины, и Ферекидъ Сирійскій, и Пиѳагоръ Самосскій, и Анаксагоръ Клазоменскій, и аѳинянинъ Платонъ путешествовали къ нимъ (*египтянамъ*), чтобы научиться у нихъ теологіи и болѣе точной физіологіи (*наукѣ о природѣ*). *Amm. Marcell. XXII 16, 22* Отсюда (*т. е. изъ тайныхъ египетскихъ книгъ*) Анаксагоръ предсказалъ, что камни упадутъ съ неба, и, наблюдая колодезную тину, (онъ предсказалъ) будущія землетрясенія.

11. *Мраморъ Паросскій ep. 57* Послѣ этого въ Эгоспотамосѣ упалъ камень и скончался поэтъ Симонидъ, проживъ 90 лѣтъ, въ 205 г., когда въ Аѳинахъ былъ архонтомъ Ѳеагенидъ (468—7).

Плиній N. H. II 149 слѣд. Греки восхваляютъ Анаксагора Клазоменскаго за то, что онъ во второмъ году 78 олимпіады (*467—6*) предсказалъ вслѣдствіе знанія науки о небѣ, когда упадетъ съ солнца большой камень. И это (*дѣйствительно*) случилось днемъ въ той части Ѳракіи, которая (*лежитъ*) у Эгоспотамоса. Этотъ камень показываютъ еще теперь; онъ—величиною съ возъ, загорѣлаго цвѣта. Въ то время (*когда упалъ этотъ камень*) по ночамъ пылала (*на небѣ*) комета. Если повѣрить этому предсказанію, то необходимо признать, что божественность Анаксагора была слишкомъ чудесной; (*равнымъ образомъ*) уничтожается разумъ

природы вещей и все смѣшивается, если повѣрить, что само солнце— камень или что въ немъ когда-то былъ камень. Однако, нѣтъ сомнѣнія, что (*камни съ неба*) часто падаютъ. (*150*) Въ Абидосской гимназіи по этой причинѣ и нынѣ чтится даже маленькій (*камешекъ*); о немъ разсказываютъ, что тотъ же самый Анаксагоръ предсказалъ, что онъ упадетъ въ центрѣ земли. *Евсевій Chron.* (*Іеронимъ*) Камень въ Эгоспотамосѣ упалъ съ неба *въ 1551 г. отъ Авраама (Ол. 78, 3—466). Срв. А 1 § 11, стр. 123.*

12. Плутархъ Lys. 12 Другіе же говорятъ, что предзнаменованіемъ по поводу этого происшествія (*пораженія аѳинянъ*) было паденіе камня. А именно, какъ гласитъ народная молва, съ неба упалъ на (берегъ) Эгоспотамоса весьма большой камень. Его показываютъ еще и теперь, и жители Херсонеса чтятъ его. Говорятъ, Анаксагоръ предсказалъ, что, если небесныя тѣла какъ-нибудь сойдутъ со своего мѣста или придутъ въ сотрясеніе, то одно (*тѣло*), оторвавшись, низвергнется и упадетъ (*на землю*). Находится же (*нынѣ*) каждая изъ звѣздъ (по его *мнѣнію*) не на томъ мѣстѣ, въ которомъ она возникла. Ибо, будучи тяжелыми камнями, онѣ свѣтятъ вслѣдствіе отраженія и преломленія эѳира и, соединенныя вихремъ и быстрымъ круговращеніемъ, онѣ влекутся (*этой посторонней*) силою. Она-то и вначалѣ помѣшала имъ упасть сюда (*на землю*), когда отдѣлялись отъ всего холодные и тяжелые (*части*). Мнѣніе Анаксагора считаетъ правильнымъ и Даимахъ въ сочиненіи: „О благочестіи“. А именно, онъ говоритъ, что передъ паденіемъ камня ежедневно въ теченіе 75 дней на небѣ было видно весьма большое огненное тѣло въ родѣ пылающаго облака. *Срв. упоминаніе Анаксагора у Пселла* (*стр. 157 второй части*).

13. Плутархъ Pericl. 16 (*изъ Іона?*) *(пер. В Алексѣева)* Человѣкъ, умѣвшій такъ аккуратно вести хозяйство, былъ рабъ его Евангелъ. Имѣлъ ли онъ природныя способности къ этому, или его научилъ Периклъ, только онъ зналъ свое дѣло, какъ никто другой. Правда, это идетъ въ разрѣзъ съ философіей Анаксагора, который, вѣрный своимъ убѣжденіямъ, въ великодушномъ порывѣ бросилъ свой домъ и оставилъ землю необработанной, подъ пастбище скоту. *Платонъ Hipp. m. 283 A* (*пер. Карпова*) Вотъ съ Анаксагоромъ случилось, говорятъ, противное тому, что съ вами: получивъ себѣ въ наслѣдство много денегъ, онъ сталъ беззаботенъ и все потерялъ. Такъ-то неблагоразумно было софистическое его занятіе!

14. Тертулліанъ Apolog. 46 Анаксагоръ (?) отказался (вернуть) гостямъ то, что было дано ему на сохраненіе.

15. Платонъ Phaedr. 269 E (*пер. Карпова*) *Сокр.* Мнѣ кажется, почтеннѣйшій, что въ риторикѣ, по справедливости, совершеннѣе всѣхъ Периклъ. *Федръ.* Почему такъ? *Сокр.* Во всѣхъ великихъ искусствахъ требуются пустословіе и верхоглядство о природѣ. Отсюда-то непонятнымъ образомъ проистекаетъ та высота мыслей и та дѣйственность слова, которыми, кромѣ естественныхъ способностей, обладалъ Периклъ. Привязавшись къ Анаксагору,—человѣку тѣхъ самыхъ качествъ, привыкши

къ верхоглядству, обращаясь къ природѣ разума и неразумія, [1]) о чемъ Анаксагоръ говорилъ много, Периклъ извлекалъ изъ этого все полезное для искусства рѣчей.

Исократъ XV 235 Периклъ же былъ ученикомъ двухъ (мужей): Анаксагора Клазоменскаго и Дамона, который считался въ то время самымъ умнымъ изъ всѣхъ гражданъ. [2]) *Плутархъ Pericl. 4* Въ наиболѣе близкихъ отношеніяхъ съ Перикломъ находился Анаксагоръ Клазоменскій, который главнымъ образомъ внушилъ ему (чувство) достоинства и болѣе серьезный образъ мыслей, чѣмъ какой обычно бываетъ у демагоговъ, и вообще возвысилъ и облагородилъ его характеръ. Его современники прозвали Умомъ, можетъ быть, вслѣдствіе преклоненія передъ его великимъ и чрезвычайно яснымъ умомъ, проявившимся въ изученіи природы, или потому что онъ первый призналъ началомъ устроенія вселенной не случай и не необходимость, но умъ чистый и несмѣшанный, выдѣляющій гомеомеріи изъ всего остального, находящагося въ состояніи смѣси. [3])

16. Плутархъ Pericl. 6 (пер. В. Алексѣева) Говорятъ, Периклу принесли однажды изъ имѣнія баранью голову съ однимъ рогомъ. Гадатель Лампонъ замѣтилъ, что рогъ твердъ, крѣпокъ и выходитъ изъ середины головы, и объявилъ, что изъ двухъ главныхъ политическихъ партій въ городѣ—партій Ѳукидида и Перикла—власть перейдетъ къ той, у которой случилось чудо. Но Анаксагоръ разрубилъ голову и доказалъ, что мозгъ не наполнялъ всего черепа, но принялъ остроконечную форму яйца и изъ всего вмѣстилища сгустился у корня рога. Присутствовавшіе стали съ тѣхъ поръ смотрѣть съ уваженіемъ на Анаксагора, а немного спустя, когда вліяніе Ѳукидида было уничтожено и государственная власть перешла всецѣло въ руки Перикла (*весна 442 г.*),—и на Лампона.

17. Плутархъ Pericl. 32 Около этого времени (*начало пелопоннесской войны*)... Діопиѳъ внесъ предложеніе, чтобы считались государственными преступниками тѣ, кто не почитаетъ боговъ по установленному обычаю или объясняетъ научнымъ образомъ небесныя явленія; (это предложеніе) было направлено противъ Перикла, такъ какъ имѣло въ виду обвиненіе Анаксагора... Испугавшись (за него), Периклъ вызвалъ Анаксагора и выслалъ (его) изъ города. *Діодоръ XII 39 (архонтъ Эвтидемъ 431; послѣ процесса Фидія, гдѣ онъ пересказываетъ Эфора)* Сверхъ того, они донесли на софиста Анаксагора, бывшаго учителемъ Перикла, будто онъ поступаетъ нечестиво по отношенію къ богамъ. *Срв. А 1, стр. 123.*

18. Плутархъ Nic. 23 (пер. В. Алексѣева) Анаксагоръ, первымъ изложившій письменно, яснѣе и смѣлѣе другихъ, теорію о лунномъ свѣтѣ

---

[1]) Т. е. противоположной уму матеріи.

[2]) Сказано такъ, потому что Анаксагоръ былъ въ Аѳинахъ чужеземцемъ.

[3]) Этотъ отрывокъ переведенъ у В. Алексѣева крайне неточно.

и затменіяхъ, былъ писателемъ новымъ; кромѣ того, его сочиненіе не пользовалось извѣстностью. Оно считалось еще запрещенымъ, имѣло небольшой кругъ читателей и ходило по рукамъ съ соблюденіемъ осторожности или недовѣрія. „Физиковъ" и „метеоролесховъ" тогда еще не терпѣли,—ихъ считали оскорбляющими величіе божества, такъ какъ они объясняли законы природы случайностями, простою силой или дѣйствіемъ необходимости. [1]) Протагоръ былъ изгнанъ, Анаксагоръ—брошенъ въ тюрьму, откуда съ трудомъ могъ освободить его Периклъ.

Евсевій chron. arm. отъ Авраама 1554 (ол. 79, 3=462—1) Затменіе солнца. Смерть Анаксагора (*у Іеронима 1557 г. отъ Авраама=ол. 80, 1=460—59*). [2])

19. Іосифъ c. Ap. II 265 Анаксагоръ же былъ клазоменецъ. Между тѣмъ какъ аѳиняне признавали солнце богомъ, онъ училъ, что оно—огненный жерновъ. За это они присудили его къ смерти; лишь немногіе голоса были поданы въ его пользу.

Олимпіодоръ in Meteor. p 17, 19 Stüve Однѣ только звѣзды огненны; такъ и Анаксагоръ назвалъ солнце раскаленнымъ кускомъ желѣза (*μύδρον*) вслѣдствіе его чрезвычайно высокой температуры. Ибо *μύδρος* значитъ: накаленное желѣзо. За это Анаксагоръ былъ изгнанъ изъ среды аѳинянъ посредствомъ остракизма, какъ дерзнувшій сказать нѣчто подобное. Однако, позже онъ былъ возвращенъ благодаря рѣчи Перикла. Дѣло въ томъ, что Периклъ былъ ученикомъ Анаксагора.

20. Филодемъ rhet. II 180 Sudh. fr. 7 Нѣкій битый плетью слуга Клеона привлекъ Анаксагора къ суду и кротонецъ Килонъ, обвинивъ Пиѳагора, добился изгнанія его, учениковъ же (его) сжегъ, когда они собрались въ одномъ мѣстѣ. *Срв. стр.*

20a. Схоліи къ Pind. Ol. I 91 p. 38, 6 Dr. А именно, Танталъ, бывшій физіологомъ и высказавшій (*мысль*), что солнце есть кусокъ раскаленнаго желѣза, за это былъ наказанъ такимъ образомъ, что надъ его головою висѣло солнце, которое его устрашало и отъ котораго онъ въ страхѣ прятался. О солнцѣ физики говорятъ, что солнцемъ называется камень, и Эврипидъ, бывшій ученикомъ Анаксагора, сказалъ, что солнце—камень, въ нижеслѣдующихъ (словахъ) (*цит. Эврипидъ Or. 4—7*). И еще въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ его глыбой земли слѣдующимъ образомъ: „Я хотѣлъ бы пойти съ Олимпа посрединѣ небесной тверди, по скалѣ, распростертой на золотыхъ цѣпяхъ, висящихъ въ воздухѣ, по несомой вихрями глыбѣ земли, чтобы въ плачёвныхъ пѣсняхъ оплакивать старика—отца Тантала" (*Or. 982 слѣд.*).

20b. Теологумены ариѳметики p. 7 Ast. И въ самомъ дѣлѣ, Эврипидъ, какъ бывшій ученикъ Анаксагора, слѣдующимъ образомъ упоминаетъ о землѣ: „Очагомъ, по крайней мѣрѣ (!), считаютъ ее мудрые изъ

---

[1]) Точнѣе: „Ихъ считали уничтожающими божество, такъ какъ они превращали его въ неразумныя причины, слѣпыя силы и дѣйствія необходимости".

[2]) См. примѣчаніе Дильса.

смертныхъ (!)“ *Срв. Эврипидъ fr. 944* И мать Земля. Мудрые изъ смертныхъ называютъ тебя очагомъ, покоющимся въ эеирѣ.

21. Геллий XV 20 Александръ же Этолійскій сочинилъ слѣдующіе стихи на Эврипида:

„Воспитанникъ благороднаго Анаксагора, ненавидящій смѣхъ и не умѣющій смѣяться даже при винѣ, обратился ко мнѣ съ угрюмой рѣчью, но то, что онъ написалъ, имѣетъ сладость меда и Сиренъ.

Эліанъ var. hist. VIII 13 Говорятъ, что Анаксагора Клазоменскаго никогда не видѣли ни смѣющимся, ни улыбающимся отъ самаго рожденія.

22. Атеней V 220 В „Каллій“ же его (*Aesch. Socr. fr. 16 Krauss*) заключаетъ въ себѣ споръ Каллія съ отцомъ и осмѣяніе софистовъ Продика [1]) и Анаксагора (?). А именно, онъ говоритъ, что Продикъ обучилъ ученика Ѳерамена, другой же (*именно Анаксагоръ*)—Филоксена, сына Эрикса, и Арифрада, брата киѳареда [2]) Аригнота. (*Въ своемъ произведеніи*) онъ хочетъ на основаніи нравственной неиспорченности указанныхъ (лицъ) доказать, что ученіе ихъ воспитателей (*благосклонно*) относилось къ злу сластолюбія.

23. Алкидамъ у Аристотеля Rhet. B 23. 1398 b 15 И жители Лампсака похоронили Анаксагора и чтятъ его еще и нынѣ, несмотря на то, что онъ былъ чужеземцемъ.

24. Эліанъ V. H. VIII 19 (*послѣ надписи, приведенной на стр. 124*) И алтарь былъ ему поставленъ и на немъ была сдѣлана надпись: „Уму“, по словамъ однихъ, „Истинѣ“, по словамъ другихъ.

25. Діогенъ II 46 (*срв. первой части стр. 75 и 95*) Какъ говоритъ Аристотель въ третьей (книгѣ): „О поэтикѣ“ соперничалъ... съ Анаксагоромъ Сосибій [3])

26. — X 12 (*Эпикуръ*), сообщаетъ Діоклъ, изъ древнихъ особенно хвалилъ Анаксагора, хотя и возражалъ противъ нѣкоторыхъ его (*ученій*), а также Архелая, учителя Сократа.

27. Клазоменскія монеты даютъ намъ два изображенія Анаксагора, вѣроятно, съ поставленныхъ тамъ статуй: 1) образецъ приблизительно 100 г. до Р. Хр. изображаетъ Анаксагора сидящимъ налѣво; и 2) образецъ эпохи императоровъ изображаетъ Анаксагора стоящимъ направо съ глобусомъ въ правой рукѣ.

Апофтегматика.

Срв. А 1 §§ 10. 13.

28. Аристотель Metaph. Г 5. 1009 b 25 (*послѣ 18 В 16*) Помнятъ изреченіе Анаксагора, (*сказанное имъ*) нѣкоторымъ изъ его друзей, что сущее будетъ для нихъ таковымъ, какимъ они его будутъ считать.

---

[1]) См. 77 А 4 b.

[2]) Киѳаредъ=поющій съ аккомпаниментомъ киѳары.

[3]) Неизвѣстное лицо.

29. Климентъ Str. II 130 А именно, какъ передаютъ, Анаксагоръ Клазоменскій говоритъ, что цѣлью жизни является теоретическое познаніе и проистекающая отъ него свобода.

30. Аристотель Eth. Nic. (пер. Э. Радлова) Z 7. 1141 b 3 Поэтому-то Анаксагора, Ѳалеса и имъ подобныхъ называютъ мудрецами, а не практичными; ибо видятъ, что они не понимаютъ собственной выгоды; про ихъ знаніе говорятъ, что оно „чрезвычайно" и „удивительно", „тяжело" и „демонично", но безполезно, такъ какъ они не доискиваются того, что составляетъ благо людей. *К 9. 1179 а 13* Кажется, и Анаксагоръ не считалъ блаженнымъ ни богатаго, ни династа, говоря, что онъ не удивился бы, если бы блаженный показался толпѣ совершенно непригоднымъ для блаженства, такъ какъ толпа судитъ всегда по внѣшности, которую только и понимаетъ. *Срв. Эвдемова Eth. А 4. 1215 b 9. Тамъ же 1216 а 11* Итакъ, разсказываютъ, что, когда кто-то, находившійся въ такомъ тяжеломъ положеніи, спросилъ Анаксагора, ради чего лучше родиться, чѣмъ не родиться, послѣдній сказалъ: „чтобы созерцать небо и устройство всего космоса". *Срв. 375. 17. Объ этомъ Эврипидъ fr. 910* Кто, счастливецъ, изучилъ исторію, не устремляя своего вниманія ни на несчастіе гражданъ, ни на несправедливыя дѣянія, но замѣчалъ (*лишь*) неувядающій порядокъ безсмертной природы, какова она, гдѣ и какъ она образовалась. Къ такимъ (*людямъ*) никогда не пристаетъ забота о постыдныхъ дѣлахъ. [1])

31. Валерій Максимъ VIII 7 ext. 6 Какимъ по истинѣ страстнымъ желаніемъ пылалъ Анаксагоръ, по нашему мнѣнію? Вернувшись на родину изъ продолжительнаго путешествія и увидѣвъ свои (земельныя) владѣнія запустѣлыми, онъ сказалъ: „Я не былъ бы спасенъ, если бы они не погибли". Рѣчь, одаренная желанной мудростью! Ибо если бы онъ больше занимался (своими) помѣстьями, чѣмъ просвѣщеніемъ (своего) разума, то онъ остался бы въ отцовскомъ домѣ хозяиномъ своего имѣнія, но не вернулся бы домой такимъ (*мудрецомъ*).

32. Плутархъ Pericl. 16 И однако, разсказываютъ, что, между тѣмъ какъ Периклъ былъ занятъ (дѣлами), самъ Анаксагоръ, оставаясь безъ призрѣнія, уже въ преклонномъ возрастѣ лежалъ съ покрытой головой, намѣреваясь уморить себя голодомъ. Когда объ этомъ узналъ Периклъ, онъ внѣ себя побѣжалъ прямо къ нему и сталъ всячески просить его (*не лишать себя жизни*), пожалѣть (если) не себя, то (хоть) его, такъ какъ онъ потерялъ (*въ лицѣ его*) такого (*выдающагося*) совѣтника въ государственныхъ дѣлахъ. Тогда Анаксагоръ, открывъ лицо, сказалъ ему: „Периклъ, и нуждающіеся въ лампадѣ, подливаютъ (въ нее) масла".

33. Галенъ de plac. Hipp. et Plat. IV 7 p. 392 слѣд. Müller (изъ Посидонія; срв. 11 А 1) Поэтому-то онъ употребляетъ слово „προενδημεῖν" въ значеніи: пользоваться дѣлами еще не настоящими (*т. е. будущими*),

---

[1]) Здѣсь протестъ противъ осужденія Анаксагора.

какъ настоящими. Выраженіе: „*προενδημεῖν*“ значитъ у Посидонія: заранѣе воображать иныя возможности, заранѣе образовывать со своей стороны представленіе о дѣлѣ, которое должно совершиться, и постепенно начать относиться къ нему, какъ къ чему-то уже обыкновенному. Вслѣдствіе этого онъ и приводилъ здѣсь слѣдующее изреченіе Анаксагора: именно, когда нѣкто ему сообщилъ, что умеръ его сынъ, онъ совершенно спокойно сказалъ: „Я зналъ, что произвелъ смертнаго“. (*И также онъ здѣсь сообщаетъ*), что, заимствовавъ эту мысль, Эврипидъ вложилъ въ уста Тезея (*слѣдующія слова*):

„Научившись у одного мудреца, я всегда старался воображать несчастные случаи (*какіе могутъ произойти со мной*), представляя себѣ изгнаніе изъ отечества, преждевременную смерть и другого рода бѣдствія, чтобы въ случаѣ, если бы мнѣ пришлось претерпѣть что-нибудь изъ того, что я воображалъ въ душѣ, свѣжее (бѣдствіе), постигшее меня, болѣе не терзало меня. *Срв. Alkestis* (*поставлена на сценѣ въ 438 г.*) *903 хоръ:* Въ моемъ роду былъ нѣкто, у котораго погибъ заслуживающій сожалѣнія юноша, единственное дитя въ домѣ. Но онъ тѣмъ не менѣе переносилъ несчастіе умѣренно, хотя остался бездѣтнымъ уже доживъ до сѣдыхъ волосъ и въ позднемъ возрастѣ.

34. Стобей flor. IV 52 b, 39 H. Анаксагоръ говорилъ, что о томъ, что такое смерть, мы можемъ узнать изъ двухъ (вещей): времени до рожденія и сна.

34a. Цицеронъ Tusc. I 43, 104 Когда Анаксагоръ умиралъ въ Лампсакѣ, то на вопросъ друзей, желаетъ ли онъ въ случаѣ смерти быть перенесеннымъ на родину въ Клазомены, далъ (слѣдующій) прекрасный отвѣтъ: „Вовсе не нужно: ибо отовсюду путь въ подземное царство одинаково дlinенъ“. *Срв. стр. 122.*

Сочиненіе.

Срв. A 1 § 6.

35. Платонъ apol. p. 26 D. (*пер. Карпова*) *Мел.* Солнце называетъ онъ камнемъ, а луну землею. *Сокр.* Ты, кажется, обвиняешь Анаксагора... Думать, будто судьи такъ мало знакомы съ книгами, будто они не знаютъ, что подобными мнѣніями преисполнены сочиненія Анаксагора Клазоменскаго, значитъ унижать ихъ. Видно же, юноши учатся у меня тому, что иногда могутъ, много какъ за драхму, купить со сцены, [1]) чтобы посмѣяться надъ Сократомъ, когда бы эти и другія нелѣпости онъ вздумалъ выдавать за свое.

36. Климентъ Str. I 78 Въ самомъ дѣлѣ, довольно поздно появилось у эллиновъ обученіе наукамъ и письмо. По крайней мѣрѣ, Алкмеонъ Кротонскій, сынъ Пириѳа, первый сочинилъ разсужденіе о природѣ; по

[1]) Т. е. на книжномъ базарѣ.

мнѣнію же другихъ, Анаксагоръ Клазоменскій, сынъ Гегесибула, первый написалъ книжку съ чертежами.

37. Діогенъ I 16. Другіе же—по одному сочиненію: Мелиссъ, Парменидъ, Анаксагоръ.

38. Плутархъ d. exil. 17, 607 F А Анаксагоръ въ тюрьмѣ писалъ квадратуру круга. *Срв. гл. 30, 2. 3.*

39. Витрувій VII pr. 11. Сначала Агаѳархъ въ Аѳинахъ, когда Эсхилъ ставилъ трагедію, сдѣлалъ сцену и оставилъ сочиненіе о ней. Подъ вліяніемъ его Демокритъ (*55 B IX 4*) и Анаксагоръ написали о той же самой вещи, какимъ образомъ для остроты зрѣнія и (*наилучшаго*) распространенія лучей линіи должны соотвѣтствовать установленному въ опредѣленномъ мѣстѣ центру, чтобы извѣстныя изображенія зданій на живописи сценъ представляли лишь наружный видъ предмета, остающагося (*въ остальной части*) скрытымъ, и чтобы изображенія на прямыхъ плоскихъ фасадахъ казались—одни удаляющимися, другія выдающимися впередъ.

40. Cod. Monac. 490 Объ Анаксагорѣ. Нѣкоторые говорятъ, что Анаксагоръ, написавъ разсужденіе о трудныхъ вопросахъ, назвалъ его „Поясомъ", такъ какъ, думалъ онъ, оно связываетъ читающихъ (своими) трудностями. (*Къ заглавію срв. Гомеръ Иліада XIV 214*, къ *автору стр. 124*).

Ученіе.

Срв. А 1 §§ 8 слѣд. и А 10—12.

Ѳеофрастъ (*Перечень сочиненій его у Діогена V 42*) „Противъ Анаксагора" одна книга; „Объ ученіяхъ Анаксагора" одна книга, *срв. стр. 133.*

41. Симплицій phys. 27, 2 (*изъ Ѳеофраста Phys. Opin. fr. 4; D. 478*) Анаксагоръ Клазоменскій, сынъ Гегесибула, познакомившійся съ философіей Анаксимена, первый (*коренньмъ образомъ*) измѣнилъ мнѣнія о началахъ, (*а именно*) онъ восполнилъ недостающую причину и тѣлесныя (*начала*) призналъ безконечными. А именно, (*по его мнѣнію*) всѣ гомеомеріи, какъ, напримѣръ, вода, или огонь, или золото, не имѣютъ ни начала, ни конца во времени, кажется же, будто онѣ возникаютъ и гибнутъ, только вслѣдствіе соединенія и отдѣленія (ихъ), причемъ все заключается во всемъ, каждая же (вещь) характеризуется тѣмъ, что въ ней преобладаетъ. Такъ, золотомъ кажется то, въ чемъ много золотого, хотя въ немъ есть все. По крайней мѣрѣ, Анаксагоръ говоритъ: „Во всемъ есть часть всего" и „чего (*въ вещи*) наибольше, тѣмъ каждая отдѣльная вещь наиболѣе кажется и казалась" (*B 12*). И, какъ говоритъ Ѳеофрастъ, объ этомъ Анаксагоръ училъ почти одинаково съ Анаксимандромъ. А именно, онъ (*Анаксагоръ*) говоритъ, что при отдѣленіи отъ безпредѣльнаго родственныя (вещи) несутся другъ къ другу, и то, что во всемъ было золотомъ, становится золотомъ, а что (во всемъ было) землей, (становится)

землей. Подобнымъ же образомъ (*образуется*) и каждая изъ прочихъ (вещей), такъ какъ-де онѣ не возникаютъ, но предсуществуютъ. Причиной же движенія и рожденія Анаксагоръ призналъ умъ, благодаря которому отдѣляемыя (вещи) произвели міры и природу (всего) остального. „При такомъ пониманіи его ученія, говоритъ онъ, Анаксагоръ, можно было бы думать, считаетъ матеріальныя причины безконечными (по числу), какъ сказано выше, а причину движенія и рожденія—единой. Но если принять, что смѣсь всѣхъ вещей есть единая природа, неопредѣленная и по виду и по величинѣ,—а это, повидимому, онъ и хочетъ сказать,—то придется приписать ему два начала: природу безпредѣльнаго и умъ, и такимъ образомъ окажется, что онъ матеріальныя стихіи представляетъ совершенно такъ же, какъ и Анаксимандръ". *Срв. 166, 15* Хотя Анаксагоръ сказалъ: „и въ маломъ нѣтъ самаго наименьшаго, но всегда есть еще меньшее" (*B 3*), и самаго наибольшаго (*по его мнѣнію*) нѣтъ (какъ показываетъ самый способъ выраженія Анаксагора), однако, Ѳеофрастъ во второй книгѣ: „Объ Анаксагорѣ" пишетъ слѣдующее: „Затѣмъ недостаточно доказательно утвержденіе, что все заключается во всемъ по той причинѣ, что и въ большомъ и въ маломъ (*находится*) безконечность и нельзя получить ни наименьшаго, ни наибольшаго" и т. д.

42. Ипполитъ refut. I 8, 1 слѣд. (*D. 561*; *изъ Ѳеофраста за исключеніемъ § 13*) Послѣ него (*Анаксимена*) является Анаксагоръ Клазоменскій, сынъ Гегесибула. Онъ высказалъ (ученіе), что начало вселенной—умъ и матерія, умъ — (начало) производящее, матерія—(начало) страдательное. Дѣло въ томъ, что, когда все было вмѣстѣ, вмѣшался умъ, который, раздѣливъ, привелъ (все) въ порядокъ. Матеріальныхъ же началъ (*по мнѣнію Анаксагора*) безконечное (число), причемъ тѣ изъ нихъ, которыя болѣе малы, онъ называетъ безконечными (? *можетъ быть*, безконечно-малыми). (*2*) Всѣ (вещи) участвуютъ въ движеніи, причиной котораго является умъ; (*благодаря этому движенію*) подобныя (вещи) соединились. И небесный порядокъ устроенъ круговымъ движеніемъ. Плотное, влажное, темное, холодное и (*вообще*) все тяжелое собралось въ серединѣ; изъ затвердѣнія ихъ возникла земля. Противоположное же имъ—теплое, свѣтлое, сухое и легкое устремилось въ верхнюю часть эѳира. (*3*) Земля же имѣетъ плоскую форму и пребываетъ въ воздухѣ по причинѣ (своей) величины, (*во-вторыхъ*) вслѣдствіе того, что нѣтъ вовсе пустоты и (*наконецъ*) потому что воздухъ, обладая весьма значительной силой, въ состояніи носить держащуюся на немъ землю. (*4*) Изъ находящихся на землѣ водъ море состоитъ отчасти изъ осѣвшихъ испареній, отчасти изъ (воды), стекшей (въ него) изъ рѣкъ. (*5*) Рѣки же существуютъ отъ дождей и отъ водъ, находящихся въ землѣ. Ибо въ землѣ имѣются полыя мѣста, въ которыхъ заключается вода. Нилъ же лѣтомъ дѣлается полноводнымъ, такъ какъ въ него стекаютъ воды снѣговъ, лежащихъ на югѣ. (*6*) Солнце, луна и всѣ звѣзды суть горящіе камни, охваченные круговращеніемъ эѳира. Ниже звѣздъ находятся нѣкоторыя тѣла, невидимыя для насъ, которыя совершаютъ круговое движеніе вмѣстѣ съ солнцемъ и

луной. (*7*) Теплота же звѣздъ не воспринимается вслѣдствіе дальности разстоянія земли (*отъ нихъ*); притомъ онѣ обладаютъ теплотой, неодинаковой съ солнцемъ, вслѣдствіе того, что находятся въ болѣе холодномъ мѣстѣ. Луна же расположена ниже солнца и ближе къ намъ. (*8*) Солнце по величинѣ больше Пелопоннеса, луна же не имѣетъ своего собственнаго свѣта, но (заимствуетъ свѣтъ) отъ солнца. Въ (своемъ) круговомъ движеніи свѣтила идутъ подъ землю. (*9*) Затменіе же луны происходитъ вслѣдствіе того, что (ее) загораживаетъ (*отъ солнца*) земля, иногда также (*тѣла*), лежащія ниже луны; солнечное же затменіе бываетъ, когда во время новолунія луна загораживаетъ (*собой солнце*). Повороты же солнце и луна совершаютъ вслѣдствіе того, что ихъ отталкиваетъ воздухъ. Повороты же луны бываютъ частыми вслѣдствіе того, что она не въ состояніи одолѣть холодъ. (*10*) Онъ первый опредѣлилъ (причины) затменій и фазъ. Онъ сказалъ, что луна—земной (*природы*) и что на ней находятся равнины и пропасти; млечный же путь (*по его мнѣнію*) есть отраженіе свѣта звѣздъ, не заимствующихъ (*свѣтъ*) у солнца. Падающія же звѣзды возникаютъ вслѣдствіе движенія неба, на подобіе выскакивающихъ искръ. (*11*) Вѣтры же происходятъ вслѣдствіе того, что воздухъ разрѣжается солнцемъ, и вслѣдствіе воспламененій, которыя то поднимаются къ небу, то опускаются. Громъ и молнія происходятъ отъ теплоты, попадающей въ облака. (*12*) Землетрясенія бываютъ, когда верхній (слой) воздуха вторгается въ (*слой воздуха*), находящійся подъ землей. Отъ движенія послѣдняго сотрясается и лежащая на немъ земля. Живыя существа первоначально возникли во влагѣ, а затѣмъ (стали рождаться) одни отъ другихъ. Самцы рождаются, если сѣмя, выдѣлившееся съ правой стороны, попадетъ въ правую часть матки, самки же—наоборотъ. (*13*) Акме его пришлось * * * и скончался онъ въ первомъ году 88-ой олимпіады (*428*), въ которомъ, говорятъ, родился Платонъ. Говорятъ также, что онъ обладалъ даромъ предсказанія.

43. Аристотель Metaph. A 3. 984 a 11 Анаксагоръ же Клазоменскій, который по возрасту былъ старше его (*Эмпедокла, срв. 21 A 6*), дѣлами же моложе, учитъ, что началъ безконечно-большое число. А именно, онъ говоритъ, что почти всѣ гомеомеріи (какъ вода или огонь) такимъ образомъ возникаютъ и погибаютъ только путемъ соединенія и разъединенія, въ другомъ же смыслѣ они ни возникаютъ, ни уничтожаются, но пребываютъ вѣчными. *de caelo Γ 3. 302 a 28* Анаксагоръ же даетъ ученіе объ элементахъ, противоположное Эмпедоклу. А именно, послѣдній говоритъ, что огонь и стоящія съ нимъ въ одномъ ряду [1]) суть элементы тѣлъ и все состоитъ изъ нихъ, Анаксагоръ же (говоритъ) противоположное (этому). А именно (*его ученіе таково*): элементы—гомеомеріи, привожу для примѣра мясо, кость и любую изъ вещей въ этомъ родѣ; воздухъ же и огонь суть смѣси этихъ и всѣхъ прочихъ сѣмянъ. Дѣло въ томъ, что тотъ и другой (состоятъ) изъ всѣхъ невиди-

[1]) Аристотель называетъ στοιχεῖα огонь, воздухъ, воду и землю.

мыхъ гомеомерій. Поэтому-то и возникаетъ все изъ нихъ. Дѣло въ томъ что онъ считаетъ тожественными огонь и эѳиръ.

44. Лукрецій I 830 слѣд. (пер. И. Рачинскаго).

Взглянемъ теперь мы на гомойомерію Анаксагора,
Какъ называется это ученье у грековъ,—родное
Наше нарѣчье названіемъ точнымъ его не снабдило.
Все-таки суть мірового порядка, что носитъ названье
Гомойомеріи, очень легко мы изложимъ словами.
Анаксагоръ поучаетъ, что кость состоитъ изъ мельчайшихъ
Косточекъ; равнымъ же образомъ мясо изъ мелкихъ частичекъ
Мяса слагается; также и кровь, что течетъ у насъ въ жилахъ.
Образовалась изъ множества слившихся капелекъ крови. [1])
Воздухъ такимъ же путемъ составляютъ мельчайшія крошки
Воздуха, и изъ мельчайшихъ частицъ земляныхъ создалася
Наша земля, какъ изъ пламени—пламя, а влага—изъ влаги.
Прочее, думаетъ онъ, образуется тѣмъ же порядкомъ.
Но отрицаетъ онъ, что пустота существуетъ въ предметахъ.
Также какъ то, что дробленіе тѣла имѣетъ границы.
876 слѣд. Здѣсь остается еще одно тонкое средство защиты.
Анаксагоромъ прiятое. Онъ говоритъ, что къ вещамъ всѣмъ
Скрыто, невидимо всѣ безъ изъятія примѣшаны вещи,
Но выступаетъ наружу лишь то, чего вмѣшано больше.
Или же то, что виднѣе, и что на поверхность всплываетъ.

45. Аристотель phys. Г 4 203 а 19 Всѣ тѣ, которые признаютъ элементы безконечными, подобно тому какъ Анаксагоръ и Демокритъ — первый (*выводившій все*) изъ гомеомерій, второй—изъ смѣси сѣмянъ всевозможныхъ формъ, говорятъ, что безконечное есть то, что безпрестанно слѣдуетъ другъ за другомъ. И первый (говоритъ), что любая (*часть*) есть смѣсь частицъ, подобно цѣлому, такъ какъ наблюденіе показываетъ. что любая (вещь) возникаетъ изъ любой. *Симплицій къ этому мѣсту 460. 4* Такъ какъ Анаксагоръ, признавая началами гомеомеріи. Демокритъ же атомы, считаютъ ихъ безконечными, онъ, сообщая сперва мнѣніе Анаксагора, знакомитъ насъ и съ причиной, почему Анаксагоръ пришелъ къ такой догадкѣ, и показываетъ, что онъ говоритъ не только, что вся смѣсь должна быть безконечной по величинѣ, но и что каждая гомеомерія, подобно цѣлому, заключаетъ въ себѣ все существующее, и (*сущее*) не просто безконечно, но безконечно безконечно. А къ такой мысли Анаксагоръ пришелъ. исходя изъ предположенія, что ничто не возникаетъ изъ небытія и все питается подобнымъ. Итакъ, онъ видѣлъ, что все возникаетъ изъ всего, если и не прямо, то по порядку (а именно. изъ огня воздухъ, изъ воздуха вода, изъ воды земля, изъ земли камень, и изъ камня опять огонь, и отъ пріема одной и той же пищи, какъ, напримѣръ.

[1]) Пропущенъ стихъ: „Онъ полагаетъ, что изъ крупинокъ золота можетъ образоваться золото“.

хлѣба, возникаетъ много непохожихъ (другъ на друга вещей): мясо, кости, жилы, мускулы, волосы, ногти и при случаѣ перья и рога, увеличивается же подобное отъ подобнаго). Вслѣдствіе этого онъ призналъ, что въ пищѣ и водѣ, если этимъ питаются деревья, находится древесина, кора и плодъ. Поэтому онъ говорилъ, что все смѣшано во всемъ и возникновеніе (вещей) зависитъ отъ выдѣленія. Къ этому же (*мнѣнію*) привелъ его, можетъ быть, также тотъ фактъ, что, между тѣмъ какъ нѣкоторыя (вещи) продолжаютъ существовать, отъ нихъ рождаются другія, какъ, напримѣръ, изъ камня огонь [1]) и изъ воды, образующей пузыри, воздухъ. Итакъ, видя, что отъ каждой изъ нынѣ выдѣлившихся (*уже вещей*) выдѣляются всѣ (вещи), какъ, напримѣръ, отъ хлѣба мясо, кость и прочее, какъ бы все это вмѣстѣ находилось въ немъ и было вмѣстѣ смѣшано, на основаніи этого онъ предполагаетъ, что и все сущее первоначально было вмѣстѣ смѣшано, прежде чѣмъ произошло выдѣленіе (*отдѣльныхъ вещей*). Поэтому онъ и началъ свое сочиненіе такъ: „Были вмѣстѣ всѣ вещи“ (*B 1*), такъ что „любая вещь“, какъ, напримѣръ, этотъ хлѣбъ, есть „подобно цѣлому, смѣсь“ и этого мяса, и этой кости. *1123, 21* Кажется, Анаксагоръ говорилъ, что, когда всѣ вещи были вмѣстѣ и находились ранѣе въ теченіе безконечнаго времени въ покоѣ, творецъ космоса умъ, пожелавъ выдѣлить формы, которыя онъ называетъ гомеомеріями [2]), привелъ ихъ въ движеніе.

46. Аристотель de gen. et corr. A 1. 314 a 18 А именно, онъ (*Анаксагоръ*) считаетъ элементами гомеомеріи, какъ, напримѣръ, кость, мясо, мозгъ и тѣ вещи изъ остальныхъ, у каждой изъ которыхъ часть одноименна (*съ цѣлымъ*). *Аэцій I 3, 5 (D. 279)* Анаксагоръ Клазоменскій, сынъ Гегесибула, призналъ началами сущаго гомеомеріи. Ибо ему казалось въ высшей степени непонятнымъ, какимъ образомъ что-нибудь можетъ возникнуть изъ небытія или уничтожиться въ небытіе. Дѣйствительно, мы принимаемъ пищу простую и однородную—хлѣбъ и воду, и ею питается волосъ, жила, артеріи, мясо, мускулы, кости и остальныя части (*тѣла*). Итакъ, если это происходитъ (*такимъ образомъ*), то должно согласиться съ тѣмъ, что въ принимаемой (*нами*) пищѣ находится все существующее и что увеличеніе всего происходитъ на счетъ (уже) сущаго. И въ нашей пищѣ находятся частицы-производители крови, мускуловъ, костей и (всего) прочаго. Эти части могутъ быть (*въ ней*) усмотрѣны только разумомъ. Вѣдь не слѣдуетъ все возводить къ ощущенію, (*которое намъ показываетъ*), что хлѣбъ и вода производятъ это, но (*должно знать*), что въ нихъ находятся разумомъ созерцаемыя частицы. И вотъ по причинѣ того, что части, (*заключающіяся*) въ пищѣ,

[1]) Т. е. огонь выбивается посредствомъ удара камня.

[2]) Шлейермахеръ подчеркнулъ, что это мѣсто Симплиція, который, конечно, имѣлъ въ рукахъ еще самого автора, является недостаточнымъ, чтобы приписать самому Анаксагору слово „гомеомерія“; послѣднее имѣетъ свое мѣсто въ спеціально аристотелевской терминологіи и было извѣстно позднѣйшимъ (начиная съ Эпикура) только изъ Аристотеля и Θеофраста.

подобны производимымъ ими (*вещамъ*), онъ назвалъ ихъ гомеомеріями (*подобочастными*) и призналъ ихъ началами сущаго; (*говоря точнѣе, онъ призналъ*) гомеомеріи—матеріей, дѣйствующей же причиной—умъ, который все привелъ въ порядокъ. Начинается же (*его сочиненіе*) слѣдующимъ образомъ: „Вмѣстѣ всѣ вещи были, умъ же ихъ отдѣлилъ и привелъ въ порядокъ", причемъ вещи онъ называетъ χρήματα. Итакъ, онъ заслуживаетъ похвалы за то, что къ матеріи присоединилъ дѣлателя.

47. Платонъ Phaedon 97 B (*пер. Н. Любимова*) Однажды я слышалъ, какъ нѣкто читалъ книгу, написанную, по его словамъ, Анаксагоромъ. Когда онъ дошелъ до мѣста, гдѣ говорится, что умъ устраиваетъ все и есть причина всего сущаго, я пришелъ въ восторгъ отъ этой причины и думалъ, какъ превосходно, что умъ есть причина всего, и, если это такъ, думалъ я, то устраивающій умъ долженъ придать всему благообразіе и размѣстить все наилучшимъ образомъ... Я радовался, думая, что нашелъ въ Анаксагорѣ наставника, который научитъ меня причинамъ всего сущаго и тѣмъ удовлетворитъ потребности моего ума. Во-первыхъ, онъ скажетъ мнѣ, плоска или кругла земля и почему она такова, объяснивъ, что въ этомъ отношеніи есть наилучшее, и показавъ, почему для земли лучше имѣть такой-то видъ... *98 B* Съ великимъ рвеніемъ взялся я за его книги и прочелъ ихъ съ большою поспѣшностью, чтобы поскорѣе узнать, что наилучшее и что наихудшее. Но эти надежды, другъ мой, разсѣялись, когда во время чтенія я увидѣлъ, что онъ не прибѣгаетъ къ уму и не пользуется извѣстными причинами для объясненія правильности расположенія частностей, но указываетъ на воздухъ, эѳиръ, воду и на множество другихъ разнаго рода нелѣпостей, какъ на причину всего сущаго. [1]) Онъ мнѣ представляется похожимъ на того человѣка, который сталъ бы утверждать, что всѣ поступки Сократа продуктъ его ума, а затѣмъ, желая опредѣлить причину каждаго отдѣльнаго поступка, онъ сказалъ бы, что я сижу теперь здѣсь потому, во-первыхъ, что мое тѣло состоитъ изъ костей и нервовъ [2]), что кости тверды и отдѣлены другъ отъ друга промежутками, и что нервы, способные по самой природѣ своей къ напряженію и ослабленію, покрываютъ кости вмѣстѣ съ кожей, въ которую они заключены. Такъ какъ кости свободно двигаются въ своихъ суставахъ, то нервы натягиваютъ и ослабляютъ ихъ, что и позволяетъ мнѣ сгибать свои члены, какъ напримѣръ, въ данную минуту, и благодаря этой причинѣ я сижу здѣсь согнувшись. Или, чтобы объяснить, почему я говорю съ вами, онъ бы назвалъ голосъ и воздухъ, и слухъ, и тысячу другихъ частностей, позабывъ главную причину, а именно, что, такъ какъ аѳиняне сочли за лучшее осудить меня, то я счелъ за лучшее сидѣть здѣсь и терпѣливо вынести назначенное мнѣ наказаніе, потому что иначе, клянусь Собакою, эти кости и нервы давно были бы въ Мегарѣ или Беотіи, если бы я считалъ это за лучшее и не

---

[1]) Приводимъ дальше данную Платономъ критику ученія Анаксагора.

[2]) „Слово это употребляется Платономъ въ смыслѣ нынѣшнихъ мускуловъ и связокъ" Н. Л.

думалъ бы, что приличнѣе и справедливѣе перенести кару, наложенную на меня моимъ отечествомъ, какая бы она ни была, чѣмъ ускользнуть и бѣжать, но называть подобныя вещи причинами въ высшей степени нелѣпо. Въ самомъ дѣлѣ, если бы кто-нибудь сказалъ, что не будь у меня костей и нервовъ, я не могъ бы поступить такъ, какъ я поступаю, то онъ былъ бы правъ. Но утверждать, что я поступаю такъ, какъ поступаю въ настоящее время только потому, что имѣю кости и нервы, а вовсе не потому, что дѣлаю добровольно выборъ того, что считаю наилучшимъ, утверждать такъ—значило бы показать полную небрежность и лѣность мышленія.

Срв. Аристотель Metaph. A 4. 985 a 18 (пер. Первова-Розанова) Такъ Анаксагоръ пользуется Разумомъ какъ deo ex machina для мірозданія, и когда онъ недоумѣваетъ, по какой причинѣ что-либо необходимо существуетъ, то тащитъ его на сцену, а въ другихъ случаяхъ все (что угодно) выставляетъ причиною совершающагося, только не разумъ.

Симплицій phys. 327, 26 И Анаксагоръ, хотя и допустилъ (*въ число началъ*) умъ, какъ говоритъ Эвдемъ, однако, (*полагаетъ*), что многое образуется само собою (*безъ его содѣйствія*).

48. Аэцій I 7, 5 (D. 299) Анаксагоръ же говоритъ, что вначалѣ тѣла стояли (*неподвижно*), божественный же умъ привелъ ихъ въ порядокъ и произвелъ возникновеніе вселенной. *7. 14 (D. 302)* Анаксагоръ (считалъ) богомъ умъ, сотворившій космосъ. *Срв. Эврипидъ fr. 1018* Ибо нашъ умъ есть богъ въ каждомъ изъ насъ. *Froad. 884 (51 C 2). Ямвлихъ protr. 8.*

Филодемъ de piet. c. 4a p. 66 G (D. 532) Богъ былъ, есть и будетъ; онъ всѣмъ правитъ и надъ всѣмъ господствуетъ. Будучи умомъ, онъ привелъ въ порядокъ всѣ безчисленныя вещи, бывшія (*раньше*) смѣшанными *Цицеронъ de nat. d. I 11, 26 (D. 532)* Затѣмъ Анаксагоръ, ученикъ Анаксимена, первый высказалъ мнѣніе, что устройство и мѣра всѣхъ вещей опредѣляются и производятся силой и разумомъ безконечнаго ума: при этомъ онъ не усмотрѣлъ, что не можетъ быть никакого движенія, связаннаго съ чувствомъ и неразрывно соединеннаго съ безконечнымъ, да и вообще (не можетъ быть) чувства которымъ бы ощущала природа, частично приведенная въ движеніе. Затѣмъ, если онъ представляетъ себѣ тотъ умъ на подобіе нѣкотораго живого существа, то должно быть внутри его нѣчто, благодаря чему оно будетъ называться живымъ существомъ. Что же (можетъ быть) болѣе внутреннимъ, нежели (*самъ*) умъ? Слѣдовательно, онъ долженъ быть окруженъ тѣлесной оболочкой. Но такъ какъ Анаксагоръ этого не принимаетъ, то, кажется, (*его*) чистый и простой умъ, лишенный чего бы то ни было, чѣмъ онъ могъ бы ощущать, непостижимъ для нашей силы пониманія и для (*нашей способности*) разума.

49. Цицеронъ Acad. pr. II 37, 118 (D 119) Анаксагоръ (*принимаетъ*) безконечную матерію, а получаемыя изъ раздробленія ея частицы

(*считаетъ*) подобными между собой; вначалѣ онѣ были смѣшанными, затѣмъ божественнымъ умомъ были приведены въ порядокъ.

50. Аристотель phys. Г 5. 205 b 1 Анаксагоръ же говоритъ нелѣпость о пребываніи на мѣстѣ безконечнаго. А именно, онъ говоритъ, что безконечное само держитъ себя. Это значитъ, что (*оно покоится*) въ самомъ себѣ. Ибо ничто другое его не окружаетъ, такъ что, гдѣ бы что ни находилось, (*все*) естественно находится здѣсь (*въ немъ*). *Срв.* (*Аристотель*) *de MXG. 2. 975 b 17 и 976 a 14* (*стр. 92 слѣд. второй части*).

51. Аэцій I 14, 4 (D. 312) Анаксагоръ: гомеомеріи имѣютъ много видовъ.

52. Аристотель phys. А 4. 187 a 26 Кажется, что Анаксагоръ мыслилъ безконечное такимъ образомъ вслѣдствіе того, что считалъ истиннымъ общее мнѣніе физиковъ, что ничто не возникаетъ изъ небытія. Вѣдь вслѣдствіе этого они такъ говорятъ: „Было все вмѣстѣ“ (*B 1*) и такое возникновеніе есть измѣненіе (*срв. B 17*). *de gen. et corr. A 1. 314 a 11* Всѣ же тѣ, кто считаетъ матерію множественной, какъ, напримѣръ, Эмпедоклъ, Анаксагоръ и Левкиппъ, должны были сказать объ измѣненіи и возникновеніи иначе, чѣмъ вышеупомянутые. Впрочемъ, Анаксагоръ не понялъ своихъ собственныхъ словъ. По крайней мѣрѣ, онъ говоритъ такъ, какъ будто (считаетъ) возникновеніе и гибель тожественными съ измѣненіемъ. *Срв. Гиппократъ de victu I 4* Итакъ, ни одна изъ всѣхъ вещей не уничтожается, и не возникаетъ (ничего такого), чего раньше не было. Вещи измѣняются, смѣшиваясь и отдѣляясь. *Срв. А 112.*

53. Симплицій phys. 461. 20 Поэтому Анаксагоръ говоритъ, что все не можетъ быть отдѣлено. Ибо отдѣленіе не есть полное расторженіе.

54. Аэцій I 17, 2 (D. 315). Анаксагоръ и Демокритъ со своими послѣдователями: смѣси возникаютъ соотвѣтственно приложенію элементовъ (*другъ къ другу*).

55. Платонъ Cratyl. 413 C (*пер. Карпова*) Справедливое есть то, чѣмъ признаетъ его Анаксагоръ,—это умъ; потому что умъ, по мнѣнію Анаксагора, самодержавно и ни съ чѣмъ не смѣшиваясь, проходитъ всюду и устрояетъ всѣ вещи *Аристотель de anima A 2. 405 a 15* (*пер. В. Снегирева*) Впрочемъ, умъ признается у него (*Анаксагора*) по преимуществу началомъ всего, потому что одинъ изъ всего существующаго по самой своей природѣ есть нѣчто простое, не заключающее смѣшенія и чистое. И познаніе и движеніе онъ приписываетъ одному и тому же началу, утверждая, что все движется умомъ.

56. Аристотель phys. Θ 5. 256 b 24 Поэтому Анаксагоръ правильно говоритъ, когда утверждаетъ, что умъ не страдаетъ и не смѣшивается (*ни съ чѣмъ*), такъ какъ онъ признаетъ его началомъ движенія. Ибо только въ такомъ случаѣ онъ могъ бы приводить (*все*) въ движеніе, если бы (*самъ*) былъ неподвижнымъ, и господствовать, если бы (*самъ*) былъ несмѣшаннымъ.

57. *Климентъ II 14* Анаксагоръ первый поставилъ умъ надъ вещами. Но и онъ не замѣтилъ творческой причины, но изображалъ какія-то безсмысленныя круговращенія, происходящія безразсудно при бездѣятельности ума.

58. *Аристотель Metaphys. А 3. 984 b 15* (*пер. Первова-Розанова*) Поэтому если кто разумъ призналъ бы причинною основою міра и всего мірового порядка, какъ это есть въ живыхъ существахъ, тотъ бы явился какъ бы трезвымъ среди прежнихъ философовъ, говорившихъ на авось. Отчетливо коснулся этихъ мыслей, какъ мы знаемъ, Анаксагоръ, а раньше говорилъ объ этомъ, какъ есть основаніе полагать [1], Гермотимъ Клазоменскій (*см. Діогенъ VIII 5, стр. 72 первой части*).

59. *Симплицій phys. 1185, 9* Эвдемъ же порицаетъ Анаксагора не только за его ученіе, что началось раньше не бывшее движеніе, но также и за то, что онъ не высказался относительно того, будетъ ли движеніе продолжать существовать (*вѣчно*) или когда-нибудь прекратится, несмотря на неясность этого (вопроса). „Ибо почему не предположить, говоритъ онъ, что умъ нѣкогда приведетъ въ состояніе покоя всѣ вещи, подобно тому какъ онъ, по его ученію, (*раньше*) привелъ ихъ въ движеніе?" Также слѣдующій упрекъ дѣлаетъ Анаксагору Эвдемъ: „Какимъ образомъ возможно, чтобы какое-либо лишеніе (*отсутствіе свойства*) предшествовало противоположному ему обладанію свойствомъ? Итакъ, если покой есть лишеніе движенія, то его не могло бы быть раньше движенія".

60. *Аристотель Metaphys. I. 6. 1056 b 28* Поэтому правильно Анаксагоръ выразился, сказавъ, что „вмѣстѣ всѣ вещи были, безконечныя и по множеству и по малости" (*В 1*) Между тѣмъ (*въ выше указанномъ случаѣ*) слѣдовало бы сказать вмѣсто „и по малости"—и по немногочисленности. Дѣло же въ томъ, что (*въ этомъ случаѣ*) онѣ не были бы безконечными, такъ какъ немногочисленное существуетъ не благодаря единицѣ, какъ говорятъ нѣкоторые, но благодаря двумъ. [2])

61. *— — Λ 2. 1069 b 19* Все возникаетъ изъ сущаго, однако, изъ существующаго въ возможности, въ дѣйствительности же несуществующаго. Это и есть единое Анаксагора (ибо такъ лучше выразиться, чѣмъ „вмѣстѣ все") и смѣсь Эмпедокла и Анаксимандра. *А 8. 989 а 30* Предположеніе, что Анаксагоръ принималъ два элемента, лучше всего соотвѣтствуетъ пониманію... *b 4* Однако, если бы кто-нибудь, послѣдовавъ за нимъ, развилъ его мысли, то, можетъ быть, оказалось бы, что онъ уже

---

[1]) По мнѣнію Дильса, Анаксагоръ въ своемъ ученіи о самостоятельномъ „умѣ" воспользовался легендой о своемъ соотечественникѣ, котораго во снѣ покидала душа и котораго поэтому во снѣ умертвили враги, узнавшіе о томъ отъ его жены (вслѣдствіе этого въ сооруженное ему святилище не имѣли доступа женщины).

[2]) Аристотель здѣсь говоритъ о различныхъ значеніяхъ слова „многое": такъ, число 2 безотносительно представляетъ собой „немногое", но въ противоположность единицѣ, какъ первое число, оно—„многое". Многое есть совокупность единицъ и характеризуется дѣлимостью.

даетъ болѣе новое ученіе... *b 16* Отсюда получается для него тотъ выводъ, что онъ признаетъ началами единое (ибо оно просто и несмѣшано) и иное, которое таково, что мы назвали бы его неопредѣленнымъ до принятія имъ опредѣленныхъ формъ.

62. Діодоръ I 7. 7 Кажется, что по вопросу о природѣ вселенной и Эврипидъ согласенъ съ тѣмъ, что выше приведено, такъ какъ онъ былъ ученикомъ физика Анаксагора. А именно, въ „Меланиппѣ“ онъ онъ полагаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Не мой вымыселъ, но отъ своей матери (я слышалъ), что (*нѣкогда*) небо и земля были одной формой. Послѣ того какъ они отдѣлились другъ отъ друга, образовавъ двѣ (*отдѣльныя вещи*), они рождаютъ все и произвели на свѣтъ деревья, птицъ, звѣрей и смертный родъ, который питаетъ морская вода“.

63. Аэцій II 1, 2 (D. 327) Θалесъ... Анаксагоръ, Платонъ, Аристотель, Зенонъ: космосъ единъ.

64. Симплицій phys. 154, 29 Анаксагоръ говорилъ, что міръ, возникши однажды изъ смѣси, будетъ существовать въ теченіе (*всего*) остального времени, будучи управляемъ и раздѣляемъ господствующимъ (надъ нимъ) умомъ. *1121, 21* Кажется, Анаксагоръ, Архелай и Метродоръ Хіосскій учатъ, что міръ возникъ съ начала (существованія) времени. Они также говорятъ, что движеніе имѣло начало. А именно, по ихъ мнѣнію, сущее пребывало въ покоѣ до (*возникновенія*) времени, затѣмъ произошло отъ ума движеніе, благодаря которому возникъ міръ. Повидимому, и они предположили начало творенія міра изъ дидактическихъ цѣлей.

65. Аэцій II 4, 6 (D. 331) Анаксимандръ, Анаксименъ, Анаксагоръ, Архелай, Діогенъ, Левкиппъ (считали) міръ тлѣннымъ *I 24 2 (D. 320; 21 A 44).*

66. — I 29, 7 (D. 326 b 7 n.) Анаксагоръ, Демокритъ и стоики: причина (*вещей*) неясна для человѣческаго разсудка. Ибо однѣ (вещи) существуютъ по необходимости, другія—по опредѣленію судьбы, третьи—по рѣшенію (*нашей*) воли, четвертыя—сами собой. *Александръ de fato 2* А именно, онъ (*Анаксагоръ*) говоритъ, что ничто не происходитъ по опредѣленію судьбы, но послѣдняя есть пустое имя. *Срв. 55 А 66.*

67. Аэцій II 8, 1 (D. 337) Діогенъ и Анаксагоръ учили, что послѣ образованія космоса и появленія животныхъ изъ земли, міръ какъ-то самъ собою наклонился къ югу, можетъ быть, съ умысломъ, чтобы однѣ части (его) были необитаемыми, другія же обитаемыми—въ зависимости отъ холодной, жаркой и умѣренной температуры.

68. Аристотель de caelo Δ 2. 309 a 19 Итакъ, нѣкоторые изъ отрицавшихъ существованіе пустоты, не дали никакого опредѣленнаго ученія о легкомъ и тяжеломъ, какъ, напримѣръ, Анаксагоръ и Эмпедоклъ. *phys. Δ 6. 213 a 22* Итакъ, тѣ, которые стараются доказать, что пустота не существуетъ, опровергаютъ не то, что люди хотятъ называть пустотой, но то, что они ошибочно (*такъ*) называютъ. Такъ поступаютъ

Анаксагоръ и (*другіе*), опровергающіе (*существованіе пустоты*) слѣдующимъ образомъ. А именно, они доказываютъ, что воздухъ есть нѣчто, надувая кожаные мѣхи, показывая силу воздуха и заключая (его) въ клепсидры.

69. *Аристотель probl. XVII 8. 914 b 9* Причина явленій, происходящихъ въ клепсидрѣ, повидимому, вообще такова, какъ указываетъ Анаксагоръ. А именно, воздухъ, заключаемый въ ней, является причиной того, что вода не входитъ, когда трубка заткнута (*т. е. когда водяные часы остановлены*). Однако, онъ является единственной причиной. Ибо, если заткнувъ трубку, опустить ее въ воду, повернувъ при этомъ на бокъ, то вода войдетъ. Поэтому, онъ недостаточно выясняетъ, поскольку (*воздухъ является*) причиной. (*Дѣйствительно*), какъ сказано (*выше*), причиной является воздухъ. Подъ дѣйствіемъ толчка и если онъ несется самъ по себѣ безъ воздѣйствія (*посторонней*) силы, онъ по своей природѣ движется по прямой линіи, подобно другимъ элементамъ. Итакъ, когда клепсидра погружена въ наклоненномъ на бокъ положеніи, (воздухъ) черезъ отверстія, противоположныя (отверстіямъ) въ водѣ, сохраняя прямое направленіе, выходитъ подъ водою, а когда онъ удаляется, входитъ вода. Если же клепсидра погружена въ воду въ прямомъ положеніи, то (*воздухъ*), не будучи въ состояніи уйти въ перпендикулярномъ (направленіи) вслѣдствіе того, что верхнія отверстія закрыты, остается вокругъ первыхъ отверстій. Ибо по своей природѣ онъ не можетъ уйти въ самого себя. Доказательствомъ же того, что вода можетъ удерживать воздухъ въ неподвижномъ состояніи, является то, что происходитъ въ самой клепсидрѣ. А именно, если, наполнивъ водою самую головку ея, повернуть ее къ замкнутой трубкѣ, то вода не пойдетъ черезъ трубку къ выходу. Если же выходъ открытъ, то (*вода*) не тотчасъ вытекаетъ по трубкѣ, но немного погодя, какъ если бы она не находилась у самаго выхода изъ трубки, но проходила бы по трубкѣ, (нѣсколько) позже открытой. Когда клепсидра наполнена и находится въ прямомъ положеніи, то при открытіи трубки вода тотчасъ течетъ черезъ цѣдилку вслѣдствіе того, что она касается ея, краевъ же трубки не касается. Итакъ, вода не входитъ въ клепсидру по вышеупомянутой причинѣ, выходитъ же при открытіи трубки вслѣдствіе того, что воздухъ, заключающійся въ послѣдней, двигаясь вверхъ и внизъ, въ значительной мѣрѣ освобождаетъ клепсидру отъ воды. Вода же, толкаемая внизъ и сама (*по себѣ*) туда же устремляющаяся, естественно вытекаетъ, тѣсня воздухъ, находящійся внѣ клепсидры, который и (самъ) двигается и который по силѣ равенъ воздуху его толкающему, но по (оказываемому) сопротивленію слабѣе его вслѣдствіе того, что, протекая по узкой трубкѣ, тотъ (движется) быстрѣе и съ большей силой и сталкиваются съ водой. Причиной же того, что при закрытой трубкѣ вода не стекается, является то (обстоятельство), что вода, входя въ клепсидру, выталкиваетъ силою воздухъ изъ нея. Доказательствомъ же (*этого*) служитъ то, что (*въ этомъ случаѣ*) въ ней происходитъ вѣтеръ и шумъ. Когда же входитъ вода, то силою толкаемый

воздухъ вторгается въ трубку ея, подобно тому какъ вбиваемыя деревянныя клинья или мѣдь, сжимаемая при раскалываніи, держатся безъ всякой другой связи, но легко выскакиваютъ когда ихъ выталкиваютъ съ противоположной стороны, подобно тому какъ мы выбиваемъ сломанные гвозди, вколоченные въ дерево. Происходитъ же это въ томъ случаѣ, если открыта трубка, вслѣдствіе вышеупомянутыхъ (причинъ). Итакъ, естественной причиной того, что вода не вытекаетъ, являются или вышеуказанныя (обстоятельства) или это бываетъ вслѣдствіе того, что выйти ей препятствуетъ воздухъ, подъ дѣйствіемъ (посторонней) силы превращающійся въ вѣтеръ. Шумъ же показываетъ, что вода притягивается воздухомъ вверхъ, какъ это часто бываетъ. Будучи же притягиваема (имъ) и оставаясь непрерывной (сплошной), вся совокупность воды сопротивляется сжатію, производимому воздухомъ, пока онъ не оттолкнетъ ее обратно. А такъ какъ начало остается, то и остальная вода прилипаетъ къ нему, представляя собой единое и непрерывное (*цѣлое*). *Срв. А 68* (*стр. 142*). *115 и Эмпедоклъ 21 В 100.*

70. Ѳеофрастъ de sens. 59 (*D. 516*) Рѣдкое и тонкое—тепло, плотное же и толстое—холодно; подобнымъ образомъ Анаксагоръ проводитъ различіе между воздухомъ и эѳиромъ.

71. Аэцій II 13, 3 (*D. 341*) Анаксагоръ (*полагаетъ*), что лежащій кругомъ эѳиръ является огненнымъ по своей сущности, (*и учитъ*), что онъ, силою своего вращательнаго движенія оторвавъ отъ земли камни и воспламенивъ ихъ, сдѣлалъ звѣзды.

72. — II 20, 6 (*D. 349*) Анаксагоръ: солнце—кусокъ раскаленнаго желѣза или горящій камень (*см. А 20 а*). *21, 3* Анаксагоръ: (солнце) во много разъ больше Пелопоннеса. *23, 2* (*D. 352*) По мнѣнію Анаксагора (солнцестояніе происходитъ) вслѣдствіе сопротивленія съ сѣвера воздуха, который оно само, сгоняя (туда), дѣлаетъ сильнымъ отъ уплотненія.

73. Ксенофонтъ Memor. IV 7, 6 слѣд. (*пер. Г. Янчевецкаго*) Но быть изслѣдователемъ небесныхъ явленій, того, что и какъ устраиваетъ Богъ, онъ положительно отклонялъ... Сократъ утверждалъ, что человѣкъ, изслѣдующій это, рискуетъ впасть въ безуміе, какъ Анаксагоръ, который дошелъ до величайшей дерзости объясненіемъ устройства божественныхъ твореній. (*7*) Онъ, напримѣръ, утверждалъ, что огонь и солнце одно и то же, но онъ не зналъ того, что люди легко смотрятъ на огонь, но не могутъ смотрѣть на солнце; что предметы, освѣщаемые солнцемъ, получаютъ черный цвѣтъ, а освѣщаемые огнемъ этого не получаютъ. Не зналъ онъ и того, что изъ земныхъ растеній ни одно не можетъ расти безъ солнечныхъ лучей, тогда какъ все гибнетъ отъ теплоты огня. Утверждая, что солнце есть раскаленный камень, онъ не зналъ и того, что камень въ огнѣ не свѣтъ и не можетъ тамъ долго оставаться, между тѣмъ солнце постоянно оказывается самымъ блестящимъ изъ всѣхъ тѣлъ.

Аристотель de caelo A 3. 270 b 24 Анаксагоръ же пользуется этимъ названіемъ (*именно словомъ: эѳиръ*) нехорошо. Ибо онъ употребляетъ слово: эѳиръ вмѣсто огня (*срв. B 1 и др.*). *Симплицій къ этому мѣсту 119, 2* Онъ упрекаетъ Анаксагора въ томъ, что онъ неправильно производитъ названіе эѳира (*αἰθέρος*) отъ (слова): *αἴθειν*, которое значитъ зажигать, и что вслѣдствіе этого онъ пользовался имъ относительно огня.

74. (*Аристотель*) *Probl. XI 33. 903 a 7* Почему ночью лучше слышно, чѣмъ днемъ? Не потому ли что, какъ говоритъ Анаксагоръ, днемъ воздухъ, нагрѣваемый солнцемъ, шипитъ и шумитъ, ночью же онъ сохраняетъ тишину вслѣдствіе исчезновенія теплоты? *Плутархъ quaest. conv. VIII 3, 3. 722 A* Анаксагоръ говорилъ, что воздухъ приводится солнцемъ въ движеніе, (*точнѣе*) въ состояніе дрожанія и колебанія, какъ это можно ясно наблюдать на маленькихъ крошкахъ и кусочкахъ, всегда носящихся по солнечному свѣту, которые нѣкоторые называютъ пылинками. Итакъ, (этотъ) мужъ говоритъ, что они, при наличности теплоты шипя и шумя, издаютъ въ теченіе [illegible]аго дня звуки, неслышные вслѣдствіе (дневного) шума, ночью же † является колебаніе ихъ и звукъ.

75. Проклъ in Tim. p. 624 Schn. Платонъ (*p. 38 D.*)... далъ ученіе, что (солнце и луна) вступили въ міръ одновременно. Онъ не былъ самъ авторомъ этой гипотезы, но, согласно сообщенію Эвдема, впервые сдѣлалъ это предположеніе Анаксагоръ.

76. Платонъ Cratyl. (*пер. Карпова*) *p. 409 A* Онъ (*Анаксагоръ*) сказалъ недавно, что луна заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца. (*409 B*) Но этотъ свѣтъ вокругъ луны всегда новъ и древенъ, если только анаксагорейцы говорятъ правду. Всегда ходя около нея, солнце постоянно обливаетъ ее новымъ свѣтомъ, старый же остается отъ прежняго мѣсяца.

77. Схоліи Apoll. I 498 Луну же тотъ же самый Анаксагоръ объявляетъ плоской землей, съ которой, думаетъ онъ, упалъ Немейскій левъ. [1]) *Аэцій II 25, 9* (*D. 356*) Анаксагоръ и Демокритъ: луна—огненное твердое тѣло, заключающее въ себѣ равнины, горы и пропасти. *Ахиллъ isag. 21* Другіе же (полагаютъ), что луна есть воспламененная твердая земля, заключающая въ себѣ огонь. (*Они полагаютъ*), что ее населяютъ другія (живыя существа), что на ней находятся рѣки и все, что на землѣ, и выдумываютъ, будто оттуда упалъ Немейскій левъ. *Аэцій 30, 2* (*D. 561*) Анаксагоръ (*указываетъ*) на разнородность состава (*луны*), такъ какъ въ ней есть примѣсь холоднаго и земного; поэтому (луна) имѣетъ возвышенности, низменности и впадины. (*Въ ней*) къ огненному примѣшано темное, каковое состояніе (*ея*) обнаруживаетъ тѣнь. Поэтому (луна) называется свѣтиломъ съ ложнымъ свѣтомъ. (*Срв. 18 B 21*). *28. 5* (*D. 358*) Ѳалесъ первый сказалъ, что луна получаетъ свой цвѣтъ отъ солнца... подобнымъ же образомъ Анаксагоръ. *29, 6. 7* (*D. 360, изъ Посидонія*) Ѳалесъ, Анаксагоръ... согласно съ математиками (учили), что

---

[1]) Срв. 68 B 2.

луна ежемѣсячно убываетъ, сопутствуя солнцу и получая отъ него свѣтъ; Затменія же (луны) происходятъ, когда она попадаетъ въ тѣнь земли, которая *(въ этомъ случаѣ)* находится между обоими свѣтилами, причемъ луна болѣе заслоняется (ею). Анаксагоръ, какъ говоритъ Θеофрастъ, *(полагаетъ, что затменіе луны происходитъ)* также оттого, что иногда заслоняютъ ее тѣла, расположенныя ниже луны.

78. Аэцій II 16, 1 (D. 345) Анаксагоръ, Демокритъ и Клеанθъ полагаютъ, что всѣ свѣтила движутся съ востока на западъ.

79. Ахиллъ isag. in Arat. 1, 13 Ни Анаксагоръ, ни Демокритъ въ „Великомъ діакосмѣ" *(54 B 1)* не думаютъ, чтобы свѣтила были живыми существами.

80. Аристотель Meteorol. A 8. 345 a 25 Анаксагоръ и Демокритъ со своими послѣдователями говорятъ, что млечный путь есть свѣтъ нѣкоторыхъ звѣздъ. А именно, солнце, уходя подъ землю, не видитъ нѣкоторыхъ звѣздъ. Итакъ, *(намъ)* не виденъ свѣтъ всѣхъ тѣхъ звѣздъ, которыя обозрѣваются солнцемъ (ибо этому мѣшаютъ лучи солнца), свѣтъ же, принадлежащій тѣмъ (звѣздам), которыя заслоняетъ земля, такъ что солнце ихъ не видитъ, есть, говорятъ они, млечный путь. *Аэцій III 1, 5 (D. 365;* о млечномъ пути) Анаксагоръ: тѣнь земли падаетъ на эту часть неба, когда ушедшее подъ землю солнце не освѣщаетъ всего.

81. Аристотель Meteorol. A 6. 342 b 25 О кометахъ. . Итакъ, Анаксагоръ и Демокритъ *(55 A 92)* говорятъ, что кометы суть одновременное появленіе планетъ, когда вслѣдствіе *(взаимной)* близости послѣднія кажутся соприкасающимися между собой *Аэцій III 2, 2 (D. 366)* Анаксагоръ и Демокритъ: *(кометы суть)* соединеніе двухъ или большаго числа звѣздъ, такъ что свѣтъ ихъ соединяется въ одно.

82. Аэцій III 2, 9 (D 367) Анаксагоръ: такъ называемыя падающія звѣзды уносятся внизъ эθиромъ на подобіе искръ. Поэтому—то онѣ мгновенно гаснутъ.

83. Сенека Nat. qu. VII 5, 3 Также Хармандеръ въ книгѣ, написанной имъ о кометахъ, говоритъ, что Анаксагоръ видѣлъ большой и необычайный свѣтъ на небѣ, величиною съ огромное бревно, который сіялъ въ теченіе многихъ дней.

84 Аристотель Meteorol. B 9 (о молніи и громѣ) *369 b 14 (послѣ 21 A 63)* Анаксагоръ *(указываетъ въ качествѣ причины ихъ)* паденіе сверху внизъ (части) верхняго эθира, который онъ называетъ огнемъ. Итакъ, молнія есть блескъ этого огня, громъ же—шумъ и шипѣніе потухающаго (огня), такъ что молнія предшествуетъ грому, какъ кажется (намъ) и какъ происходитъ *(на самомъ дѣлѣ). Аэцій III 3, 4 (D. 368).* Когда теплое падаетъ на холодное (то-есть эθирная часть на воздушную), то *(это паденіе)* своимъ шумомъ производитъ громъ, блескомъ же на темномъ фонѣ облака—молнію, множествомъ и большой величиной свѣта громовой ударъ, болѣе матеріальнымъ огнемъ—бурю, (огнемъ) же, смѣшаннымъ съ облакомъ,—престеръ *Сенека Nat. qu. II 12, 3* Анаксагоръ утверждаетъ, что огонь по каплямъ стекаетъ изъ эθира и изъ столь силь-

наго небеснаго пламени ниспадаетъ въ большомъ количествѣ. которое долго сберегается облаками. будучи заключено (въ нихъ). *II 19 (послѣ Анаксимандра. см. стр. 44 первой части)* Анаксагоръ утверждаетъ, что все это происходитъ такимъ образомъ, что изъ эѳира нѣкоторая сила спускается въ низшія (области): такимъ образомъ огонь, ударившись о холодныя облака. издаетъ звукъ. А когда онъ ихъ разрываетъ, то происходитъ блескъ. причемъ меньшая сила огней производитъ зарницы, бо́льшая же—молніи.

85. Аэцій III 4, 2 (D. 371) Анаксагоръ (объясняетъ) облака и снѣгъ почти такъ же, (*какъ Анаксименъ, см. стр. 55 первой части*); градъ же (по его мнѣнію. возникаетъ), когда отъ замерзшихъ облаковъ выталкиваются къ землѣ нѣкоторыя (частицы). которыя, охлаждаясь при паденіи внизъ. закругляются. *Аристотель Meteorol A 12* (о градѣ) А именно, Анаксагоръ говоритъ, что это происходитъ, когда (облако) вступаетъ въ холодный воздухъ, мы же (говоримъ)—когда оно входитъ въ теплый.

86. Аэцій III 5, 11 (D. 373; о радугѣ) Анаксагоръ: (радуга) есть отраженіе солнечнаго свѣта отъ плотнаго облака; когда же происходитъ отраженіе прямо напротивъ какъ бы въ зеркалѣ. то она возникаетъ при посредствѣ любого свѣтила. Подобнымъ же образомъ онъ объясняетъ такъ называемыя паргеліи (*побочныя солнца*). появляющіяся на Понтѣ.

86a. Схоліи A къ Эсхилу Prom. 88 Вѣтры, по ученію Анаксагора, возникаютъ изъ земли, по Гомеру же „изъ тучъ отца Зевса“ (*B 146*). Но Анаксагоръ говоритъ о матеріальной причинѣ вѣтровъ. Гомеръ же о дѣятельной. скорѣе же (должно принять) и ту, и другую—и матеріальную, и дѣятельную.

87. Exc. astron. cod. Vatic. 381 Земля—ни полая, какъ (думаетъ) Демокритъ, ни плоская, какъ Анаксагоръ.

88. Аристотель de caelo B 13. 295 a 9 Такимъ образомъ, если нынѣ земля пребываетъ *(въ центрѣ)* подъ дѣйствіемъ (посторонней) силы, то и попала она въ центръ вслѣдствіе *(силы)* вращенія. Дѣло въ томъ, что всѣ указываютъ эту причину на основаніи наблюденія явленій, происходящихъ во влагѣ и воздухѣ. А именно, въ нихъ всегда большее и болѣе тяжелое уносится къ центру вращенія. Поэтому-то всѣ тѣ, которые принимаютъ возникновеніе неба, говорятъ, что земля собралась въ центрѣ. *Симплицій къ этому мѣсту 511, 23* Весьма многіе говорятъ, что земля лежитъ въ центрѣ, какъ Эмпедоклъ... и Анаксагоръ. *520, 28* Изъ говорящихъ, что она пребываетъ, будучи поддерживаема лежащимъ внизу воздухомъ, который покрываетъ земля; будучи плоской и имѣя видъ барабана, она не позволяетъ ему уйти. Кажется, такъ говорили Анаксименъ, Анаксагоръ и Демокритъ. *Срв. Аристотель de caelo B 13 (3 A 20).*

89. Аристотель Meteorol. B 7. 365 a 14 О землетрясеніи и движеніи земли... *a 19* Итакъ, Анаксагоръ говоритъ, что эѳиръ, который по своей природѣ стремится вверхъ, попадая въ низшія (части) земли и въ (ея) углубленія, приводитъ землю въ движеніе. Ибо верхнія (части) замкнуты вслѣдствіе облаковъ, между тѣмъ по природѣ (земля) вся одина-

ково ноздревата; какъ будто бы имѣются верхняя и нижняя (части) цѣлаго шара, и верхняя часть есть та, на которой мы живемъ, нижняя же (часть)—другая... *a 31* Также нелѣпо говорить, что она держится въ воздухѣ вслѣдствіе своей величины, землетрясеніе же происходитъ вслѣдствіе того, что она ударяется снизу вверхъ вся отъ самаго конца до начала. Сверхъ того, онъ не даетъ вовсе объясненія явленіямъ, наблюдаемымъ при землетрясеніяхъ. *Аэцій III 15, 4* (D. *379*; о землетрясеніяхъ) Анаксагоръ: вслѣдствіе проникновенія воздуха (*подъ землю*), который ударяется о плотную поверхность (ея), но, не будучи въ состояніи прорваться (черезъ нее), потрясаетъ то, что его окружаетъ. *Сенека Nat. qu. VI 9, 1* Нѣкоторые полагаютъ, что огонь—причина движенія земли, и нѣкоторые —, что онъ не единственная причина. Прежде всего Анаксагоръ, который полагаетъ, что почти отъ одинаковой причины сотрясается и воздухъ и земля, когда въ нижней части (*сильное*) дуновеніе разрываетъ плотный и сгущенный въ облака воздухъ съ той же самой силой, съ какой у насъ обычно облака разбиваются, и изъ этого столкновенія облаковъ и быстраго движенія вытолкнутаго воздуха засверкаетъ огонь. Ища выхода, онъ набрасывается на то, что лежитъ напротивъ, и разрываетъ то, что оказываетъ ему сопротивленіе, пока или не найдетъ пути для выхода къ небу черезъ (*какой-либо*) узкій (проходъ) или проложитъ себѣ дорогу силою и съ причиненіемъ поврежденій.

90. Аэцій III 16, 2 (*D. 381;* какимъ образомъ образовалось море и почему оно горько?) Анаксагоръ: Когда солнечнымъ круговращеніемъ была осушена влага, вначалѣ представлявшая собою болото и при этомъ самая тонкая (часть) испарилась, то остальная (часть) устоялась и сдѣлалась горько-соленой. *Александръ in meteor 67, 17* (*также изъ Ѳеофраста fr. 23, D. 495*) Третье же мнѣніе о морѣ таково: вода, просачиваясь сквозь землю и промывая ее, становится соленой вслѣдствіе того, что земля заключаетъ въ себѣ такіе соки. Доказательствомъ этого они считали то, что въ ней выкапываютъ (залежи) соли и сѣры, а также то, что во многихъ мѣстахъ земли находятся горькіе источники. И этого мнѣнія придерживались Анаксагоръ и Метродоръ (*57 A 19*).

91. Аэцій IV 1, 3 (*D. 228. 385; о причинѣ разлива Нила*) Анаксагоръ: отъ снѣга, тающаго лѣтомъ въ Эѳіопіи, зимою же охлаждающагося. *Срв. Аристотель de Nilo fr. 248 p. 193, 1 Rose. Сенека Nat. qu. IV a 2, 17* Анаксагоръ говоритъ, что растаявшія снѣга съ горъ Эѳіопіи стекаютъ въ самый Нилъ. Того же самаго мнѣнія держалась вся древность. Это (мнѣніе) передаютъ Эсхилъ, Софоклъ, Эврипидъ. *Напротивъ Геродотъ II 22* Третій же изъ способовъ (объясненія), хотя наиболѣе общепринятъ, наиболѣе ошибоченъ. Въ самомъ дѣлѣ, говоря, что Нилъ течетъ отъ тающаго снѣга, онъ ничего не объясняетъ.

---

92. Ѳеофрастъ de sens 27 слѣд. (*D. 507*) (*пер. Г. Церетели*) По мнѣнію Анаксагора, ощущенія происходятъ благодаря противоположному,

такъ какъ подобное не дѣйствуетъ на подобное. Пытается онъ также опредѣлить каждое ощущеніе особо; по его мнѣнію, мы видимъ благодаря отраженію (предметовъ) въ зрачкѣ, причемъ отраженіе падаетъ не на одноцвѣтное, но на противоположное по цвѣту; у большинства животныхъ это различіе цвѣта бываетъ днемъ, а у нѣкоторыхъ ночью, благодаря чему они видятъ тогда острѣе; обыкновенно же ночью бываетъ цвѣтъ одинаковый съ глазомъ. Отраженіе происходитъ днемъ, потому что свѣтъ есть причина отраженія, причемъ преобладающій цвѣтъ скорѣе отражается на противуположномъ. (28) Подобнымъ же образомъ осязаніе и вкусъ различаютъ свои объекты; ибо одинаково теплое и холодное, приближаясь, не согрѣваетъ и не охлаждаетъ (другъ друга); равнымъ образомъ, нельзя сладкаго и горькаго познать при помощи ихъ самихъ, но холодное познается теплымъ, прѣсное—соленымъ, сладкое—горькимъ, сообразно тому, чего въ другомъ недостаетъ, ибо все это заключается въ насъ. Равнымъ образомъ, обоняніе получается при помощи дыханія, а слухъ благодаря тому, что шумъ доходитъ вплоть до мозга, такъ какъ окружающаяся (ухо) кость, въ которую проникаетъ шумъ, полая. (29) Всякое ощущеніе сопровождается страданіемъ, что, повидимому, вытекаетъ изъ его гипотезы, ибо все неподобное, при прикосновеніи, вызываетъ страданіе, причемъ явнымъ дѣлается это страданіе благодаря продолжительности и силѣ ощущеній. И дѣйствительно, яркіе цвѣта и слишкомъ сильный шумъ производятъ страданіе, причемъ (люди) не могутъ долгое время переносить этого. Большія животныя сильнѣе воспринимаютъ ощущенія, да и вообще сила ощущенія согласуется съ величиной (органа). Въ самомъ дѣлѣ, тѣ животныя, которыя имѣютъ большіе, чистые и свѣтлые глаза, обладаютъ сильнымъ и далекимъ зрѣніемъ; тѣ же, у которыхъ глаза невелики—наоборотъ. (30) То же самое вѣрно и относительно слуха, ибо тѣ животныя, которыя обладаютъ большими ушами, слышатъ громкіе и отдаленные звуки, звуки же менѣе сильные ускользаютъ отъ нихъ; равнымъ образомъ, тѣ животныя, у которыхъ маленькія уши, слышатъ менѣе сильные и близкіе звуки. То же самое происходитъ и при обоняніи. Легкій воздухъ пахнетъ сильнѣе, ибо, когда онъ нагрѣтъ и разрѣженъ, онъ издаетъ запахъ. Большія животныя при вдыханіи вмѣстѣ съ разрѣженнымъ втягиваютъ и густой воздухъ, малыя же только разрѣженный. Вотъ почему большія животныя лучше обоняютъ. И дѣйствительно, запахъ вслѣдствіе своей густоты ощущается вблизи лучше, чѣмъ вдали, разсѣиваясь же онъ дѣлается слабѣе. Однимъ словомъ, большія животныя не ощущаютъ легкаго запаха, [1]) малыя же—густого. (37) Итакъ, Анаксагоръ, о чемъ было сказано выше, высказываетъ мнѣніе вовсе не новое, раздѣляемое всѣми; впрочемъ, онъ высказываетъ и свое мнѣніе по поводу какъ всѣхъ ощущеній, такъ въ особенности по поводу зрѣнія (когда онъ говоритъ), что есть ощущеніе

---

[1]) Собственно „легкаго воздуха“, каковое выраженіе, кажется, идетъ отъ самаго Анаксагора. Слово „воздухъ“ здѣсь въ особомъ значеніи. Раньше здѣсь зачеркивали ἀέρος и ставили на его мѣсто ὀσμῆς.

большого. Что же касается до ощущеній болѣе грубыхъ, то ихъ онъ не выясняетъ. (*59*) И дѣйствительно, Анаксагоръ просто высказался о нихъ (цвѣтахъ).

93. Аэцій IV 3, 1 (D. 387; тѣлесна ли душа и какова сущность ея?) Анаксименъ, Анаксагоръ, Архелай, Діогенъ (*считали душу*) воздушной *5, 11 (D. 392)* Пиѳагоръ. Анаксагоръ... умъ входитъ извнѣ. *7, 1* Пиѳагоръ, Анаксагоръ и Діогенъ... объявили, что душа безсмертна. *Срв. 18 А 47.*

94. Аристотель Eth. Nic. H 15. 1154 в 7 (пер. Э Радлова) Животное всегда страдаетъ, свидѣтельствомъ чему служатъ физическія теоріи, утверждающія, что зрѣніе и слухъ сопряжены съ страданіемъ, но что мы къ нимъ, какъ онѣ говорятъ, привыкли.

Аспасій къ этому мѣсту, стр. 156, 14 А именно, Анаксагоръ говорилъ, что животное всегда страдаетъ вслѣдствіе ощущеній. Онъ говоритъ это, не присоединяясь къ высказываемому мнѣнію, но (просто) сообщая его, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, они не держались мнѣнія, что животное всегда страдаетъ. Онъ, какъ и Ѳеофрастъ въ „Этикѣ". упрекаетъ Анаксагора, говоря, что противоположное удовольствіе изгоняетъ печаль *и т. д. по Аристотелю. Аэцій IV 9, 16 (D. 398)* Анаксагоръ: всякое ощущеніе (сопряжено) со страданіемъ.

95. Цицеронъ Ac. post. I 12, 44 Вслѣдствіе неясности тѣхъ вещей, которыя привели Сократа къ сознанію (своего) незнанія, и уже раньше Сократа Демокрита, Анаксагора, Эмпедокла и почти всѣхъ древнихъ, которые высказали (мнѣніе), что нельзя ничего познавать, ничего воспринимать, ничего знать: (*наши*) чувства ограничены (*21 B 2, 1*) (наши) души слабы (*46 B 21*) пути жизни коротки и, какъ говоритъ Демокритъ, истина скрыта въ глубинѣ (моря) (*55 B 117*); они сказали, что все держится мнѣніями и (условными) постановленіями, для истины не остается ничего и все покрыто мракомъ. [1])

96. Аэцій IV 9, 1 (D. 396) Анаксагоръ, Демокритъ... ощущенія ложны. *Срв. А 28.*

97. Секстъ Pyrrh. hypot. I 33 (Мы противополагаемъ) мыслимое явленію, подобно тому какъ Анаксагоръ (*противопоставлялъ утвержденію*) снѣгъ бѣлъ, (*доказательство*): снѣгъ есть замерзшая вода, вода же черна, слѣдовательно, и снѣгъ черенъ. *Цицеронъ Acad. II 31, 100* Онъ скорѣе согласится, что снѣгъ бѣлъ, нежели Анаксагоръ, который не только отрицалъ это положеніе, но даже говорилъ, что вслѣдствіе того, что онъ знаетъ, что вода черна и (знаетъ), откуда возникъ снѣгъ, послѣдній ему даже и не кажется бѣлымъ.

98. Схоліи къ Гомеру (А) къ П 161 Черная вода: Анаксагоръ говоритъ, что она по природѣ (своей) черна. И дѣйствительно, дымъ черенъ, такъ какъ онъ исходитъ изъ воды деревьевъ.

---

[1]) Изреченіе: „все покрыто мракомъ" Лактанцій (III 28, 12) произвольно приписываетъ Анаксагору.

99. Аристотель de anima (пер. В. Снегирева) А. 2. р. 404 а 25 Подобнымъ же образомъ признавалъ душу движущимся началомъ Анаксагоръ или кто-бы онъ ни былъ, высказавшій мысль, что все приводится въ движеніе разумомъ.

100. — — А 2. 404 в 1 Анаксагоръ говоритъ объ этомъ не совсѣмъ ясно. Во многихъ мѣстахъ онъ признаетъ умъ источникомъ прекраснаго и справедливаго, въ другихъ же отождествляетъ его съ душею, утверждая, что умъ присущъ всѣмъ живымъ существамъ малымъ и большимъ, благороднымъ и низкимъ. Но легко видѣть, что умъ, называемый благоразуміемъ, не только не принадлежитъ въ одинаковой мѣрѣ всѣмъ животнымъ, но даже не всѣмъ людямъ. *405 а 13* Анаксагоръ, повидимому, признаетъ душу и умъ различными., но употребляетъ эти слова такъ, какъ будто ими означается одинъ и тотъ же предметъ. Впрочемъ, умъ признается у него по преимуществу началомъ всего, потому что онъ одинъ изъ всего существующаго по самой своей природѣ есть нѣчто простое, не заключающее смѣшенія и чистое. И познаніе и движеніе онъ приписываетъ одному и тому же началу, утверждая, что все движется умомъ. *Г 4. 429 а 18* Посему онъ, какъ мыслящій все, необходимо не заключаетъ въ себѣ посторонней примѣси, дабы, какъ говоритъ Анаксагоръ, (*В 12*), властвовать надъ всѣмъ, т. е. дабы познавать.

101. Аэцій V 20, 3 (D. 432) Анаксагоръ: всѣ животныя имѣютъ дѣятельный умъ, страдательнаго же ума, такъ называемаго ума-переводчика, они какъ будто не имѣютъ (?) [1])

101а. Псел̀ъ d. omnif. doctr. 15 Анаксагоръ же умъ въ его (*дѣятельности*) мышленія признаетъ не во всѣхъ людяхъ, не потому чтобы они не имѣли разумной сущности, но такъ какъ они ей никогда не пользуются. (*По его мнѣнію*), душа характеризуется слѣдующими двумя свойствами: способностью движенія и познаванія.

102. Аристотель de part. animal. Δ 10. 687 а 7 Итакъ, Анаксагоръ говоритъ, что человѣкъ является, самымъ разумнымъ изъ животныхъ вслѣдствіе того, что онъ имѣетъ руки. (*Скорѣе*) слѣдовало бы признать, что онъ владѣетъ руками вслѣдствіе того, что наиболѣе разуменъ (*изъ всѣхъ животныхъ*). Ибо руки суть орудіе, природа же, подобно разсудительному человѣку, распредѣляетъ органы, давая каждый изъ нихъ тому, кто можетъ пользоваться имъ. *Срв. Галенъ d usu partt. I 3 и В 21 в.*

103. Аэцій V 25, 2 (D. 437): Сонъ возникаетъ вслѣдствіе истощенія тѣлесной энергіи. Ибо (*сонъ*)—тѣлесное состояніе, а не душевное. Смерть же есть отдѣленіе души.

---

104. Галенъ d. natur. facult. II 8 А именно, если это, дѣйствительно, представляетъ серьезное затрудненіе, то не изслѣдовать ли намъ и (воп-

[1]) Непонятно. Целлеръ I⁶ стр. 1019 указываетъ, что слѣдовало бы ожидать прямо противоположнаго.

росъ) относительно крови, получаетъ ли она свое начало въ тѣлѣ или порождается пищею, какъ говорятъ принимающіе гомеомеріи?

105. Аристотель de partt. anim. Δ 2. 677 a 5 Кажется, Анаксагоръ со своими послѣдователями неправильно полагаютъ, будто (желчь) есть причина острыхъ болѣзней. А именно (они говорятъ), что будучи въ чрезмѣрномъ количествѣ, (желчь) выпрыскиваетъ въ легкія, жилы и бока. Дѣло въ томъ, что тѣ, съ которыми случаются эти болѣзни, почти не имѣютъ желчи, какъ въ этомъ можно воочію убѣдиться при анатомированіи.

106. Аэцій IV 19, 5 (D. 409) (пер. Г Церетели) Анаксагоръ объясняетъ происхожденіе звука слѣдующимъ образомъ: дыханіе ударяется о плотный воздухъ и благодаря отзвуку удара достигаетъ до уха. Точно также происходитъ и такъ называемое эхо.

107. Аристотель de gen. anim. Δ 1. 763 b 30 А именно, нѣкоторые, какъ Анаксагоръ и другіе физіологи, говорятъ, что въ сѣменахъ съ самаго начала есть эта противоположность. А именно, сѣмя исходитъ изъ самца, самка же доставляетъ мѣсто, причемъ существо мужского пола происходитъ изъ правой части, женскаго—изъ лѣвой, и въ маткѣ существа мужского пола находятся въ правой сторонѣ, женскаго—въ лѣвой. *Цензоринъ 5, 2 (срв выше 14 А 13, стр. 208 первой части).*

108. Цензоринъ 6, 1 (D. 190; что раньше всего образуется въ ребенкѣ?) Анаксагоръ: мозгъ, откуда происходятъ всѣ ощущенія.

109. Цензоринъ 6, 2 Нѣкоторые, слѣдуя Анаксагору, полагаютъ, что (*въ зародышахъ*) находится эѳирная теплота, которая располагаетъ (*надлежащимъ образомъ*) члены.

110. — 6, 3 (D. 191) А именно, Анаксагоръ и многіе другіе полагаютъ, что пища доставляется черезъ пупъ.

111. Аэцій V 7, 4 (D. 420) см. 18 А 53, стр. 33 второй части). Цензоринъ 6, 4 (срв. 21 А 81, стр. 164 второй части). 6, 8 Анаксагоръ же высказалъ мнѣніе, что дѣти похожи лицомъ на того изъ родителей, который далъ больше сѣмени [1]).

112. Аэцій V 19, 23 (D. 430) Эпикуръ со своими послѣдователями (*учатъ*), что... рожденіе живыхъ существъ есть (*на самомъ дѣлѣ*) переходъ однѣхъ (*формъ*) въ другія. Ибо они суть части міра, какъ (*учатъ*) Анаксагоръ и Эврипидъ (*Дальше въ пер. Г. Церетели*): Анаксагоръ и Эврипидъ говорятъ; ничто изъ возникающаго не умираетъ, но отдѣляясь отъ чуждыхъ ему элементовъ, воскресаетъ къ жизни подъ новою формой. *Срв. его „Хрисиппъ" fr. 839:* „Величайшая Земля и Эѳиръ Зевса, одинъ (*изъ нихъ*)—отецъ людей и боговъ, другая же, воспринявъ орошающія капли дождя, рождаетъ смертныхъ, рождаетъ пищу и племена животныхъ, почему вполнѣ справедливо она признается матерью всего. Родившееся

---

[1]) Это сообщеніе Цензорина находится въ противорѣчіи съ Аристотелемъ (А 107), который говоритъ, что, по мнѣнію Анаксагора, самка не выдѣляетъ сѣмени.

изъ земли отходитъ обратно въ землю, происшедшее же изъ эѳирнаго сѣмени, возвращается опять на небо. Не умираетъ ничто изъ возникающаго; когда же одно отъ другого отдѣляется, они обнаруживаютъ иную форму (*Срв. В. 17*)

113. Иреней II 14. 2 (*D. 171*) Анаксагоръ же, который былъ прозванъ безбожникомъ, далъ ученіе, что живыя существа были произведены сѣменами, падавшими съ неба на землю.

114. Аристотель de gener. anim. Г 6. 756 b 13 А именно, нѣкоторые говорятъ, что вороны и ибисъ совокупляются ртомъ, и изъ четвероногихъ ласочка рожаетъ черезъ ротъ. Это говорятъ Анаксагоръ и нѣкоторые другіе физики, утверждающіе (это) слишкомъ наивно и необдуманно.

115. — de respir. 2. 470 b 30 Анаксагоръ и Діогенъ, утверждающіе, что всѣ (существа) дышатъ, о рыбахъ и устрицахъ разсказываютъ, какимъ образомъ они дышатъ. Анаксагоръ говоритъ, что рыбы дышатъ, выпустивъ воду черезъ жабры и втягивая появляющійся (*при этомъ*) во рту воздухъ. Ибо пустоты вовсе не существуетъ.

116. Плутархъ quaest. phys 1. 911 D Ибо послѣдователи Платона, Анаксагора и Демокрита думаютъ, что растеніе есть находящееся въ землѣ животное.

117. Ѳеофрастъ H. plant. III 1. 4 Анаксагоръ говоритъ, что воздухъ содержитъ въ себѣ сѣмена всего, которыя уносятся внизъ дождемъ и порождаютъ растенія. (*Аристотель*) *de plantis A 1. 815 a 15* (*21 A 70 стр. 159 второй части*) Анаксагоръ же... говорятъ, что растенія могутъ совершать движенія по своему желанію, а также утверждаютъ, что они ощущаютъ, печалятся и радуются. Изъ нихъ Анаксагоръ сказалъ, что растенія—животныя и что они радуются и печалятся, считая признакомъ (этого) складки [1]) листьевъ (ихъ) *b 16* (*с. 2*) Анаксагоръ же... говорили, что они имѣютъ умъ и знаніе. *816 b 26* (*с. 5*) Правда, Анаксагоръ сказалъ, что оно само имѣетъ дыханіе. *817 a 23* (*с. 6*) Пища растеній происходитъ отъ земли и произведеніе плодовъ (*у нихъ*) имѣетъ своимъ источникомъ солнце. Поэтому Анаксагоръ сказалъ, что холодъ ихъ—отъ воздуха, и поэтому (*также*) онъ говоритъ †„лехинеонъ“ [2]), такъ какъ земля есть мать растеній и солнце—отецъ ихъ.

---

[1]) „Повороты“ Meyer.

[2]) Можетъ быть „λεχώιον γῆν“—родительница земля. Срв. Аристотель de gen. anim. A 2. 716 a 15: „Поэтому-то и во вселенной естество земли считаютъ какъ бы самкой и матерью, небо же и солнце, или что-либо изъ прочаго въ этомъ родѣ, называютъ родителями и отцами“ и Эврипидъ (46 A 112, стр. 151).

B. Фрагменты.

«О природѣ» Анаксагора двѣ (три?) книги.

1. *Симплицій phys. 155, 23* Анаксагоръ говоритъ, что изъ единой смѣси выдѣляются безконечныя по числу гомеомеріи, причемъ все заключается во всемъ, каждая же (вещь) отмѣчается (*среди другихъ*) соотвѣтственно тому, что (въ ней) преобладаетъ. Что (*дѣйствительно*) Анаксагоръ этому учитъ, видно изъ первой книги (его) „Физики“, гдѣ онъ говоритъ въ началѣ: „Вмѣстѣ всѣ вещи были, безконечныя и по множеству и по малости. [1]) Ибо малое было безконечнымъ (*безконечно-малымъ*). И пока всѣ онѣ были вмѣстѣ, ни одно (изъ нихъ) не было замѣтно вслѣдствіе малости. Ибо всѣхъ (ихъ) сдерживалъ воздухъ и эѳиръ, которые оба были безконечными. Дѣло въ томъ, что ихъ наибольше заключается во всемъ и по количеству и по величинѣ“. *Срв. стр. 140. То же въ пер. кн. С. Трубецкого:* „Всѣ вещи были вмѣстѣ, безконечныя и по множеству и по малости, ибо и малое было безконечно. И, когда всѣ вещи были вмѣстѣ, ничто не могло быть различимо вслѣдствіе (безконечно) малой величины. Ибо надо всѣмъ преобладалъ воздухъ и эѳиръ, будучи безпредѣльны и тотъ и другой, такъ какъ изо всѣхъ вещей они суть наибольшія и по множеству и по величинѣ“.

2 — — *155, 30* (*послѣ В 1*) И немного спустя: „Ибо воздухъ и эѳиръ выдѣляются изъ окружающей (*ихъ*) массы, и (*это*) объемлющее (*все*) безконечно по количеству.“

3. — — *164, 16* И что въ началахъ нѣтъ ни наименьшаго, ни наибольшаго, онъ говоритъ (*приводится ниже-слѣдующая цитата*). Ибо если все во всемъ и все изъ всего выдѣляется, то и изъ того, что кажется наименьшимъ, выдѣлится нѣчто меньше его, и то, что кажется наибольшимъ, выдѣлилось изъ чего-то большаго, чѣмъ оно. Онъ ясно говоритъ, что (*цит. изъ В. 12*). И опять говоритъ, что (*цит. изъ В 12*). И въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ такъ (*цит. В 6)* Анаксагоръ полагаетъ, что каждая изъ чувственно-воспринимаемыхъ гомеомерій возникаетъ вслѣдствіе соединенія подобныхъ (*частицъ)* и этимъ характеризуется. И дѣйствительно, онъ говоритъ (*цит. изъ В. 12.*) „И въ маломъ вѣдь нѣтъ наименьшаго, но всегда есть меньшее. Ибо бытіе не можетъ разрѣшиться въ небытіе. [2]) Но и въ отношеніи къ большому всегда есть большее. И оно равно малому по количеству. Сама же по себѣ каждая (вещь) и велика и мала“.

---

[1]) Т. е. было безконечно-много безконечно-малыхъ вещей.

[2]) Целлеръ читаетъ вмѣсто „τὸ μὴ“—„τομῇ“ (черезъ дѣленіе). Дѣйствительно, смыслъ мѣста требуетъ добавить „черезъ дѣленіе“, но это понятіе могло просто подразумѣваться.

4. — — *34, 28* А именно: почти въ (самомъ) началѣ первой книги: „О природѣ" Анаксагоръ говоритъ слѣдующее (*приводится первая часть цитаты*). Можетъ быть, нѣкоторымъ покажется, что онъ сравниваетъ (*здѣсь*) не съ умственнымъ раздѣленіемъ то раздѣленіе, которое (*имѣло мѣсто*) при возникновеніи (*міра*), но проводитъ сравненіе нашего мѣстожительства съ другими мѣстами. (*Въ противномъ случаѣ*) онъ не сказалъ бы о другихъ мѣстахъ, и не назвалъ бы тамъ находящееся... (*цитаты*). *156, 1* И немного спустя (*послѣ В 2*) онъ говоритъ... (*цитата*). *34, 21 приводится цитата. 157, 9* Что онъ намекаетъ на нѣкоторый другой по сравненію съ нашимъ міръ, показываютъ (*слова*: „какъ у насъ". которыя онъ говоритъ не одинъ разъ. А что онъ не считаетъ упомянутый міръ чувственно-воспринимаемымъ и предшествовавшимъ по времени нашему (*міру*), показываютъ (слова): „(*растенія*), изъ которыхъ наиболѣе полезныя они сносятъ въ помѣщенія и употребляютъ (въ пищу)". Дѣло въ томъ, что онъ сказалъ не „употребляли", но „употребляютъ". Но, (съ другой стороны), онъ также не выражается такъ, какъ если бы въ настоящее время устройство нѣкоторыхъ другихъ обитаемыхъ мѣстъ было подобно нашему мѣстожительству. Вѣдь онъ не сказалъ: „солнце и луна и у нихъ, (*тѣ же*) какъ и у насъ". но (сказалъ): „солнце и луна, какъ у насъ". какъ бы говоря о другихъ (*солнцѣ и лунѣ*). Впрочемъ, слѣдовало бы изслѣдовать, имѣетъ ли сказанное (имъ) такое или иное значеніе.

„Если же это такъ, то должно думать, что во всѣхъ соединеніяхъ (*заключается*) много различныхъ (*веществъ*) и (*находятся*) сѣмена всѣхъ вещей, имѣющія разнообразныя формы, цвѣта, вкусы и запахи. [1]) И (*слѣдуетъ также думать*), что люди и всѣ прочія живыя существа, имѣющія душу, образовались посредствомъ (указанныхъ) соединеній; и что у (*этихъ*) людей, какъ и у насъ, имѣются населенныя города и обработанныя поля, и есть у нихъ солнце, луна и прочія (*свѣтила*), какъ у насъ, и земля у нихъ производитъ много разнообразныхъ (*злаковъ*), изъ которыхъ наиболѣе полезные они сносятъ въ помѣщенія и употребляютъ (въ пищу). Это сказано мной объ отдѣленіи, (*чтобы указать*), что отдѣленіе имѣло мѣсто не только у насъ, но и въ другомъ мѣстѣ. [2])

А до этого отдѣленія, такъ какъ все было вмѣстѣ, ни одинъ цвѣтъ не былъ виденъ. Ибо (этому) препятствовало смѣшеніе всѣхъ вещей: влажнаго и сухого, теплаго и холоднаго, свѣтлаго и темнаго, причемъ (въ этой смѣси) заключалось много земли и безконечное множество сѣмянъ, совершенно непохожихъ другъ на друга. Ибо и изъ прочихъ (вещей) одна на другую нисколько не похожа. Если же это такъ, то слѣдуетъ думать, что во всемъ заключаются всѣ вещи".

---

[1]) Срв. 51 В 5.

[2]) „Земля произрастаетъ для нихъ въ изобиліи разнаго рода (злаки), изъ числа которыхъ они выбираютъ наиболѣе полезные для удовлетворенія жизненныхъ потребностей. Подобной мысли держусь я объ отдѣленіи (элементовъ) потому, что не только у насъ, но и повсюду (это отдѣленіе) можетъ имѣть мѣсто" Г. Церетели.

5. — — *156. 9 (послѣ В 4)* Что ни одна изъ гомеомерій ни возникаетъ, ни уничтожается, но онѣ всегда остаются тѣми же самыми, видно изъ слѣдующихъ словъ его: „Слѣдуетъ знать, что, когда эти *(вещества)* такимъ образомъ отдѣлились, совокупность всего нисколько ни уменьшилась, ни увеличилась [1]) (ибо невозможно быть больше всего), но все всегда равно *(себѣ)*". Вотъ что *(онъ говоритъ)* о смѣси и гомеомеріяхъ

6. — — *164, 25 (послѣ В 12)* И въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ слѣдующимъ образомъ: „Такъ какъ у большого и у малаго имѣется одинаковое число частей, то такимъ образомъ все можетъ заключаться во всемъ. И не можетъ быть отдѣльнаго существованія, но все имѣетъ часть всего. Такъ какъ не можетъ быть наименьшаго, то невозможно *(полное)* отдѣленіе и *(невозможно)*, чтобы *(какая-либо вещь)* стала существовать сама по себѣ, но, какъ вначалѣ, такъ и теперь, все существуетъ вмѣстѣ. Но во всемъ заключаются многія *(вещи)*, причемъ ихъ одинаковое число какъ въ большихъ, такъ и въ меньшихъ изъ отдѣляющихся *(отъ первичной смѣси)*, вещей". *То же въ пер. С. Трубецкого;* „И такъ какъ части великаго и части малаго равны по количеству (и тѣ и другія безконечно-многи), то, слѣдовательно, во всемъ есть часть всего, и ничто не можетъ существовать отдѣльно, но все причастно части всего. Такъ какъ не можетъ существовать нѣчто абсолютно-малое, то оно не можетъ выдѣлиться и стать само по себѣ, но какъ въ началѣ, такъ и теперь, все должно быть вмѣстѣ; и во всѣхъ выдѣлившихся вещахъ содержатся многія (вещества), и притомъ въ равномъ (т. е безконечномъ) количествѣ какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ".

7. — *de caelo 608. 24 (послѣ В 1) цит. В 4 конецъ.* Но никогда онъ не говоритъ, что безпредѣльное непостижимо и непознаваемо. Ибо это видно изъ его словъ: „Такимъ образомъ количества выдѣляемаго мы не (можемъ) знать ни разумомъ, ни изъ опыта". Дѣло въ слѣдующемъ. Его слова, что умъ знаетъ все, показываютъ, что онъ считалъ *(всѣ вещи)* по виду опредѣленными. Однако, если бы были *(вещи)* по-истинѣ безпредѣльныя, то онѣ были бы совершенно непознаваемыми. Ибо познаніе опредѣляетъ и ограничиваетъ предметъ познанія. Говоритъ же онъ *(цит. изъ В 12)*.

8. — *phys 175. 11* Анаксагоръ сказалъ: *(цит. изъ В 12)*, такъ какъ все находится во всемъ, и въ другомъ мѣстѣ *(слѣдуетъ часть ниже приводимой цитаты). 176, 28 (Ниже приводимая цитата)*, какъ онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ.

„Вещи, находящіяся въ единомъ космосѣ не отдѣлены другъ отъ друга и не отсѣчено топоромъ ни теплое отъ холоднаго, ни холодное отъ теплаго". *То же въ пер. кн. С. Трубецкого:* „То, что заключается въ единомъ мірозданіи, не можетъ быть расторгнуто на отдѣльныя другъ отъ друга части или расторгнуто топоромъ—ни теплое отъ холоднаго, ни холодное отъ теплаго".

---

[1]) „Не можетъ ни уменьшаться, ни увеличиваться" Г. Дильсъ.

9. — — *35, 13 (послѣ В 4)* Выслушай, что говоритъ онъ немного ниже, дѣлая сравненіе обоихъ (*міровъ — соединеннаго и выдѣлившагося*): ....Такимъ образомъ эти (*вещества*) приходятъ въ круговое вращеніе и выдѣляются подъ дѣйствіемъ сильнаго и быстраго (*движенія*). Силу же (*движенія*) порождаетъ (*его*) скорость. Быстрота же (*движенія*) ихъ не можетъ быть сравнена со скоростью (движенія) ни одной вещи изъ тѣхъ, которыя нынѣ существуютъ въ (опытѣ) людей, но та быстрота во всѣхъ отношеніяхъ во много разъ больше этой".

10. *Схоліи in Gregor. XXXVI 911 Migne* Отыскавъ древнее ученіе, что ничто не возникаетъ изъ того, что никоимъ образомъ не существуетъ, Анаксагоръ отвергъ возникновеніе, ввелъ же вмѣсто возникновенія раздѣленіе. А именно, онъ говоритъ вздоръ, будто (*вначалѣ*) все было смѣшано другъ съ другомъ, съ возрастаніемъ же стало раздѣляться. Дѣло-де въ томъ, что въ одномъ и томъ же сѣмени находятся и волосы, и ногти, и жилы, и артеріи, и нервы, и кости; (*всѣ*) они незамѣтны вслѣдствіе того, что состоятъ изъ мелкихъ частей, увеличиваясь же, они мало-помалу выдѣляются. „Вѣдь такимъ образомъ, говоритъ онъ, изъ не-волоса могъ возникнуть волосъ и изъ не-мяса мясо?" Онъ говоритъ это не только о тѣлахъ, но и о цвѣтахъ. А именно, (*по его мнѣнію*), въ бѣломъ заключается черное и въ черномъ бѣлое. То же самое онъ полагалъ о вѣсѣ, думая, что съ тяжелымъ (*всегда*) смѣшано легкое и, обратно, съ легкимъ тяжелое. *Срв. Симплицій phys. 460, 16.*

11. *Симплицій phys. 164, 22* Говоритъ же онъ ясно, что „во всемъ заключается [1]) часть всего кромѣ ума, но есть (*и такія вещи*), въ которыхъ заключается и умъ".

12. — — *164, 24 (послѣ В 11)* И снова онъ говоритъ, что (*слѣдуетъ начало ниже приводимой цитаты*). *156, 13 (послѣ В 5)* Объ умѣ же онъ написалъ слѣдующее (*слѣдуетъ конецъ ниже приводимой цитаты*) *Срв. 176, 32.*

„Остальныя (*вещи*) имѣютъ въ себѣ часть всего, умъ же—безконеченъ [2]) самодержавенъ и не смѣшанъ ни съ одной вещью, но только онъ одинъ существуетъ самъ по себѣ. Ибо, если бы онъ не существовалъ самъ по себѣ, но былъ бы смѣшанъ съ чѣмъ-нибудь другимъ, то онъ участвовалъ бы во всѣхъ вещахъ, если бы былъ смѣшанъ (*хотя бы*) съ какой-либо (*одной вещью*). Дѣло въ томъ, что во всемъ заключается часть всего, какъ сказано мной выше (*В 11*). Эта примѣсь мѣшала бы ему, такъ что онъ не могъ бы ни одной вещью править столь (*хорошо*), какъ (*теперь, когда*) онъ существуетъ отдѣльно самъ по себѣ. И дѣйствительно, онъ—тончайшая и чистѣйшая изъ всѣхъ вещей, онъ обладаетъ совершеннымъ зна-

---

[1]) Возможно грамматически двоякое пониманіе этого мѣста: 1) во всѣхъ вещахъ суть части всего за исключеніемъ (*частей*) ума; 2) во всемъ, за исключеніемъ ума, (т. е. но не въ умѣ) суть части всего. Но слѣдующее противоположеніе требуетъ перваго пониманія. Zeller. Zu Anaxagoras, Archiv VIII Bd. 1895. стр. 151 сл.).

[2]) Целлеръ, Родэ и Нестле здѣсь вмѣсто „ἄπειρον" читаютъ „ἁπλόον" (простъ).

ніемъ обо всемъ и имѣетъ величайшую силу. И надъ всѣмъ, что только имѣетъ душу, какъ надъ большимъ, такъ и надъ меньшимъ, господствуетъ умъ. И надъ всеобщимъ вращеніемъ господствуетъ умъ, отъ котораго это круговое движеніе и получило начало. Сперва это вращеніе началось съ нѣкотораго малаго (*пространства*), (*затѣмъ*) оно приняло большіе размѣры и въ будущемъ приметъ еще большіе. И все, что смѣшивалось, отдѣлялось и раздѣлялось, зналъ умъ. Какъ должно было быть въ будущемъ, какъ (*раньше*) было (чего нынѣ уже нѣтъ), и какъ въ настоящее время есть, порядокъ всего этого опредѣлилъ умъ. Онъ (*установилъ*) также это круговое движеніе, которое совершаютъ нынѣ звѣзды, солнце, луна и отдѣляющіеся воздухъ и эѳиръ. Само это вращеніе производитъ отдѣленіе (*ихъ*). Отдѣляется отъ рѣдкаго плотное, отъ холоднаго теплое, отъ темнаго свѣтлое и отъ влажнаго сухое. Много частицъ многихъ (*веществъ*) находится (*тамъ*). Вполнѣ же ничто, кромѣ ума, ни отдѣляется, ни выдѣляется изъ другого. Умъ же всякій—какъ большій такъ и меньшій, одинаковъ. Изъ (всего же) остальнаго ни одна вещь не похожа ни на одну, но каждая отдѣльная вещь болѣе всего кажется и казалась тѣмъ, [1]) чего въ ней наибольше *То же въ пер. кн. С. Трубецкого*: „Всѣ прочія вещи имѣютъ въ себѣ часть всего. Умъ же безпредѣленъ, самовластенъ и не смѣшанъ ни съ какою вещью, но пребываетъ одинъ самъ по себѣ. Ибо если бы онъ не былъ самъ по себѣ и примѣшивался бы чему-либо другому, онъ былъ бы причастенъ всѣмъ вещамъ, - разъ онъ былъ бы примѣшанъ хоть чему-нибудь: ибо во всемъ есть часть всего, какъ сказано было ранѣе. И въ такомъ случаѣ примѣсь мѣшала бы ему господствавать надъ каждою вещью такимъ образомъ, какъ онъ это можетъ, будучи одинъ самъ по себѣ. Ибо онъ есть легчайшее изъ всѣхъ вещей и чистѣйшее и обладаетъ всяческимъ вѣдѣніемъ обо всемъ и величайшей мощью. И все, что только имѣетъ душу, большое и малое,—всѣмъ этимъ владычествуетъ Умъ. И всѣмъ круговращеніемъ вселенной онъ владычествовалъ, такъ что онъ положилъ начало это круговороту. Круговоротъ сперва начался съ малаго, теперь онъ охватываетъ большее и охватитъ еще большее (еще большую массу вещества). И все смѣшанное и все, что различается и отдѣляется (изъ первоначальной смѣси),—все позналъ Умъ. И все, что только будетъ и что было, все, чего теперь нѣтъ; и все, что ни есть,—все устроилъ Умъ, точно такъ же, какъ онъ устроилъ и самое круговращеніе, которое совершаютъ нынѣ звѣзды, солнце, луна и выдѣляющіяся (массы) воздуха и эѳира. Это вращеніе и было причиной ихъ выдѣленія. И отдѣляется отъ тонкаго плотное, отъ холоднаго теплое, отъ темнаго свѣтлое, отъ влажнаго сухое. И есть множество частей множества (веществъ). Но ничто не отдѣляется и не раздѣляется отъ другого вполнѣ, кромѣ Ума. Всякій же Умъ одинаковъ—все равно большій или меньшій (всѣ умы—однородны). Кромѣ него нѣтъ ничего, что было бы

[1]) По E. Arleth'у, уже у Анаксагора imperfectum ἦν употребляется для обозначенія сущности вещи (срв. Аристотелевское выраженіе τὸ τί ἦν εἶναι).

одинаково (вполнѣ подобно) другому, но то, чего всего болѣе находится въ данной вещи, то, что въ ней всего болѣе ясно различимо,—то и составляетъ сущность данной единичной вещи".

13. — — *300, 27* „Анаксагора же, говоритъ Александръ, онъ (*Аристотель phys. В 2. р. 194 а 20*) не упомянулъ (здѣсь), хотя тотъ считаетъ умъ въ числѣ началъ, можетъ быть, говоритъ онъ, потому что Анаксагоръ не пользуется умомъ при (объясненіи) возникновенія". Но что (*на самомъ дѣлѣ*) онъ пользуется, (это) очевидно, если только (дѣйствительно) онъ признаетъ возникновеніе ничѣмъ другимъ, какъ выдѣленіемъ, выдѣленіе же считаетъ происходящимъ отъ движенія, причину же движенія видитъ въ умѣ. И дѣйствительно, Анаксагоръ говоритъ слѣдующимъ образомъ: „Послѣ того какъ умъ положилъ начало движенію, изъ всего, что пришло въ движеніе, началось выдѣленіе, и все то, что умъ привелъ въ движеніе,. отдѣлилось (*другъ отъ друга*). Круговое же вращеніе двигавшихся и выдѣлявшихся (*веществъ*) (*продолжаясь*) производило все большее раздѣленіе (ихъ)".

14. *Симплицій phys. 157, 5* Что онъ предполагаетъ нѣкоторое двойное устроеніе (міра), одно-умственное, другое—чувственно-воспринимаемое, отдѣльное отъ перваго, видно и изъ вышесказаннаго (*В 12*) видно также и изъ слѣдующихъ (*словъ его*): „Умъ, который вѣчно существуетъ, поистинѣ и нынѣ находится тамъ, гдѣ все прочее, (*а именно*) въ окружающей (*міръ*) массѣ [1], въ томъ, что присоединилось (*къ ней обратно изъ ранѣе отдѣлившагося*) и въ отдѣлившихся *изъ нея* (вещахъ)".

15. — — *179, 8* (*послѣ В 12*) И немного ниже онъ говоритъ: [2]) „Плотное, влажное, холодное и темное собралось здѣсь, гдѣ нынѣ (*находится*) земля, рѣдкое же, теплое и сухое [3]) ушло въ высь эѳира".

16. — — *179, 6* (*послѣ В 15*) Онъ говоритъ, что эти первоначальныя и самыя простыя (*вещества*) отдѣляются, другія же, которыя сложнѣе ихъ, то сгущаются, говоритъ онъ, какъ сложныя (?) [4]), то отдѣляются, какъ земля. А именно, онъ говоритъ слѣдующимъ образомъ (*цитата*). *155, 21* По крайней мѣрѣ, въ первой книгѣ: „Физики" Анаксагоръ говоритъ (*цитата*).

„Изъ этихъ выдѣленій сгущается земля. А именно, изъ облаковъ выдѣляется вода, изъ воды же земля, изъ земли же камни сгущаются отъ (дѣйствія) холода, послѣдніе же вытѣсняются (?) больше воды [5])".

17. — — *163, 18* Анаксагоръ въ первой книгѣ „Физики" ясно говоритъ, что возникновеніе и гибель суть соединеніе и раздѣленіе. А именно, онъ пишетъ слѣдующимъ образомъ: „(*Слова*) возникновеніе и гибель неправильно употребляютъ эллины. Ибо (*на самомъ дѣлѣ*) ни

---

[1]) „Еще не раздѣленной" Дильсъ.
[2]) Срв. сообщеніе Ипполита, стр. 133.
[3]) Нѣкоторые прибавляютъ еще „и свѣтлое".
[4]) „Камни" Лортцингъ (охладившись?)
[5]) „Земля сгущается въ камни, которые почти не заключаютъ въ себѣ влаги". (?)

одна вещь ни возникаетъ, ни уничтожается, но (каждая) составляется изъ смѣшенія существующихъ вещей или выдѣляется изъ нихъ. Такимъ образомъ правильнымъ было бы говорить вмѣсто „возникать"—„смѣшиваться" и вмѣсто „погибать"—„раздѣляться". *То же въ пер. Т. Гомперца:* „Греки не правы, говоря о возникновеніи и объ уничтоженіи; ибо ни одна вещь не возникаетъ, ни одна не уничтожается; посредствомъ смѣшенія слагаются онѣ изъ существующихъ вещей и посредствомъ разложенія распадаются на отдѣльныя вещи; поэтому съ большимъ правомъ могли бы они назвать возникновеніе —смѣшеніемъ, а уничтоженіе—разложеніемъ". *То же въ пер. кн. С. Трубецкого.* „Греки неправильно говорятъ о происхожденіи и уничтоженіи, ибо никакая вещь не происходитъ и не уничтожается, но смѣшивается и отдѣляется изъ существующихъ вещей. И такимъ образомъ правильно было бы называть происхожденіе смѣшеніемъ (соединеніемъ), а уничтоженіе—раздѣленіемъ".

18. *Плутархъ de fac. in orb. lun. 16 p. 929 B* Итакъ, доказывая въ бесѣдѣ вотъ это положеніе Анаксагора, что „солнце снабжаетъ луну своимъ свѣтомъ". (*нашъ*) другъ пріобрѣлъ хорошую славу.

19. *Схоліи къ Гомеру B Г къ P 547* Анаксагоръ же говоритъ: „Радугой мы называемъ отраженіе солнца въ облакахъ. Итакъ, она есть знакъ дурной погоды. Ибо льющая кругомъ изъ тучи вода порождаетъ вѣтеръ или производитъ проливной дождь.

20. *Галенъ in Hippocr. de aëre aqu. loc. VI 202 ed. Chartier.* [1] *Всѣ люди* говорятъ, что солнце восходитъ на востокѣ и заходитъ на западѣ. Что касается восхожденій, то астрономы знаютъ ихъ и *имѣютъ о нихъ* общее знаніе. А именно, если звѣзда не является въ началѣ 20 дней или находится *на небѣ* при захожденіи солнечнаго свѣта, или (*если съ ней бываетъ*) въ родѣ того, что можно сказать о лунѣ во время конъюнкціи: то всякое появленіе и удаленіе ихъ *съ горизонта*, называется явленіемъ и восхожденіемъ. Много объ этомъ говорилъ мудрецъ Ансаръ (=Анаксагоръ?). „Когда восходитъ созвѣздіе Плеядъ, начинаетъ человѣкъ жатву; когда оно заходитъ, онъ начинаетъ пахать и боронить. Также онъ говорилъ, что созвѣздіе Плеядъ остается скрытымъ 40 дней и 40 ночей. И оно остается скрытымъ, какъ онъ о ней (*Плеядѣ?*) утверждалъ, исключительно въ теченіе этихъ 40 дней А затѣмъ оно дѣлается видимымъ ночью, и иногда становится видимымъ при закатѣ солнца, и иногда бываетъ видимымъ около двухъ или трехъ часовъ послѣ заката. Но *впервые* видимымъ оно становится, какъ мы упоминали, послѣ равноденствія. А когда солнце заходитъ и наступаетъ ночь, (она) (*Плеяда*) является ясно видимой, между тѣмъ какъ весь день она скрывается съ западнаго горизонта.

---

[1] Въ подлинности сочиненія Галена сомнѣвается Bräutigam *de Hippocr. Epid. VI comm.*, 1908, стр. 68. Однако, какъ указываетъ Дильсъ, нельзя составить надежнаго представленія объ оригиналѣ по имѣющемуся у насъ еврейскому переводу (сочиненіе съ греческаго языка было переведено сначала на арабскій, затѣмъ съ арабскаго было сдѣланъ переводъ на еврейскій языкъ).

Если равноденствіе (уже) прошло, то оно (*созвѣздіе Плеядъ*) весною будетъ являться слабо видим[illegible] Затѣмъ оно опускается (*какъ выше сказано*) и вовсе не видно; ибо она (*Плеяда*) заходитъ одновременно съ закатомъ солнца, прежде чѣмъ ночь достигла совершенной темноты. А не дѣлается она вновь видимой, пока не наступилъ мракъ ночи, который производитъ тьму, по причинѣ малой звѣзды, которая становится между нею и лучами зрѣнія. Вотъ почему она не дѣлается вновь видимой и не сіяетъ передъ нами въ теченіе многихъ ночей изъ сорока (*въ которыя она не видна*)", какъ сказалъ ученый мудрецъ Ансаръ. А именно, онъ говорилъ, что „между звѣздами нѣтъ ни одной такого рода, за исключеніемъ одной единственной, которая называется: „стражемъ газели". Вблизи ея внизу находится звѣзда, которая называется "вечерними вратами". Народъ называетъ ее „Псомъ"". А что касается знаменитыхъ позднѣйшихъ ученыхъ, то они сходятся въ признаніи того, что весна есть равноденствіе послѣ зимы, начало лѣта—восходъ Плеядъ и начало созрѣванія плодовъ—восходъ „Пса". Анаксагоръ говорилъ это, такъ какъ онъ обладалъ знаніемъ другихъ наукъ, (*а именно, онъ говорилъ*), что „начало лѣта—восходъ Плеядъ, и начало зимы—ихъ закатъ". И уже поэтъ Гомеръ (Х 26—31) говорилъ, что звѣзда, которая называется „Псомъ" восходитъ во время (*созрѣванія*) плодовъ яркимъ восходомъ.

21. *Секстъ VII 90* Наиболѣе занимавшійся изслѣдованіемъ природы Анаксагоръ, обвиняя ощущенія въ слабости, говоритъ: „Вслѣдствіе слабости ихъ мы не въ состояніи судить объ истинѣ" и считаетъ доказательствомъ ихъ невѣрности незначительное измѣненіе цвѣтовъ. А именно, если мы возьмемъ двѣ краски: черную и бѣлую, затѣмъ станемъ по каплѣ переливать изъ одной въ другую, то зрѣніе не будетъ въ состояніи различать маленькія перемѣны, хотя въ дѣйствительности они будутъ имѣться.

21а. *Секстъ VII 140* Діотимъ (*гл. 63, 3*) говорилъ, что, согласно ему (*Демокриту, 55 А 111*), есть три критерія, открывающіе доступъ къ постиженію невидимаго. „Ибо зрѣніе есть явленіе невидимаго", какъ говоритъ Анаксагоръ, котораго за это хвалитъ Демокритъ. *Срв. VII 374. III 23. 58.*

21в. *Плутархъ de fort. 3 p. 98 F* Но всѣмъ этимъ (*силою и быстротой*) мы одарены менѣе, чѣмъ звѣри, (*однако*), какъ говоритъ Анаксагоръ, „мы пользуемся своимъ собственнымъ опытомъ, памятью, мудростью и искусствомъ" и (*такимъ образомъ*) вынимаемъ медъ изъ ульевъ, доимъ и всяческими способами беремъ у нихъ все *полезное для насъ*).

22. *Атеней epit. B p. 57 D* Анаксагоръ въ „Физикѣ" говоритъ, что „такъ называемое птичье молоко есть бѣлокъ въ яйцахъ".

Неподлинное.

23. *Греческо-сирійскія философскія изреченія Ryssel* (*Rhein. Mus. 51. 538 n. 30*). Анаксагоръ говоритъ: Смерть, которая кажется людямъ

горькой, при болѣе глубокомъ изслѣдованіи оказывается весьма прекрасной. Она доставляетъ покой старости, не имѣющей вовсе силъ, и юности, которую окружаютъ скорби, и отроческому возрасту, чтобы онъ не мучился, не трудился, не строилъ, не насаживалъ и не приготовлялъ для другихъ (*возрастовъ*). Она освобождаетъ должника отъ кредиторовъ, которые требуютъ капитала и процентовъ. Ибо мы не должны досадовать ни на что изъ того, что установлено; вѣдь досада не можетъ этого устранить, а болѣе веселое настроеніе можетъ скрыть (*отъ насъ*) это, хотя бы на время. Ибо не тяготитъ болѣе гавань, если ты въ ней медлишь. И если она (*смерть*) представляется непріятной взору зрителя, то закрой на нѣкоторое время свои глаза. И вотъ я увидѣлъ, какъ прекрасна смерть, и достойна того, чтобы ея просили тѣ, которые здѣсь терзаются и мучатся. А это свидѣтельствуетъ о томъ, какъ покойна и прекрасна жизнь въ преисподней.

24. *Эліанъ V. Hist. IV 4=Анаксархъ 59 В 2.*

---

47. Архелай.

Ученикъ Анаксагора Архелай занимался физикой и этикой. Въ ученіи о началахъ онъ слѣдуетъ Анаксагору, т. е. въ качествѣ началъ принимаетъ гомеомеріи и Умъ, но въ отличіе отъ Анаксагора считаетъ первоначальную смѣсь матеріи воздухомъ и полагаетъ, что послѣдній является также вмѣстилищемъ Ума, такъ что Умъ не со временемъ извнѣ присоединился къ матеріи, но съ самаго начала связанъ съ ней. Такимъ образомъ уже въ ученіи о началахъ сказывается основное стремленіе философіи Архелая —соединить ученія Анаксагора и Анаксимена. Еще сильнѣе выраженъ этотъ характеръ философіи Архелая въ его отдѣльныхъ физическихъ ученіяхъ, въ которыхъ онъ еще болѣе уклоняется отъ Анаксагора, напримѣръ, въ его теоріи возникновенія міра, гдѣ онъ выдѣленіе веществъ изъ первоначальной смѣси характеризуетъ, какъ разрѣженіе и сгущеніе, и основной противоположностью выдѣлившихся массъ признаетъ противоположность холоднаго и теплаго, причемъ холодное отожествляетъ съ покоющимся, а теплое съ движущимся. Онъ—одинъ изъ первыхъ—началъ изслѣдовать вопросы этики и политики, являясь въ этомъ отношеніи предшественникомъ Сократа, котораго на этомъ основаніи стали называть его ученикомъ. У Архелая находимъ первую попытку изобразить возникновеніе человѣческаго общества. По его ученію, правительство, законы, искусства и т. п. люди создали сами себѣ, все это существуетъ не по природѣ, но установлено людьми, равно какъ и понятія о справедливомъ и постыдномъ.

А. Жизнь и ученіе.

Срв. 46 А 7. 26.

1. Діогенъ II 16. 17 Архелай—аөинянинъ или милетецъ, сынъ Аполлодора, согласно же нѣкоторымъ, Мидона, ученикъ Анаксагора и учитель Сократа. (Онъ первый перенесъ въ Аөины физическую философію) [1]) и былъ прозванъ физикомъ вслѣдствіе того, что въ лицѣ его закончилась физическая философія, такъ какъ Сократъ ввелъ этическую. Но кажется, что и онъ коснулся этики. А именно, онъ философствовалъ о законахъ, о прекрасномъ и справедливомъ. Научившись у него этому, Сократъ развилъ (*это ученіе*) до высочайшей степени, (*вслѣдствіе чего*) его стали считать основателемъ (*этической философіи*). Онъ говорилъ, что есть двѣ причины возникновенія: теплое и холодное. Животныя (*по его мнѣнію*) родились изъ ила. Справедливое и постыдное (*по его ученію*) существуютъ не по природѣ, а установлены (*людьми*).

(*17*) Онъ даетъ слѣдующія ученія. Онъ говоритъ, что вода подъ вліяніемъ тепла превращается въ жидкое состояніе; поскольку она сходится внизъ подъ дѣйствіемъ огненнаго, [2]) она образуетъ землю; поскольку же она растекается кругомъ, она порождаетъ воздухъ. Поэтому земля держится воздухомъ, воздухъ же круговращеніемъ огня. Животныя же, говоритъ онъ, рождаются изъ теплой земли, производящей подобный молоку илъ, (*служащій*) въ качествѣ пищи (*имъ*). Точно такимъ же образомъ она произвела и людей. Онъ первый сказалъ, что (причина) возникновенія звука—ударъ воздуха. Море же образовалось въ (большомъ) углубленіи, (*причемъ вода*) просачивалась черезъ землю. Солнце—величайшее изъ всѣхъ свѣтилъ, и вселенная безконечна.

Было также еще другихъ (*пользовавшихся извѣстностью*) три лица, носившихся имя Архелая: 1) описавшій тѣ страны, которыя прошелъ Александръ, 2) изложившій стихами необычайныя явленія природы и 3) ораторъ, написавшій теорію (*ораторскаго*) искусства.

2. Свида см. слово: „Архелай“. Философъ Архелай, сынъ Аполлодора или Мидона, изъ Милета (прозванный за свой образъ мыслей физикомъ, такъ какъ онъ первый принесъ изъ Іоніи науку о природѣ; онъ былъ ученикомъ Анаксагора Клазоменскаго, его же ученикомъ былъ Сократъ, а какъ нѣкоторые говорятъ, также Эврипидъ). Онъ составилъ „Физіологію“ (и полагалъ, что справедливое и постыдное существуютъ не по природѣ, но установлены людьми, онъ написалъ) также нѣкоторыя другія сочиненія. *Изъ Гезихія, а то, что поставлено въ скобки, изъ А 1.*

---

[1]) Поставленная въ скобкахъ фраза должна быть отнесена къ Анаксагору.

[2]) Переводимъ по тексту Дильса. Целлеръ предлагаетъ читать: „поскольку она сгущается въ тину“, Kraus: „поскольку она сходится въ середину подъ дѣйствіемъ огненнаго“. Е. Шмидтъ-фонъ-деръ-Лауницъ переводитъ: „Вода, находящаяся подъ вліяніемъ тепла въ жидкомъ состояніи, когда сплачивается въ огненную массу, образуетъ землю, а когда течетъ, производитъ воздухъ“.

3. Порфирій histor. philos. fr. 12 Nauck. [2] *p. 11, 23 (изъ Кирилла c. Iul. VI 186 D)* Онъ говорилъ о немъ (*Сократъ*), что въ юношескомъ возрастѣ онъ жилъ нехорошо и безпорядочно... Когда уже ему было около 17 лѣтъ (*слѣдовательно, въ 452 г.*) съ нимъ сблизился на любовной почвѣ ученикъ Анаксагора Архелай. Сократъ же не отвергъ предложенія и (*не только*) вступилъ въ связь съ Архелаемъ, но много лѣтъ находился при немъ. И такимъ образомъ Архелай склонилъ его къ философскимъ (*занятіямъ*) (*Изъ Порфирія также Свида, см. слово:* „Сократъ": Аристоксенъ же говоритъ, что онъ прежде всего былъ ученикомъ Архелая. Былъ онъ также его предметомъ любви). *Діогенъ II 25* Іонъ Хіосскій (сообщаетъ), что въ юности (*Сократъ*) вмѣстѣ съ Архелаемъ предпринялъ путешествіе на Самосъ. [1])

Ученіе.

Срв. Діогенъ V 42. (Сочиненіе Θеофраста): „Объ ученіяхъ Архелая" одна книга.

4. Ипполитъ ref. I 9 (D. 563) (1) Архелай, по происхожденію аеинянинъ, сынъ Аполлодора. Онъ училъ о смѣси матеріи, подобно Анаксагору, и о началахъ такимъ же образомъ. Онъ (говорилъ), что въ умѣ прямо находится нѣкоторая смѣсь. (*2*) Началомъ движенія было отдѣленіе другъ отъ друга теплаго и холоднаго, причемъ теплое двигалось, холодное же пребывало въ покоѣ. Вода же, превращаясь въ жидкое состояніе, стекала въ середину. Здѣсь (въ центрѣ) возникаетъ отъ сожиганія воздухъ и земля; изъ нихъ воздухъ несется вверхъ, земля осѣдаетъ внизъ. (*3*) Итакъ, земля покоится и возникла она по вышеуказаннымъ причинамъ, лежитъ же она въ центрѣ, не будучи, такъ сказать, никакой частью вселенной. (Содержитъ же вселенную воздухъ), получившійся отъ нагрѣванія; отъ его первоначальнаго сожиганія произошла природа свѣтилъ, изъ которыхъ величайшее—солнце, затѣмъ луна, изъ прочихъ же одни меньше, другія больше. (*4*) Онъ говоритъ, что небо наклонилось и такимъ образомъ солнце освѣтило землю, сдѣлало воздухъ прозрачнымъ и землю сухой. Ибо первоначально (земля) была болотомъ, такъ какъ она была кругомъ возвышенной, въ серединѣ же впалой. Доказательствомъ же впалости ея служитъ то, что восходъ и закатъ солнца бываетъ не одновременно во всѣхъ (*частяхъ земли*), что должно было бы быть, если бы земля была ровной. (*5*) О животныхъ же онъ говоритъ, что, когда земля стала нагрѣваться сперва въ (своей) нижней части, гдѣ теплое и холодное смѣшивалось, стали появляться и люди и многія другія животныя, причемъ всѣ имѣли одну и ту же пищу, (*а именно*) питались иломъ

---

[1]) Т. е. они участвовали въ самосскомъ походѣ 441—440 г. Срв. стр. 17 и 129 *Платонъ Crito p. 52:* „(Сократъ) никогда никуда не путешествовалъ, за исключеніемъ походовъ" не стоитъ въ противорѣчіи съ сообщеніемъ Іона.

(они были кратковременными). Впослѣдствіи же они стали рождаться одни отъ другихъ. (6) И (*тогда*) люди отдѣлились отъ другихъ (животныхъ) и создали (*себѣ*) правительство, законы, искусства, города и (*все*) прочее. Умъ же, говоритъ онъ, одинаково врожденъ всѣмъ животнымъ. Ибо каждое изъ животныхъ пользуется умомъ, одно медленнѣе, другое быстрѣе.

5. Симплицій phys. 27, 23 (изъ Ѳеофраста Phys. Opin. fr. 4) И аѳинянинъ Архелай, съ которымъ, бывшимъ ученикомъ Анаксагора, какъ говорятъ, находился въ близкихъ отношеніяхъ Сократъ, пытается внести нѣчто свое въ (*теорію*) возникновенія міра и въ другія (*ученія*), начала же принимаетъ тѣ же самыя, что Анаксагоръ. Итакъ, они говорятъ, что начала безконечны по множеству и не однородны, (*а именно*) считаютъ началами гомеомеріи.

5a. Гефестъ ench. p. 3, 20 Consbr. Форму слова „τοῦ Ἀρχελάου“ Софоклъ въ элегіяхъ не думалъ допускать ни въ эпосъ, ни въ элегію. По крайней мѣрѣ, онъ употребляетъ форму „Ἀρχέλεως. Ибо размѣръ требовалъ такого выраженія.

6. Секстъ adv. math. VII 14 Аѳинянинъ Архелай (занимался) физикой и этикой.

7. — adv. math. IX 360 Аѳинянинъ Архелай, наставникъ Сократа (*говоритъ что*)... воздухъ есть начало и элементъ всего. *Аэцій I 3, 6 (D. 280;* о началѣ) Аѳинянинъ Архелай, сынъ Аполлодора (*признаетъ началомъ*) безконечный воздухъ, и (*принимаетъ*) уплотненіе и разрѣженіе его. Изъ нихъ одно есть огонь, другое вода.

8. Гермій irris. 11 (D. 653) И въ самомъ дѣлѣ, не позволяетъ имъ быть въ славѣ Архелай, объявляющій началами всего тепло и холодъ. *Срв. Платонъ Soph. p. 242 D, см. стр. 101 первой части.*

9. Эпифаній adv. haer. III 2, 9 (D. 590, 1) Архелай, сынъ Аполлодора, согласно же нѣкоторымъ, Мильтона [1]) (онъ былъ аѳинскимъ физикомъ) говоритъ, что все возникло изъ земли. А именно, какъ онъ говоритъ, она есть начало всего.

10. Августинъ de civ. d. VIII 2 (D. 174) Преемникомъ Анаксагора былъ ученикъ его Архелай. И онъ держался того мнѣнія, что изъ сходныхъ между собою частичекъ (*т. е. гомеомерій*) состоятъ всѣ единичныя вещи, какія только возникаютъ; причемъ въ нихъ находится также умъ, который, соединяя и раздѣляя, приводитъ въ движеніе небесныя тѣла, т. е. упомянутыя частицы.

11. Климентъ protrept. 5, 66 Оба они (*Анаксагоръ и Архелай*) поставили умъ надъ безконечностью.

12. Аэцій I 7, 15 (D. 302) Архелай (считаетъ) богомъ воздухъ и умъ, однако, онъ (считаетъ) творцомъ міра не бога (*но* тепло, срв. А 14).

---

[1]) Ошибочно вмѣсто „Мидона“.

13. — II 1, 3 (D. 327) Анаксимандръ, Анаксименъ, Архелай... (полагаютъ, что) въ безпредѣльномъ въ каждомъ періодѣ мірообразованія возникаютъ и уничтожаются безчисленные міры.

14. — II 4, 5 (D. 331) Архелай (полагаетъ), что міръ образовался отъ тепла и холода. *4, 6* Анаксимандръ... Архелай... (признавали) міръ тлѣннымъ. *Срв. выше стр. 141 (46 A 64).*

15. — II 13, 6 (D. 342) Архелай (говорилъ), что свѣтила суть горящіе куски желѣза.

16. — III 3, 5 (D. 368) послѣ § 4 (см. выше стр. 145) Архелай говоритъ то же самое, причемъ приводитъ для сравненія то, что происходитъ съ горящими камнями, погружаемыми въ холодную воду.

16a. Сенека Quaest. nat. VI 12, 1 слѣд. Архелай, преданный древности [1]), говоритъ слѣдующимъ образомъ: „Вѣтры уносятся въ пустыя мѣста земли; затѣмъ, когда уже всѣ промежутки полны и воздухъ, насколько возможно, сгущенъ, вновь приходящій воздухъ давитъ прежній, изгоняетъ (*его*), частыми ударами сначала сгущаетъ, затѣмъ выталкиваетъ (*его*); тогда послѣдній, ища мѣста, раздвигаетъ всѣ узкія мѣста и пытается сокрушить свои оковы. Такимъ образомъ происходитъ, что отъ усилій воздуха, ищущаго выхода, производятся движенія земли. Итакъ, передъ наступленіемъ землетрясенія бываетъ безвѣтріе и тихая погода, очевидно, вслѣдствіе того, что сила воздуха, которая обычно производитъ вѣтры, задерживается въ подземномъ мѣстѣ".

17. — IV 3, 2 (D. 387) Анаксименъ, Анаксагоръ, Архелай... (считаютъ душу) воздухообразной.

18. Филопонъ de anima p. 71, 17 Hayd. (къ Аристотелю A 2 p. 404 a 25) Всѣ тѣ, говоритъ онъ, которые сказали, что вселенная приведена въ движеніе умомъ, повидимому, говорятъ также, что движеніе принадлежитъ душѣ. Къ числу ихъ принадлежитъ и Архелай.

B. Сочиненія.

Поэзія.

Элегіи.

1. Плутархъ Cimon 4 (изъ Дидима) (пер. В. Алексѣева) Изъ стихотвореній Архелая и Мелантія, написанныхъ въ отношеніи Кимона, видно, что Кимонъ былъ сыномъ Мильтіада и ѳракіянки Гегезипилы, дочери царя Олора... Извѣстно также, какъ горячо любилъ Кимонъ дочь сына Мегакла, Евриптолема,—Изодику, свою законную жену, и какъ ску-

---

[1]) „Т. е. ученію іонійцевъ" Gercke.

чалъ по ней послѣ ея смерти; по крайней мѣрѣ, объ этомъ можно составить себѣ понятіе по элегіямъ, написаннымъ для него, въ видахъ утѣшенія въ горѣ. Авторомъ ихъ философъ Панэтій считаетъ физика Архелая— и едва ли ошибается, судя по времени.

Проза.

„Физіологія" [1]) (*срв. стр. 162*).

Плутархъ de primo frig. 21. 954 F Поэтому земля не только, будучи неподвижной, не двигается со своего мѣста, но и по (*своей*) сущности она неизмѣнна. Такъ, древніе (*Платонъ Phaedr. 246 E*) назвали ее Гестіей, „пребывающей въ жилищѣ боговъ", вслѣдствіе ея прочной неподвижности. „Прикрѣпляетъ ее холодность", какъ сказалъ физикъ Архелай, причемъ ничто ни ослабляетъ ее, ни смягчаетъ, такъ какъ, нагрѣваясь и согрѣваясь, она остается неизмѣнной (покоится *Crönert*).

Подложное.

„О священномъ искусствѣ".

2. Berthelot Coll. des Alchim. gr. I p. 25, 6 Узнай, другъ, и имена сочинителей (*алхимиковъ*). Платонъ... Θеофрастъ, Архелай, Петасій и т. д. *Сохранилось сочиненіе* философа Архелая „о томъ же самомъ священномъ искусствѣ" (*искусствѣ дѣлать золото*) въ ямбахъ, *336 ямбовъ ранней византійской эпохи.*

C.

Fredrich *Hippokr. Unters.* 135. 139 предполагаетъ связь съ Архелаемъ Псевдо-Гиппократовскихъ сочиненій: de victu I 9. 10 и de hebdom. c. 13; а также сочиненій Петрона Эгинскаго Anon. Londin. 20, 2 и Геродика Селимбрійскаго, тамъ же 9, 34.

---

48. Метродоръ Лампсаксній.

1. Платонъ Ion p. 530 C (*пер. Карпова*) (*Іонъ говоритъ*): Я думаю, что могу превосходнѣе всѣхъ бесѣдовать объ Омирѣ; такъ что ни Митродоръ Лампсакскій, ни Стизимвротъ Θасійскій, ни Главконъ, и вообще, никто изъ людей, когда-либо существовавшихъ, не въ состояніи

[1]) Заглавіемъ, можетъ быть, было „О природѣ".

высказать мыслей Омира столь многихъ и столь прекрасныхъ, какія высказываю я. *Срв. Ксенофонтъ conv. 3, 6. Схоліи къ Гомеру А 6 36.*

2. Діогенъ II 11 (см. выше стр. 123) Еще болѣе (*нежели Анаксагоръ*) защищалъ это положеніе Метродоръ Лампсакскій, бывшій его другомъ, который также первый удѣлилъ серьезное вниманіе физической сторонѣ содержанія (*произведеній*) поэта.

3. Татіанъ c. 21 И Метродоръ Лампсакскій въ сочиненіи: „О Гомерѣ" весьма глупо разсуждаетъ, переводя все въ аллегорію. А именно, онъ говоритъ, что ни Гера, ни Аѳина, ни Зевсъ не суть то, чѣмъ считаютъ ихъ тѣ, кто воздвигъ имъ стѣны и (*отвелъ имъ*) священные участки, но (*они суть*) сущности природы и устроенія стихій. И Гекторъ, и Ахиллесъ, разумѣется, и Агамемнонъ, и вообще всѣ эллины, и варвары, будучи одной и той же природы съ Еленой и Парисомъ, введены, скажете вы, въ дидактическихъ цѣляхъ, хотя (*на самомъ дѣлѣ*) не было ни одного изъ вышеупомянутыхъ людей.

4. Гезихій. Метродоръ аллегорически назвалъ эѳиръ Агамемномомъ. *Voll. Herc. c. alt. VII 3 f. 90 (Онъ говорилъ)* о законахъ и человѣческихъ обычаяхъ; (*говорилъ онъ*) также, что Агамемнонъ есть эѳиръ, Ахиллесъ—солнце, Елена—земля, Александръ—воздухъ, Гекторъ—луна, и (*всѣ*) прочіе названы соотвѣтственно этому. Изъ божествъ же Деметра—печень, Діонисъ—селезенка, Аполлонъ—желчь.

5. Порфирій quaest. hom. къ K 252 (πλέω νύξ I p. 147, 18 schrad. Итакъ, Метродоръ (?)[1]) говоритъ, что у Гомера слово „πλέιον" (*большее*) имѣетъ два значенія. А именно, (*во-первыхъ*) обычное (значеніе), какъ въ слѣдующихъ его выраженіяхъ: „Отрѣзавъ отъ хребта, осталось же еще больше" (*Одиссея VIII 475*) и „Нѣтъ, несмотря, что тягчайшее время томительной брани руки мои подымаютъ" (*Иліада I 165 пер. Гнѣдича*); во-вторыхъ, имѣетъ значеніе „полное", какъ въ выраженіи: „Кубокъ тебѣ непрестанно полный стоитъ" (*Иліада IV 262*) и въ выраженіи: „Кущи твои преисполнены мѣди" (*Иліада II 226*) Итакъ, здѣсь слово „πλέον" употреблено вмѣсто слова „полное", *Слѣдуетъ цитата изъ Хрисиппа.*

---

6. Синкеллъ Chron. 140 C. I p. 282, 19 Dind. Анаксагоровцы истолковываютъ миѳическихъ боговъ, (*говоря*), что Зевсъ есть умъ, Аѳина же искусство, откуда и выраженіе: „Изъ погибающихъ рукъ уходитъ многоумная Аѳина".

---

1) Невѣроятно, чтобы Метродоръ занимался такими грамматическими вопросами; также нельзя думать здѣсь о Метродорѣ Хіосскомъ (гл. 57), Horn полагаетъ, что нужно читать „Зенодоръ".

49. Клидемъ.

1. Аристотель meteor. В. 9. 370 а 10 Нѣкоторые, въ томъ числѣ Клидемъ, говорятъ, что молнія не существуетъ, но (*только*) кажется, сравнивая ее съ тѣмъ, что происходитъ, когда кто-нибудь ударяетъ палкой море. А именно, (*въ этомъ случаѣ*) вода кажется ночью дающей блескъ. Подобнымъ образомъ молнія есть явленіе блеска, когда въ тучѣ ударяется влага. *Отсюда Сенека N. Qu. II 55.*

2. Ѳеофрастъ de sens. 38 (D. 510) между Анаксагоромъ и Діогеномъ: Одинъ только Клидемъ далъ оригинальное ученіе о зрѣніи. А именно, онъ говоритъ, что ощущаютъ глазами только потому, что они прозрачны; ушами же (*ощущаютъ*) вслѣдствіе того, что попадающій (*въ нихъ*) воздухъ приводитъ въ движеніе (*органъ слуха*); ноздрями (*ощущаютъ*), втягивая воздухъ, который соединяется (*съ органомъ обонянія*); языкомъ же (*воспринимаются*) вкусы, тепло и холодъ вслѣдствіе того, что онъ пористъ; остальнымъ же тѣломъ (*не воспринимается*) ничего, кромѣ вышеупомянутаго, изъ этого же вышеупомянутаго (*воспринимается*) теплое, влажное и противоположное (*имъ*). Только органы слуха сами ничего не разбираютъ, но посылаютъ (*свои воспріятія*) въ умъ. Въ этомъ онъ расходится съ Анаксагоромъ, который дѣлаетъ умъ началомъ всего.

3. — h. plant. III 1, 4 (послѣ 46 А 117. 51 А 32) Клидемъ (*полагаетъ*), что они (растенія) состоятъ изъ того же самаго (*матеріала*), что и животныя. Все отличіе ихъ отъ животныхъ въ томъ, что этотъ (*матеріалъ*) грязнѣе и холоднѣе.

4. — caus. plant. I 10, 3 А именно, холодныя (*растенія*) произрастаютъ лѣтомъ, теплыя же зимою, такъ что каждая природа соотвѣтствуетъ каждому изъ временъ года. Ибо такъ думаетъ и Клидемъ.

5. — — III 23 1, Нѣкоторые совѣтуетъ сѣять до Плеяды.. другіе же-одновременно съ заходомъ Плеядъ. Ибо бываютъ обильные дожди въ седьмой (*день*) послѣ захода (*ихъ*)... (2) Посѣвы же, сдѣланные около времени солнцестояній, Клидемъ считаетъ ненадежными. Дѣло въ томъ, что (*въ это время*) земля, будучи влажной и тяжелой, наполняется испареніями и бываетъ похожа на шерсть, плохо скрученную. Притомъ она не можетъ ни втягивать испареній, ни разсѣивать ихъ, такъ какъ она не имѣетъ достаточной теплоты, и слабѣе залѣпляетъ.

6. — — V 9, 10 Отъ избытка воды виноградная лоза бываетъ неплодоносной... Обыкновенно при такихъ (*обстоятельствахъ*) смоковница страдаетъ коростой, оливковое дерево покрывается лишаями, виноградная же лоза течетъ, какъ говоритъ Клидемъ. Ибо плодъ ея, будучи незрѣлымъ, нѣженъ и текучъ.

50. Идей.

Какъ мы имѣли уже случай указать, конецъ досократовскаго періода развитія философской мысли характеризуется возвращеніемъ къ философіи Анаксимена. Если Анаксагоръ, Мелиссъ и Левкиппъ лишь до нѣкоторой степени подверглись ея вліянію, если Архелай стремился дать синтезъ ученій Анаксагора и Анаксимена, если, наконецъ, Діогенъ Аполлонійскій былъ самымъ крупнымъ представителемъ этой реакціи, подводившимъ новый фундаментъ подъ старое зданіе и защищавшимъ его новыми аргументами, то Идей изъ Гимеры намъ извѣстенъ лишь какъ правовѣрный приверженецъ философіи Анаксимена, учившій, что воздухъ— начало всего, и что всѣ вещи возникаютъ изъ него черезъ его сгущеніе и разрѣженіе. Въ это же время примыкаютъ къ Анаксимену и другіе мыслители, имена которыхъ намъ неизвѣстны: становясь на путь эклектизма, они преобразовываютъ ученіе Анаксимена, принимая за первовещество нѣчто среднее между воздухомъ и водой или между воздухомъ и огнемъ; возникновеніе изъ первоначала отдѣльныхъ вещей они, слѣдуя Анаксимену, объясняютъ сгущеніемъ и разрѣженіемъ. Съ ученіями ихъ знакомитъ насъ Аристотель. *Секстъ IX 360*: Анаксименъ, Идэй Гимерейскій, Діогенъ Аполлонійскій и Архелай Аѳинскій, наставникъ Сократа (*полагаютъ*)... что воздухъ (есть начало и элементъ всего). *Съ этимъ ставятъ предположительно въ связь (напримѣръ, Целлеръ Ph. d. Gr. I⁵ 258) философію „метаксю" у Аристотеля Metaphys. A 7. 988 a 23* А именно, нѣкоторые признаютъ (*только*) матеріальную причину... Всѣ вышеупомянутые принимали такую причину, и еще всѣ тѣ (*которые призвали началомъ*) воздухъ, или огонь, или воду, или (*принимали начало*), болѣе плотное, чѣмъ огонь, но болѣе тонкое, чѣмъ воздухъ. А именно, нѣкоторые сказали, что таковъ первый элементъ. *de caelo Δ 5, 303 в 10* А именно, нѣкоторые предполагаютъ только одинъ (*элементъ*) и одни считаютъ таковымъ воду, другіе воздухъ, третьи огонь, четвертые (*начало*) болѣе тонкое, чѣмъ вода, но болѣе плотное, чѣмъ воздухъ. Оно, говорятъ они, окружаетъ всѣ небеса, будучи безконечнымъ. Итакъ, всѣ тѣ, которые принимаютъ одинъ этотъ (*элементъ*)—воду, или воздухъ, или (*начало*) болѣе тонкое, чѣмъ вода, но болѣе плотное, чѣмъ воздухъ, и затѣмъ выводятъ изъ него возникновеніе (*всѣхъ*) остальныхъ вещей путемъ сгущенія и разрѣженія (*элемента*), тѣ сами не замѣчаютъ, что они принимаютъ нѣчто иное, предшествующее элементу. *phys. A 4. 187 a 12* (*см. стр. 41 первой части*). *Симплицій къ этому мѣсту 149, 5* А именно, всѣ они считаютъ это единое чѣмъ-то тѣлеснымъ, но одни (*приняли*) какой-либо одинъ изъ трехъ элементовъ, какъ Ѳалесъ и Гиппонъ—воду, Анаксименъ и Діогенъ—воздухъ, Гераклитъ и Гиппасъ— огонь (землю же никто не удостоилъ принять одну вслѣдствіе ея неизмѣняемости); нѣкоторые же сочли (*началомъ*) нѣчто отличное отъ трехъ (*элементовъ*), что плотнѣе огня, но тоньше воздуха, или, какъ онъ въ другихъ мѣстахъ говоритъ, что плотнѣе воздуха, но тоньше воды.

Александръ думаетъ, что это Анаксимандръ призналъ началомъ нѣкоторую другую тѣлесную природу, помимо элементовъ; однако, Порфирій, полагая, что Аристотель противопоставляетъ признавшихъ субстратомъ тѣло безъ (*качественнаго*) опредѣленія его принявшимъ (въ качествѣ субстрата) какой-либо одинъ изъ трехъ элементовъ или нѣчто отличное (*отъ нихъ*), промежуточное между огнемъ и воздухомъ, утверждаетъ, что Анаксимандръ говоритъ о субстратѣ, какъ о тѣлѣ, неопредѣленно, (*а именно*), онъ не опредѣлилъ безпредѣльное по виду, есть ли оно огонь, или вода, или воздухъ, промежуточное же (*вещество*) онъ и самъ, подобно Николаю Дамаскину, отнесъ къ Діогену Аполлонійскому (*51 A 5*). Мнѣ кажется болѣе естественнымъ соотвѣтственно выраженію (*Аристотеля*) вычитывать (у него) не противопоставленіе элементовъ и промежуточнаго (*между ними*) но скорѣе раздѣленіе тѣла на три (*элемента*) и промежуточное (*между ними*). „Ибо субстратъ, говоритъ онъ, есть или какое-либо тѣло изъ трехъ (*элементовъ*) или отличное (*отъ нихъ*), что плотнѣе огня, но тоньше воздуха“, и тѣмъ не менѣе онъ сдѣлалъ общее добавленіе о (*всѣхъ*) вышеупомянутыхъ, что „они возникновеніе (*всего*) остального объясняютъ разрѣженіемъ и сгущеніемъ“, хотя Анаксимандръ, какъ онъ самъ говоритъ, объясняетъ возникновеніе (*всего остального*) не такимъ образомъ, но выдѣленіемъ изъ безпредѣльнаго.

---

51. Діогенъ Аполлонійскій.

Діогенъ изъ Аполлоніи [1]) былъ младшимъ современникомъ Анаксагора и, какъ мыслитель, пользовался большой извѣстностью („знаменитѣйшій физикъ“ A 1), чему способствовала необыкновенная ясность мысли и простота языка его произведеній. Діогенъ и Архелай считались самыми младшими изъ „физиковъ“, т. е. изъ представителей натурфилософскаго мышленія до Сократа.

Діогенъ возстанавливаетъ ученіе Анаксимена, и дополняетъ его нѣкоторыми идеями Анаксагора и Левкиппа. [2]) Въ системѣ Діогена вновь оживаетъ гилозоизмъ и монизмъ. Первоначало-воздухъ, какъ тончайшее вещество, наиболѣе подвижное и измѣнчивое. Въ качествѣ таковаго вещества воздухъ является принципомъ движенія и жизни. Онъ обладаетъ величайшей силой (см. C 2): хотя воздухъ невидимъ, но въ формѣ вѣтра онъ вырываетъ съ корнями деревья, приводитъ въ волненіе море и т. д. онъ же руководитъ движеніями солнца, луны и звѣздъ, держитъ на себѣ землю, являясь ея опорой, и даетъ жизнь всему живому (роль дыханія).

---

[1]) Стефанъ Византійскій считаетъ его родиной городъ Аполлонію на островѣ Критѣ, Эліанъ—Аполлонію во Фригіи, см. A 3.

[2]) П. Наторпъ („Diogenes v. Apollonia“ въ „Rhein. Mus, 41 Bd, 1886, стр. 353) противъ Брандиса и Целлера защищаетъ взглядъ, что Діогенъ Аполлонійскій по характеру своего ученія всецѣло принадлежитъ къ древнему направленію іонійской натурфилософіи и совершенно не затронутъ вліяніемъ атомистики и Анаксагора.

Воздухъ является самымъ распространеннымъ изъ всѣхъ вещей въ мірѣ: онъ наполняетъ все пространство между мірами (которыхъ безконечное множество) и заключается во всемъ Онъ—вездѣсущъ, безконеченъ, вѣченъ, великъ и могущественъ. Воздухъ не только „вѣчное безсмертное тѣло", (В 7) онъ вмѣстѣ съ тѣмъ умъ, который много знаетъ, надъ всѣмъ господствуетъ, всѣмъ правитъ и все устрояетъ. Если бы воздухъ не былъ умомъ, то не было бы единообразія въ природѣ (правильнаго чередованія лѣта и зимы, дня и ночи и т. д.) и не было бы все устроено самымъ прекраснымъ образомъ (телеологія). Такимъ образомъ воздухъ не только великое безсмертное тѣло, но и разумное многосвѣдущее существо, или божество (это-самъ Зевсъ) Въ особенности выдвигаетъ Діогенъ идею *единства всего сущаго*. Первоначало едино [1]) и въ своей основѣ всѣ вещи тожественны; въ противномъ случаѣ было бы невозможно никакое взаимодѣйствіе вещей. Монистическая система Діогена строится на критикѣ дуализма Анаксагора, исходящей изъ проблемы взаимодѣйствія, и позиція, занимаемая Діогеномъ по отношенію къ Анаксагору, аналогична отношенію Спинозы къ Декарту. Діогенъ защищаетъ идею единства всей природы: всѣ вещи различаются другъ отъ друга только по степени, представляя собой видоизмѣненія единаго воздуха. Всякое измѣненіе сводится къ сгущенію и разрѣженію (воздухъ, какъ тончайшее вещество, не можетъ разрѣжаться, разрѣженіе есть процессъ обратнаго разрѣшенія вещей въ первовещество). Вмѣстѣ съ тѣмъ принимается идея постепеннаго развитія единаго начала. Все живое также въ основѣ своей едино. „Однимъ и тѣмъ же (первоначаломъ) всѣ существа живутъ, видятъ и слышатъ, и прочее мышленіе они всѣ имѣютъ отъ того же самаго источника" (В 5).

Діогенъ былъ весьма разностороннимъ ученымъ и ему принадлежали детальныя изслѣдованія въ различныхъ научныхъ областяхъ. Онъ (какъ утверждаетъ Симплицій А 4) написалъ нѣсколько сочиненій. Главное его произведеніе: „О природѣ" состояло, по меньшей мѣрѣ, изъ двухъ книгъ. [2]) Сочиненіе: „О природѣ человѣка", которое Симплицій упоминаетъ въ качествѣ единственнаго сохранившагося до его времени произведенія Діогена, представляло собой, повидимому, вторую книгу вышеупомянутаго главнаго сочиненія. Сочиненіе: „Метеорологія" (т. е ученіе о небесныхъ явленіяхъ), можетъ быть, составляло третью книгу главнаго произведенія Діогена: „О природѣ". Наконецъ, ему принадлежало сочиненіе: „Противъ софистовъ", содержаніемъ котораго была полемика противъ философовъ—плюралистовъ. Отъ сочиненія: „О природѣ человѣка" до насъ дошелъ обширный отрывокъ, относящійся къ анатоміи, и это даетъ поводъ предполагать, что Діогенъ принадлежалъ къ врачебному сословію. [3])

[1]) Діогенъ оспариваетъ ученіе Анаксагора, что воздухъ есть μίγμα.

[2]) Fr. Schleiermacher. Ueber Diogenes von Apolloni'a, 1811 (Sämmtl. Werke. III Abt, II Bd., 1838, стр. 170) полагаетъ что это было единственое сочиненіе Діогена.

[3]) Упомянемъ ученіе Діогена, что о нездоровіи человѣка лучше всего судить по цвѣту его языка.

Изъ отдѣльныхъ ученій Діогена наибольшій интересъ представляетъ его психофизіологія. Самая важная часть тѣла у живыхъ существъ—*носъ*, какъ органъ дыханія. Носъ для человѣка является какъ бы его корнемъ, которымъ онъ погруженъ въ первовещество-воздухъ. [1]) Но человѣкъ дышитъ также всѣмъ своимъ тѣломъ. [2]) На вдыханіи воздуха основывается вся психическая жизнь. Центральнымъ органомъ воспріятія является мозгъ, въ которомъ заключенъ воздухъ. Этотъ внутренній воздухъ, будучи частицей бога, и есть субъектъ воспріятія. Ощущенія субъективны и условны, они зависятъ отъ нашего состоянія и обусловлены дѣятельностью воображенія, вслѣдствіе чего они не даютъ истиннаго знанія. Удовольствіе возникаетъ, когда воздухъ въ большомъ количествѣ примѣшивается къ крови Люди мыслятъ воздухомъ чистымъ и сухимъ. Чѣмъ чище и суше вдыхаемый воздухъ, тѣмъ совершеннѣе мысль. Прочія животныя слабѣе умомъ, нежели человѣкъ, такъ какъ, будучи наклоненными къ землѣ, они вдыхаютъ воздухъ не столь чистый и более пропитанный земной влажностью. Что касается птицъ, то, хотя онѣ дышатъ чистымъ воздухомъ, по ихъ плотное тѣло слабо пропускаетъ въ себя воздухъ (воздухъ не проникаетъ у нихъ во всѣ части тѣла), и поэтому по разумности онѣ не превосходятъ рыбъ. [3]) Дѣти неразумны вслѣдствіе того, что, обладая низкимъ ростомъ, дышатъ низшимъ нечистымъ слоемъ воздуха. Подобнымъ же образомъ объясняетъ Діогенъ состоянія сна, опьянѣнія и другія психическія явленія. Такъ, напримѣръ, забывчивость онъ объясняетъ слишкомъ сильнымъ выдѣленіемъ воздуха изъ тѣла.

Во всѣхъ теоріяхъ Діогена—астрономическихъ, физическихъ, физіологическихъ и психическихъ—выдвигается исключительное значеніе воздуха, какъ главнаго дѣятельнаго начала во всей природѣ. Въ „Облакахъ" Аристофана это ученіе Діогена о воздухѣ приписано Сократу, который философствуетъ въ висячей корзинѣ, такъ какъ только въ болѣе чистомъ воздухѣ возможно познавать сущее. Аристофанъ осмѣиваетъ въ „Облакахъ" ученіе Діогена (причемъ употребляетъ даже термины самого Діогена), очевидно, вслѣдствіе того, что это ученіе было въ то время самымъ распространеннымъ изъ философскихъ системъ; приписываетъ же онъ это ученіе Сократу, такъ какъ послѣдній являлся наиболѣе извѣстнымъ философомъ въ Аѳинахъ, а по своей наружности былъ „ходячей комической маской".

Діогенъ соединяетъ гилозоистическій монизмъ Анаксимена съ телеологіей Анаксагора, подчинявшаго матерію разумному началу, и съ механическимъ міровоззрѣніемъ Левкиппа (у послѣдняго онъ заимствуетъ

---

[1]) Поэтому въ Аристофановской пародіи облака—женщины надѣлены исполинскими носами, дающими возможность вбирать въ себя побольше воздуха.

[2]) Hermes, XXVIII, стр. 428.

[3]) Исходя изъ общаго положенія, что всѣ животныя дышатъ, Діогенъ старается объяснить, какимъ образомъ дышатъ рыбы, и принимаетъ, что въ водѣ всегда находится воздухъ.

теорію мірообразующаго вихря и ученіе о зрительномъ воспріятіи). Въ системѣ Діогена „вихрь Левкиппа долженъ былъ братски примириться съ nus'омъ Анаксагора, а этотъ послѣдній съ божествомъ воздуха Анаксимена“. [1])

Изъ послѣдующихъ философовъ сильное вліяніе Діогена испытали стоики, которые заимствовали у него обоснованіе гилозоистическаго монизма, ученіе о воспріятіи, эмбріологію, а также аллегорическое истолкованіе народныхъ вѣрованій.

A. Жизнь и ученіе.

Жизнь.

1. *Діогенъ IX 57* Діогенъ Аполлонійскій, сынъ Аполлоѳемида, весьма знаменитый физикъ. Антисѳенъ говоритъ, что онъ былъ ученикомъ Анаксимена. Онъ былъ современникомъ Анаксагора. О немъ [2]) Димитрій Фалерскій говоритъ въ „Апологіи Сократа“, что вслѣдствіе сильной зависти, (*которую онъ возбудилъ къ себѣ*) въ Аѳинахъ, онъ едва избѣгъ смерти.

Мнѣнія же его были слѣдующія. Элементъ—воздухъ, міровъ безконечное число и пустота безпредѣльна. [3]) Воздухъ, сгущаясь и разрѣжаясь, порождаетъ міры. Ничто не возникаетъ изъ небытія и не уничтожается въ небытіе. Земля кругла, она утверждена въ центрѣ; свое устройство она получила вслѣдствіе круговращенія, происходящаго отъ теплаго, и (*свою*) плотность—отъ холоднаго.

Начало же сочиненія его слѣдующее *(Цит. В 1)*.

2. — VI 81 (*изъ Димитрія Магнеса)* Было же пять *(извѣстныхъ)* лицъ, носившихъ имя Діогена. Во-первыхъ, Аполлонійскій физикъ, сочиненіе котораго начинается такъ *(цит. В 1)*.

3. Стефанъ см. слово: Аполлонія *р. 106, 13*; 23 городъ на (*островѣ*) Критѣ, въ старину (*называвшійся*) Элевѳерна, родина Липа. Изъ нея *(былъ родомъ*) физикъ Діогенъ. *Фригійскую Аполлонію* (18 городъ во Фригіи, въ старину Маргіонъ *Steph 106, 11*) *разумѣетъ Эліанъ V. H. II 31* Эвгемеръ Мессинскій или фригіецъ Діогенъ или Гиппонъ (*перечень атеистовъ*).

---

[1]) Т. Гомперцъ, стр. 322. Целлеръ преувеличиваетъ эклектическій характеръ системы Діогена, находя въ послѣдней рядъ противорѣчій, которыя, однако, оказываются мнимыми, как доказалъ Наторпъ. См. Zeller I стр. 272.

[2]) На самомъ дѣлѣ, Діогенъ не принимаетъ существованія подлинной пустоты. Очевидно, доксографъ, котораго использовалъ здѣсь Лаэрцій, ошибочно отожествилъ безпредѣльный воздухъ съ безпредѣльной пустотой.

[3]) Объ Анаксагорѣ, см. 46 А 1 (§ 12 слѣд.).

Сочиненіе.

4. Симплицій phys. 151, 20 Между тѣмъ какъ большинство [1]) сообщаетъ, что Діогенъ Аполлонійскій, подобно Анаксимену, считаетъ воздухъ первоэлементомъ, Николай въ сочиненіи: „О богахъ" разсказываетъ, что онъ призналъ началомъ среднее между огнемъ и воздухомъ (*см. выше гл. 50*)..., должно знать, что этимъ Діогеномъ написанъ цѣлый рядъ сочиненій, какъ [2]) онъ самъ упомянулъ въ своемъ произведеніи: „О природѣ", гдѣ онъ говоритъ, что написалъ возраженія противъ физіологовъ, которыхъ онъ называетъ также софистами; (*говоритъ онъ также*), что написалъ „Метеорологію", въ которой, какъ онъ говоритъ, высказался и о началѣ, и, кромѣ того, (*сочиненіе*): „О природѣ человѣка". Въ сочиненіи: „О природѣ", которое одно только изъ его сочиненій дошло до меня, онъ ставитъ себѣ задачей показать посредствомъ многихъ (*доказательствъ*), что въ принятомъ имъ началѣ находится много мышленія (*срв. B 3—5*).

Ученіе.

Діогенъ V 43 (*Сочиненіе Ѳеофраста*): „Сводка ученій Діогена" одна книга.

5. Симплицій phys. 25, 1 (*D. 477*; *Ѳеофрастъ Phys. Opin. fr. 2*) И Діогенъ Аполлонійскій, который былъ почти самымъ младшимъ изъ числа занимавшихся этими (вопросами), наибольшую часть (*своихъ сочиненій*) написалъ эклектически, давая одни ученія по Анаксагору, другія же-по Левкиппу. Онъ говоритъ, что естество вселенной—воздухъ, который безконеченъ и вѣченъ; изъ сгущенія, разрѣженія и измѣненій его состояній возникаетъ видъ прочихъ (вещей). Это сообщаетъ о Діогенѣ Ѳеофрастъ, и дошедшее до меня сочиненіе его, озаглавленное „О природѣ", ясно говоритъ, что воздухъ есть то, изъ чего возникаютъ всѣ прочія (*вещи*). Однако, Николай (*см. стр. 170*) сообщаетъ, что онъ считаетъ элементомъ среднее между огнемъ и воздухомъ. Упомянутые (*мыслители*) признали, что воспріимчивый и легко измѣняющій воздухъ удобенъ для перемѣны. Поэтому-то они вовсе не сочли возможнымъ принять за начало землю, такъ какъ она неподвижна и неизмѣнчива. Такимъ образомъ раздѣлились признававшіе начало единымъ.

6. (*Плутархъ*) *Strom. 12* (*D. 583*) Діогенъ Аполлонійскій признаетъ элементомъ воздухъ. (*По его ученію*) все движется и есть безконечное число міровъ. Возникновеніе міра онъ изображаетъ слѣдующимъ образомъ. Когда все двигалось и въ одномъ мѣстѣ возникало разрѣженное, въ другомъ плотное, то тамъ, гдѣ встрѣчалось плотное, оно своимъ скопленіемъ образовало землю и точно такъ же (*все*) остальное въ томъ же родѣ, са-

---

[1]) „Мнѣнія физиковъ" Ѳеофраста, срв. A 5.

[2]) Можетъ быть, лучше вмѣсто ὡς читать ὧν: „изъ числа которыхъ".

мое же легкое, помѣстившись вверху, образовало солнце.

7. *Аэцій I 3, 26* (*D. 289*) Діогенъ Аполлонійскій (призналъ началомъ) безконечный воздухъ. *Срв. 3 А 4* (*стр. 51 первой части*).

Аристотель de gen. et corr. А 6. p. 322 в 12 Правда, необходимо учить о возникновеніи (*всего*) изъ одного, и правильно говоритъ Діогенъ, что если бы всѣ (*вещи*) не происходили изъ одного, то они не могли бы дѣйствовать другъ на друга и испытывать взаимныя воздѣйствія. Такъ, напримѣръ, теплое (*не могло бы*) охлаждаться и послѣднее снова нагрѣваться. Дѣло въ томъ, что не теплота и холодность измѣняются, переходя другъ въ друга, но, очевидно, лежащій въ основѣ ихъ субстратъ.

8. *Филодемъ de piet. c. 6 в* (*D 536*) Діогенъ хвалитъ Гомера за то, что онъ говорилъ о божествѣ не миѳически, но истинно. А именно, онъ говоритъ, что Гомеръ считаетъ Зевсомъ воздухъ, такъ какъ онъ говоритъ, что Зевсъ знаетъ все. *Цицеронъ de nat. d. I 12, 29* Какъ? Какой умъ или какую божественную форму можетъ имѣть воздухъ, который Діогенъ Аполлонійскій считаетъ богомъ? *Аэцій I 7, 17* (*D. 302*) Діогенъ (*не стоикъ, такъ какъ послѣдній не встрѣчается въ Placita*). Клеанѳъ и Энопидъ говорятъ, что богъ есть міровая душа. *Срв. выше 3 А 23* (*стр. 56 первой части*). *Августинъ de civ. d. VIII 2* (*D 174*) Также Діогенъ, другой (*наряду съ Анаксагоромъ*) ученикъ Анаксимена, сказалъ, что воздухъ есть основное вещество, изъ котораго всѣ (*вещи*) возникаютъ; но онъ обладаетъ божественнымъ умомъ, безъ котораго ничто изъ него не можетъ произойти. *Срв. В 8. 55 В 30.*

9. *Аристотель meteorol. В 2. 355 а 21* Точно такъ же нелѣпо разсуждаютъ и тѣ, которые утверждаютъ, что, когда вначалѣ земля была влажной и земной міръ нагрѣвался солнцемъ, возникъ воздухъ и выросло все небо, и онъ доставляетъ дуновенія и производитъ повороты неба.

10. *Аэцій II 1, 3* (*D. 327, см. стр. 42 первой части*) Діогенъ... въ безпредѣльномъ въ каждомъ періодѣ мірообразованія (возникаютъ и уничтожаются) безчисленные міры. *1, 6* (*D. 328*) Діогенъ и Мелиссъ: вселенная безконечна, міръ [1]) же ограниченъ. *4, 6* (*D 331*) Анаксимандръ... Діогенъ, Левкиппъ (*считали*) міръ тлѣннымъ. *Срв. 3 А 11.*

11. *— II 8, 1* (*D. 337*). О наклоненіи міра *см. выше стр. 141.*

12. *— II 13, 5. 9* (*D. 341 слѣд.*) Діогенъ (говоритъ), что свѣтила похожи на пемзу и считаетъ ихъ испареніями міра. (*По его ученію*) вмѣстѣ съ видимыми свѣтилами совершаютъ круговое движеніе темные камни, которые вслѣдствіе того, что не видны, не имѣютъ названій. Часто падая на землю они гаснутъ, подобно тому какъ каменное свѣтило, упавшее въ огненномъ видѣ въ Эгоспотамосѣ [2]) *Срв. 46 А 11. 12.*

13. *— II 20, 10* (*D. 349*) Діогенъ (*считаетъ*) солнце похожимъ на пемзу и (*говоритъ, что*) въ него упираются лучи отъ эѳира. *23, 4* (*D. 353*) Діогенъ: солнце погасаетъ отъ холода, падающаго на (*его*) теплоту.

---

[1]) Т. е. нашъ оформившійся міръ.

[2]) Срв. 46 А 11.

14. — *25, 10* (*D. 356*) Діогенъ: луна — похожее на пемзу пламя.

15. — *Ш 2, 8* (*D. 367*) Діогенъ: кометы суть звѣзды.

16. — *Ш 3, 8* (*D. 368*) Діогенъ: паденіе огня на влажное облако, прозводящее своимъ погасаніемъ громъ, блескомъ же (своимъ)—молнію. Содѣйствующей причиной является вѣтеръ. *Сенека nat. qu. П 20* Діогенъ Аполлонійскій утверждаетъ, что нѣкоторые громы порождаются огнемъ, другіе вѣтромъ: первые производитъ огонь, который самъ предшествуетъ (*имъ*) и возвѣщаетъ (*ихъ*); вторые дѣлаютъ вѣтры, которые производятъ стукъ безъ блеска.

16a. Схоліи къ Basil. Marc. 58 Діогенъ Аполлонійскій (говоритъ), что земля носится воздухомъ. *Срв. ниже С 2.*

17. Александръ in Meteor. В 1 (*къ р. 353 а 32*) *р. 67, 1 Hayduck* Онъ говоритъ о физикахъ. Они описываютъ возникновеніе моря, а не считаютъ его, какъ теологи, невозникшимъ, имѣющимъ свои собственные источники. А именно, одни изъ нихъ говорятъ, что море есть остатокъ первичной влаги. Ибо (вначалѣ) мѣсто вокругъ земли было влажнымъ, и затѣмъ нѣкоторая часть влаги подъ дѣйствіемъ солнца стала обращаться въ паръ и стали отъ нея возникать дуновенія вѣтровъ и повороты солнца и луны, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, также повороты послѣднихъ происходятъ отъ этихъ паровъ и испареній, отъ которыхъ они снабжаются этимъ (влагой), поворачиваясь около нихъ (паровъ). А нѣкоторая часть ея (влаги), оставшаяся въ углубленіяхъ земли, есть море. Вотъ почему (море) постоянно уменьшается, высыхая отъ дѣйствія солнца, и въ концѣ концовъ станетъ нѣкогда сушей. Этого мнѣнія держались, какъ свидѣтельствуетъ Ѳеофрастъ (*Phys. Opin. fr. 23 D. 494*), Анаксимандръ и Діогенъ. Діогенъ же указываетъ и слѣдующую причину солености (*моря*): такъ какъ солнце поднимаетъ сладкую (*часть воды*), то остающаяся на мѣстѣ (*вода*) оказывается горько-соленой. *Срв. тамъ же 73, 22.*

18. Схоліи Apoll. Rhod. IV 269 (*D. 228*) Діогенъ же Аполлонійскій (полагаетъ), что похищается солнцемъ морская вода, которая тогда уносится въ Нилъ. Ибо онъ думаетъ, что Нилъ становится лѣтомъ полноводнымъ вслѣдствіе того, что солнце направляетъ къ нему влагу, (поднимающуюся) отъ земли. *Сенека n. quaest. IV a 2, 28 слѣд.* Діогенъ Аполлонійскій говоритъ: „Солнце уноситъ къ себѣ влагу; ее осушенная земля тянетъ изъ моря, затѣмъ изъ прочихъ водъ. Не можетъ быть, чтобы одна земля была сухой, (*все*) же прочее изобиловало (*водой*). Ибо всѣ (*вещи*) имѣютъ отверстія и сообщенія между собой, и сухія (*вещи*) берутъ у влажныхъ. Въ противномъ случаѣ, если бы земля ничего не брала, она бы изсохла. Поэтому повсюду солнце тянетъ (*влагу*), но въ особенности изъ тѣхъ (*странъ*), которыя оно гнететъ, то-есть изъ экваторіальныхъ. (*29*) Земля, высохнувъ, притягиваетъ къ себѣ больше влаги. Какъ въ лампахъ масло течетъ туда, гдѣ оно сожигается, такъ и вода устремляется туда, куда зоветъ ее сила жара и горячей земли. Итакъ, откуда она тянетъ (*влагу*)? Разумѣется изъ частей, всегда холодныхъ: сѣверныя (страны) изобилуютъ влагою. Поэтому Понтъ постоянно быстро течетъ

въ нижнее море (не такъ, какъ прочія моря, попеременными приливами взадъ и впередъ), всегда стремительно бѣжитъ въ одну сторону. Если бы при помощи сдѣланныхъ путей не доставлялось то, чего каждому недостаетъ, и не выпускалось то, что для каждаго является излишнимъ, то уже или все было бы сухимъ или было бы наводнено." (*30*) Хочется задать Діогену вопросъ, почему, если все имѣетъ отверстія и сообщенія между собой, не во всѣхъ мѣстахъ лѣтомъ рѣки увеличиваются. „Египетъ солнце больше печетъ, поэтому Нилъ больше возрастаетъ". [1])

19. Ѳеофрастъ de sens. 39 слѣд (*D 510*) Діогенъ, подобно жизни, также мышленіе и ощущенія относитъ на счетъ воздуха. Поэтому-то можно подумать что, по его ученію, (*воспринимается подобное*) подобнымъ (ибо не было бы дѣйствія и страданія, если бы не всѣ вещи происходили изъ одного). [2]) Обоняніе (*порождается*) воздухомъ, окружающимъ мозгъ. Ибо онъ собранъ въ одномъ мѣстѣ и соразмѣренъ запаху. А именно, самъ мозгъ тонокъ и жилки (*тонки*), воздухъ же наиболѣе тонокъ въ тѣхъ (*жилкахъ*), въ которыхъ расположеніе несимметрично, и онъ (тамъ) не смѣшивается съ запахами. [3]) Если бы какой-нибудь воздухъ былъ бы соразмѣренъ смѣси, то, очевидно, онъ воспринималъ бы. (*40*) Слухъ (*функціонируетъ*), когда воздухъ въ ушахъ, приведенный въ движеніе внѣшнимъ (воздухомъ), передается въ мозгъ. Зрѣніе же (*функціонируетъ*), когда (*образы*) являются въ зрачекъ, послѣдній же, смѣшиваясь съ внутреннимъ воздухомъ, порождаетъ ощущеніе. Доказательствомъ же (*этого служитъ слѣдующее*). А именно, если бываетъ воспаленіе жилъ (*въ глазу*), то онъ не смѣшивается съ внутреннимъ (*воздухомъ*) и не видитъ, хотя образы являются по-прежнему. Вкусовое ощущеніе (*происходитъ*) посредствомъ языка, такъ какъ онъ рѣдокъ и мягокъ. Объ осязаніи же онъ не сказалъ ничего опредѣленнаго ни о томъ, какимъ образомъ (*оно возникаетъ*), ни о томъ, чему оно принадлежитъ. Но послѣ этого онъ дѣлаетъ попытку объяснить, почему ощущенія бываютъ болѣе точными и какія свойства (*органовъ дѣлаютъ ихъ таковыми*). (*41*) Итакъ, обоняніе бываетъ самымъ острымъ у тѣхъ, у кого въ головѣ наименьше воздуха. Ибо (*въ этомъ случаѣ*) онъ быстрѣе всего смѣшивается. И, сверхъ того, если втягиваніе (*запаховъ*) происходитъ черезъ болѣе длинный [4]) и болѣе узкій (*проходъ*). Ибо въ этомъ случаѣ (*запахи*) скорѣе различаются. Поэтому-то нѣкоторыя изъ животныхъ обладаютъ лучшимъ обоняніемъ, нежели люди. Впрочемъ, если запахъ соразмѣренъ воздуху въ отношеніи смѣси, то человѣкъ пожалуй, воспринимаетъ его наилучше. Наиболѣе острый слухъ бываетъ у тѣхъ, у которыхъ жилы тонки и, которыя, какъ

---

[1]) Gercke приписываетъ Діогену далѣе слѣдующія слова: „Но также въ прочихъ рѣкахъ земли происходитъ нѣкоторое уменьшеніе", причемъ предполагаетъ, что передъ этой фразой выпали слова: „Напротивъ, необходимо, чтобы онъ-то еще уменьшился".

[2]) Стоящее въ скобкахъ взято изъ Аристотеля, срв. стр. 175.

[3]) Текстъ неясенъ.

[4]) Можетъ быть, судя по дальнѣйшему, „болѣе незначительный".

для обонянія, такъ и для слуха имѣютъ отверстія незначительныя, тонкія и прямыя, и, сверхъ того, имѣютъ ухо прямое и большое. А именно, воздухъ, заключенный въ ушахъ, двигаясь, приводитъ въ движеніе внутренній (*воздухъ*). Если же (*уши*) болѣе широки, то при движеніи воздуха звукъ и шумъ бываетъ неяснымъ вслѣдствіе того, что онъ не попадаетъ въ покоющійся (*воздухъ*). (*42*) Наиболѣе же острымъ зрѣніемъ обладаютъ всѣ тѣ, которыя имѣютъ воздухъ и жилы тонкіе, какъ и при (*совершенствѣ*) прочихъ (*ощущеній*), и всѣ тѣ, которыя имѣютъ наиболѣе блестящій глазъ. Наилучше же показывается противоположный цвѣтъ. Поэтому-то черноглазые лучше видятъ днемъ и свѣтлые (предметы), противоположные же (*имъ лучше видятъ*) ночью. А что внутренній воздухъ ощущаетъ, будучи малой частицей бога, доказательствомъ этого служитъ то, что часто, направляя свое вниманіе на другіе (предметы), мы не видимъ и не слышимъ. (*43*) Удовольствіе[1]) и неудовольствіе возникаютъ слѣдующимъ образомъ. Когда воздухъ въ большомъ количествѣ смѣшивается съ кровью и дѣлаетъ ее легкой, находясь (*самъ*) въ своемъ естественномъ состояніи и проходя по всему тѣлу, то возникаетъ удовольствіе. Когда же онъ находится въ состояніи, несоотвѣтствующемъ его природѣ, и не смѣшивается съ находящейся рядомъ съ нимъ кровью, которая становится слабѣе и плотнѣе, то возникаетъ неудовольствіе. Подобнымъ образомъ возникаютъ также мужество, здоровіе и ихъ противоположности. Наиболѣе способенъ судить объ удовольствіи языкъ. Ибо онъ наиболѣе мягокъ и тонокъ, и всѣ жилы простираются къ нему. Поэтому-то въ немъ находится наиболыпе признаковъ нездоровія, и цвѣта (*языковъ*) прочихъ животныхъ также показываютъ (*состояніе ихъ*). Сколько какихъ ихъ ни есть, всѣ они показываютъ свое состояніе (*цвѣтомъ языка*). Итакъ, вотъ что онъ говоритъ о способѣ и причинѣ возникновенія ощущеній. (*44*) Мыслятъ же, какъ было сказано (§ *39*), воздухомъ чистымъ и сухимъ. Ибо влага мѣшаетъ уму. Поэтому-то хуже мыслится въ состояніяхъ сна, опьяненія и пресыщенія. А что влажность уничтожаетъ умъ, доказательствомъ служитъ то, что прочія животныя слабѣе (*человѣка*) мыслительной способностью. Дѣло въ томъ, что они дышатъ воздухомъ отъ земли и принимаютъ пищу болѣе влажную. Птицы же дышатъ чистымъ (*воздухомъ*), но имѣютъ природу, подобную рыбамъ. А именно, тѣло (ихъ) плотно и не пропускаетъ дыханія повсюду, но задерживаетъ его около желудка.[2]) Поэтому-то (*птица*) быстро перевариваетъ пищу, сама же она глупа. При кормленіи (*дѣтей*) происходитъ нѣкоторымъ образомъ соединеніе рта (*птенца*) и языка (*матери*). Ибо они не могутъ понять другъ друга. Растенія же вслѣдствіе того, что они не пусты (внутри) и не принимаютъ въ себя воздухъ, совершенно лишены способности мышленія. (*45*) Та же самая причина и того, что дѣти неразумны. А именно, они имѣютъ много

[1]) Срв. 12 В 67.

[2]) По тексту Schneider'а: „дыханіе не проходитъ по всему тѣлу, но останавливается около желудка". Дильсъ же считаетъ здѣсь подлежащимъ „τὴν σάρκα".

влаги, такъ что (*воздухъ*) не можетъ пройти черезъ все тѣло, но выдѣляется около груди. Вотъ почему они неразумны и глупы. Вспыльчивы же они и вообще слишкомъ пылки и измѣнчивы вслѣдствіе того, что изъ малыхъ (*тѣлъ*) выдѣляется воздухъ въ большомъ количествѣ. Это является также причиной забывчивости. А именно, вслѣдствіе того, что (воздухъ) не идетъ черезъ все тѣло, они не могутъ быть внимательными Доказательствомъ (*этого служитъ слѣдующее обстоятельство*). У тѣхъ. кто припоминаетъ, бываетъ чувство тяжести около груди, когда же они найдутъ (*искомое*), (воздухъ) разсѣивается и (человѣкъ) освобождается отъ неудовольствія.

20. Аристотель de anima A 2. 405 a 21 Діогенъ, какъ и нѣкоторые другіе, (говоритъ, что душа) есть воздухъ; послѣдній, по его мнѣнію, тоньше всѣхъ (*тѣлъ*) и есть начало всего. Поэтому душа познаетъ и производитъ движеніе; она познаетъ, поскольку (воздухъ) есть первовещество и источникъ (всего) остального; поскольку же (воздухъ) есть самое тонкое вещество, онъ способенъ производить движеніе. *Аэцій IV 7, 1 (D. 392 not.)* Пиѳагоръ, Анаксагоръ и Діогенъ... объявили душу безсмертной. *Тамъ же IV 5, 7 (D. 391)* Діогенъ [1]) говоритъ, что первенствующая часть души находится въ артеріальной полости сердца, которая есть дыхательный (*каналъ*).

21. Аэцій IV 16, 3 (D. 406) Діогенъ: (слуховое ощущеніе возникаетъ), когда воздухъ въ головѣ звукомъ ударяется и приводится въ движеніе.

22. — IV 18, 2 (D. 407) Діогенъ полагаетъ, что вслѣдствіе тонкости и мягкости языка и вслѣдствіе того, что въ немъ сходятся жилы, идущія отъ тѣла, онъ разлагаетъ вкусы, которые (*отъ него*), какъ отъ губки, влекутся къ (*органу*) ощущенія и къ первенствующей части души.

23. — IV 9, 8 (D. 397) Другіе (говорятъ), что чувственныя воспріятія по природѣ, Левкиппъ же, Демокритъ и Діогенъ [2]) (говорятъ), что они *условны*, то-есть зависятъ отъ (*нашего*) воображенія, и нашихъ состояній. *Дальнѣйшее (54 A 32) относится только къ Левкиппу и Демокриту.*

24. Климентъ paedag. I 6, 48 Нѣкоторые полагаютъ, что сѣмя животнаго по (своей) сущности есть пѣна крови: кровь-де, взбудораженная врожденной теплотой солнца, воспламеняясь по причинѣ совокупленій, превращается въ пѣну и отлагается въ сѣменныхъ жилахъ. Отсюда-то, по мнѣнію Діогена Аполлонійскаго, происходитъ названіе **τὰ ἀφροδίσια** (любовныя наслажденія). *Т. е. Діогенъ производитъ слово: τ. ἀφροδίσια отъ ἀφρός (пѣна). Срв. B 6.*

25. Аристофанъ epit. hist. anim. I 78 Расходится (*съ ними*) Діогенъ Аполлонійскій, сказавшій, что зародыши питаются головками въ маткѣ.

---

[1]) Велльманнъ исправилъ по Тертулліану и Ѳеодорету: „Діоклъ“. Діогенъ не могъ помѣщать разумъ въ сердце, но скорѣе помѣщалъ его въ мозгъ, какъ самую высшую часть человѣка срв. A 19 (стр. 178 C 1.3 a); однако, согласно A 19, кажется, что онъ помѣщалъ ξύνεσις (умъ) во всемъ тѣлѣ. Срв. B 6 (стр. 183).

[2]) Не изъ Смирны (гл. 58), который не выступаетъ въ Placita.

Цензоринъ 6, 3 (см. стр. 10). Срв. Аристотель de gen. anim. B 7. 746 a 19 (55 A 144).

26. Цензоринъ 9. 2 Діогенъ Аполлонійскій, который говоритъ, что у мужчинъ тѣло образуется въ четыре мѣсяца и у женщинъ въ пять. *Срв. B 9.*

27. Цензоринъ 5, 4 (D. 190) Рождается ли плодъ только изъ сѣмени отца, какъ (думаетъ) Діогенъ..., или также и (*изъ сѣмени*) матери, *6, 1* Діогенъ Аполлонійскій былъ того мнѣнія, что сперва изъ влаги образуется плоть, затѣмъ изъ плоти рождаются кости, нервы и прочія части

28. Аэцій V 15, 4 (D. 426) Діогенъ (полагаетъ), что зародыши рождаются неодушевленными, но теплыми. Поэтому врожденная теплота зародыша, тотчасъ послѣ того, какъ онъ извергнутъ, притягиваетъ холодное въ легкія (*его*).

29. — — 24, 3 (D 436) Діогенъ: если кровь, разливаясь по всему (тѣлу), наполнитъ жилы и вытолкнетъ заключающійся въ нихъ воздухъ въ грудь и лежащій подъ ней желудокъ, то возникаетъ сонъ и грудь бываетъ теплѣе. Если же вся воздушная (*матерія*) изъ жилъ уйдетъ, то приключается смерть.

29a. (Галенъ) de humor. XIX 495 K И въ самомъ дѣлѣ, и по цвѣту, какъ по жидкости, распознаютъ, что кто-либо одержимъ болѣзнью. И этотъ способъ распознаванія болѣзни, нисколько не менѣе, чѣмъ (другіе) важнѣйшіе (*способы распознаванія*), является весьма точнымъ, и почитался какъ бы нѣкоторымъ искусствомъ предсказанія Діогеномъ и (*другими*) мудрецами того времени. А именно, тѣ мужи сочинили пространное ученіе о цвѣтахъ, раздѣляя и болѣзни по различіямъ ихъ; (*а именно*) они называли кровеобильныхъ (*людьми*) краснаго цвѣта, изобилующихъ горькою жидкостью [1]—(*людьми*) огненнаго цвѣта, (изобилующихъ) черною жидкостью—(*людьми*) чернаго цвѣта и страждущихъ мокротою—(*людьми*) бѣлаго цвѣта. И зависящія отъ этихъ (*причинъ*) болѣзни они называли (*болѣзнями*) краснаго, огненнаго, чернаго и бѣлаго цвѣта; не знаю, почему они, оставивъ многочисленные признаки (*болѣзней*), (*указываемые врачебнымъ*) искусствомъ и въ томъ числѣ тѣ, которые скорѣе могутъ дать точное распознаніе болѣзни, приписали только однимъ цвѣтамъ совершенное различеніе болѣзни.

30. Аэцій V 20, 5 (D. 432) Діогенъ (полагаетъ), что они (животныя) участвуютъ въ умѣ и воздухѣ, но одни вслѣдствіе плотности (*своихъ тѣлъ*), другія вслѣдствіе излишка влажности не размышляютъ, не ощущаютъ, и находятся въ состояніи, подобномъ безумнымъ, когда первенствующая (*часть души*) отсутствуетъ.

31. Аристотель de respir. 2. 471 a 3 (послѣ 46 A 115) Діогенъ: когда (рыбы) выпустятъ воду черезъ жабры, то изъ воды, оказавшейся около рта, они втягиваютъ воздухъ пустотой, находящейся во рту, такъ какъ въ водѣ заключается воздухъ... *в12* Почему (рыбы) въ воздухѣ

---

[1]) Иначе „желчью огненнаго цвѣта“.

умираютъ и кажутся трепещущими, какъ будто задыхающимися, если на самомъ дѣлѣ онѣ дышатъ. Вѣдь не вслѣдствіе недостатка въ пищѣ онѣ это испытываютъ. Та причина, которую указываетъ Діогенъ, несостоятельна. А именно, онъ говоритъ, что въ воздухѣ онѣ втягиваютъ (*въ себя*) слишкомъ много воздуха, въ водѣ же (*втягиваютъ*) умѣренное (*количество его*), вотъ почему онѣ умираютъ (*говоритъ онъ*).

32. Өеофрастъ hist. pl. III 1, 4 (*послѣ 46 А 117*) Діогенъ (говоритъ), что воздухъ порождаетъ растенія, когда вода гніетъ и нѣкоторымъ образомъ смѣшивается съ землею.

33. Александръ quaest. II (о магнитѣ, почему онъ притягиваетъ желѣзо) Діогенъ Аполлонійскій говоритъ, что всѣ приводимые (*магнитомъ*) въ движеніе (*предметы*) по своей природѣ испускаютъ изъ себя нѣкоторую влагу и втягиваютъ (*въ себя влагу*) извнѣ-одни больше, другіе меньше, наиболѣе же (*влаги*) испускаетъ мѣдь и желѣзо, доказательствомъ чего служитъ то, что отъ нихъ нѣкоторая (*часть*) выжигается и съѣдается въ огнѣ, а также то, что, будучи натираемы уксусомъ и масломъ, они покрываются ржавчиной. А именно, съ ними это бываетъ вслѣдствіе того, что уксусъ вытягиваетъ изъ нихъ влагу. Одна (*часть*) огня сожигаетъ то, что вытекаетъ на томъ же самомъ мѣстѣ, другая же (*часть*), проникая въ каждую (*вещь*), вытягиваетъ и истребляетъ находящуюся въ нихъ влагу. Итакъ, между тѣмъ какъ желѣзо притягиваетъ и еще болѣе испускаетъ влагу, магнитъ, будучи болѣе тонкимъ и болѣе землянымъ (нежели желѣзо), больше притягиваетъ влагу изъ находящагося возлѣ него воздуха, чѣмъ испускаетъ (ея). Итакъ, (*магнитъ*), притягивая родственное, принимаетъ его къ себѣ, неродственное же отталкиваетъ. Желѣзо же родственно ему, поэтому-то (*магнитъ*) тянетъ влагу изъ него и принимаетъ ее въ себя, и вслѣдствіе этого-то притягиванія и желѣзо притягивается по причинѣ совокупнаго влеченія влаги, заключающейся въ немъ, желѣзо же никогда не притягиваетъ магнитъ вслѣдствіе того, что желѣзо не настолько рѣдко, чтобы быть въ состояніи принять въ себя всю влажность, исходящую отъ магнита.

B. Фрагменты.

«О природѣ» двѣ книги.

Діогенъ цитировалъ самого себя (А 4); всѣ эти цитаты относятся къ одному и тому же сочиненію, которое въ эллинистическую эпоху подраздѣлялось, по крайней мѣрѣ, на двѣ книги. „О природѣ человѣка“, повидимому, составляло вторую книгу этого сочиненія (срв. В 9). Нельзя рѣшить, трактовались ли „Небесныя явленія“ въ началѣ этой или въ особой (третьей) книгѣ.

1. *Діогенъ IX 57* (*см. А 1. 2*) Начало же его сочиненія таково: „Въ началѣ каждаго разсужденія, по моему мнѣнію, должно ставить неопровержимое начало, изложеніе же (*должно быть*) простымъ и серьезнымъ“.

2—5. *Симплицій phys. 151, 28* (*срв. А 4*) Въ сочиненіи: „О природѣ“, которое одно только изъ его сочиненій дошло до меня, онъ ставитъ себѣ задачей показать посредствомъ многихъ (*доказательствъ*), что въ принятомъ имъ началѣ находится много мышленія. Тотчасъ послѣ вступленія (*В 1*) онъ пишетъ слѣдующее:

2. По моему мнѣнію, если сказать самое главное, все существующее есть измѣненіе одного и того же (*первовещества*) и (*такимъ образомъ*) тожественно. Это очевидно. Вѣдь если бы то, что теперь существуетъ въ этомъ космосѣ, земля, вода, воздухъ, огонь и все прочее, что кажется существующимъ въ этомъ мірѣ, если бы что-нибудь изъ (*всего*) этого было инымъ, чѣмъ (*что нибудь*) другое, то-есть инымъ по своей особенной природѣ, и если бы оно не оставалось тѣмъ же самымъ, (*только*) испытывая многоразличныя перемѣны и измѣненія, то никоимъ образомъ (*вещи*) не могли бы ни смѣшиваться между собой, ни оказывать одна другой ни пользы, ни вреда, и не могло бы ни произрасти растеніе изъ земли, ни возникнуть животное, ни (*что-либо*) другое; (*все это было бы невозможно*), если бы не таково было устройство (*всего*), что *въ сущности* (*все*) тожественно. Но всѣ эти (*вещи*) возникаютъ изъ измѣненія одного и того же (*первовещества*), причемъ (*являются*) одинъ разъ такія (вещи), другой разъ другія, и (*затѣмъ*) онѣ возвращаются въ то же самое (*первовещество*)“. [1])

Прочитавъ эти первыя (*строки*), и я подумалъ, что онъ говоритъ о какомъ-то другомъ, отличномъ отъ четырехъ элементовъ, общемъ субстратѣ, разъ онъ говоритъ, что эти (вещи) не смѣшиваются (между собой) и не переходятъ другъ въ друга, (*какъ было бы*), если бы началомъ былъ какой-нибудь одинъ изъ нихъ (*элементовъ*), имѣющій частную природу и не лежало бы въ основѣ ихъ всѣхъ одно и то же, измѣненіями чего они всѣ являются. Вслѣдъ за тѣмъ онъ далъ доказательство, что въ этомъ началѣ находится много мышленія.—

3. „Ибо безъ мышленія, говоритъ онъ, не могло бы быть такого раздѣленія (*первовещества*), чтобы во всемъ заключалась (*опредѣленная*) мѣра: въ зимѣ и лѣтѣ, въ ночи и днѣ, въ дождяхъ, вѣтрахъ и ясной погодѣ. И (все) прочее, какъ найдетъ всякій, кто захочетъ подумать,

---

[1]) *То же въ пер. Т. Гомперца:* „Ибо если бы изъ всего того, что существуетъ теперь въ этомъ мірѣ: земли, воды, и всего иного, если бы что-нибудь изъ этого было не тѣмъ, что остальное, а чѣмъ-нибудь другимъ по своей природѣ, и не оставалось бы тѣмъ же самымъ, несмотря на многообразныя измѣненія и превращенія, тогда различныя вещи не только не могли бы смѣшиваться, но не могли бы также служить на пользу, или во вредъ одна другой: растеніе не могло бы произрастать изъ земли, не могло бы зародиться ни животное, ни что другое, если бы оно не было тѣмъ же по своему составу. Но все это происходитъ изъ одного и того же, становится вслѣдствіе измѣненія другимъ, и вновь возвращается къ прежнему своему состоянію“.

устроено самымъ прекраснымъ образомъ, насколько только возможно".—[1])

Далѣе онъ говоритъ, что и люди, и прочія животныя благодаря этому началу, то-есть воздуху, живутъ и обладаютъ душой и мышленіемъ. А именно, онъ говоритъ слѣдующимъ образомъ:

4. „Сверхъ того, имѣются еще слѣдующія вѣскія доказательства. А именно, люди и прочія животныя живутъ, дыша воздухомъ. И это (*вещество*) является у нихъ душой и (силой) мышленія, какъ будетъ ясно показано въ этомъ сочиненіи, и съ его исчезновеніемъ наступаетъ смерть и мышленіе прекращается".

Затѣмъ немного ниже онъ добавилъ:

5. И, по моему мнѣнію, обладающее (силой) мышленія *(первовещество)* есть то, что люди называютъ воздухомъ, и оно-то правитъ всѣми (вещами) и господствуетъ надъ всѣмъ. Это именно *(первовещество)*, думается мнѣ, есть богъ, оно вездѣ присутствуетъ, все устраиваетъ и во всемъ заключается. И нѣтъ ни одной (*вещи*), которая не участвовала бы въ немъ, (причемъ) ни одна (вещь) не участвуетъ (въ немъ) въ одинаковой мѣрѣ съ другой, но имѣется много степеней самаго воздуха и (*связанной съ нимъ*) силы мышленія. А именно, онъ (*воздухъ*) бываетъ разнообразнымъ: болѣе теплымъ и болѣе холоднымъ, болѣе сухимъ и болѣе влажнымъ, болѣе неподвижнымъ и болѣе быстро движущимся. Заключается въ немъ и много другихъ различій и безконечное *вкусовъ и цвѣтовъ* (*многообразіе*). Душа всѣхъ животныхъ (*по существу*) тожественна, (*а именно*) она есть воздухъ, который болѣе тепелъ, нежели тотъ внѣшній (воздухъ) въ которомъ мы находимся, однако, много холоднѣе (воздуха) у солнца. Эта теплота неодинакова ни у одного изъ животныхъ, точно также и у людей между собой, но (*у всѣхъ*) она различна, однако, это различіе незначительно, такъ что (*всѣ живыя существа*) подобны. Тѣмъ не менѣе ни одна изъ измѣняющихся (*вещей*) не можетъ совершенно уподобиться другой, не ставъ тожественной (*съ ней вещью*) Итакъ, такъ какъ измѣненіе (*первовещества*) многообразно, то многоразличны также и живыя существа, много (*ихъ*), и не сходенъ у нихъ ни внѣшній видъ, ни образъ жизни, ни мышленіе вслѣдствіе множества превращеній (*первовещества*). И тѣмъ не менѣе однимъ и тѣмъ же (*первовеществомъ*) всѣ они живутъ, видятъ и слышатъ, и остальное мышленіе они всѣ имѣютъ отъ того же самаго (*единаго первовещества*).

6. *Симплицій phys. 153, 13* И вслѣдъ за тѣмъ (*послѣ В 5*) онъ показываетъ, что и сѣмя животныхъ воздухообразно и мышленіе возникаетъ, когда воздухъ, соединяясь съ кровью, завладѣваетъ всѣмъ тѣломъ при помощи жилъ; при этомъ онъ излагаетъ точную анатомію жилъ. Итакъ, въ приведенномъ мѣстѣ онъ, кажется, ясно говоритъ, что начало есть то, что люди называютъ воздухомъ. *Аристотель hist. anim. Г 2.*

---

[1]) То же въ пер. Т. Гомперца: „Ибо не можетъ быть, чтобы безъ руководства разума (точнѣе, безъ дѣятельнаго участія „nus") все могло быть распредѣлено, въ мѣру зима и лѣто, ночь и день, дожди, вѣтра и сіяніе солнца. И въ остальномъ, если подумать, то найдешь, что все устроено столь прекрасно, насколько только возможно".

511 в 30 Діогенъ Аполлонійскій говоритъ слѣдующее (*нижеприводимая цитата*).

Vindician. q. f. 1 слѣд. Александръ, прозванный Любителемъ истины (т. е. Филалетомъ), ученикъ Асклепіада, въ первой книгѣ: „О сѣмени" сказалъ, что оно по своей сущности есть пѣна крови, соглашаясь съ мнѣніемъ Діогена... (*3*) Діогенъ Аполлонійскій въ (своемъ) физическомъ сочиненіи подобнымъ же образомъ сказалъ, что сущность сѣмени—пѣна крови: „А именно воздухъ, приведенный дыханіемъ, останавливаетъ кровь, одна часть которой всасывается тѣломъ, другая же остающаяся (*часть*) попадаетъ въ сѣменные каналы и образуетъ сѣмя, которое есть не что иное, какъ пѣна крови, сбитой воздухомъ". *Срв. А 24.*

„Жилы же въ человѣкѣ образуютъ слѣдующую (*систему*). Есть два главныхъ ствола (ихъ). Они тянутся черезъ желудокъ возлѣ позвоночнаго хребта, одинъ направо, другой налѣво, каждый въ голень лежащую на его сторонѣ, и вверхъ въ голову мимо ключицъ черезъ горло. Отъ этихъ (стволовъ) по всему тѣлу расходятся жилы, отъ праваго (*ствола*) на правую (*сторону*), отъ лѣваго на лѣвую, (*причемъ*) двѣ самыхъ большихъ (*жилы* входятъ) въ сердце около самаго позвоночнаго хребта, (*двѣ*) другихъ же немного выше, черезъ грудь ниже подмышки, (*проходятъ*) каждая въ лежащую на ея сторонѣ руку. Одна (*изъ нихъ*) называется селезеночной жилой, другая печеночной. Каждая изъ нихъ раздѣляется на концѣ: одна (*вѣтвь идетъ*) въ большой палецъ, другая въ ладонь; отъ нихъ же (*исходятъ*) тонкія многовѣтвистыя (*жилки*) въ остальную (*часть*) руки и пальцы. Отъ главныхъ стволовъ жилъ тянутся еще (*двѣ*) другія жилы, болѣе тонкія, отъ праваго (*ствола*) въ печень, отъ лѣваго въ селезенку и почки.

(*Жилы*), идущія въ голени, раздѣляются въ мѣстѣ (*своего*) соединенія и тянутся черезъ все бедро. Самая большая изъ нихъ тянется по задней части бедра и выходитъ (*здѣсь*) толстой наружу. Другая же, нѣсколько менѣе толстая, нежели та, (*проходитъ*) внутри бедра. Затѣмъ мимо колѣна онѣ входятъ въ голень и ногу, подобно тому какъ (*вышеописанныя*) въ руки, причемъ онѣ доходятъ до ступни ноги и отсюда развѣтвляются въ пальцы. Отдѣляется также отъ нихъ много тонкихъ жилъ, (*идущихъ*) къ желудку и ребрамъ.

Жилы же, идущія въ голову черезъ горло, выходятъ въ шеѣ на значительномъ протяженіи наружу. Отъ конца каждой изъ нихъ отдѣляется много вѣтвей въ голову, причемъ однѣ идутъ справа налѣво, другія слѣва направо. И тѣ и другія кончаются возлѣ уха.

Въ шеѣ рядомъ съ большой (жилой) находится по обѣ стороны ея по одной жилѣ, которыя немного меньше той и куда сходится большинство (жилъ) изъ самой головы. Онѣ (*обѣ*) идутъ черезъ горло внутрь и отъ каждой изъ нихъ (*исходятъ вѣтви*) подъ плечевую лопатку и въ руки. И возлѣ селезеночной и печеночной (*жилъ*) оказываются другія жилы немного поменьше, которыя вскрываютъ въ случаѣ какой-либо подкожной боли. Въ случаѣ же какой-либо боли (*въ части тѣла*) около же-

лудка (*вскрываютъ*) печеночную и селезеночную (*жилы*). Отъ нихъ тянутся также другія (жилы) подъ соски. Другія, тонкія (жилы) идутъ отъ каждой изъ нихъ черезъ спинной мозгъ къ дѣтороднымъ ядрамъ. Еще другія идутъ подъ кожу и черезъ плоть въ почки и оканчиваются у мужчинъ въ дѣтородныхъ ядрахъ, у женщинъ же въ маткахъ. (Вначалѣ жилы, исходящія изъ желудка, болѣе широки, затѣмъ онѣ дѣлаются тоньше, пока не перейдутъ справа налѣво и слѣва направо). [1]) Эти (жилы) называются сѣменными. [2]) Самая густая кровь высасывается мясными (*частями*); переходящая же въ эти мѣста (*кровь*) дѣлается тонкой, теплой и пѣнистой".

7. *Симплицій phys. 153, 17 (послѣ отрывка, приведеннаго въ В 6 на стр. 183)*. Удивительно же то, что, говоря, что прочія (вещи) возникаютъ соотвѣтственно измѣненію его (*первовещества*), онъ, однако, называетъ его вѣчнымъ. А именно, онъ говоритъ: „И оно само (*первовещество*) есть вѣчное и безсмертное тѣло, изъ другихъ же (вещей) однѣ возникаютъ, другія гибнутъ".

8. *Симплицій phys. 153, 20 (послѣ В 7)* И въ другомъ мѣстѣ (онъ говоритъ): „Но мнѣ кажется очевиднымъ, что (*первовещество*) велико, могуче, безсмертно и много знаетъ".

9. *Галенъ in Epid. VI comm. II* Однако, почти всѣ врачи согласны, что мужской зародышъ не только принимаетъ форму, но и движется скорѣе, нежели женскій... Руфъ [3]) говоритъ, что только одинъ Діогенъ Аполлонійскій высказался противъ этого мнѣнія во второй книгѣ сочиненія: „О природѣ". Я же не имѣлъ въ рукахъ этой книги. *Срв. А 26.*

10. Геродіанъ π μονήρ. λέξ I p. 7, 8 Форма „πλῆ" употребленная какъ прилагательное, у Діогена Аполлонійскаго вмѣсто (*обычной*) женской формы „πλέη" (полная), неизвѣстна другимъ.

С. Подражаніе.

1. Аристофанъ „Облака" 225 слѣд. (пер. В. Алексѣева) Сократъ. Путешествую по воздуху и смотрю на солнце.

Стрепсіадъ. Если только этимъ ты, значитъ, смотришь на боговъ съ высока,—не съ земли, а съ высоты корзины?

Сократъ. Если бы я не занимался усердно умственными вопросами, витая въ воздухѣ, и не соединилъ своего тонкаго ума съ подобнымъ ему воздухомъ, я никогда не могъ бы рѣшить правильно самыхъ важныхъ вопросовъ. Когда бъ я наблюдалъ высокое, стоя на землѣ, высшее—съ

---

[1]) Это добавленіе стоитъ не на своемъ мѣстѣ.

[2]) Діогенъ сохранилъ болѣе древнюю терминологію („сѣменныя жилы"), несмотря на то, что женское выдѣленіе не имѣетъ у него того же значенія, какъ, напримѣръ, у Алкмеона (14 А 13). Срв. Гиппонъ 26 А 13

[3]) Руфъ Эфесскій, съ котораго здѣсь списываетъ Галенъ.

низу, мнѣ никогда не удалось бы сдѣлать никакихъ открытій, напротивъ, земля, благодаря своей силѣ, притягивала бы къ себѣ испаренія ума, точь-въ-точь какъ это происходитъ съ крессомъ.

Стрепсіадъ. Что такое?.. Умъ втягиваетъ испаренія въ крессъ?

828 слѣд.

Стрепсіадъ. Вмѣсто Зевса сидитъ на престолѣ изгнавшій его Вихрь. [1])

Фидиппидъ. Батюшки, что ты болтаешь!

Стрепсіадъ. Знай, это правда!

Фидиппидъ. Кто жъ это говоритъ?

Стрепсіадъ. Меліецъ. [2])

2. Гиппократъ de flatib. 3 Воздухъ, заключающійся въ тѣлахъ, называется φῦσα, (воздухъ) же, находящійся внѣ тѣлъ, называется ἀήρ. Послѣдній, будучи величайшимъ во вселенной, господствуетъ надъ всѣми (вещами). Слѣдуетъ разсмотрѣть его силу. А именно, вѣтеръ есть потокъ и струя воздуха. Итакъ, когда воздухъ, (*собравшись*) въ большомъ количествѣ, произведетъ сильный потокъ, то силою дуновенія деревья съ корнемъ вырываются, море волнуется и раскидываются необыкновенно громадныя грузовыя судна. Итакъ, вотъ какую силу имѣетъ (*воздухъ*) въ этихъ (*случаяхъ*). Однако, для зрѣнія онъ невидимъ, для разсудка же открытъ. Ибо что могло бы быть безъ него? Или въ чемъ его нѣтъ или чему онъ не соприсутствуетъ? Вѣдь все (*пространство*) между землей и небомъ наполнено воздухомъ. Онъ есть причина зимы и лѣта, такъ какъ зимою онъ дѣлается плотнымъ и холоднымъ, лѣтомъ же нѣжнымъ и тихимъ. Однако, путь солнца, луны и звѣздъ лежитъ черезъ воздухъ. А именно, воздухъ служитъ пищей огню, огонь, лишенный воздуха, не могъ бы жить. Такимъ образомъ и постоянную жизнь солнцу даетъ тонкій воздухъ. Однако, очевидно, что и море участвуетъ въ воздухѣ. Ибо водяныя животныя никогда не могли бы жить, если бы они не участвовали въ воздухѣ. Какъ же иначе могли бы они участвовать (въ немъ), кромѣ втягиванія [3]) воздуха, (заключающагося) въ водѣ? Однако, и земля есть ступень его и онъ есть колесница [4]) земли, и нѣтъ ничего, въ чемъ бы его не было.

Срв. Эврипидъ Troad. 884 слѣд.

Гекаба. О опора земли и (*вмѣстѣ*) возсѣдающій на землѣ, кто бъ ни былъ ты, нелегко познаваемый Зевсъ, необходимость ли ты природы или умъ смертныхъ, я обратилась къ тебѣ съ молитвой. Вѣдь ты справедливо ведешь все смертное, шагая по безшумной дорогѣ.

Менелай. Что такое? что за новыя молитвы ты вознесла къ богамъ?

---

[1]) „Вихрь" Діогена Аполлонійскаго, который въ этомъ ученіи сходится съ Анаксагоромъ (46 B 12), Левкиппомъ (54 A 1 § 31) и Демокритомъ (55 B 167).

[2]) Шутка, имѣющая цѣль сопоставить Сократа съ меліійцемъ Діагоромъ, врагомъ народной религіи, получившимъ прозваніе „безбожника".

[3]) Срв. 51 A 31.

[4]) Срв. A 16 a.

Аристофанъ. „Облака“ 264 О владыка царь. неизмѣримый Воздухъ, держащій высоко землю.

3. Гиппократъ de carnib. 2 По моему мнѣнію, то, что мы называемъ тепломъ, безсмертно, оно все мыслитъ, видитъ, слышитъ и знаетъ все, что есть и что будетъ. Итакъ, оно въ весьма большомъ количествѣ ушло въ самый верхній кругъ, когда все было потрясено, и вотъ его-то, какъ мнѣ кажется, древніе назвали эѳиромъ.

3a. Гиппократъ de morbo sacr. 16 [1]) Поэтому я полагаю, что мозгъ имѣетъ въ человѣкѣ наибольшее значеніе. А именно, если онъ здоровъ, то онъ служитъ для насъ переводчикомъ того, что возникаетъ отъ воздуха. Воздухъ доставляетъ мышленіе. Глаза, уши, языкъ, руки и ноги дѣлаютъ то, что познаетъ мозгъ. А именно, во всемъ тѣлѣ бываетъ нѣкоторая (сила) мышленія, такъ какъ (*тѣло все*) участвуетъ въ воздухѣ, для разумѣнія же передатчикомъ служитъ мозгъ. И дѣйствительно, когда человѣкъ втянетъ въ себя воздухъ, то послѣдній сперва приходитъ въ мозгъ и такимъ образомъ разсѣивается по остальному тѣлу воздухъ, оставившій въ мозгѣ свою силу и все, что было (въ немъ) разумнаго и умственнаго. Ибо если бы онъ сперва приходилъ въ тѣло и затѣмъ въ мозгъ, оставивъ въ тѣлесныхъ (частяхъ) и въ жилахъ познавательную силу, то онъ приходилъ бы въ мозгъ, будучи теплымъ и не вполнѣ чистымъ, но съ примѣсью влаги отъ тѣлесныхъ (частей) и крови, такъ что уже не былъ бы абсолютно чистымъ.

17. Поэтому-то говорю, что мозгъ служитъ переводчикомъ ума... какъ, стало быть, онъ первый изъ того, что находится въ тѣлѣ, воспринимаетъ мышленіе воздуха, такъ и въ случаѣ какой-либо болѣе сильной перемѣны въ воздухѣ вслѣдствіе временъ года онъ самъ измѣняется. Поэтому-то, говорю я, и нападаютъ на него болѣзни самыя острыя, самыя сильныя, самыя смертельныя и наименѣе поддающіяся опредѣленію вслѣдствіе (ихъ) безконечности.

Филемонъ fr 91.

Тотъ, отъ котораго не скрылся никто, ни богъ, ни человѣкъ, ни одинъ поступокъ ихъ, ни настоящій, ни будущій, ни давно совершенный, это-я, Воздухъ, котораго можно назвать и Зевсомъ. Я, какъ подобаетъ богу, вездѣсущъ здѣсь въ Аѳинахъ, въ Патрахъ, въ Сициліи, во всѣхъ городахъ, во всѣхъ домахъ, во всѣхъ васъ. Нѣтъ мѣста, гдѣ бы не было Воздуха. Онъ же, присутствуя повсюду, по необходимости знаетъ все, такъ какъ вездѣсущъ.

---

[1]) Гиппократъ обработалъ пневматику Діогена (срв. А 20), рѣзко подчеркивая значеніе мозга, какъ мѣстопребыванія ума, слѣдуя примѣру Алкмеона (14 А 58).

52. Кратилъ.

Кратилъ—самый извѣстный изъ послѣдователей Гераклита, учитель Платона. Онъ развилъ до крайности ученіе Гераклита о всеобщемъ движеніи и говорилъ, что въ рѣку нельзя войти даже одинъ разъ. Онъ отрицалъ значимость сужденій, такъ какъ все течетъ, все находится въ непрерывномъ измѣненіи, и вслѣдствіе этого не можетъ быть ни истины, ни лжи. Нельзя ни высказать, ни даже помыслить что-либо истинное или ложное.

1 Платонъ Cratyl. (*пер. Карпова*) *429 D Сократъ.* Не та ли сила твоего слова, что вовсе нельзя говорить ложно? *Кратилъ.* Какъ же бы, Сократъ, кто-нибудь, говоря то, что говоритъ, могъ говорить о несуществующемъ? Не то ли значитъ говорить ложь, когда говоришь о томъ, чего нѣтъ? *Сократъ.* Хитро твое слово,—не по мнѣ, не по моему возрасту, другъ мой; однакожъ, скажи мнѣ, вотъ что: говорить ли только, думаешь, нельзя ложно, а полагать можно? *Кратилъ.* Мнѣ кажется, и полагать ложно нельзя. *Сократъ.* Ни сказать, ни примолвить? Напримѣръ, пусть бы кто-нибудь, встрѣтившись съ тобою на чужой сторонѣ, взялъ тебя за руку и сказалъ: здравствуй, аѳинскій иностранецъ, сынъ Смикріона, [1]) Ермогенъ!—этотъ,—говорилъ ли бы онъ, полагалъ ли бы это, сказалъ ли бы или примолвилъ,—назвалъ бы не тебя, а этого Ермогена? Или никого? *Кратилъ.* Мнѣ кажется, Сократъ, что онъ напрасно бы издавалъ бы такіе звуки. *440 D* (*Сократъ Кратилу*) Вѣдь ты еще молодъ, въ цвѣтущемъ возрастѣ.

2. Аристотель rhetor. Г 16 1417 в 1 И какъ (сообщаетъ) о Кратилѣ Эсхинъ [2]) (*сократикъ*), онъ билъ въ ладоши со свистомъ. [3]) И дѣйствительно, (это) убѣдительно, такъ какъ то, что знаютъ, дѣлаютъ символами того, чего не знаютъ.

3. Аристотель metaph. A 6. 987 a 29 (*пер. Первова-Розанова*) Послѣ названныхъ философій (*досократическихъ*) появилось ученіе Платона, во многомъ слѣдующее *пиѳагорейцамъ*, но имѣющее также и особенности сравнительно съ философіей италиковъ. Ибо въ молодости познакомившись сперва съ Кратиломъ и съ Гераклитовыми мнѣніями, что все чувственно постигаемое постоянно течетъ и объ немъ нѣтъ истиннаго знанія, онъ и потомъ держался такого же взгляда на это.

Діогенъ III 6 Затѣмъ, достигши, какъ говорятъ, двадцати лѣтъ, онъ (*Платонъ*) сталъ ученикомъ Сократа. Послѣ же смерти его онъ присталъ къ гераклитовцу Кратилу и къ Гермогену, занимавшемуся философіей Парменида.

---

[1]) Повидимому, Платонъ здѣсь намекаетъ, что настоящее имя бесѣдующаго съ Сократомъ лица—Кратилъ, сынъ Смикріона, аѳинянинъ.

[2]) Эсхинъ приводилъ для характеристики Кратила внѣшнія черты его.

[3]) Въ спорѣ съ противниками.

4. Аристотель metaph. Г 5. 1010 а 7 Далѣе видя, что вся эта природа находится въ движеніи и что нельзя высказывать ничего истиннаго о томъ, что измѣняется, (*они думали*), что нельзя высказывать истины о томъ, что повсюду всячески измѣняется. И вотъ изъ этого предположенія выросло самое крайнее изъ вышеупомянутыхъ мнѣніе, (*а именно*) мнѣніе тѣхъ, которые называли себя послѣдователями Гераклита, мнѣніе, котораго держался Кратилъ, который въ концѣ концовъ думалъ, что не слѣдуетъ (*даже*) говорить ничего, но только двигалъ пальцемъ и ставилъ въ упрекъ Гераклиту его слова (*12 В 91*), что нельзя дважды войти въ ту же самую рѣку. А именно, самъ онъ думалъ, что (*этого нельзя сдѣлать*) даже одинъ разъ.

5. Платонъ Cratyl. 383 А (пер. Карпова) Ерм. Кратилъ этотъ говоритъ, Сократъ, что правильное названіе каждой вещи прирождено ей природою, и что не то ея имя, которымъ называютъ ее нѣкоторые, условившись называть такъ и издавая часть своего голоса, но и у грековъ и у варваровъ есть прирожденная всѣмъ имъ правильность наименованій“

---

53. Гераклитовецъ Антисѳенъ.

1. Діогенъ VI 19 (*Кромѣ Антисѳена сократовца*) было еще три (*извѣстныхъ*) лица, носившихъ имя Антисѳена. Одинъ—гераклитовецъ, другой—изъ Эфеса, и третій—родосскій историкъ. *Срв. IX 15 (12 А 1 § 15).*

2. Другіе гераклитовцы. (*Аристотель*) *probl. 23, 30. 934 в 33.* Поэтому-то и говорятъ нѣкоторые изъ гераклитовцевъ, что изъ прѣсной (воды), когда она высыхаетъ и отвердѣваетъ, образуются камни и земля, изъ моря же черезъ его испаренія образуется солнце.

3. Платонъ Theaet. p. 179 D Ибо друзья Гераклита весьма отстаиваютъ это ученіе (*т. е.* тожество ощущенія и знанія).

ИСПРАВИТЬ.

Стр.	*Строка сверху*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
31	1	столь же продолжителенъ	во столько же разъ больше нашего
31	33	разстояній	интерваловъ
62	сноска 1	—	Таннери: число атомовъ безконечно, число же ихъ видовъ (различій по величинѣ, фигурѣ и силѣ) напротивъ, ограничено.

Оглавленіе.